

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

Мозговой Владимир Иванович

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
В.М. Калинин

Донецк – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК АТРИБУТ ПРАВА.....	18
1.1. Исторические приоритеты изучения собственных имён.....	20
1.2. Современный статус имени собственного.....	30
1.2.1. Специфика грамматического статуса.....	31
1.2.2. Специфика лексического статуса.....	36
1.3. Собственное имя в системе правовых отношений.....	45
1.3.1. Главная проблема ономастики.....	45
1.3.2. Предмет проприономенологии.....	55
1.4. История классификаций имён собственных.....	65
1.4.1. Типы классификаций.....	66
1.4.2. Имена собственные, не собственные и внесобственные.....	71
1.4.3. Классификация номинаций по их отношению к праву.....	81
Выводы к первой главе.....	94
Глава 2. ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП СТРУКТУРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ ОНИМНОГО СОЗНАНИЯ.....	98
2.1. Истоки и формы первичной номинативности.....	98
2.2. Междоменно-линейная актуализация мира первичного человека.....	103
2.3. Субстантивно-тотемный тип протоонимной культуры Донбасса.....	106
2.3.1. Кочевая идеология Степи и способы её онимизации.....	112
2.3.2. Истоки и следствия тюрко-славянской экспансии Дикого поля.....	117
2.4. Диффузное онимное пространство Древней Руси.....	126
2.4.1. Факты и вымыслы о происхождении Русского государства.....	127

2.4.2. Этнонимизация племенных союзов и территорий.....	134
2.4.3. Антропонимизация мира в языческой культуре славян.....	137
2.4.4. Теонимизация природы в культе языческого многобожия.....	144
2.4.5. Сословная вариативность языческих имён.....	155
Выводы ко второй главе.....	163
Глава 3. ПРОПРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПИСЬМЕННОГО ЭТАПА	
РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	166
3.1. Онимно-правовые результаты крещения Руси.....	168
3.1.1. Формирование духовных основ государства.....	168
3.1.2. Кириллица как основа православия.....	177
3.1.3. Зарождение канонического именослова.....	179
3.2. Имя и право в феодальный период Русского государства.....	184
3.2.1. Светское право и русский именослов.....	184
3.2.2. Диффузное онимотворчество раннего феодализма.....	188
3.3. Духовность онимного сознания и право в Российской империи.....	194
3.3.1. Динамизм политики Петра I и зарождение империи.....	195
3.3.2. Онимно-правовые результаты Петровских реформ.....	202
3.3.3. Онимные противоречия века Екатерины II.....	215
3.3.4. Онимно-правовая специфика русского пути к капитализму.....	221
3.3.5. Онимосфера Донбасса как продукт освоения регионов.....	226
Выводы к третьей главе.....	249
Глава 4. ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ ОНИМНОГО СОЗНАНИЯ.....	
4.1. История мотивированной ономастики.....	254
4.1.1. Истоки идеологизации онимного пространства.....	254
4.2. Этапы идеологических трансформаций онимной лексики.....	257
4.2.1. Социалистическая революция и онимная политика.....	257
4.2.2. Революционность онимной истории Донбасса	261
4.2.3. Проблемы постсоветских переименований.....	271

Выводы к четвёртой главе.....	284
Глава 5. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В ПРАВОВОМ ПОЛЕ.....	286
5.1. Специфика норм в апеллятивной и онимной лексике.....	286
5.1.1. Виды денотатов, референты и онимная норма.....	291
5.1.2. Нейминг и норма. Роль графики в онимных метафорах.....	302
5.1.3. Нормативность реальных и вымышленных онимов.....	305
5.2. Легитимация принципа неприкосновенности собственного имени.....	310
5.2.1. Перевод и эквивалентность в ономастике.....	310
5.2.2. Специфика межъязыковой адаптации апеллятивов и онимов.....	315
5.2.3. Пределы возможной фонографемной адаптации.....	319
5.3. Лингвоправовые критерии освоенности онимной лексики.....	323
5.3.1. Прописная буква и кавычки в роли графонимов.....	324
5.3.2. Экзографонимы в кириллическом письме.....	334
5.3.3. Роль акцентонимов и фононимов в формировании норм.....	340
5.3.4. Роль морфонимов в формировании норм.....	343
5.4. Легитимация первичных или исторически сложившихся онимов.....	345
5.4.1. Особенности склонения первичных собственных имён.....	345
5.4.2. Правомочность переименований и восстановлений.....	350
Выводы к пятой главе.....	354
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	361
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	368
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	378
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Основные понятия проприноменологии.....	415
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Опыт русско-украинского нормативного словаря личных имён.....	420

ВВЕДЕНИЕ

Степень разработанности и актуальность исследования

Современная ономастика по мере совершенствования структуры собственных имён (СИ) и методики их передачи в разных языковых системах испытывает парадоксально увеличивающееся количество проблем, связанных с пренебрежением номинаторов к традиционным способам именования и внедрением в правовую сферу многочисленных вариантов имён, возникающих в разговорной, публицистической или художественно-поэтической речи:

- «*Конь в пальто*» (музей крестьянского быта, г. Переяславль-Залесский);
- «*Мама, я на паре*» (кафе, г. Волгоград);
- «*Универ*» (гастроном, г. Донецк);
- «*Кубик*» (магазин сувениров, Кубанский госуниверситет);
- «*Бомбейчик*» (магазин; с. Богородичное, Донбасс);
- *Мухомёровка* (село, Белгородская обл.);
- «*Чинильня*» (мастерская, г. Донецк) и т. п.

Их нормы опираются не на сформированное опытом поколений естественное право¹ человека на имя, а на правовой примитивизм² инструкций, составленных органами исполнительной власти, которые не способны устранить

¹ **Естественное право** (от лат. *ius naturale*) – это «...совокупность неотчуждаемых прав, законов и норм, регулирующих взаимоотношения между людьми, заложенных в самой природе человеческого бытия (право на жизнь, безопасность, семью, собственность, достоинство, охрану материнства, детства и старости и т. д.)» [85, с. 94].

² Естественному праву противопоставлена доктрина **правового примитивизма**, утверждающая, что право может быть даровано по воле государства, воплощённой в законе, и что никакого права вне закона быть не может.

неоднозначность методик передачи смысла онимных единиц в писаном праве³ при попытке пользователя установить их адресность:

- рус. *г. Горловка* – укр. *Горлівка* или *Горловка*?;
- укр. *Василь* – рус. *Василь* или *Василий*?;
- рус. *Дьяков* – укр. *Д'яків*, или *Дьяков*?;
- рус. *г. Одесса* – укр. *Одеса* или *Одесса*? и т. п.

Не может удовлетворить граждан, вовлечённых в правовую сферу жизнедеятельности, и рекомендации пособий и словарей, допускающие спорные факты онимотворчества (например, *Городской округ «Муниципальное образование «город Краснодар»*) или беспристрастно фиксирующих якобы не выходящие за рамки языковых норм «традиционные» русско-украинские эквиваленты: рус. *Афанасий* > укр. *Опанас*; рус. *пос. Еленовка* (УССР) > укр. *Оленівка* (Украина) > рус. *Оленовка* (ДНР); рус. *пос. Красный Молочник* > укр. *Червоний Молочар* (г. Славянск, Донбасс).

Онимная лексика продолжает очерчиваться классом имён существительных, хотя расширение культурной «ойкумены» и логичное в связи с этим сужение её денотативных разрядов допускают самые непредсказуемые способы их фиксации в языке:

- *ресторан «InЖир»* (пос. Симеиз);
- *спортивный бар «Свой»* (г. Донецк);
- *ТЦ «Моднова»* (г. Донецк);
- *магазин «Ух-ты»* (Краснодарский край);

³ **Писаное право** (от лат. *ius scrip-turn*) – «...это закон и другие нормы, исходящие от органов власти и зафиксированные ими в определённой редакции». **Неписаное право** (от лат. *ius non scriptum*) – «...это нормы, складывающиеся в самой практике. Если такие сложившиеся в практике правила поведения людей не получают признания и защиты от государственной власти, они остаются простыми обычаями (так называемыми бытовыми); если обычаи признаются и защищаются государством, они становятся юридическими обычаями, составляют **обычное право** (от лат. *mores maiorum* «обычаи предков», или *usus* «обычная практика»), а иногда даже воспринимаются государственной властью, придающей им форму закона» [366, с.,18].

- маркет «Хватай» (г. Керчь);
- сауна «Не парьтесь! Парьтесь здесь!» (г. Симферополь);
- товары для семьи «7 Я» (г. Донецк»);
- сеть магазинов «Spetz» (г. Феодосия);
- такси «Везёт» (г. Волгоград);
- *Нороее Zаведение «SusHi i piZza»* (г. Донецк») и др.

Случайность отбора ономастического материала и его отождествление с нарицательной лексикой, не вызывающие споры при анализе единичных фактов, заставляет в них усомниться, если речь идёт о процессах имяназвания, провоцирующих социальные конфликты.

Взгляд на классическую ономастику как на однородную лингвистическую дисциплину, оперирующую исключительно методами языкознания [125; 155; 156; 174; 192] с использованием данных истории [141; 143; 145; 157; 180; 195; 202; 226; 235; 240; 255; 400; 415], географии [121; 171; 220; 225; 353; 357; 359] или краеведения [198; 199; 202; 241; 455], при более глубоком осмыслении имён в речевом, коннотативном и художественном контекстах раскрывает проблему межкультурной коммуникации и правовой некомпетентности номинаторов, владельцев и интерпретаторов собственных имён (В.Д. Беленькая, С.Л. Берг, В.Д. Бондалетов, Н.В. Васильев, Н.С. Ганцовская, Р.С. Гиляревский, М.В. Горбаневский, В.А. Горпинич, Л.К. Граудина, В.В. Григорьев, Я.К. Грот, Ю.А. Гурская, В.Г. Демьянов, Д.И. Ермолович, И.М. Железняк, С.И. Зинин, Л.П. Калакуцкая, В.М. Калинин, В.И. Карасик, Ю.А. Карпенко, Г.Ф. Ковалёв, А.Ф. Лосев, Э.Б. Магазаник, В.Н. Михайлов, В.А. Никонов, Е.С. Отин, А.В. Петров, К.В. Першина, Н.В. Подольская, И.Н. Пономаренко, Т.Б. Радбиль, А.А. Реформатский, М.Э. Рут, А.М. Селищев, Г.П. Смолицкая, В.Э. Сталтмане, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, А.М. Сухотин, О.Н. Трубачёв, А.А. Уфимцева, П.А. Флоренский, О.И. Фонякова, В.М. Шаклеин, М.К. Шарашова, Л.М. Щетинин и др.).

Рабочая гипотеза

1. Норма в ономастике определяется не субъективными оценками имён и не языковыми или речевыми критериями, а соответствием официального статуса собственного имени его социальному восприятию и предназначению.

2. Уровни нормативности собственных имён устанавливаются, исходя из их употребления в разных социальных контекстах: правовом (*Александр, Театральный институт имени Бориса Щукина*) или ситуативно-речевом (*Саша // Шура // Саня; Щукинский институт // Щука*).

3. Анализ коннотативно-поэтических форм именования (*Аэлита* из одноимённого романа А.Н. Толстого) отличаются от методологии их исследования при трансонимизации и переходе в сферу правового употребления (*кафе «Аэлита»*).

4. Множественность методик передачи отдельных разрядов собственных имён в разных языках нивелируется универсальностью правовых принципов их функционирования в социальном контексте.

Предмет исследования

Предметом исследования являются официальные имена собственные, требующие разработки особой процедуры их фиксации в документах.

Объект исследования

Объектом исследования является прежде всего онимное пространство Донбасса, а также регионов России и Украины с высоким индексом межъязыкового взаимодействия.

Закономерность выбора Донбасса обусловлена тем, что русская онимия формировалась здесь в соприкосновении не только со славянскими племенами, но и тюркской, во многом кочевой идеологией Степи. Здесь отразились перипетии русской, украинской, славянской и европейской онимных традиций, что было предопределено историей, связанной с освоением края как аборигенами из России и Украины, так и «далёкими иностранцами» из Западной Европы: «Достаточно

будет взглянуть на основные отрасли тяжёлой промышленности, созданные в России в конце XIX века, чтобы увидеть, какую решающую роль сыграли в их развитии иностранцы. Современную угольную и сталелитейную промышленность Донецка и Кривого Рога основали англичане, а финансировалась она совместным английским, французским и бельгийским капиталом» [376, с. 288].

«Понятие «Донбасс» всё более приближалось к этнопсихологическому, расширяясь до древних границ Дикого поля, олицетворяющего степную вольницу и притягивающего к себе близлежащие регионы, огромные людские ресурсы, наиболее смелых и авантюрных предпринимателей, представителей разных народов и государств» [275, с. 10].

Более 130-ти национальностей населяют сегодня Донецкий край, удивительным образом сплотившихся не вокруг «титульной» нации, одной религии или одного территориально-государственного образования, а вокруг идеологии взаимообогащения, неограниченной внутренней свободы и творчества.

И это, как утверждает Л.Н. Гумилёв, не случайно: «Экономико-географическое единство региона, в котором сочетались зональные и азональные (речные долины) ландшафты, определяло необходимость создания целостной хозяйственной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую...» [176, с. 171].

Его мысль с удивительной точностью повторяет американский историк, профессор И. Лысяк-Рудницкий: «Эта урожайная равнина была благоприятной для земледелия, но одновременно она служила отличным пастбищем для стад номада. Именно это обусловило отсутствие чёткой пограничной линии между заселённой территорией и так называемым «Диким полем». Эта линия была очень изменчивой и динамичной. Если быть точным, то о линии вообще не может быть и речи, а разве что о граничной полосе, широком поясе пограничных земель» [249, с. 4]

Донбасс стал регионом со своей самобытной культурой, аккумулирующей элементы и традиции любого из национальных образований, втянутых в процесс освоения степного края и оставивших свой след в антропонимии и топонимии.

Осмысление правового взгляда на поликультурный феномен Донбасса позволяет поэтому скорректировать методы «перевода» или передачи любых СИ. Речь идёт, в частности, о транскрипции, транслитерации, практической транскрипции, транспозиции, благозвучии, которые в современном межъязыковом пространстве не в состоянии обеспечить универсальность процессов онимизации действительности.

Связь работы с научными программами, планами, темами

Диссертация дополняет серию системных исследований кафедры русского языка Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», проводимых в рамках научной темы «Донецкий региолект», утверждённой Министерством образования и науки Донецкой Народной Республики под номером 1684 Гр/П-286-16 и зарегистрированной Координационным советом ДНР по докторским диссертациям.

Цель исследования

Целью диссертации является изучение социально-правовой природы собственных имён и разработка теоретических основ их функционирования в официальной письменной речи.

Задачи исследования

Реализация цели предусматривает решение следующих задач: 1) обосновать методику правовой классификации имён собственных, учитывающую специфику имущественно-правовых отношений, возникающих на тех или иных этапах развития общества; 2) выявить особенности фиксации имён собственных, исходя из специфики их лексического значения, внеязыкового смысла и социальной функций; 3) проанализировать исторические условия и причины возникновения

тех или иных разрядов онимной лексики; 4) описать процесс зарождения в семантике первичных номинаций информативно-правовых сем как результата развития гражданско-правовых отношений; 5) сформулировать принципы передачи различных разрядов онимной лексики, опираясь на уровень их историко-культурной ценности и социальной значимости.

Методологическая база

Методологической базой исследования является диалектика взглядов на природу языка и речи, с помощью которых первичное знание о предметах и явлениях природы превращается в познание уникальности сотворённого и осмысленного человеком мира, зафиксированного в соответствующих типах собственных имён. Их изучению посвящена настоящая диссертация, в рамках которой используется прежде всего **дескриптивный метод** с привлечением элементов исторического, синхронического и стратиграфического описания.

Формы и способы научного познания базируются на следующих принципах: а) социальности, позволяющей оценивать номинативные процессы в конкретный исторический период их зарождения; б) объективности, предполагающей отбор и описание источников информации с точки зрения их научной достоверности и ценности; в) комплексности, направленной на изучение языковых процессов в онимной лексике с учётом правовых отношений, сложившихся в социальной практике.

Новизна исследования

Новизна диссертационного исследования определяется оригинальным прочтением имени собственного с позиции права, в результате которого получены следующие результаты: 1) разработана теория нового направления ономастики – проприноменологии как области лингвистики, изучающей и устанавливающей нормы официальных именовании; 2) выявлены и охарактеризованы конституциональные признаки официальной онимосферы; 3) определён юридический статус имени собственного; 4) описана история

развития различных единиц онимной лексики в славянском, русском и донбасском ареалах; 5) проанализированы причины и последствия кризисных явлений в онимотворчестве, связанные с идеологическим контролем над процессом именования; 6) обоснована социальная модель функционирования имён собственных, опирающаяся на право первичного или исторически сложившегося собственника на собственное имя.

Теоретическое и практическое значение исследования

Теоретическое значение полученных результатов состоит в определении уровня взаимодействия языковых и правовых норм при онимообразовании, осуществляемом в пространстве конкретного национально-языкового сообщества.

Практическое значение определяется правовым контекстом ономастики, оперирующим категорией собственности.

Материалы исследования рекомендуется использовать в административной практике, в магистратурах государственного управления, на курсах повышения квалификации госслужащих, спецкурсах на филологическом, юридическом, географическом и историческом факультетах. Кроме этого, выводы и результаты диссертационного исследования могут быть полезны при подготовке соответствующих словарей и юридических справочников с целью разработки методики передачи имён в родственных и контактных проприальных культурах.

Положения, выносимые на защиту

1. Собственное имя, выделяющее и идентифицирующее отдельные объекты, предметы и явления окружающей действительности, уникально и неповторимо;
2. Формирование онимосферы связано с развитием собственности и особенностями становления правовых отношений, возникающих в конкретное время и в конкретном социуме;
3. Онимы – условная категория языка, противопоставленная не нарицательным именам, а всей апеллятивной лексике;

4. Традиционное деление имён существительных на имена нарицательные и имена собственные имеет смысл, если оно фиксирует в их структуре разные денотаты: обобщённо-номинативные или онимные (юридические);

5. Любое имя существительное соотносится с номинативным денотатом (*земля, человек, зверь*), но не каждый из них может быть онимным (не существует онимформ, типа *земля «Люкс», человек Иван, зверь Жучка*) и не любой онимный денотат является юридическим: им не может быть *яхта «Беда», руководитель образовательной организации Беспалова* или *Митрофанушка* из комедии «Недоросль». Но им обязательно становятся *яхта «Калипсо» капитана Кусто, ректор С.В. Беспалова* или *Константинопольский патриарх Митрофан*;

6. На доисторическом этапе языки и их праонимные составляющие не были константой: они менялись при миграции, ассимиляции и слиянии с другими социальными коллективами;

7. Вариативность языческого именослова характеризует предонимную историю славян, связанную с родо-племенными и семейными отношениями;

8. Появление реальных собственных имён на Руси мотивировано принятием христианства, распространением церковнославянской азбуки и регулированием сословно-имущественно-родовых отношений, возникших на основе канонического, а затем светского права;

9. Формирование общерусского онимного фонда связано с начальным периодом образования русской нации, становлением Российской империи и последовательным внедрением в её ткань элементов гражданского права;

10. Современный кризис в онимотворчестве, возникший в результате идеологизации онимного пространства, требует разработки нового направления ономастики, связанного с правовым осмыслением действительности;

11. Легитимация принципа неприкосновенности и права на сохранение первичных или исторически сложившихся форм собственного имени – основное

условие достижения социальной стабильности и устойчивости национального онимофонда.

Личный вклад соискателя

Работа является самостоятельным исследованием, выполненным без соавторов.

Апробация диссертации

Материалы диссертационного исследования прошли апробацию на заседаниях кафедры русского языка и при чтении лекций:

- на юридическом факультете Донецкого национального университета (с 2015 г.);
- в Международной филологической школе в г. Севастополе (2013);
- в Донецком республиканском центре повышения квалификации работников органов государственной власти, органов местного самоуправления, руководителей госпредприятий, учреждений и организаций (2000–2016);
- на курсах повышения квалификации в Донецком областном комитете объединённых профсоюзов (1999–2001);
- в магистратуре государственного управления Донецкого национального технического университета (с 2000 г.).

Выводы исследования изложены в виде докладов на 82-х научных и научно-практических конференциях различных уровней:

74-х международных: «Загальні питання філології» (г. Днепродзержинск, 2004); «Лексико-граматичні інновації в сучасних слов'янських мовах» (г. Днепропетровск, 2005); «Язык и мир» (г. Ялта, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2015); «Методологічні проблеми сучасного перекладу» (г. Сумы, 2006); «Форум русистов Украины» (гг. Ялта – Евпатория, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013); «Мова і світ: дослідження і викладання» (г. Кировоград, 2009); «Пріоритети германського і романського мовознавства» (г. Луцк, 2009, 2011, 2012, 2013, 2014); «Проблемы экономического и социального развития в условиях

мирового кризиса» (г. Донецк, 2009); «Лінгвістичні та методичні проблеми вивчення мови як іноземної» (г. Полтава, 2010); «Межкультурные коммуникации: лингвистические реалии» (гг. Алушта – Симферополь, 2010, 2012, 2013); «Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Севастополь, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020); «Молодёжь и государство» (г. Святогорск, 2010); «Perspektywi czneopracowaniasą Nauką i technikami» (Польша, 2011); «Naukowa przestrzeń Europy-2013» (Польша, 2013); «Методология и историография языкознания» (г. Славянск, 2013); «Русистика XXI века: направления, идеи, проблемы» (г. Донецк, 2013, 2018); «Современные направления в исследовании языковых единиц» (г. Харьков, 2014); «Научные парадигмы современного гуманитарного знания и содержания образования» (Петрозаводск, 2014); «Ономастические чтения им. Е.С. Отина (г. Донецк, 2015, 2017, 2018, 2019, 2020); «Funkcje nazw własnych w kulturze i komunikacji (Польша, Познань, 2015); «Донецкие чтения» (г. Донецк, 2016, 2018, 2019, 2020); «Русский язык в поликультурном мире» (г. Ялта, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020); «Лингвистическая регионалистика» (гг.Донецк – Волгоград, 2017, 2019); «In Memoriam: профессор Н.А. Луценко» (г. Донецк, 2017); «Фортуновские чтения в Карелии» (г. Петрозаводск, 2018); «Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения» (гг. Симферополь – Донецк, 2018, 2019); «Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность» (Симферополь, 2018); «История Донбасса: анализ и перспективы» (г. Донецк, 2019); «Русский язык : исторические судьбы и современность» (г. Москва, 2019); «Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур» (г. Волгоград, 2019); «Актуальные проблемы и перспективы развития менеджмента и маркетинга производственных и социальных систем» (г. Донецк, 2019); «In Memoriam: доцент А.Е. Симоненко» (г. Донецк, 2019); «Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков» (г. Донецк, 2020); «Ономастика Поволжья» (г. Кострома, 2020);

– *двух всеукраинских*: «Актуальні проблеми перекладознавства та методики навчання перекладу» (г. Харків, 2007); «Фахова мова як динамічний функційний різновид загальнонародної української мови» (г. Луганськ, 2011);

– *двух всероссийских*: «Континуальность и дискретность в языке и речи» (г. Краснодар, 2013, 2019);

– *одной республиканской*: «Наука и мир в языковом пространстве» (2015);

– *двух межвузовских*: «Звільнення України від німецько-фашистських загарбників: 65-років історичної пам'яті народу» (г. Донецьк, 2009), «Українська державність: історія і сучасність» (г. Донецьк, 2011).

Публикации

Результаты исследования отражены в 84-х публикациях автора общим объёмом более 266 п. л.:

– пяти монографиях (четырёх в соавторстве) по донецкому краеведению объёмом 192 п. л., нагороджених дипломами лауреата фестивалю «Книга Донбасса» в 2000, 2002, 2003, 2008 гг.;

– разделе «Ономастика Донбасса» объёмом 1,5 п. л. в коллективной монографии «Донецкий региолект», изданной в 2018 г.;

– двадцати статьях в научных журналах, которые входят в список изданий ВАК Украины и включених в базу цитирования ГУГЛ Академия (общий объём – 12 п. л.);

– двух статьях в научных изданиях, которые входят в список ВАК ДНР общим объёмом – 1 п. л.;

– трёх статьях в научных изданиях Российской Федерации, которые входят в перечень ВАК РФ общим объёмом 2 п. л.;

– шестнадцати статьях в научных журналах Российской Федерации, которые включены в базу данных Российского индекса научного цитирования общим объёмом 8 п. л.;

– тридцати публикациях докладов в сборниках материалов научных конференций (13 п. л.);

– пяти статьях в научных зарубежных журналах объёмом 3,5 п.л.

Структура диссертации

В диссертации принята следующая структура изложения: введение; пять глав с параграфами и разделами; заключение; список сокращений; список источников и использованной литературы из 510-ти наименований; два приложения, представленные «Словарём основных терминов проприономологии» и «Опытом русско-украинского нормативного словаря личных имён».

Общий объём диссертации составляет 430 страниц, из них 367 страниц основного текста.

Глава 1

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК АТРИБУТ ПРАВА

Вопрос о том, что такое собственное имя (лат. *Nomen proprium*, греч. *ὄνομα κῆρυον*), является одним из наименее разработанных в ономастике,⁴ несмотря на то, что статуирование имён, как свидетельствуют дошедшие до нас письменные источники, состоялось ещё в начале III в. до н. э. Проблема состоит в том, что латинское понимание термина *proprium* («собственный, особенный, неотъемлемый») не соответствует первичному греческому, которое не делало различий между нарицательными и собственными именами.

Со времён античности форма, структура и социальная значимость СИ стали априори другими, но понятие об именах, сформулированное философами и перенесённое в плоскость языка, практически не изменилось. Отношение к ономастике как части лексики и грамматики сопровождается сегодня «вольным» обращением с именами, особенно при смене национальных или идеологических приоритетов.

В официальном контексте его с большой долей уверенности можно квалифицировать как дилетантское:

- рус. *Екатерина* > укр. *Катерина*, рус. *Афанасий* > укр. *Опанас*;
- укр. *Чепурний* > рус. *Чепурной*, укр. *Білоусенко* > рус. *Белоусенко*;
- рус. *Набережные Челны* (Россия) > укр. *Набережні Човни*;

⁴Не случайно вопрос о статусе СИ является предметом обсуждения постоянно действующей Конференции ООН по стандартизации географических названий (она проводится раз в пять, а последняя, одиннадцатая по счёту, проходила в августе 2017 г.). Ему полностью была посвящена повестка дня XIII Международного ономастического конгресса «Имена нарицательные и имена собственные», г. Краков, 1978 г. [80].

– рус. *Донецкий политехнический институт* (СССР) > укр. *Донецький національний технічний університет* (г. Донецк, Украина) > *Державний вищий навчальний заклад «Донецький національний технічний університет* (г. Красноармейск, Украина) // *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет»* (г. Донецк, ДНР);

– рус. *Железнодорожная больница при станции Донецк* (СССР) > укр. *Дорожня лікарня при станції Донецьк* (Украина) > рус. *Дорожная больница при станции Донецк* (ДНР) и т. п.

Высшим проявлением дилетантизма стали инициируемые властными структурами идеологические переименования и восстановления, не учитывающие реальные отношения, сложившиеся в социальной практике:

– кр. *Бахмут* (Русь) – г. *Бахмут* (Россия) – г. *Артёмовск* (СССР) – м. *Артемівськ* (УССР) – м. *Бахмут* (Украина) // г. *Артёмовск* (ДНР);

– г. *Тверь* (Россия) – г. *Калинин* (СССР) – г. *Тверь* (РФ);

– ул. *Николая Островского* (г. Славяногорск, УССР) – вул. *Івана Мазепи* (м. Святогірськ, Україна);

– ул. *Щорса* (г. Киев, УССР) – вул. *Євгена Коновальця* (г. Киев, Украина);

– *Крещатицкая площадь* (г. Киев, Русь) – *Думская площадь* (Россия) – *площадь Советская, площадь им. М. И. Калинина, площадь Октябрьской революции* (УССР) – *площадь Независимости* // *Майдан Незалежності* // *Майдан* (Украина) и т. п.

Противоречия, сопровождающие современное функционирование официальных имён, требуют осмысления теоретических основ ономастики, предполагающей формирование правового подхода к статусу, типологии, понятийному аппарату и классификации онимной лексики.

1.1. Исторические приоритеты изучения собственных имён

Со времён античности, когда имена были разделены стойками (в частности, философом Хриссипом из Сол) на класс имён собственных (впечатление об одном и том же предмете) и имён нарицательных (сумма впечатлений о разных объектах одного класса), в истории ономастики выделилось три направления:

Логико-семантическое направление.

Оно было связано с философией смысла. В эпоху Возрождения её представляли Т. Гоббс (1588–1679) [223]; Дж. Локк (1632–1704) [242]; Г. Лейбниц (1646–1716) [238], а в Новое время – Дж. Ст. Милль (1806–1873) [259] и Бертран Рассел (1872–1970) [391]. Дж. Ст. Милль отрицал наличие смысла в именах собственных вообще,⁵ а Бертран Рассел считал, что собственное имя имеет даже больше значения, чем нарицательное.

Споры философов так и остались бы теорией, если бы не были перенесены в практику отечественной филологии.

Одни из её представителей утверждали, что собственное имя противопоставлено всей апеллятивной лексике, поскольку не связано непосредственно с понятием, выполняет только адресную функцию и не имеет никакого значения, кроме денотативного (см. работы А.А. Реформатского [392; 393; 394], А.А. Уфимцевой [466], Ф.Ф. Фортунатова [474]).

⁵ Английский логик Джон Стюарт Милль считал, что собственные имена не обладают значением. По его мнению, они являются своеобразными метками (вроде крестика), помогающими узнавать предметы и отличать их друг от друга. С СИ поэтому не связывается характеристика самой вещи: оно не «коннотирует» (не обозначает), а лишь «денотирует», т. е. называет её. Для Милля естественным является утверждение, что «коннотирующие имена появились после собственных» [259], хотя вряд ли с этим можно согласиться: номинации первично появляются в коннотациях устной речи, приобретая только в документах узаконенную и устойчивую связь с конкретным предметом и его нейтральным денотативным значением.

Другие подчёркивали, что СИ соотносятся с классом обычных слов, но имеют свою особую семантику (В.И. Болотов [130], Л.А. Булаховский [138], Ф.И. Буслаев [139], А.В. Суперанская [435]). Наиболее точно их взгляды прокомментировал Л.А. Булаховский: «Те слова, что мы называем собственными именами, конечно, менее, чем слова нарицательные, способны быть средством обобщения; их задача как раз останавливать внимание на индивидуальном, извлекать его из множественного, противопоставлять множественному. Но и собственные имена как слова обобщают в том смысле, что указывают своей природой определённой части речи... на принадлежность понятия к той, а не другой сфере восприятия» [138, с. 17]. Оригинальной выглядит также концепция об уникальности собственного имени Ш. Балли [110, с. 88] и Чейфа [478, с. 131], значение которого в языке представлено всей номинацией (одним членом предложения) и совпадает с ней.

Несмотря на различия во взглядах учёных на семантику СИ, их объединяет мысль о принадлежности онимной лексики к словарному составу языка, хотя это усложняет проблему их нормативного регулирования в разных социально-речевых контекстах.

С одной стороны, при передаче СИ в другой проприальной культуре логичным кажется появление формальных вариантов на уровне произношения, графики и морфемики, если они не искажают информацию о первичном источнике номинации: укр. *Київ* // рус. *Киев* (от имени *Кий*); рус. *Донецк* // укр. *Донецьк* (от названия реки на русском языке *Донец*, а на украинском *Донець*). Оправданным в этом случае является стремление увидеть в лексических компонентах сказочно-мифологических персонажей антиподы (*Знайка* – *Незнайка*, *Мальчиш-Плохиш* – *Мальчиш-Кибальчиш*) с фиксацией их антонимичности в переводной литературе: *Знайко* – *Незнайко*, *Хлопець-Поганець* – *Хлопчик-Кібальчиш*.

С другой стороны, «лексическая трактовка» СИ приводит к выводам о возможности существования официальных межъязыковых вариантов, типа *г. Николаев* // *м. Миколаїв* или *Пётр* // *Петро*, хотя это абсолютно не приемлемо с точки зрения права. Ложная синонимичность превращает межъязыковые «эквиваленты» в завуалированный приём противопоставления. Противопоставленность становится акцентной при последующем узаконивании переименований или «переводов», способных превратить точечный объект в пространственный (например, город в реку: рус. *г. Днепропетровск* // укр. *м. Дніпро*)⁶ или вообще разрушить именование: рус. *пос. Пёски* (г. Донецк) – укр. *Піски*; рус. *Аграфёна* – укр. *Гортіна*; *пр-т Генерала Ватутина* // *пр-т Романа Шухевича* (г. Киев). В практической работе с именами собственными следует поэтому осторожно относиться к лексическому значению слова и к субъективным коннотациям, но обязательно учитывать информацию о собственнике.⁷

Семантическое направление в определённом смысле исчерпывает себя при попытке идеологической трактовки собственного имени и уступает место грамматике.

Лингвистическое направление.

Для представителей этого направления собственное имя было прежде всего словом, входящим в класс имён существительных и оперирующим соответствующими лексико-грамматическими категориями. Его относили к лексической системе, отрицая при этом онимную семантику вообще

⁶ Это утверждение, однако, не относится к объектам, информация о которых имеет межнациональную или международную ценность и должна быть зафиксирована для разных языковых носителей в виде переводных форм: рус. *СССР, ул. Малая (Большая) Арнаутская* (Одесса), *бульвар Шахтостроителей* (Донецк) – укр. *СРСР, вул. Мала (Велика) Арнаутська, бульвар Шахтобудівельників*.

⁷ Отчасти об этом идёт речь в статье Ураковой Ф.К. и Ирээдуй А.-А. Имя собственное как языковая категория [465].

(Н.Ф. Алефиренко [103], Н.Д. Арутюнова [107], О.С. Ахманова [2], Е.М. Галкина-Федорук [160], К.Д. Левковская [237], В.М. Мокиенко [350], Н.И. Толстой [457], А.А. Уфимцева [466] либо частично или полностью её признавая: О.К. Жданов [187], Е. Курилович [235], В.А. Никонов [360], М.К. Шарашова [486], Л.В. Щерба [495], Л.М. Щетинин [497–500].

Своего апогея взгляд на языковую природу СИ достигает в 60–70-е гг. XX в. Эта «востребованность» была мотивированной: как и любое слово оним состоит из звуков и слогов, имеет свой морфемный состав (корень, аффиксы и окончания), формально вписывается в определённый грамматический класс, имеет соответствующие формы словоизменения (*Донецк – из Донецка*) и может обладать синтаксическими признаками словосочетания или предложения: например, в названии *столовая* «*Мы сделаем вам хорошо!*» (*Донецк*) чётко выделяется подлежащее, сказуемое, дополнение и обстоятельство.

Несмотря на некоторую оппозиционность онимных исследований, все они опирались на языковую составляющую собственных имён: особенность этимологии, семантики, лексических отношений, норм графики и орфографии, произношения, морфологии, словообразования, словоизменения и грамматической вариативности в связи с функционированием в национальном и иноязычном контекстах: Б.Н.Ажнюк [101], Т.Е. Аникина [105], В.Д. Беленькая [117; 118], С.Л. Берг [122], Н.П. Бутенко [140], Л.В. Газизова [158], В.А. Горпинич [167], А.П. Коваль [222], А.М. Комков [224], Т.Н. Кондратьева [227], И.Л. Копылов [229], Корепанова А.П. [230], В.И. Кузнецова [234], Р.З. Мурясов [355], М.В. Сергиевский [404], Е.В. Шерешевская [488].

Заложенный в онимную классификацию принцип, учитывающий характер денотатов, стал расширять их до бесконечности в связи с постоянным «рождением» новых объектов номинации. Прогресс их скрупулёзного изучения состоял в том, что ономастика, приобретая объединяющую силу гуманитарных исследований, превращалась из вспомогательной науки, обслуживающей

практические потребности, в самостоятельную, изучающую способы материализации осознанной человеком «онимосферы».⁸

Работы, связанные с лингвистическим описанием онимной лексики, независимо от времени их появления, так или иначе способствовали раскрытию базисных положений «Общей теории имени собственного» А.В. Суперанской [435] (конец XX в.), а затем – практической реализации этой теории в фундаментальных исследованиях Г.П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки» [407; 408], Е.С. Отина «Гидронимия Дона» [373] и др.

В этом состояла огромная ценность языковой абстракции науки об именах, но не менее значительный минус для её социальной практики. Сегодня вряд ли можно перечислить все возможные именованья, тем более, что к ним относят и массу нарицательных имён, которые отличаются от собственных лишь тем, что называют отдельные множества именуемых объектов, и тогда сложно на основании отнесения именованний к тому или иному разряду определить степень их онимизации. К орфографии в связи с этим появляется масса вопросов, интересующих каждого пользователя именем собственным: почему названия сортов яблок (*пепенка, антоновка*) не выделяются на письме как онимы; почему *Торричеллиева пустота* – имя собственное, а *бертоллетова соль* – нет; почему названия стран (хоронимов) фиксируются прописной буквой (*Англия, Франция*), а названия населяющих их народов (этнонимов) – строчной (*англичане, французы*);

⁸ Современная ономастика в таком случае – это не столько и не совсем констатация всех имеющихся в языке номинаций или анализ отдельных единиц онимной лексики с описанием их вариантов в речи. Она всегда конкретна, исторична и региональна. Поэтому её основная цель – разработка общепринятых правовых механизмов управления процессами именования, обеспечивающих сохранение собственности и адекватность вхождения личности в *онимосферу* – систему наименований, фиксирующих осмысленный, сотворённый и присвоенный цивилизацией мир как явление человеческой культуры и истории.

почему отнесение названий к фитонимам (*сосна, берёза*) определяет их строчную фиксацию и т. д., и т. п.

Можно, конечно, объяснить эти явления терминологизацией (*закон Ома* – фамилия учёного, а *ом* – единица электрического сопротивления), апеллятивацией (*с. Палех > икатулка палех*) или трансонимизацией (*Дон > донские казаки > Войско Донское*), а в случае недоразумений – обращаться к справочникам или верить чиновникам, требующим неукоснительного исполнения их предписаний: (*Центральный Республиканский Банк, Министерство Государственной Безопасности (ДНР)*) и т. п.

Но с таким же успехом в этом ключе можно анализировать *табаконимы, агиатопонимы, артионимы, аэронимы, годонимы* (от греч. *hodos* – «путь, дорога»), *парфюнонимы, порейонимы*, (от греч. *poreion* – «средства передвижения») *спортонимы, агиототопонимы* (А.П. Афанасьев [109], И.В. Бугаёва [136], Н.М. Мухаметгареева [356], Г.А. Хабургаев [476]), что в принципе и делается (см.: В.И. Супрун [448]).

Итак, языковая ономастика не потеряла своего значения при изучении грамматических классов проприальной лексики (происхождение, этимология, языковая структура, нормы, этиология, функционирование), имеющей обобщённо-денотативное значение, но и не могла ответить на вопрос, какие критерии их отнесения к собственным именам. Это в конце концов обусловило появление следующего направления в ономастике.

Речевое направление.

Оно активизировалось с 80-х гг. XX в. и связывалось прежде всего с теорией Фердинанда де Соссюра [414], разграничившего язык как идеальную статическую систему и речь как процесс материализации этой системы.

Сначала естественным при знакомстве с ней казалось объединение языковых взглядов на природу СИ с речевыми (не случайно во всех справочниках

к именам собственным относят как официальные именованья, так и возникающие в повседневном общении).

Названия с формантами *-поль-*, *-о*, *-ск-*, *-град-*, *-фельд-* или узнаваемыми лексемами, действительно, не отличаются принципиально от имён нарицательных, а значит, их природа исключительно языковая: присутствие узнаваемых морфем в структуре названий представляет обобщённый денотат, который имеет одинаковое значение для всего номинативного класса: *Полкан* – «собака» (и только она!), *Огонёк* – «лошадь», *Иваново* – «посёлок», *Мурчик* – «кот», *Кронштадт* и *Донецк* – «города» и т. п.

Однако не менее убедительным стал восприниматься тезис, что по мере возрастания частотности употребления СИ в речевой практике его денотат индивидуализируется и начинает относиться к конкретному объекту, что позволяет говорить о переходе потенциального онима в реальный. Грамматическое значение при этом обесценивается, а лексическое приближается к нулю. Слово уходит на второй план, заменяясь восприятием объекта, лежащего в основе наименования.

И, наконец, совсем естественным оказывается закрепление в сознании большинства уверенности, что СИ может соответствовать реальности только тогда, когда приобретает индивидуальные (референтные) коннотации в речи: если какой-то *Полкан* – «пёс», а значит, злой, то, конкретный *Полкан* по мере знакомства с ним оказывается добрым; *Иваново* может быть не посёлком, а городом; «*Огонёк*» – не лошадью, а журналом; «*Кронштадт*» – не городом, а кафе в Санкт-Петербурге со всеми вытекающими отсюда ассоциациями.⁹

⁹ «В речи имена и названия в отличие от апеллятивной лексики обладают не лексическими значениями, а повышенной коннотативной значимостью и несут, таким образом, гораздо больше информации о национальной картине мира» [270, с. 151].

На гребне изучения онимного пространства выяснилось, что для большинства онимных классов языковая практика не исчерпывает всех проблем их социального «бытия» в различных ситуациях речевого общения.

Ономастика постепенно «обнаруживает» в СИ не только обобщённый денотат (*город, река, фамилия, улица, звезда* и т. п.), но и возникающие у конкретного коммуниканта референтные восприятия и коннотации, способные изменить, «перевернуть» и даже «уничтожить» первичную денотацию:

– *Вовочка* может оказаться не ласковым *Владимиром*, а персонажем из анекдотов;

– укр. *Дніпро* – не рекой, а переименованным городом *Днепропетровском*;

– *Азов* – не городом Российской Федерации, а украинским карательным батальоном;

– *Семенóвич, Антонóвич* – фамилиями, а не отчествами;

– *Эверест* и *Монблан* – прозвищами или кличками, а не названиями гор;

– *Тьмутаракань* – глухим местом, а не названием татарского ханства и т. п.

Современную ономастику всё чаще интересуют функционирующие в речевой или художественной стихии вторичные или вымышленные персонажи, зафиксированные в *коннотонимах*, чаще всего в разговорном стиле (*Камчатка* – отдалённое место, а не полуостров; *Акулина* – неуклюжая женщина, а не личное имя; *Вован* – «новый русский»), и *поэтонимах*, чаще всего в художественном стиле (*Плюшкин, Обломов, поручик Голицын, Лолита, Шагане, Нью-Йорк // Город Желтого Дьявола, Киев // Мать городов русских, Санкт-Петербург // Северная Пальмира // Венеция*).

Так формировалось новое представление о нормах в ономастике.

1. Предметом речевой ономастики стали не реальные объекты, а их субъективные восприятия, которые сложно было предугадать, поскольку любое «сказанное» имя «овеяно» индивидуальной коннотацией, не совпадающей с официальным денотативным значением, даже если дублирует письменную

фиксацию (так, *Моцарт* и *Сальери* в «Маленьких трагедиях» – персонажи в восприятии А.С. Пушкина, а не реальные композиторы), но необходимо описывать.

2. В речи конкретного автора онимы обрастают никому не известными оценками и вымыслами. Появляющиеся при этом варианты базируются на типологии онимных единиц, опирающихся на референты и иерархию коннотативных значений: от индивидуальных и гражданско-политических (*Сашко // Саша // Саня, Санечка // Сашка // Олекса // Шура* – офиц. *Александр*; истор. *Керкинитиды // Гёзлов // Козлов* – офиц. *Евпатория*; *Щётка* – офиц. ул. *Щетинина* в г. *Донецке*; *Щепка* – офиц. *Высшее театральное училище им. М.С. Щепкина*), используемых в разговорном или публицистическом стилях, но не рекомендуемых для использования в научном и официально-деловом контекстах, до поэтических, используемых в художественном или конфессиональном стилях:

- *Святогорск // Славяногорск // Донецкая Швейцария*;
- *Одесса // Одесса-мама // Хаджибей // Жемчужина у моря // Вахлатчина*;
- *Перун // Зевс // Юпитер*;
- *Святая Мария // Богоматерь*;
- *Иисус Христос // Богочеловек // Иисус // Сын человеческий // Помазанник Божий // Спаситель // Спас // Сын Божий // Иисус из Назарета // Искупитель*;
- *Афродита // Венера // Урания // Киприда*.

Они не поддаются учёту, исключают регламентацию и отнесение к какому-то конкретному классу онимной лексики, но продолжают реальную жизнь в речи любого представителя определённой социальной группы при условии их соответствия национальному языку как средству общности нации (например,

русскому, включающему и нерусские реалии: *Тарас Бульба, Диканька, Плюшкин, Болдино, Аэлита, Багратион, Айвазовский, Расул Гамзатов* и т. п.)¹⁰.

3. Основным предметом изучения речевого формата ономастики становятся не языковые особенности абстрактного онима, а художественные, связанные со стилистикой речи, культурологией и литературоведением: Л.А. Баранова [111], Л.Е. Белей [116], Ю.А. Бельчиков [121], Л.М. Бражник [135], С.Н. Волкова [150], Ю.А. Гурская [177], Е.Ф. Данилина [179], А.Н. Деревяго [181], Г.В. Драч [185], С.И. Зинин [193], Т.Н. Кондратьева [227; 228], Г.П. Лукаш [247], Э.Б. Магазаник [250; 251], Т.В. Немировская [358], О.К. Смирнов [406], О.И. Фоякова [473] и др.

Понятия *коннотоним* (в разговорном стиле) и *поэтоним* (в конфессиональном и художественном стилях), наиболее полно описанные В.Н. Михайловым (см. его кандидатскую диссертацию «Стилистика собственных имён персонажей русской художественной литературы XVII – первой половины XIX вв.», 1956 г. [262]), В.М. Калинин (2000 г., докторская диссертация «Теоретичні основи поетичної ономастики» [205]) и Е.С. Отиным (2004 г., «Словарь коннотативных собственных имен» [372]), всё чаще являются предметом исследования молодых учёных (см., например: К.С. Федотова [468], А.А. Шульдишова [492] и др.).

4. По мере накопления знаний о языковой природе проприальной лексики и художественной направленности речевых коннотонимов и поэтонимов

¹⁰ **Национальный язык** перешагнул границы территорий и государств. Он стал формировать культурно-психологическую общность, превратившись в своеобразный тип мышления, философию и психологию определённого народа, который способен реализовываться в разных языковых системах (литературном языке, диалектах, жаргонах, региолектах и т. п.) и даже любых проявлениях «русской по духу» культуры (живописи, музыке, архитектуре, танцах и т. п.), имеющей свои инварианты. Они появляются там и тогда, когда регионы, его представляющие, формируют исторически связанную с русским мироощущением особую культурно-языковую общность в окружении других культур и языков. Таким регионом, кроме Донбасса, является, например, Крым (см. авторские публикации: [327; 332; 339; 347]).

ономастика в конце XX – начале XXI столетия начала осваивать горизонты, связанные со стремлением осмыслить теоретическую суть процесса происхождения и функционирования номинаций (К.В. Демьянов [180], В.А. Никонов [241; 363], В.М. Калинин [207; 208], Ю.А. Карпенко [216], А.В. Суперанская [434], зафиксировать индивидуальность разумного человеческого бытия (Н.А.Горобец [166], Л.Е. Гринин [172], А.Ф. Литвина [240], А.В. Петров [378], В.Д. Познанская [382]) и плоды его социальной деятельности (А.П. Афанасьев [108], Гущин [178], Р.Ю. Молчанов [351], И. Магрицкая [252], К.В. Першина [377], Т.Б. Радбиль [387], Р.О. Стефанчук [418]).

Наука об именах вплотную приблизилась к направлению, связанному с формированием взглядов на имя собственное как на основной атрибут права.

1.2. Современный статус имени собственного

Возникновение собственности объективно предполагает развитие имущественно-правовых отношений с их фиксацией в качестве юридической составляющей. Формирование онимосферы с её огромным культурным потенциалом связывается, таким образом, во-первых, с владельцем имени (собственником), во-вторых, с внешним обладателем права на его интерпретацию (социумом), и, в-третьих, с ономатетом (дающим имя). В таком «размытом» контексте участвующих в процессе онимотворчества субъектов контроль над ним постепенно приобретает не социум и не ономатет, а номинатор, присвоивший себе право ономатета и допускающий возможность трактовать имя по своему усмотрению, допуская возможность явных или скрытых переименований. Возникающие при этом противоречия между объективностью номинативных

процессов и субъективностью их языковой фиксации нуждаются в коррекции традиционного взгляда на статус собственного имени.

1.2.1. Специфика грамматического статуса. В наиболее общем виде под СИ понимают *имя существительное*, обозначающее слово или словосочетание, предназначенное для именованя конкретного объекта, выделенного из ряда однотипных, соотносящееся с обозначаемым предметом, но не связанное непосредственно с понятием и противопоставленное по этому признаку имени нарицательному. Такая трактовка фиксируется практически во всех справочниках, словарях и учебных пособиях.

Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» находим, что «Собственное имя... – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект...» [49, с. 473].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» (авторы Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова) акцентируется связь СИ с существительными: «*Существительные собственные*. Существительные, служащие названиями единичных предметов, выделенных из ряда однородных. *Иванов, Сергей, Азия, Волга, Смоленск, Чебоксары*» [78, с. 124].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой онимную лексику вносят в список имён вообще: «**ИМЯ** англ. *name*, фр. *nom*, нем. *Nome*n, исп. *nombre*. 1. Общее название для существительных, прилагательных и числительных, объединяющихся грамматической категорией падежа и в этом смысле противопоставляемых глаголу и наречию... 2. То же, что наименование. Имя жителя местности. = Русск. *смолянин, вятич, москвич*... Подразряд собственных имён, называющих страны, города, материки и т. п. Русск. *Тула, Австралия, Европа*. Имя полное. Англ. *fullname*, фр. *nomplein*, нем. *Vollname*. Не

сокращённое, не уменьшительное личное имя (в 1 знач.); ср. уменьшительная форма имени, уменьшительно-ласкательная форма имени. = Русск. *Маргарита*, *Александр* в отличие от *Рита*, *Саша*. Имя собственное англ. *proper name*, фр. *nom propre*, нем. *Eigenname*, исп. *nombre propio*. Слово или словосочетание, специфическим назначением которого является обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т. е. без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или имело) данное слово или словосочетание. Рус. *Млечный Путь*, собака *Шарик*...[2, с. 170].

В последнем случае представлена описательная характеристика СИ, которая присутствует во всех школьных учебниках. Например, при изложении темы «Имена существительные собственные и нарицательные» в «Учебнике русского языка для 6-го класса» читаем:

«Существительные, которые обозначают однородные предметы или явления называются **нарицательными**: *город, книга, настроение, машина, дождь*. Существительные, которые называют единичные из ряда подобных, называются **именами собственными**: *Украина, Киев, Большая Медведица, Тарас Шевченко*. Собственные имена существительные обозначают имена, отчества, фамилии, псевдонимы, прозвища, клички (*Александр Сергеевич Пушкин, Леся Украинка, кот Мурчик*), географические названия, названия площадей, улиц, переулков (*Украина, река Днепр, горы Карпаты, площадь Конституции*) и т. п.» [396, с. 114]. Предметный статус подчёркивает и А.В. Суперанская, утверждающая, что «...деление лексического состава языка на имена собственные и нарицательные – одно из кардинальных делений лексики» [435, с. 32].

Если проанализировать тщательно подобранные в цитируемых изданиях примеры, то можно обнаружить в них скрытую подгонку под «предметную сущность» проприальной лексики. Однако объединение предмета номинации с самой номинацией заставляет усомниться в совершенстве грамматического

подхода, растворяющего собственное имя в массе обычных имён, и противопоставить ему взгляд на функционирование собственного имени с учётом точки зрения социума:

1. Имя собственное – не аналог имени существительного. Имя существительное обозначает предмет, соединяя его со словом и формируя понятие (*воробей* – «птица», *лев* – «зверь», *орёл* – «птица»), а СИ называет предмет или отдельную серию предметов, выделяющихся из ряда подобных, но никак их не характеризуя: *Воробей* – фамилия, но не обязательно мужская, *Лев* – имя, но не обязательно Льва Толстого, *Орёл* – российский город, но может быть и фамилией или названием реки; *Столетняя война*, но не длящееся сто лет; *сорт Симиренко* – фамилия учёного, но *купить семеринку* – яблоки определённого сорта; зубная паста «*Фтородент*» (название пасты), но *чистить зубы фтородентом* (т. е. зубной пастой определённого типа); в словосочетании *генерал Лебедь* оба компонента – имена существительные, однако первый оперирует значением «воинское звание», а второй – не связан с понятием «птица», что и подчёркивается прописной буквой.

В этом смысле только предметы могут иметь собственное имя,¹¹ но собственные имена не обязательно связаны с именем существительным: фамилия *Видишь* – глагол; *г. Грозный* – имя прилагательное; автомагазин «*Шин валом*» (Кубань) – словосочетание и т. п.

2. Имя собственное противопоставлено всей апеллятивной лексике, несмотря на то, что апеллятивы обозначают буквально «имя нарицательное».¹²

¹¹ Как утверждает А.В. Суперанская, «...лишь предметы могут иметь собственные имена, и чем реальнее и конкретнее предмет, тем выше его способность быть собственным именем. Абстрактные предметы по своему характеру близки к качествам и действиям, почему не могут иметь собственных имён. Если отдельные идеи, акустические и зрительные образы воспринимаются предметно, они могут получить собственные имена» [435, с. 105].

¹² **Имя нарицательное** – это имя существительное, называющее предмет или явление по его принадлежности к данной категории и традиционно противопоставленное имени собственному.

Ими могут быть любые части речи, переданные графикой любого языка:

- нем. *Wien* > рус. *Вена* // польск. *Wiedeń* > укр. *Видень*; – тиб. ཇོ་མོ་གླང་མ། (Джомолунгма) «Святая мать» // англ. *Mount Everest* > рус. *Эверест* // фр. *Mont Blanc* // итал. *Monte Bianco* «белая гора» > рус. *Монблан*;
- фр. *Paris* > рус. *Париж*;
- др.-рус. «Ъ» («ер») – деловая газета России;
- «Zanad» – жилищный кооператив в Ростове-на-Дону и т. п.

Являясь по своей онимной сущности облигативами,¹³ они потенциально входят в онимное пространство любого государства или отдельной национальной общности. В отличие от апеллятивов, связанных с обобщёнными понятиями, СИ выражают соотнесённость восприятий с конкретными объектами или субъектами номинации: *Михаил* – человек, мужчина, русский; *Мишель* – человек, мужчина, француз / француженка или русский дворянин начала XIX в. и т. п.

Апеллятив (лат. *nomen appellativum* «имя нарицательное» из др.-греч. *προσηγορικόν* «прозвище») – любое слово любой части речи не являющееся собственным именем. Апеллятивная лексика в русском языке включает не только имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, но и глаголы, наречия, союзы, предлоги, частицы и междометия.

Совокупность апеллятивов составляет корпус **апеллятивной лексики**, которая значительно шире понятия имени нарицательного, а тем более существительного. Именно поэтому при переходе апеллятива в оним и наоборот часто меняется их лексико-грамматическая характеристика: парадигма склонения (*любовь* – *любви*, но *Любовь* – *Любови*; *мороз* – *морозу*, но *Мороз Диана* – *Мороз Диане*), числа (*городки*, мн. ч., но *пос. Рабочие Городки*, ед. ч., г. Макеевка) и даже определённой части речи.

Например: у имён с глагольной основой появляется парадигма склонения: *Полетай* – у *Полетая* (фамилия), *Кусай* – к *Кусаю* (кличка собаки); при апеллятивации онимов слова приобретают лексическое значение: *Иван*, *Марья* – *иван-да-марья* (растение), *пос. Гжель* – *гжель* (вид керамических изделий) и т. п.

¹³ В отличие от заимствованных слов при заимствовании СИ «...язык-рецептор лишён права выбора: он обязан принимать определённую лексическую единицу в том виде, в каком она бытует в языке-источнике... Кроме этого, язык-рецептор не может отказаться от определённых иноязычных названий до тех пор, пока они не исчезли в языке-ономизаторе... В связи со сказанным выше, процесс заимствования и адаптации иноязычной топонимии мы предлагаем назвать **облигативным** (от лат. *obligātus* – «обязательный, непременный»). Предложенный термин – **облигативные заимствования** – представляется целесообразным, так как он точно выражает содержание понятия, указывая на отличие этого процесса, с одной стороны, от заимствований вообще, а с другой – на отличие от контактирующих пар СИ, соотнесённых с одним денотатом» [264, с. 16–17].

3. Собственные имена – всегда составные конструкции, куда явно или скрыто, но обязательно входят номенклатурные термины (онимные денотаты) в форме имён существительных и их собственные имена в любой графико-грамматической форме:

– *граф* (НИ) – имя существительное), а фамилия *Орлов* (СИ) – имя прилагательное;

– *океан, война, город* (НИ) выражены именами существительными, а их названия (СИ) *Тихий, Отечественная, Снежное* – соотносятся с именами прилагательными;

– *фотостудия* (НИ) – имя существительное, а её название «*Увидимся*» (СИ) – глагол (г. Донецк);

– *кафе* (НИ) – имя существительное, а его название «*Вкусно*» (г. Ялта) – наречие;

– *рюмочная* (НИ) – имя существительное, а название «*То-то*» (г. Харцызск) – местоимение;

– *хозтовары* (НИ) – имя существительное, а название «*От и до*» (г. Красный Лиман) – предлоги с союзом;

– *марка вина* (НИ) – имя существительное, а «777» – имя числительное, зафиксированное в цифровой форме;

– *магазин* (НИ) – имя существительное, а «*Ням-Ням*» (СИ, г. Донецк) – междометие;

– *писатель* (НИ) – имя существительное, а *Горький* (СИ) – имя прилагательное.

4. Онимная лексика не соотносится с грамматикой частей речи:

– в *кафе «Библиотека»* (г. Донецк) нет хранилища книг, поэтому название заключено в кавычки и не изменяется по падежам;

– в *городе Анапа* (Россия) название не склоняется, так как форма ж. р. не согласуется с м. р. номенклатурного термина;

- фамилия *Пятак* не изменяется по падежам, если относится к женщине (ср.: *Пятаку Ивану*, но *Пятак Елене*);
- названия *Берёзовые Дворики* (село, Россия), «*Этажи*» (бюро недвижимости, г. Донецк) связаны с единственным, а не множественным числом;
- названия посёлков *Зеленополье* (Луганщина), *Чистополье* или *Краснолесье* (Крым) образованы от неодушевлённых существительных, что противоречит грамматической норме;
- в графике названий «*Halabuda*» (кафе, Донецк), «*Кофе & чай*» (кафе, Феодосия) или «*AutoРАЙ*» (автомагазин, Керчь) используется латиница;
- графические и орфографические ошибки, встречающиеся в собственных именах, не являются таковыми, если закрепляются в документах: рус. *Филипп Алейников* – укр. *Пилип Алійников*, «*Табаккофе*» (Феодосия), «*100 метровка*» (Симферополь), «*AppleЛАВКА*» (Донецк), посёлок *Тимашиёвск*¹⁴ (Кубань);
- фамилии *Толстых*, *Белых*, *Кручёных* представлены формой Р. п. (из рода *Толстых*, *Белых*, *Кручёных*), поэтому не могут быть перенесены в парадигму именительного падежа и склоняться.

1.2.2. Специфика лексического статуса. В современной лингвистической традиции ономастика ассоциируется с лексикологией, предметом которой является слово. Но если слово, вступающее в лексические отношения, рассматривается в ней довольно подробно, то именам собственным в этом смысле «не повезло».

¹⁴ Первично украинский *Тимошовський курінь* был основан в 1794 г. как один из первых сорока поселений черноморских казаков на Кубани – переселенцев из с. *Тимошовка* Черкасской области. В названии использована традиция Запорожской Сечи по именованию куреней по географическому происхождению его онователей или первых выходцев (от имени *Тимоша*).

В обычной лексике выделяют полисемию (*рукав рубашки* и *рукав реки*), омонимию (*бур* – «инструмент», *бур* – «английская винтовка», *бур* – «представитель племени в Южной Африке»), парониимию (*дипломат* – *дипломант*, *абонент* – *абонемент*), синонимию (*языкознание* – *языковедение* – *лингвистика*; *тёплый* – *горячий* – *жаркий*) и антонимию (*правда* – *кривда*, *белый* – *чёрный*).

Если же попытаться под этим углом зрения проанализировать СИ, то можно обнаружить, что лексических отношений в них как бы не существует. Во всяком случае, в современной ономастике вряд ли можно обнаружить полномасштабные исследования явлений омонимии, паронимии, синонимии или антонимии, что обусловлено разнородной природой семантики СИ:

1. Собственное имя может быть словом и не только словом. Его структурно-грамматическая роль условна. Понятия «корень», «аффиксы», «окончания», выделяемые в языковой структуре, могут десемантизироваться при трансонимизации и перенесении в материальную сферу, связанную с конкретными объектами номинации: например, фамилия *Панибудьласка* и столовая «*в Се ли Поели*» (г. Сочи, Адлер) – псевдопредложения, в которых проблематично вычленить морфемы в слове или слово в тексте.

Это позволяет некоторым учёным отказывать им в принадлежности к лексическому составу языка [141, с. 179] и обосновывать зависимость от экстралингвистических факторов, игнорирующих орфографические предписания и нормы при их историческом «прочтении»:

- рус. *пос. Заречное* (Крым) – укр. *Зарєчне*, а не *Зарічне*;
- укр. *Беспалова*, а не *Безпалова*;
- газета «*Городъ*» (г. Донецк), а не «*Город*»;
- укр. *Запорозька Січ*, а не *Запорізька Січ* и т. п.

Тем не менее возможными и вполне оправданными являются изменения в структуре СИ на уровне произношения, графики и морфемики, если они не

разрушают информацию первичной номинации: укр. м. *Красноармійськ* // рус. г. *Красноармейск* (назван в честь Красной Армии), рус. г. *Углегорск* // укр. м. *Вуглегорськ* («город, в котором добывают уголь») и т. п.

При желании в СИ можно обнаружить даже признаки лексических отношений, специфика которых определяется объектами номинации:

- условной омонимии (*Днепр* – река, но «*Днепр*» – кафе, футбольный клуб, марка холодильника);
- условной синонимии (*Теплов* – *Жаров* – *Огневой*);
- условной антонимии (*Безруков* – *Рукастых*, *Разумовский* – *Дурнов*, *Беловол* – *Черновол*).

На онимной условности базируется завуалированный приём межъязыковой «противопоставленности», к которому прибегают административные органы при «переводе» имён и названий, хотя при этом объекты номинации становятся неузнаваемыми:

- *Волчанское* – укр. *Вовчанське* (Запорожская обл.);
- *ЮБК* – укр. *ПУК* (укр. *Південне узбережжя Криму*);
- *Тимофей* – укр. *Тимофій*;
- *Арина* – укр. *Орися*;
- *Николаев* – укр. *Миколаїв* и т. п.

Таким образом, в первичном понятийно-предметном (апеллятивная лексика) и вторичном ассоциативно-чувственном познании (онимы) интерференция¹⁵ имеет принципиально разные гносеологические корни. Если истоки первых кроются в языковой действительности, проявляются в речевой

¹⁵ Под интерференцией большинство исследователей понимают «...перенесение особенностей родного языка на изучаемый иностранный язык» [77, с. 132]. При этом учитываются лишь его формальные проявления, которые в онимной лексике могут изменять взгляды на культуру, быт и психологию первичного собственника.

практике и в ней же заканчиваются, то вторые лежат за пределами языка и могут исказить предметный мир, характерный для определённого сообщества.

2. Имя собственное оперирует не лексическими значениями, а информативными семами, характеризующими денотат (Григорий Сковорода – философ, поэт, а не кухонная утварь). Исключение относится к названиям, представляющим предложения с внутренними лексическими значениями, которые ситуативно могут подвергаться избирательному переводу. Это касается, как правило, идеонимов (названий документов, научных сочинений, произведений литературы и культуры) и «рекламной» эргонимии:

– роман М. А. Шолохова *«Они сражались за Родину»* – укр. *«Вони билися за Вітчизну»*;

– фильм режиссёра Александра Велединского *«Географ глобус пропил»* – укр. *«Географ глобус пропив»*;

– Указ Екатерины II *«Об устройении литейного завода в Донецком уезде при реке Лугани и об учреждении ломки найденного в этой стране каменного угля»* – укр. *«Про влаштування ливарного заводу у Донецькому повіті на річці Лугані та про заснування ломки знайденого в цій місцевості кам'яного вугілля»*;

– магазин продуктов *«Сытый папа»* в Донецке, *«Сытый тато»* в Краматорске и *«Ситий тато»* в Киеве;

– кафе *«На пасашок»* (г. Минск) // *«На посошок»* (г. Феодосия).

Вместе с тем переводить названия, типа *«В шоколаде»* (г. Донецк) *«В тиве»* (пос. Симеиз); *Заваринка* (г. Краматорск), которые представляют фразеологизмы или неологизмы, связанные с культурой определённого народа, не имеет смысла (вернее, можно, если существуют их межъязыковые аналоги).

3. СИ – языковой знак конкретного объекта (денотата) и одновременно информация о его собственнике. С этой направленностью онимной лексики связаны дискуссии о слове и понятии, суть которых можно свести к трём разновекторным доктринам:

А. НИ и СИ связаны с понятиями и между ними нет принципиальной разницы. Эта доктрина первично была озвучена Ф.И. Буслаевым, считавшем, что «...имена собственные, которыми мы означаем представление неделимое, суть такие же общие понятия, как и имена нарицательные» [139, с. 6–7], а далее О. Есперсеном, утверждающем, что между онимами и апеллятивами нет принципиальной разницы, «...поскольку различие между ними количественное, а не качественное» [189, с. 76–77], и Б. Расселом [391]. Их взгляды в той или иной степени разделяли отечественные учёные В.И. Болотов [130], Н.П. Бутенко [140], И.В. Муромцев [354], А.А. Потебня [385], В. Ташицкий [452] и Л.В. Щерба [495].

Б. СИ не связаны с понятиями. Эта мысль была сформулирована ещё в 1843 г. английским философом Дж. С. Миллем в «Системе логики» (*A System of Logic* [508]): «...Единственные названия предметов, которые лишены коннотации, – это собственные имена... Эти имена не имеют никакого значения» [435, с. 70]. Её активно поддержал А. Гардинер (см. работу «Теория имён собственных» [507]), а также русские и советские лингвисты, в частности, Н.А. Янко-Триницкая [505] и К.С. Аксаков. Последний утверждал, что «собственное имя перестаёт иметь значение и становится только обозначением предмета» [102, с. 58].

В. СИ относятся к особому классу, объединяющему признаки слов и онимов: Ю.А. Карпенко [215], В.М. Мокиенко [350], Е.С. Отин [370], Е.С. Плешков [381], Л.Б. Селезнёва [401], О.И. Фонякова [474], Е.Б. Шерешевская [488] и др.

Оригинально эту точку зрения прокомментировала А.В. Суперанская. Она не отстаивала взгляды той или иной стороны, а указала на причину их расхождений: «Отсутствие единой, общепринятой концепции имени собственного во многом объясняется различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в диаметрально противоположных направлениях. Отсюда попарно противоположные теории, основанные на связи

имени собственного с понятием и именуемым объектом» [436, с. 88]. Её мысль продолжила Е.Ф. Данилина, подчеркнув, что учёными при определении значения имени не учитывается двойственность сигнификативной функции имён в спектре языка и речи: «...Они рассматривали имена на разных уровнях: языковом (Милль) и речевом, или контекстуальном (Есперсен), – и, естественно, приходили к неодинаковым выводам» [179, с. 8].

Двойственность отношения к ономастике символично представлена в работах Э. Мурзаева («...Топонимику нельзя считать частью лингвистики, как это делают некоторые видные представители» [353]) и В. Ташицкого («...Топоним – это, прежде всего, лексическая единица языка» [452]), которые позволяют считать, что *собственное имя, не имея лексических значений, но обладая информативной значимостью, является условной категорией языка.*

Специфика грамматических и лексических отношений в СИ определяется не языковыми или речевыми особенностями (хотя они, безусловно, есть), а внеязыковой информацией о собственнике. Именно она диктует онимную норму, из-за которой русская *Анна* не может стать *Ганной*, украинцы *Чепурный*, *Билоусенко*, *Осипенко* не могут быть зафиксированными как *Чепурной*, *Белоусенко*, *Осипенков*, а русское название посёлка *Еленовка* не может превратиться в *Оленівку* (Украина) и тем более в *Оленовку* (ДНР). Имея формальные признаки языковых явлений, они раскрывают свою сущность в онимном денотате, поскольку языковые формулы имени нарицательного и имени собственного подбираются и различаются в зависимости от его смысла.

У имён нарицательных эту роль выполняет *номинативный денотат*, который соотносится с любым предметом (*тёмное облако*, *образовательное учреждение*, *промышленное предприятие*, *обучающийся*) или представлением о нём (*русалка*, *леший*), а у имён собственных – *онимный денотат*, относящийся к реальным или вымышленным, но всегда конкретным объектам, которые способны выполнять адресную функцию: *Московский государственный университет*,

директор шахты «Краснолиманская», студенты МГУ, с одной стороны, и *капитан Немо* (автор Жюль Верн), *страна Швамбрания* (автор Лев Кассиль), *прозвища Серый, Серёга*, с другой (внешние интерпретации личного имени).

В первом случае объект связан с юридическим денотатом и официальными коннотациями, а во втором – с референтными оценками, обладающими способностью продуцировать непредсказуемое количество онимных вариантов, в том числе межъязыковых.

Эти различие нужно обязательно учитывать, ибо подмена онимных денотатов общими, например *руководитель образовательной организации А.Я. Аноприенко* («ректор»?), *обучающиеся в образовательных учреждениях* (кто и где?), их смешение с нарицательной лексикой, например, *Государственное учреждение «Институт научно-технической информации»* («учреждение» или «институт»?), игнорирование субъектов или объектов номинации, например, *Руководитель (министр?) учредителя образовательной организации...* (министерство образования?) рождает в массовом порядке настолько запутанные формулы, что об онимных денотатах можно только мечтать (или догадываться).

Ономастику, таким образом, в любом из этих случаев интересует не языковая форма собственных имён, входящих в структуру именованного, поскольку она не имеет принципиального значения ни для собственника, ни для его окружения, а правильно ли она передаёт информативную сущность денотата. Если в начале знакомства с именем лексические значения ещё могут накладывать отпечаток на отношение говорящего к объектам (*Жабуньки, Могила, Сковорода, Черномырдин*), то по мере знакомства с их обладателями ассоциативное восприятие сменяется социальной значимостью онимного денотата: *Жабуньки* – посёлок в Донбассе, подвергающийся постоянным обстрелам; *Петро Могила* – киевский митрополит; *Григорий Сковорода* – украинский философ и писатель; *Виктор Черномырдин* – бывший посол России в Украине и т. п. Не реагируя на язык, ономастика, обслуживающая право, интересуется не словами, а насколько

точно они передают информацию о собственнике (*кто он?, что представляет? чей он?*).

Денотативная составляющая становится основой для принципиального разделения СИ на антропонимы (*Пушкарёв Сергей Николаевич* по прозвищу *Пуша*) и топонимы (*г. Шахты, гора Эльбрус, р. Северский Донец*).

4. Речевые формы онимной лексики не имеют отношения к праву, поскольку они противопоставляют неконтролируемую суть коннотаций внутренне мотивированной материальной основе:

– стилистически нейтральные формы *Николай, Днепропетровск, Константиновка* – речевым «интерпретациям» *Колян, Днепр, Констаха*;

– официальные употребления *Николай, Горловка, Антонов, Константинополь* – межъязыковым синонимам *Микола, Ник, Николас, Николя* или *Горлівка, Вінтонів, Костянтинопіль*;

– художественно-поэтические образы – «политическим антонимам», которые при изменении отношения к ним могут преобразовываться в синонимы и стать объектом непредсказуемых манипуляций: с одной стороны, *Чацкий – Фамусов, Обломов – Штольц, Моцарт – Сальери, Остап – Андрий, Лука – Сатин*, а с другой, *Сталин – Гитлер, Красная Армия – Украинская Повстанческая армия, Лермонтов – Дудаев* (переименованная улица во Львове) и т. п.;

– графику «родного» имени – межъязыковым омографам, искажающим национальный смысл СИ: рус. *Алексей* – укр. *Олексій*; рус. *Одесса* (от греч. *одессос* «путь, дорога») – укр. *Одеса*; рус. *Россия* (от «россы») – укр. *Росія*.

Признавая, что подобные варианты СИ в устной речи коннотируют и из-за этого могут препятствовать установлению индивидуального контакта с конкретным собеседником, мы утверждаем, что их употребление в официальном контексте невозможно.

Ономастика призвана максимально сохранять культурно-исторический потенциал номинации в зависимости от его информативной ценности и социальной значимости, закрепив в документах денотативную нейтральность, которая не может быть нарушена переводами, межъязыковыми эквивалентами, переименованиями или неожиданными графическими символами (в частности, кавычками):

- *Елена* – русская, но не *Олена* (украинка);
- *Євген* – украинец, но не *Евгений* (русский);
- *Огонёк* // укр. *Вогник* – «лошадь гнедой породы», но «*Огонёк*» = укр. «*Огоньок*» – журнал;
- *Днепропетровск* – город, но не *Днепр* // укр. *Дніпро*, поскольку это река;
- *Сталинград* – город, где произошла Сталинградская битва, который не равен *Волгограду* – городу на Волге;
- *Донецкий национальный технический университет* (университет, г. Донецк) ≠ *ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»* («учреждение», г. Донецк) и тем более ≠ *ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет»* («заведение», г. Покровск // Красноармейск на территории Украины).

Для ономастики, изучающей официальные СИ, вполне логичной поэтому является мысль Джона Стюарта Милля о том, что «...собственные имена ничего не коннотируют и, строго говоря, не имеют значения» [436, с. 56], а формируют правовое сознание на основе отмежевания СИ от любых «лексически значимых» компонентов или наделённых языковыми коннотациями форм:

- а) от слов-номинаций, в которых нет конкретного денотата (ср. *Мебель*, *Гастроном* вообще и, в частности, *магазин «Империя мебели»* или *гастроном «Москва»*);

б) от номинаций с вымышленными денотатами (*Баба Яга, Печорин, Плюшкин*) или стихийными коннотативными «дорисовками» (*Дмитрий – Дмитро, Митя, Митяй, Димон, Дима, Демьян, Митечка, Митька*).

В противном случае все лексические отношения, характерные для слов или ничем не ограниченных художественных и речевых интерпретаций (полисемичность, перевод, стилистические поэтонимы и коннотонимы) «перекочуют» в виде синонимов и омонимов в правовое поле и превратятся в ономастические паронимы, изменяющие действительность: станет возможным украинку *Катерину* «переименовывать» в *Екатерину*, русского *Алексея* – в украинца *Олексія*, город *Николаев* в *місто Миколаїв* в честь никому не известного украинца *Миколи* и т. п.

Абстрактное представление об онимном денотате осознанно или не осознанно позволяет производить всё большее количество неконтролируемых онимоформ и не может «преодолеть» внутренние противоречия, занимаясь массой «внешних» проблем: «Транскрипцией и транслитерацией иноязычных имён, установлением... переводимых и непереводимых имён, созданием инструкций по передаче «чужих» имён, образованием производимых от иноязычных имён...» [49, с. 347].

1.3. Собственное имя в системе правовых отношений

1.3.1. Главная проблема ономастики. Для ономастики, связанной с официальным именованием, главной проблемой является определение статуса собственных имён, поскольку сегодня правом на их приоритетное изучение обладают географы и историки, филологи и философы, социологи и этнографы, психологи и археологи, по-разному оценивающие предмет, объект и назначение онимных единиц [336; 450]. Особенность этого явления довольно оригинально

сформулировала А.П. Миньяр-Белоручева: «...Хотя его основа является лингвистической, ономастика тесно соприкасается со многими другими дисциплинами и содержит в себе исторический, этнографический, географический, социологический компоненты» [260, с. 37]. Добавим к этому, что такая трактовка ономастики не исчерпывает всего круга проблем, возникающих при развитии национального онимного сознания.

Если принимать во внимание даже первые ономастические этюды древнерусских летописцев начала XII в. о том, «...откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть» с полулегендами о происхождении славянских племён и самого названия *Русь* или *Киев* [60, с. 11–13], то можно усмотреть в них ещё и скрытую конъюнктуру, связанную с поиском в языковой форме политических смыслов, которые прошли в своём становлении несколько этапов.

Донаучный этап охватывал довольно значительные хронологические рамки (от принятия христианства до конца XVIII в.), ассоциируясь со стихийными фиксациями и выборочными толкованиями летописцами и учёными-монахами онимных единиц, связанных с историей племён, князей и легендарных личностей (полуисторический контекст).

Параллельно с этим, начиная с XIII в., вместе с летописными списками ведётся словарная работа, которая не делает различий между нарицательной и онимной лексикой, антропонимами и топонимами, названиями государств и этнонимами, включая их в общие словарные статьи, о чём свидетельствуют первые лексикографические опыты: «Практика лексикографии, изданная в Новгороде в 1289 г. для епископа Климента (см. В.В. Дубичинский [186, с. 18]), «Лексисъ сиречь предложения, вкратце собраны изъ словенскаго языка на просты рускии диялекту истолкованы» Лаврентия Зизания (1596 г., [38]), «Лексикон словеноросский и имен толкование» Памвы Беринды (1627 г., [3]),

«Лексисъ с толкованиемъ словенскихъ словъ просто» (неизвестный автор, сер. XVI в., [48]) и др.

Академический этап сменяет стихийную фиксацию избирательных фактов именования их научным толкованием. Истоки этого процесса связаны с исследованиями русского историка В. Татищева (к. XVIII в., [452]), а развитие – с работой хорватского лингвиста Т. Маретича «Грамматика и стилистика хрватскога или српскога книжевног джезика», в которой впервые прозвучал термин «ономастика», соотнесённый с антропонимией (1886 г.), и работами М. Барсова [112; 113], М. Надеждина [357], И.П. Филевича [469; 470], обращёнными к другим пластам онимной лексики. Окончательно этот этап сформировался ко вт. пол. XIX в. и длится до сих пор, демонстрируя сложные и порой противоречивые повороты истории науки об онимной лексике.

Главный поворот связан с поиском ономастики места среди других наук. Возникнув первично как часть истории и пройдя путь общелингвистического прочтения собственных имён, она в конце концов стала представляться синтетической наукой, объединившей два подхода к изучению онимного пространства: лингвистический и исторический. Об этом довольно убедительно пишет А. Зубко: «З часом у наукових дослідженнях виокремились два підходи у вивченні онімів. Перший об'єднував вчених, які використовували оніми як історичне джерело. Другий – вчених-філологів, котрі використовували оніми в дослідженнях з історії мови. Тому в історичній науці ономастика вважається спеціальною історичною дисципліною, яка вивчає оніми як історичне джерело. В свою чергу в філології ономастика – частина лінгвістики, дослідницький об'єкт істориків мови. Таким чином, в онімі розділяються форма власної назви та її конкретний зміст. Вивченням лексичної форми власної назви займається філологія. В свою чергу вивченням її конкретного змісту і його тлумаченням опікується історична наука» [195, с. 264]. Впрочем, эта «убедительность» вскоре стала опровергаться в том же XIX столетии и филологами, и историками.

Исследователи увидели в ономастике, с одной стороны, её несомненную связь с географией, археологией, этнографией, геральдикой, астрономией, генеалогией, географией, астрономией, оперирующих реальными объектами, фактами, событиями и явлениями, а с другой, всеобъемлющую роль языка как механизма, способного эту связь сохранить.

Второй поворот (80-х гг. XX в.) сформировался внутри языкового «прочтения» онимной лексики. Предметом изучения ономастики стали не реальные объекты, явления или события, а их субъективные интерпретации (*Святогорск // Славяногорск // Донецкая Швейцария*) или духовно-художественный мир авторского вымысла (*Перун, Венера, Посейдон, Гермес, Будда, Шива, Дажьбог; Глуново, Тарас Бульба, Плюшкин, Онегин, Болдино* и т. п.), связанный со стилистикой речи, теологией и литературоведением.

Пестрота ономастических взглядов, начиная с первой половины XIX в., подтверждалась различными мнениями учёных о сути онимных исследований:

– у Я.К. Грота: «Учение географии приобрело бы несравненно более смысла и интереса, если бы встречающиеся в ней названия мест и урочищ были более нежели до сих пор делалось, освещаемы филологией, то есть, по мере возможности объясняемы и переводимы» [173, с. 617];

– у В.В. Григорьева: «...§-ом 87-м Высочайше утверждённого окончательного Устава Общества (*Русского географического общества* – прим. автора *В. М.*), состоящему при Совете редакционному комитету вменяется в обязанность, между прочим, наблюдение за сохранением в изданиях Общества единства правописания в собственных именах географических» [171, с. 175];

– у А.В. Суперанской: «Существует ряд наук, особенно заинтересованных в ономастическом материале (история, география и др.), представители которых считают ономастику своей вспомогательной дисциплиной. Однако собственные имена – слова, и как таковые они принадлежат прежде всего лингвистике» [433, с. 5];

– у А. Зубко, утверждающему, что ономастика – это «...специальная историческая дисциплина, изучающая собственные имена, их функционирование в языке и обществе, закономерности их образования, развития и постоянных преобразований» [195, с. 262];

– у М.В. Горбаневского: «Прокоммунистические силы протаскивают идею возвращения исторического названия *Сталинград*, пытаясь привязать это к определённым памятным датам. Но учёные говорят, что историческое название этого города – *Царицын* (но это название, скорее, первичное, а не исторически сложившееся – прим. автора В. М.). Сталинисты хотят продавить через восстановление *Сталинграда* идею сильной руки, о чём очень многие мечтают. Эти трубачи сталинские притаились в кустах, они просто ждут сигнала, чтобы ломать и уничтожать физически «пятую колонну» [165, с. 3].

При таком «раскладе» лингвистика стала постепенно превращаться либо в статиста истории и географии [128; 143; 145; 157; 357], либо география и история становились вспомогательными науками для лингвистики [112; 119; 135; 141; 162; 172; 452; 453]. А в ситуации неопределённого отношения гуманитарных наук к ономастике нормы СИ начали диктовать властные структуры, исходя из собственного понимания истории и роли онимной лексики в социальных процессах, под которые затем подгонялись «мнения» гражданского общества, словарная практика и методика обучения языкам (см.: [1; 25; 30; 31–33; 35; 47; 50–51; 53; 64–65; 70; 74; 82–84; 86; 93–95; 97–99; 368; 472; 491]).

Однако политики имеют обыкновение менять свои идеологические убеждения, что провоцирует разрушение номинативной культуры путём навязывания «традиций» массовых переименований и восстановлений [329]. «Размытость» предмета и возникающие в связи с этим социальные коллизии приводят к выводу о том, что главная проблема ономастики – «*Что такое имя собственное?*» – не потеряла своей актуальности до сих пор.

В современном языке существуют сотни тысяч нарицательных имён, обозначающих предметы, явления и свойства, познанные человеком. Но в отличие от них существует и другой, более непредсказуемый с точки зрения количества, качества и форм презентации социальный мир – проприальный.

Традиционно к нему относят любые разряды номинаций, выполняющие функцию выделения и представляющие класс имён существительных:

– реальных и вымышленных (*Илья Глазунов и Илья Обломов, Дания и Лилипутия, Иван Грозный и Иван-дурак, Елена Образцова и Елена Прекрасная*);

– нейтральных и коннотативно окрашенных (*Анна и Ганнуса, Нюра, Нюрок, Нюся, Ганзя, Анка, Анночка; Иванович и Ивановы; Андрей и Андрий, Андрюша, Андриан, Ондр, Андрейка, Андрусь*);

– первичных и вторичных, прошедших процедуру трансонимизации (*р. Москва и г. Москва, теплоход «Москва», гостиница «Москва»; Владимир и г. Владимир*);

– условно простых, составных и состоящих из целых предложений или текста: *Иван, Донецк, Донецкий государственный университет, кафе «Мама, я на паре» (г. Волгоград), труд М. В. Ломоносова «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук Майя 26 дня 1761 года» и т. п.*

Нормы их передачи, написания и произношения описываются в зависимости от бесчисленно появляющихся в социальной практике новых и новых объектов номинации. Противоречия, связанные с субстантивной идеализацией СИ, «привязкой» к значению входящих в их структуру слов и в то же время с многочисленностью подходов к разрядам онимной лексики по их денотативной соотнесённости и стилистической окраске делают их неразрешимыми, что приводит к появлению множества юридических и физических лиц, сосуществующих в рамках одного наименования, вплоть до псевдоонимизации действительности:

- рус. **Дмитрий** > укр. **Дмитро** // бел. **Дзміцер**;
- **Донецкий национальной университет экономики и торговли имени М. Тугана-Барановского** > **Государственная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальной университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского»**; **Донецкий национальный университет** > **Государственное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»**; **Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского** > **ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»**;
- **министр государственной безопасности** > **Министр государственной безопасности** // **Министр Государственной безопасности ДНР**;
- рус. **г. Днепропетровск** // разг. **Днепр** > офиц. рус. **г. Днепр** // укр. **м. Дніпро** и **р. Дніпро**.

Собственные имена в таких сюжетах приближаются к нарицательным, хотя по сравнению с апеллятивной лексикой они имеют разную языковую природу и социальную направленность.

Во-первых, они не вписываются в общепринятые нормы лексико-грамматической и семантической системы нарицательных имен:

а) не обладают лексическими значениями, а если таковые появляются, это становится фактом, что перед нами «не совсем» или вовсе не СИ: **Багамские острова** – архипелаг из семисот островов в Атлантическом океане, но **Багамские Острова** – государство); **чешский лес** – лесной массив в Чехии, но **Чешский Лес** – горы;

б) не могут безоговорочно относиться к классу имён существительных: **г. Железнодорожный** (Подмосковье) – имя прилагательное; **«Готово»** (блинная,

г. Симферополь) – наречие, *«На посошок»* (закусочная, г. Феодосия) – фразеологическое словосочетание и т. п.;

в) не связаны с лексическими отношениями в системе языка: *Беловол* и *Черновол* – не антонимы, поскольку фамилии не говорят о цвете; *Красная площадь* и *Красная Армия* – не синонимы и не омонимы, а разные объекты номинации (ср. укр. *Красна площа* «красивая», но *Червона Армія* – антонимичное противопоставление белому движению);

г) не коррелируют с официально закреплёнными речевыми «традициями» или эквивалентными употреблениями, объединяющими перевод апеллятивной лексики с переводом собственных имён: рус. *Пески*, *Соль* (посёлки); *Кристина*, *Еремей* (личные имена) – укр. *Піски*, *Сіль*; *Христина*, *Ярема* (правильно: *Пески*, *Соль*, *Кристина*, *Єремей*).

Во-вторых, опираются на социальность норм функционирования:

а) активируют факты истории: слова *война*, *мир*, *император*, *ночь*, *потоп* не имеют конкретного контекста, но собственные имена *Отечественная война*, *Брестский мир*, *Наполеон Бонапарт*, *Варфоломеевская ночь*, *Всемирный потоп* наполняются историческим смыслом, без которого существование современной цивилизации невозможно;

б) закрепляют в сознании человечества культурную составляющую: слова *город*, *площадь*, *балет*, *цемент*, *театр*, *меч*, *курган* дают обобщённую информацию о понятиях, а собственные имена *Пальмира*, *Москва*, *Красная площадь*, *балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро»*, *роман Ф. Гладкова «Цемент»*, *Большой театр*, *театр Ла-Скала*, *Меч-Кладенец*, *город Матвеев-Курган* становятся достоянием мировой культуры, привязанной к конкретному периоду и конкретным национальным ценностям;

в) фиксируют информацию о собственнике и его собственности:

– как зовут? – *Иван*;

– кто он? – *Лисица*;

- какой он? – *Беспощадный*;
- чей он? – *Толстых, Лисицин, Иванов*;
- чья собственность? – *Донской государственный технический университет* (РФ, г. Ростов-на-Дону);
- где расположен? – *Белосарайская коса* (пос. Белосарайка на побережье Азовского моря).

Таким образом, СИ связано с собственностью, без которой не могут существовать правовые отношения и его атрибуты (судьи, прокуроры, адвокаты, законы). Вот почему классификация СИ исключительно «от номинативного денотата», а тем более референта и субъективных к нему отношений не в состоянии обеспечить науку об именах адекватными критериями их функционирования в социально-правовом контексте. По большому счёту, их разделение на топонимы, антропонимы и более мелкие классы – это классификация денотатов, а не собственных имён.

Во-первых, потому что к собственным именам относят в этом случае привнесённые извне варианты, которые появляются как коннотативные интерпретации, не обязательно высказанные и не обязательно положительные, но обязательно далёкие от зафиксированных:

- *Санкт-Петербург и Петроград, Петербург, Питер, Северная Пальмира, Культурная столица*;
- *Краматорск и Крематорий, Крама, Комаха*;
- *Дебальцево и Дебильцево*;
- *Луганск и Лоханск*;
- *Мария и Мари, Маша, Машенька, Маня, Манюня, Манюра, Манюся, Манюта, Манюха, Манюша, Манятка, Маняша, Машка*;
- *Людмила и Людок, Люда, Мила, Людочка, Людка*.

Во-вторых, потому что в их парадигму включают поэтические вымыслы из текстов художественных произведений (*Глуново, Органчик, Три Толстяка*,

Кавторанг, Мавка, Собакевич) или нереальные образы реальных объектов для достижения маркетингового результата в условиях конкуренции (*магазин «Зималетто»* (г. Донецк), *автомойка «Енот Полоскун»* (г. Макеевка), нормы передачи которых зависят от автора, переводчика, собственника или владельца имени.

В-третьих, потому что СИ смешивают с ситуативными и условными номинациями. Их скрытую сущность можно рассмотреть в формах, типа *Химтовары, Продукты, Гастроном, Живое пиво, Мастерская обуви, Парикмахерская* и номинативных предложениях рекламного характера, выделяющих объект из серии подобных или обращающих на него внимание (признаки СИ), но имеющих лексическое значение для пользователей (признаки НИ): *свадебный салон «Только для тебя», Канцелярские товары «Пиши – стирай», роман «Отцы и дети», сантехника «Живи красиво!»* (ситуативный перевод на украинский язык: *«Тільки для тебе», «Пиши – витирай», «Батьки та діти», «Живи гарно!»*).

Итак, об адекватности передачи реальных онимных единиц в другой проприальной культуре можно говорить только в случае, если языковой компонент социально-правовой информации соответствует её онимным денотатам: рус. *г. Горловка* (от фамилии горного инженера *Горлов*) – укр. *м. Горловка*, а не *Горлівка*; рус. *г. Николаев* (от имени императора *Николая I*) – укр. *м. Ніколаїв*, а не *Миколаїв* и т. п.

Если же в структуре названия информация о собственнике отсутствует, перед нами не собственное, а нарицательное имя: *Английский королевский банк*, но *английская соль*; *Советский Союз*, но *советское предприятие*; *Министерство связи*, но *министерство*; *Президент России*, но *президент компании*; *Российская Федерация*, но *российские законы*; *станция метро «Университет»*, но *университетское образование* или *Крымский федеральный университет* и т. п.

При этом любое из нарицательных и даже вымышленных или интерпретируемых имён потенциально может стать реальным, если пройдёт акт юридической закреплённости при трансонимизации, лишившись авторских коннотаций и лексических значений.

Так, устноречевой вариант *Саша* (от *Александр*), невозможный для его закрепления в качестве официального, вполне возможен при псевдо- или трансонимизации (*Саша Чёрный*, одеколон «*Саша*», поэма «*Саша*», яхта «*Саша*»); форма «*Кафедра*» возможна как название романа И. Грековой, но не может быть использована в качестве названия структурного подразделения *Кафедра «Теоретическая механика»* (правильно: *кафедра теоретической механики*) и т. п.

Таким образом, *собственное имя как атрибут права* – это исторически сложившееся и документально оформленное представление человека о конкретных объектах сотворённого, осмысленного, освоенного и присвоенного им мира, передающее адресную информацию о собственнике и принадлежащей ему собственности в любом языковом контексте.

Такое понимание онимной лексики отдаляет её, в свою очередь, и от распространённого взгляда на природу терминологической лексики как аналога собственных имён (см., например, название глав в монографии О.В. Косоноговой [232]: «Термин в юридическом дискурсе», «Имя собственное как продуктивный терминологический элемент юридической терминологии»), «Юридический дискурс как среда функционирования онимических терминологических единиц», «Статус онимического термина англоязычной терминологии права».

1.3.2. Предмет проприономенологии. Анализ прошедшего лингвистической наукой пути по слиянию в ономастике реальных, речевых и вымышленных имён, доказывает, что её теоретические постулаты имели смысл до тех пор, пока не

стали противоречить праву собственника на имя. Переход ономастики к её новому прочтению стал закономерным итогом номинативных коллизий, обусловленных исключительно социальными событиями и фактами.

Во-первых, потому что без традиционного взгляда на ономастику нельзя было уяснить, что её развитие возможно только в случае, если фиксация СИ в документах не противоречит реальности социально-правовых отношений.

Во-вторых, потому что без исторически обусловленных и принятых обществом языковых исследований невозможно было сформулировать современную концепцию ономастики.

Так, в историческую бытность СССР мало кого интересовали национальные формы имён, поскольку юридическую значимость имели только русские варианты. Но после его разрушения закреплённая законом межъязыковая «синонимия» (рус. *Вячеслав, Кристина, Помяловский, Константинополь* – укр. *В'ячеслав, Христина, Пом'яловський, Костянтинопіль*) перечеркнула кажущиеся незыблемыми постулаты вариативности. К концу XX в., когда ономастика ещё представлялась разделом лексикологии, практика уже начала формировать новые идеи её внеязыковой природы. Социальная открытость и связанная с ней возможность пользоваться всем арсеналом предыдущих исследований обеспечило появление трёх разновекторных оценок СИ:

– учёные постулировали всеобъемлющую роль языка в номинативной практике как механизма, способного сохранить реальность в гражданско-правовом сознании, оперируя при этом фактами истории, мифологии, географии, археологии, этнографии, геральдики, астрономии, генеалогии, географии и ряда др. наук;

– политики, бизнес-структуры и административные органы оценивали в СИ социальный смысл и речевую семантику, которые, по их мнению, должны воздействовать на сознание граждан и определять вектор развития гражданских институтов;

– общество опиралось на устоявшиеся внеязыковые коннотации, способные сохранить национально-языковое единство и устранить номинативные рецидивы социальной конфликтности.

В этих условиях практический взгляд на СИ приобрёл столь мощное звучание, что трансформировался в «прикладную ономастику», занимающуюся «...транскрипцией и транслитерацией иноязычных имён, установлением традиционных (по произношению и написанию), переводимых и непереводимых имён, созданием инструкций по передаче «чужих» имён, образованием производимых от иноязычных имён, вопросами наименования и переименования» [49, с. 347]. Однако новая ономастика, подчёркивая важность принципов передачи имён в «чужом» окружении, не замечала их внутренних проблем развития. Абсолютизируя транслитерацию или практическую транскрипцию, она оказалась не готовой к борьбе за сохранение собственного национального, исторического и культурного наследия, сосредоточенного в онимной лексике, постоянно «исправляемой» чиновничьим аппаратом. Тем более она не могла удовлетворить народы бывших республик СССР, где начались поиски «национально идеальных» форм передачи СИ в зависимости от «политической целесообразности» с последующими переименованиями, восстановлением или «переводами» [287; 295]). Оказалось, что на постсоветском пространстве практически не осталось семьи или социального института, где бы не происходили правовые коллизии из-за искажённой трактовки имени в документах.

«В Республике Беларусь, как и в странах Прибалтики, – констатировал, например, Владимир Михайлов, – МВД посягает на элементарное право человека – право на своё имя, насильственно изменяя русские имена и фамилии на белорусский манер. Граждане РБ русской национальности не могут записать в официальных документах свои имена и фамилии по-белорусски без искажений их родного звучания. По мнению паспортно-визовой службы (ПВС) МВД, русское имя и фамилию надо обязательно озвучивать с *белорусским произношением* /

беларускім вымауленнем, а по другому нельзя. Посему они должны и писаться по-белорусски в документах с изменением, и звучать по другому: *Анна – Ганна, Владимир – Уладзімір, Геннадий – Геннадзь, Григорий – Рыгор, Дмитрий – Дзміцер – Зміцер, Николай – Міколай, Ольга – Вольга, Власов – Уласау, Михайлов – Міхайлау, Путин – Пуцін* и т. п.» [261, с. 1].

Существовала и другая крайность. «Защита» национального языка требовала закрепления противоположной идеи – точного «копирования» русских по происхождению названий средствами украинской графики, что до конца разрушило понятие нормы. Именно по такому сценарию в Луганске появились «...суто «регіональні» найменування: провулки *Ленінський, 18-го Партс'їзда, 1905 года, імені 1-го Мая, 1-й Білорусський, 1-й Кірпичний, 5-й Садовопроїздний, Северозападний, Братєв Серодєдєнко, Кримський, 1-й Товарищєський, 1-й Пятілеткі, Астрономічєський*; вулиці *Советская, 40-летія Октябрія, 50-летія Образованія СССР, Лучістая, Зв'яздная, Самольотная, 2-я Ізвєстковая, Тіхоокеанская, Каменная, Опитноє поле, Александра Нєвского, Юних Піонєров, Маяковського, Рєволюції, Паріжської Коммуни*; квартали *Дзєржінського, 50-летія Октябрія, Героєв Брєсткої крєпості*; тупики *6-й Короткій, Білая Будка*; усадьба... *1-го Трєста столових* тощо» [252, с. 2].

О проблематичности подобных норм со всей остротой публициста заявила А.В. Суперанская: «Хотя на Украине живут люди тридцати различных национальностей (не «тридцати», а ста тридцати. Прим. автора – В. М.), все они объявлены украинцами, а их имена переписываются украинскими буквами, причём не просто транслитерируются или транскрибируются, но и заменяются современными украинскими именами исторически того же происхождения. Например, русское имя *Елена* записывается в документах *Олена, Алексей – Олексій, Александра – Олександра, Дарья – Одарка, Дмитрий – Дмитро, Павел – Павло, Ефрем – Окрім, Анна – Ганна* и т. д.

В результате человек теряет своё имя, инициалы, национальность. В юридических актах говорится о том, что иноязычные имена и фамилии полагается передавать в Украине с помощью транскрипции, основы которой изложены в книге «Український правопис», постоянно издаваемой в Киеве. Но представленные в этой и других украинских справочниках правила недостаточны и непоследовательны, а в повседневной юридической практике от них отступают.

Например, в документах русского человека по имени *Белан Алексей Евгеньевич* пишут *Белан Олексій Євгенійович*, где превращение *Белан* в *Белан* – это транслитерация. Замена *Алексей* на *Олексій* может считаться традиционной, или исторической заменой. В отчество *Євгенійович* вмешалось украинское словообразование».

Обоснованную тревогу о судьбе конкретного человека автор предлагает решать с помощью русской графики: «Я бы оставила всю эту формулу имени: *Белан Алексей Евгеньевич* в документе на украинском языке без всяких изменений, поскольку те же самые буквы есть в русском и украинском алфавитах...» (но они звучат по-разному! Прим. автора – *В. М.*»), расширяя рекомендации до уровня некорректных с точки зрения произношения норм: «Даже написание *Іван Іванович* вместо *Иван Иванович* меняет национальность человека, а значит, нарушается идентификация его личности...» [445, с. 3].

Впрочем, изложенные «рекомендации» и в первом, и во втором случаях разрушают сущность СИ: как, например, украинец озвучит «новое» имя», предложенное А.В. Суперанской, *Іван Іванович*? (прим. автора – *В. М.*).

Попытка доказать родство имён исключительно языковыми средствами максимально обострила социальные конфликты. Обращение владельца имени или административно-юридических служб к многочисленным словарям и пособиям не позволяло их устранить полностью.

Справочники продолжали перечислять «удобные» замены русских вариантов другими или ограничиваться передачей звуков, особенностей

склонения и т. п., мотивируя их языковой традицией: рус. *Никитовка* – укр. *Микитівка*, рус. *Евдокия* – укр. *Явдоха*; укр. *Рівне* – рус. *Ровно*, укр. *Михайло* – рус. *Михаил*, укр. *Чорновіл* – рус. *Черновол*, укр. *Білоусенко* – рус. *Белоусенко*, рус. ул. *Артема* – бел. *Арцёма*, рус. ул. *Свердлова* – бел. *Свярдлова* и т. п.

Это ставило в тупик обывателя, паспортные службы и административные органы при фиксации имён в документах: почему рус. *г. Николаев* фиксируется как *м. Миколаїв*, но фамилия *Ніколаєв* не изменяется?; почему рус. *КБ «Южмаш»* и нефтепровод *«Южный поток»* передаются в украинских вариантах по-разному: *«Южмаш»*, но *«Південний потік»*? и т. п.

Языковое прочтение ономастики не привело к исчерпывающим ответам. Этому мешала не подкреплённая теорией многоаспектность: «Объектом исследования ономастики являются история возникновения имён и мотивы номинации (называния), их становление в каком-либо классе онимов, различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой (трансонимизация), территориальное и языковое распространение, функционирование в речи, различные преобразования, социальный и психологический аспекты, юридический статус, формульность имени, использование и создание собственных имён в художественном тексте, табуирование. Ономастика исследует фонетические, морфологические, словообразовательные, семантические, этимологические и другие аспекты собственных имён» [49, с. 347].

Множественность компетенций [144; 203; 244; 256; 384; 463; 471; 503] допускала возможность пренебрегать ими и узаконивать административные подходы, которые вошли в противоречие с потребностями граждан, по-прежнему сомневающихся в правильном употреблении прописных букв, кавычек, норм словоизменения или перевода:

– *улиця капітана Ратнікова* или *улиця Капітана Ратнікова?*;

- кафедра менеджмента и хозяйственного права или кафедра «Менеджмент и хозяйственное право»?;
- из города Киев или из города Киева?;
- английская соль или Английская соль?;
- рус. кинотеатр «Звёздочка» – укр. «Звездочка», «Звьозdochka» или «Зірочка»? (г. Донецк).

На эти вопросы призвана ответить вызревшая в недрах традиционных взглядов на собственное имя *проприоменология* (от лат. *proprietas, atis, f* «право собственности» + *nomēn* «имя» + греч. λόγος «слово; мысль, смысл, понятие») – раздел ономастики, изучающий происхождение собственных имён как активаторов культурно-исторической реальности, принципы их выделения, способы именования и передачи правовой информации о собственнике и его собственности в различных языковых системах.¹⁶

Мысль о вызовах современности и защите культуры, к которой, несомненно, относится онимная реальность, зрела по мере расширения возможностей нормативной базы для её официальной фиксации административными органами и всё большего ограничения народного онимотворчества. Эта неоднозначная тенденция превратила номинацию в трудно поддающийся контролю процесс, губительный по своим последствиям для социума, его национальной истории и права.

Пренебрежение социальными критериями повлекло за собой вычёркивание реального собственника из системы именования и превратило акт номинации в политическую технологию, которую можно квалифицировать как закон обратно пропорциональной зависимости между высоким уровнем технологической

¹⁶ При таком понимании ономастика уходит своими корнями скорее в философию языка, нежели в сам язык. Ведь лексическая система языка отражает действительность, а проприальная культура создает и материализует её. Эту созданную представлением человека цивилизацию мы, опираясь на учение В.И. Вернадского [147], определяем как «онимоосферу».

оснащённости политико-административных органов и неприемлемой для человека степенью его социально-правовой защищённости. Чем убедительнее оказывается сегодня контроль власти над процессами именования, тем изощрённее осуществляется насилие над социумом и бесправнее становится сам собственник.

Вот почему, как пишет известный русский лингвист Вяч. Вс. Иванов, «...в какой-то мере вся человеческая культура до сих пор остаётся протестом против смерти и разрушения, против увеличивающегося беспорядка и увеличивающегося единообразия – энтропии. По мере увеличения реальности этого грядущего разрушения всё более значительными должны стать и усилия, ему противостоящие» [197, с. 149].

Если сформулировать этот вывод для проприноменологии, то её задача состоит в разрешении одного из самых крупных противоречий современной эпохи: между усилением темпов развития техносферы и отстающим от него уровнем гуманитарного мышления.

Проприноменология в связи с этим учитывает, но не рассматривает внешние и межъязыковые интерпретации официальных СИ (*Михаил > Михайло // Мишель // Михай // Мишка // Миша // Потапыч // Мишутка // Мишаня*), которые не поддаются закреплённым в сознании большинства нормам презентации в языке. Их изучает **речевая ономастика**, оперирующая понятием **коннотоним**.

Проприноменологию не интересуют художественные вымыслы или их коннотативные интерпретации (*Держиморда, Пришибеев, Лилипутия*), которые не могут опираться на реальность и воспринимаются иностранными носителями в том числе с помощью перевода или комментария.

Их призвана изучать **поэтонимология**, оперирующая понятием **поэтоним**.

Проприноменология с осторожностью относится к **языковой ономастике**, которая оперирует понятиями грамматики и лексики как для апеллятивов, так и для онимов, игнорируя их социальный резонанс:

– рус. *Константинопол*ь – укр. *Костянтинопі*ль (официальная форма в Донбассе), хотя правильной как в русском, так и в украинском языках следует считать форму *Константинопол*ь от *полис* «город», названный в честь римского императора *Константина*»;

– рус. *Ласточкино Гнездо* (Крым) – укр. *Ластівчине Гніздо* (правильно: *Ласточкине Гнездо*).

Речевые и поэтические варианты СИ могут стать объектом права только при трансонимизации:

- роман *«Тихий Дон»* > теплоход *«Тихий Дон»*;
- *Катюша* > ракетный комплекс *«Катюша»*;
- киноперсонаж *Сухов* > кафе *«Товарищ Сухов»* (г. Донецк);
- фильм-сказка *«Три толстяка»* > ресторан *«Три Толстяка»* (г. Донецк);
- сказочные персонажи *Красная шапочка*, *Чиполлино*, *Мышки-норушки*, *Гусь Лапыч*, *Алёнка* > кондитерские изделия *«Красная шапочка»*, *«Чиполлино»*, *«Мышки-норушки»*, *«Гусь Лапыч»*, *«Алёнка»* и т. п.

Предметом проприноменологии являются процессы именования, переименования, восстановления и способы передачи различных разрядов собственных имён в разных проприальных культурах на основе устоявшихся в конкретном сообществе принципов права, закрепляющих в языковой структуре документов имущественную и культурно-историческую ценность имени собственного.

Основной единицей проприноменологии является проприоним (по образцу *поэтоним*, *мифоним*, *астеоним* и т. п.) – исторически сложившаяся и документально закреплённая единица онимной лексики, адекватно передающая адресную информацию о собственнике и конкретных объектах сотворённого, осмысленного, освоенного и присвоенного человеком мира в любом языковом контексте.

Таблица 1

Ономастика и проприиноменология

В таком понимании проприиноменология становится целью и итогом развития общей ономастики как науки о способах номинативного выделения и сохранения предметов и явлений осмысленного человеком мира, диалектика развития которой приводит её от начальной идеи разделения на языковую, речевую и поэтическую к их объединению в контексте права.

Проприиноменологию не следует поэтому отождествлять с юридической лингвистикой как способом проведения судебных речеведческих экспертиз и процедур нейминга. Если судебное речеведение используется в качестве синтетической области знаний «...о речевой деятельности человека как единой основы судебно-экспертного устных и письменных произведений речи (почерковедческой, автороведческой, лингвистической, фоноскопической

экспертизы звучащей речи» [420, с. 51], а задача нейминга упрощается до конструирования виртуально «привлекательного» названия, способного внедриться в сознание потребителей и повлиять на их выбор по заранее «разработанному» сценарию,¹⁷ то задача проприноменологии – создание атмосферы социальной защищённости СИ и определение границ их возможного употребления в правовой, исторической и культурной сферах.

1.4. История классификаций имён собственных

С момента возникновения собственных имён, входящих в сферу социальных интересов конкретного человека или племени, до времени, когда СИ вместе с речевым творчеством человека-художника стало ещё и основным атрибутом права (приобрело адресно-денотативную функцию), «поэтика об именах» трансформировалась во второй половине XX столетия в отдельную науку о специфической категории языка – ономастику, устойчивое развитие которой во многом зависела от теоретической разработанности принципов типологизации собственного имени. Споры о том, что такое СИ, есть ли в них

¹⁷ Речь идёт об использовании иллюзативной функции языка, а не о праве на собственное имя. «Язык при субъективном отношении к нему как инструменту для навязывания идеологии поступков начинает трансформировать естественный мир и человека в этом мире на основе иллюзий (от лат. *illusio*; *illudere* – «играть, обманывать»), превращаясь в свою противоположность. Он продуцирует неадекватные восприятия, в результате которых происходит замена реального на вымысел, игнорирующий реально существующие внешние свойства объектов. Сознанием в этом случае воспринимается не сам объект, а его искаженный или деформированный в процессе восприятия образ. Природная энергетика языковой системы при субъективном обращении с нею на основе личных пристрастий и интересов допущенных к влиянию на социум политиков становится опасной для существования любого общества и языка как общественного явления» [310, с. 19].

значение, какие языковые средства следует применять для фиксации имён в документах, разгорались тем сильнее, чем больше онимов рождала современная практика номинации и чем активнее в ней участвовали специалисты из разных областей знаний. Парадокс этот очевиден, но закономерен.

Его истоки следует искать в III в. до н. э., когда в научный оборот было введено понятие «имя собственное». Европейская цивилизация «получила» этот термин в наследство от стоиков, в частности, от древнегреческого философа Хриссипа, который разделил все номинации на имена собственные как впечатление об одном и том же предмете и имена нарицательные как сумму впечатлений о разных объектах одного класса [419, с. 29].

Однако связывать этот факт с первичной классификацией имён не стоит. Греки не видели существенной разницы между именами нарицательными и собственными, оперируя нерасчленённой категорией «имя», как не видят его современные лингвисты, включающие онимную и нарицательную лексику в класс имён существительных.

1.4.1. Типы классификаций. Современные классификации собственных имён не всегда удовлетворяют социальные институты при попытке их использования в качестве модели для возникающих в практике новых именований. Известно, что термин «имя собственное» является калькой с лат. *nomen proprium*, которая, в свою очередь, калькирована с греч. *ὄνομα κῆριον*, насчитывающего восемь значений: 1) имеющее власть; 2) имеющее право; 3) узаконенное, установленное; 4) назначенное, определённое; 5) сильное, могущественное; 6) главное, важнейшее; 7) употреблённое в основном или прямом значении; 8) грамматически связанное с одним предметом.

Приоритетной среди этой массы определений является информация о том, что СИ – узаконенная форма, нормы употребления которой зависят от «имеющего

власть», т. е. от ономатета. Именно такой сценарий развития событий имел место быть в восточнославянской истории от принятия Русью христианства, где в роли ономатета выступала церковь, до разрушения СССР, при котором процедуры именования были регламентированы партийной номенклатурой.

Если же исходить из естественного понимания СИ обычным пользователем, то под ним подразумевается имя собственника, а не его интерпретация какой-либо внешней инстанцией, которая из-за идеологических соображений может контролировать процесс создания, восстановления и упразднения всей онимосферы.

В этой, казалось бы, неоспоримой аксиоме скрыты четыре до сих пор не выясненные и не решённые социумом проблемы: 1) кто является собственником имени?; 2) кто устанавливает нормы его фиксации в документах?; 3) какова процедура их утверждения?; 4) какие должны быть отношения собственника с государством, государства с собственником и собственника с обществом?

Ответить на эти вопросы должна была, по логике вещей, ономастика. Но, к сожалению, как в древности, так и сейчас ономатологи выпали из числа участников процесса именования, остановившись на уровне идеи древних греков о принадлежности СИ к классу имён существительных, отличающихся от НИ разве что процедурой утверждения норм, неоспоримо исходящих от «имеющих власть». Не случайно поэтому официальная ономастика обращает внимание на навязанные властью номинации, ограничивая их анализ исключительно особенностями языка. А поскольку исследования проводятся в контексте имён существительных, то исторически сложившиеся классификации являются в определённом смысле условными: они касаются входящих в именование номенклатурных терминов и скрывающихся за ними номинативных денотатов, но не самих собственных имён.

Первая научная классификация исходила из языкового прочтения собственного имени (60-70-е гг. XX в.). Она сводилась к тому, что в отличие от

апеллятивной лексики СИ имеет только денотативное значение (Дж. Милл, А.А. Реформатский, Ф.Ф. Фортунатов). А поскольку онимы, как и обычные слова, состоят из звуков, слогов, морфем, вписываются в определённые грамматические парадигмы, имеют свой состав, формы словоизменения и являются членами предложения, их классификация должна опираться на идею соответствия одинаково воспринятого всеми *денотата* (т. е. обозначаемому в языке множеству предметов, абстрагированному от коннотативных оттенков) *референту* (обозначенному в речи объекту действительности, как реальному, так и воображаемому).

Однако для большинства СИ такая «идеология» не могла решить проблемы их социального бытия в различных сферах речевого общения: от разговорно-бытового до общественно-политического и художественно-поэтического. Социальная природа онимной лексики требовала качественно иного подхода к принципам её классификации и методам исследования.

Второй тип классификации был связан с речевым «прочтением» собственного имени (80-е гг. XX в.). Для него важен был не усреднённый денотат, а референтное значение, которое возникало у конкретного субъекта под влиянием индивидуальных коннотаций, превращающих *Люксембург* (страна) в фамилию, фамилии *Торез*, *Тольятти* – в города, *Чубайса* – в рыжего кота из Симеиза, а *Черчилля* – в поросёнка (вспомните фильм «Сваты»). Под влиянием авторских коннотаций *Анна* и *Ганна*, *Елена* и *Олена*, *Михаил* и *Михайло*, *Мишель* и *Михай* могли идентифицировать одного человека в зависимости от отношения к нему коммуникантов, а не разных по национальности людей.

В первичной устноречевой стихии реальных собственных имён не могло быть: в конкретно-ситуативных номинациях денотат был условным, а референт сливался с единичным объектом и приобретал бесчисленное множество коннотаций, не поддающихся осмыслению по принципу «допустимые / недопустимые». Обращение по имени-отчеству с набором

этических норм отнюдь не означало, что все коннотации обязательно доброжелательные. Реальное имя «покидало» собственника, становясь внешней интерпретацией, которая могла разрушить денотативную значимость, сформировать лексическое значение и превратить собственное имя в нарицательное (например, в эпоним: *хулиган, ампер, торт наполеон*) или «перевести» его в разряд поэтонимов или проприонимов: *Илья > Илюша Обломов* // мужская парикмахерская «Илюша» (г. Донецк).

Полной «онимизации» в речи объект достигнуть не может. Она появляется только у вполне определённой и единственной формы имени, зафиксированной и в деловом письменном контексте.

Таким образом, традиционные классификации на основе языка и речи не учитывают соотношение денотативного и референтных значений, в результате чего нормы официальной передачи СИ установить практически невозможно.

Третий тип классификации опирался на прецедент деления ономастики на проприономенологию и поэтонимологию.

В проприономенологии денотат приобретает конкретные объективные характеристики. Референтные и лексические значения исчезают, а коннотации не выходят за рамки официальных: *Москва* – город, столица России; *Иван* – мужское имя, русский; *Хуан* – мужское имя, испанец. В ситуации документального «оформления» собственника или собственности эмоциональность речевых и междязыковых употреблений утрачивает свой смысл (*Филипп > Филиппок, Филя, Филь, Филько, Пилип; Пётр > Петро, Петруха, Петрушка; Добрыня > Добрынюшка; Никитовка > Микитівка; Николаев > Миколаїв*). Внешне неконтролируемое осмысление объектов заменяются узаконенными формами, лишёнными семантики и стремящимися к строго установленной правовой норме: русские имена и названия *Александр, Филипп, Пётр, Никитовка, Николаев* в украинском контексте должны фиксироваться, сохраняя национальную

идентичность (укр. *Александр, Філіпп, Пьотр, Нікітівка, Ніколаїв*), а не пресловутую «традицию» (*Олександр, Пилип, Петро, Микитівка, Миколаїв*).

В отличие от проприноменологии поэтонимология оперирует воображаемым денотатом, в котором референт исчезает (вернее, он программируется автором произведения), а лексическое значение и коннотации закладываются автором текста или переводчиком: *Гуси-лебеди, Органчик, Головлёвы, Мертвые души, Робинзон Крузо, Гаргантюа, Пантагрюэль*.

Понятия *коннотоним* и *поэтоним*, подробно описанные Е.С. Отиным [370; 372] и В.М. Калинкиным [205–209], становятся основными для нового формата ономастики.

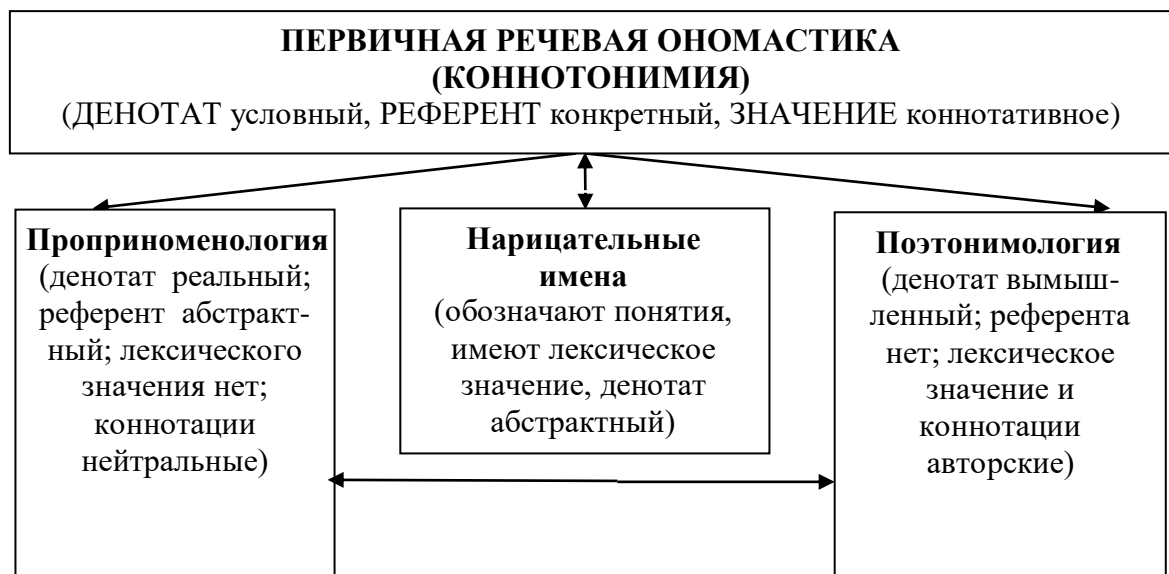
Её исследования базируются на коннотативных значениях и речевых употреблениях: от индивидуально-точечных, появляющегося в вариантах разговорного стиля (*Афанасий, Афоня; Панас, Опанас; Нафаня; Петербург, Петроград, Питер*), до временной вариативности в употреблениях, типа *Керкинитида, Гёзлов, Козлов* (современная *Евпатория*) или авторских коннотаций в художественном стиле, продолжающих свою реальную жизнь в речи определённой общности при условии их соответствия национально-языковой картине мира: *Тарас Бульба, Диканька, Плюшкин, Болдино* и т. п.

Стихия непредсказуемых «традиций» на основе межъязыковых соответствий (*Владимир Путин // Володимир Путін; Микheil Саакашвили // Михайло Саакашвілі; с. Красное // Червоне*, Киевская обл.; *Пригородное // Передмістне*, Крым) или переименований (*Царицын – Сталинград – Волгоград, Юзовка – Сталино – Донецк* и т. п.) свидетельствует о непонимании сути разных направлений ономастики (то, что позволено в речевой и поэтической ономастике, недопустимо в проприноменологии). Парадокс, заложенный в классификационных характеристиках на основе языка и речи, приводит к конфликту между ономатетом и собственником, в контексте которого

вынуждены развиваться семейные и гражданско-правовые отношения отдельного человека и общества с государством.

Таблица 2

Ономастика в контексте денотативных и референтных значений

1.4.2. Имена собственные, не собственные и внесобственные.

Необходимость разделения СИ на разряды обусловлена тем, что без них спрогнозировать развитие и подвергнуть количественному анализу безудержный рост онимной лексики в сегодняшнем многополярном мире невозможно. Онимы рождаются бесконтрольно, как и непредсказуемо появление в мире новых объектов, которые общественная практика вынуждена подвергать различным актам номинации. Они возникают ежедневно и ежечасно, потенциально входя в любую языковую систему и одновременно вбирая в себя особенности конкретного национального и мирового онимного фонда в целом.

При этом, если для обычной лексики заимствования только возможны, могут с лёгкостью приниматься и с такой же лёгкостью отвергаться (например, в XVIII в. русским языком были приняты, а затем отвергнуты слова *экскузация* – «извинение», *секул* – «век», *адгергент* – «единомышленник», то для проприальной культуры процесс принятия чужих имён и названий обязателен: нем. *Helga* – рус. *Хельга*, фр. *Paris* – рус. *Париж*, англ. *London* – рус. *Лондон*, рус. *Североморск* – укр. *Североморськ* и т. п. Его может остановить лишь исчезновение самого объекта или памяти о нём (*Теночтитлан*, *Ассура*, *Хаммурапи*).

В силу внешней открытости формы номинаций с иноязычными вкраплениями становятся всё продуктивнее. Сегодня к ним относят уже не только всем известные названия, типа *Екатеринбург* от нем. *Burg*, *Кронштадт* от нем. *Stadt*; *Севастополь* от греч. *Polis*; *Петергоф* от нем. *Hoff* или имена, типа *Элизабет*, *Элиза*, *Елизавета*, *Луиза* от др. евр. *Элишева* «почитающая Бога», но и изобилующие фантазиями собственника формы *тюнинг-ателье «Farch»* (г. Донецк); *кафе «За пой»* (г. Феодосия); *ресторан «Тепло»* – «Тихо, по-семейному» (г. Киев); *интернет-кафе «Ultima»*, *butique «Мадам»* (г. Донецк) и подобные им.

Максимальная «свобода» в онимотворчестве рождает вполне объяснимую для такого процесса нормативную условность. Языковые, а тем более речевые нормы передачи СИ всё сложнее втиснуть в прокрустово ложе правописания. Примером орфографической условности может служить название донбасского посёлка *Константинополь* от греч. *Κωνσταντινούπολις*, который в украинской письменной традиции передаётся как *Костянтинопіль*. Творцы такого наименования, придерживаясь норм украинского произношения (упрощение, чередование [o], [e] с [i]), «стёрли» целую эпоху греческой истории, память о римском императоре *Константине* и названном в честь него *полисе*.

Ещё необъяснимее представляется ситуация с появлением многоуровневых и многоязычных вариантов в речи: *Максим > Макс // Максик // Максимчик // Максютка; Шевченко > Шева; Бомбей > Бомбейчик* (магазин в селе Богородичном, Донецкая обл.); *Николай > Коля // Микола // Ник // Николя // Колян // Николка // Николас; Мясо > МясоЕШЬка* (г. Донецк); *Александр > Саша // Шура // Олександр // Шурка // Олекса // Сашко // Алекс // Сашенька // Саш // Саня // Санечка // Санек; Чебуреки > «Чябурек»* (кафе в г. Ханжёнково) и т. п. В таких не выявленных до конца правовых парадоксах вынуждена функционировать сегодня онимная лексика, что увеличивает количество проблем её передачи не только на уровне практики, но и теории [329].

1. Проблема онимной терминологии. Под СИ, вслед за Н.В. Подольской [63], большинство подразумевает слово или словосочетание, служащее для выделения именуемого им объекта. И это кажется правильным, если при этом не учитывать:

– что обращения к неизвестному лицу с помощью междометий, местоимений или абстрактной характеристики, типа «Эй!», «Мужчина!», «Ты!», «Товарищ!», «Молодой человек!», «Земляк!», «Коллега!», как и употребление номенклатурных терминов в качестве известных только конкретному коммуниканту названий (*Поеду в город!*, *Как пройти к реке?*), тоже акты выделения, которые, тем не менее, нельзя отнести к онимам. Отдельные случаи фиксации номенклатурных терминов прописными буквами лишь подчёркивает тезис о потенциальной возможности ситуативного осмысления стоящего за подобной номинацией поэтонима: «*Николкина подруга, гитара, нежно и глухо: трень... Неопределённо трень... потому что пока что, видите ли, ничего ещё толком не известно. Тревожно в Городе, туманно, плохо...*» (М. Булгаков);

– что отнесённые к СИ формы, типа *Гастроном, Шахта, Ресторан, Автомойка, Химчистка, Парикмахерская*, на самом деле имена нарицательные, поскольку в них акцентирован денотат, но нет самой номинации (сравни их с

«рекламно-метафорическими» СИ, где чётко зафиксирована адресно-информативная сущность конкретного объекта: гастроном «Москва», этноресторан «Ё-моё», автомойка «ОК», химчистка «Белый Кот», парикмахерская «Чуб-Чик» (г. Донецк) и т. п.

Не совсем корректно относить к онимам и названия, типа *Продукты, Пиво, Электротехника*, которые не выделяют конкретный объект из серии подобных. Это, по сути, бросающиеся в глаза нарицательные имена, обладающие лексическим значением, но выполняющие роль информативных номинаций, которые при необходимости могут подвергаться переводу на другие языки (сравни их с дополненными авторской фантазией лексическими конструкциями, выполняющими рекламную функцию и требующими особого грамматического и графического осмысления: *Продмаг «Для людей»*, г. Донецк; *Pinta «Живое пиво»*, г. Феодосия; *Салон света «Люстры на Победе»*, г. Симферополь и т. п.

В подобных случаях устноречевые формы, даже зафиксированные с соблюдением официальных письменных норм, не более чем интерпретации реальной номинации, отягощённые бесчисленными коннотациями, отдаляющими её от нейтрально-универсального восприятия. Так, *Киев* в «Белой гвардии» М. Булгакова – не столица с нивелированным восприятием денотата, а по-разному осмысленный каждым из читателей абстрактный *Город*, страдающий от трагедии непонимания и тревожного ожидания в эпоху гражданской войны. Исключения составляют речевые варианты, формирующие авторско-фантазийный образ объекта, не вписывающегося в языковые или общепринятые социальные нормы, например, «*Ход-доги от дороги*» (г. Краснодар) или «*FIrMA*» (г. Донецк), но ставшие официальными при их фиксации на письме. Они могут появляться либо при трансонимизации (*Николай I* > рус. *г. Николаев*; *Ленин* > *Ленинский район* > *Leninskiy универмаг* – г. Донецк), либо при прецедентной метафоризации [213], искусственность которой часто подчёркивается кавычками или другими способами графического выделения: *Наталья* > *яхта «Натали»*, *Илья* > *аптека*

«Илюша», ресторан «Пушкин» (г. Донецк), «Украина решила, что она теперь Германия или Франция и может диктовать России правила торговли...» (из газет) и т. п.

2. Проблема реальности собственного имени, которая возникает при смешении нескольких форм:

А. Правовых с авторскими интерпретациями:

Ксения // Акси́нья, Оксана, Оксаночка, Ксюша, Ксюха; Владимир // Вовка, Вован, Вовочка, Вовк, Володимир; г. Горловка // укр. Горлівка. При узаконивании таких форм, как правило, нарушаются нормы, которые в официальном контексте превращаются в правовые ошибки: рус. *Дарья* > укр. *Дарина, Одарка*; укр. *Микола* > рус. *Николай*, рус. *Теплогорск* > укр. *Теплогірськ* и т. п. (правильно: *Дар'я, Микола, Теплогорськ*).

Б. Первичных с вторичными:

– переводят то, что не переводится (например, *Петербург* > *Петроград*, ул. *Советская* > вул. *Радянська*), но подчёркивают незыблемость поэтонимов (*Мальчиш-Плохиш, Кощей Бессмертный* > *Мальчиш-Плохіш, Кощей Безсмертний*), хотя в этом случае перевод как раз уместен (*Хлопчик-Поганчик, Чахлик Невмирущий*);

– делают ошибки при склонении: *в городе Донецк* (правильно: *в городе Донецке*) под влиянием вторичной формы *на станции «Донецк»* и т. п.

3. Проблема истинности / ложности номинаций, которая приводит к выделению прописной буквой несуществующих онимных элементов или «уважающих себя» лиц:

– *Глава городской администрации, Министр связи*, а не *глава городской администрации, министр связи* (при множественности «глав» и «министров» отсутствует акт их выделения, в отличие от уникальных СИ, имеющих адресную функцию: *Глава ДНР, Премьер-министр ДНР, Министерство связи*);

– *Центральный Республиканский Банк* (ДНР) вместо *Центральный республиканский банк*;

– *Учреждение дополнительного образования «Донецкая Республиканская Малая Академия Наук учащейся молодежи»* (в этом случае в одном названии фиксируется два юридических собственника: *учреждение и академия*) вместо *Малая академия наук ДНР*.

Проблематичность современного онимного пространства требует коренного пересмотра принципов онимной классификации с учётом социально-правовых функций СИ.

Принцип статусной уникальности

(«Есть ли собственник?»)

Этот принцип определяет СИ как языковой аналог представлений о предметах и явлениях «очеловеченного» мира, который связан с фиксацией социально-правовых отношений, противопоставленных лексическим связям в составе НИ. Дихотомия собственные – нарицательные имена актуализирует проблему собственника, которая «разрешается» с помощью установления адресной функции (присутствует она в номинации или нет) и её фиксации на письме прописной буквой (плюс заглавной, если она обращает внимание на начало номинации): *библиотека* – *Кафе «Библиотека»*, *аптека* – *Аптека «Мята»*, *обувь* – *Обувной магазин «Башиначок»*, *война* – роман И.Ф. Стаднюка *«Война»*.

Принцип соотнесённости с реальностью

(«Реален ли собственник?»)

Этот принцип предполагает деление онимов на четыре класса:

Первый класс – собственные имена. Они, являясь объектом права и предметом изучения проприономенологии, делятся на три разряда:

а) реальные: рус. *Ефрем*, укр. *Єфрем* – русский; укр. *Охрім*, рус. *Охрим* – украинец; рус. *Красная Поляна* – укр. *Красна Поляна*; укр. *Червона Кам'янка* – рус. *Червоня Каменка*), законы *Ньютона*;

б) рекламно-метафорические: *Продукты «Цыпа»* (г. Макеевка); *Продуктовый супермаркет «МоЛоко»* (г. Донецк);

в) рекламно-информативные (художественные, деловые и научные тексты-предложения): *«Чтобы двери жили, как люди»* (магазин «*ОптовичОК*», г. Донецк); *Кафе «Место для двоих»* (г. Краснодар); кинофильм *«Операция «Б1», или другие приключения Шурика»*; Закон «*О внесении изменений в Закон Донецкой Народной Республики «О социальной защите ветеранов войны»*».

Из них только реальные СИ предполагают соответствие онима денотату и наличие официальных лингвоправовых норм без эмоционально окрашенной вариативности:

- русское имя *Александр* не может быть зарегистрировано как *Алехандро*;
- украинское имя *Олександр* ≠ греческому *Алексис*;
- украинские фамилии *Кропива*, *Дяченко*, *Білоусенко* ≠ русским фамилиям *Дьяченко*, *Крапива*, *Белоусенко*;
- рус. *Николаевич* ≠ укр. *Миколайович*;
- рус. *Васильевич* ≠ украинизированной формуле *Василиевич*.

Эту аксиому может «взломать» лишь исторически сложившийся узус при употреблении экзоэтнонимов (ит. *Roma*, но *Рим*; венг. *Magyarország*, но рус. *Венгрия*, укр. *Угорщина*; нем. *Deutschland*, но рус. *Германия*, укр. *Німеччина*) или псевдонимов (*Сергеев*, но *Артём*; *Джугашвили*, но *Сталин*).

Второй класс – внесобственные имена, которые функционируют в пределах двух разрядов:

а) речевые интерпретации: *Данил* > *Даня*, *Данила*, *Данилка*, *Дон*, *Данисимо*, *Доня*, *Данон*, *Данич*; *Магазин № 12* (г. Макеевка) > «*Двинка*»;

б) художественные вымыслы: *Андрей* в повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя; *Мойдодыр*, *Чебурашка*.

Они входят в объект изучения речевой ономастики, которая опирается исключительно на «авторскую норму» и индивидуальные коннотации (языковых норм в ней существовать не может):

- *Михаил* > *Мишель* // *Михай* // *Мишка* // *Мишико* // *Мишаня*;
- *Россия* > *Россия* // *Раши* // *Русь* // *Росія* // *Московия*;
- *Баба-Яга* // *Яга* // *Бабаёшка* и т. п.

В сферу проприноменологии могут также включаться образные «авторские формы» СИ, если они закреплены в официальных документах. Учитывая их генетическую природу, к ним могут относиться даже ошибочные с точки зрения языка, но возникшие в речи онимоформы, например:

– личные имена, типа *Нинель* (обратное прочтение имя *Ленин*), *Лена* (от реки *Лена*, но не *Елена*), *Сталина* (от *Сталин*), *Ошминальд* (от *Отто Шмидт на льдине*), *Вилен* и *Виль* (от *Владимир Ильич Ленин*);

– фамилии, типа *Катюха*, *Зборщик*, *Алейников*, *Нетудыхата*, *Понкратов*, *Безпалов*;

– топонимы, нацеленные на маркетинг: бистро «*ЧАЙка*», кондитерская «*Чоколадка*», закусочная «*Хачапурчик*», чебуречная «*БлинДашь*», верёвочный парк «*Лень в Пень*», салон света «*Бра ВО!*», парикмахерская «*Руки-Ножницы*», детский клуб «*Чудетки*», спортивный клуб «*ФИЗташка*» (г. Донецк) и т. п.

Третий класс – не собственные имена, употребляющиеся в качестве номинативных конструкций, имеющих лексическое значение и представляющих апеллятивную лексику:

а) ситуативные номинации: *Магазин*, *Промышленные товары*, *Канцелярские товары*, *Алкомаркет*, *Ремонт обуви*;

б) терминологические словосочетания, в которых отсутствует адресно-выделительная функция: *заслуженный мастер спорта*, *министр образования*,

отдел внешних связей, филологический факультет, вавилонское столпотворение, английская королева, российское правительство и т. п.

Четвёртый класс – ложные номинации, которые оказываются «за бортом» права и его юридической истории.

Они появляются там и тогда, где в роли ономатета выступают облечённые властью политики, а ономастика вынуждена регистрировать несуществующие способы номинации и узаконивать, таким образом, ошибки, утверждающие:

а) что *Дмитрий, Сергей и Дмитро, Сергій* одни и те же лица;

б) что *Красноамейск* искажает действительность, а переименованный *Покровск* (в честь рождения УПА на Покрова?) восстанавливает её;

в) что *кафедра «Теория языка и русский язык»* (Южный федеральный университет), *кафедра «Иностранные языки и методика обучения»* (Севастопольский гуманитарно-педагогический институт), *кафедра «Интенсивного обучения иностранным языкам № 2 Минского лингвистического университета»* (Беларусь) или *Факультет «Техносферной безопасности»* (Донецкая академия гражданской защиты) – правильные названия, в то время как *кафедра теории языка и русского языка, кафедра иностранных языков и методики обучения, кафедра интенсивного обучения иностранным языкам или факультет техносферной безопасности*, якобы «устаревшие» формы;

г) что юридически «правильными» следует считать варианты *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»* (ДНР) или *Государственное высшее учебное заведение «Донецкий национальный университет им. Василя Стуса»* (г. Винница, Украина), хотя в реальности может существовать только *Донецкий национальный университет* и только в Донецке;

д) что парадоксальное с точки зрения графики, синтаксиса, логики и права лжеименование *Общеобразовательное учреждение «ЛИЦЕЙ «КОЛЛЕЖ»*

Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики следует считать официальным;

е) что во имя сохранения национальной культуры следует переводить или переименовывать «советские» названия: ул. Горная в Донбассе – вул. Гірська (в Карпатах?); пр. Ленина – пр. Волі (г. Луцк); пос. «Красный Партизан» – Бэтманово (от «партизана-американца»?).

Принцип субъектной первичности

Этот принцип в отличие от апеллятивной лексики связан с выделением в любом из типов СИ субъекта, поскольку первичная антропонимизация мира обусловлена его генетической ценностью.

Перефразируя философский парадокс Н. Бердяева «...субъект есть нумен, объект же есть феномен»¹⁸, отметим, что для онимной действительности «имя есть субъект, а собственность субъекта равна номинации объекта», постулируя при этом, что «обладатель номинации есть субъектообладатель». Деление СИ на «имя = субъект», а «объект = феномен субъекта» подчёркивает первичность личного имени, поскольку денотат в этом случае может быть вынесен за пределы номинации: обращение *женщина Наташа* невозможно.

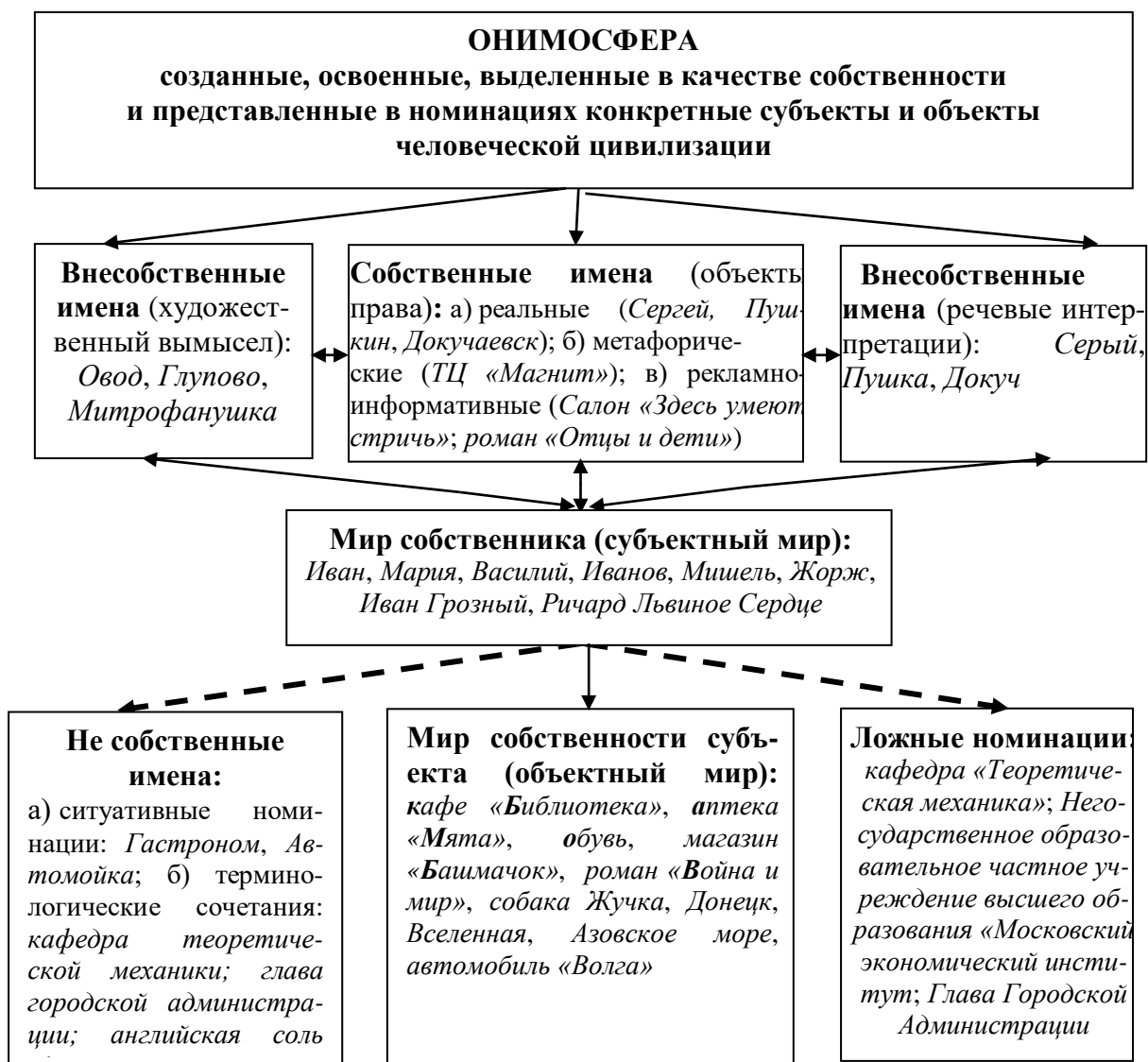
Имя становится как бы «вещью в себе», чего не скажешь об объектах, в которых апелляция к онимному денотату обязательна: *магазин «Цветы», собака Жучка* и т. п. Антропонимный мир идентифицирует СИ при помощи личного имени («Как тебя зовут?»), фамилии («Кто ты?») и отчества («Чей ты?»). Субъектный мир – это уникальное явление цивилизации, процесс становления которой для гражданина завершается в 16–18 лет.

¹⁸ Дословно это звучит следующим образом: «Первосознание погружено в субъект как первореальность, или, вернее, в нём дано тождество субъекта и объекта... Я это выразил недавно в парадоксе: субъективное объективно, объективное же субъективно, ибо субъект есть создание Бога, объект же есть создание субъекта. Субъект есть нумен, объект же есть феномен» [123, с.116].

Его уникальность заключается в том, что функционирование личного имени связано с его неотделимостью от обладателя: понятие перевода для него не существует, как не может существовать в праве двух одинаковых физических лиц.

Таблица 3

Объекты онимосферы

1.4.3. Классификация номинаций по их отношению к праву. В классической ономастике ощущается ситуация правовой неопределённости при попытке использовать учение древних греков о разделении имён на нарицательные и собственные для их последующей типологизации, опираясь на

пришедшее из латинского языка понятие *nomen proprium* (буквально: «имя конкретного предмета, созданное имеющими власть»).

Первая типологизация разделила СИ на имена людей (*антропонимы*) и географических объектов (*топонимы*), а позже – на наименования божеств (*теонимы*). Однако по мере появления новых объектов собственности, вовлечённых в имущественные отношения, появилась необходимость в расширении номинативной базы и формировании новых разрядов онимной лексики в рамках уже имеющихся классов:

– в антропонимии – *патронимов* и *матронимов* (часть родового имени, присваиваемого по имени отца или матери), *псевдонимов* (вымышленных имён, используемых в публичной деятельности вместо настоящих) *этнонимов* (названий наций, народов, племён);

– в топонимии – *ойконимов* (названий населённых пунктов), *астионимов* (названий городов), *урбанонимов* (названий улиц, площадей, набережных, проспектов и т. п.), *годонимов* (названий улиц), *агоронимов* (названий площадей), *оронимов* (названий гор и возвышенностей), *хоронимов* (названий административных территорий), *дримонимов* (наименований лесов, рощ), *спелеонимов* (названий пещер, гротов, пропастей), *космонимов* (названий созвездий), *астронимов* (названий звёзд, планет, астероидов), *ойкодомонимов* (названий зданий), *дромонимов* (названий дорог), *агронимов* (названий возделанных участков земли), *эргонимов* (названий деловых объединений людей, в том числе союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков) и др.;

– в гидронимии – *пелагонимов* (названий морей), *лиманонимов* (названий озёр), *потамонимов* (названий рек), *гелонимов* (названий болот) и др.;

– в прагматонимии – *хрематонимов* (названий предметов материальной культуры: холодильник «Норд», автомобиль «Волга»), *каронимов* (собственных имён кораблей: крейсер «Аврора», теплоход «Нахимов», катер «Отважный»),

ктематонимов (словесных элементов торгового знака: пиво «Юзбир», «Trix», «Филлипс»), *парфюнонимов* (названий ароматов и духов), *чоконимов* (названий шоколадных изделий) и др.;

– в хрононимии (названий событий определённого времени) – *геортонимов* (названий праздников).

В качестве периферийных онимных единиц стали также выделяться:

- *гемеронимы* (названия органов периодической печати);
- *фалеронимы* (названия орденов и медалей);
- *артионимы* (названия произведений изобразительного искусства);
- *библионимы* (названия письменных произведений);
- *порейонимы* (названия средств передвижения);
- *документонимы* (названия документов);
- *политонимы* (названия атрибутов и символов государства, эмблем организаций);
- *мифонимы* (имена мифических персонажей);
- *религионимы* (названия религиозных реалий) и т. д., и т. п.

Языковая структура по мере расширения количества СИ требовала новых исследований и слабо поддавалась описанию с точки зрения нормы.

«При наличии в ономастике немалого количества различных классификаций собственных имён единой, строгой, чёткой, классификации периферийных онимов на данный момент нет» [150, с. 36], поскольку «...достаточно размытые иерархические отношения между разрядами ономастической лексики, не поддающиеся жёсткому структурированию» [447, с. 3], описать невозможно.

Вторая типологизация базировалась на определении лексико-семантических связей и значений в структуре СИ. Она уравнивала их с другими типами имён, ограничивая их семантику лишь тем, что они имена собственные.

Попытка такого выделения была связана с научной деятельностью Ф.И. Буслаева и В.И. Болотова. Им казалось, что в этом есть резон:

- а) во-первых, потому что любое СИ обладает предметным значением;
- б) во-вторых, потому что СИ имеет определённую «договором» семантику и форму именования;
- в) в-третьих, потому что любое СИ обладает логическими признаками значений, обусловленными языковой формой:
 - бытийными, указывающими на существование обозначаемого;
 - классифицирующими, определяющими принадлежность предмета к конкретному денотату (человеку, городу, реке, океану, острову, событию, предприятию);
 - индивидуализирующими, обеспечивающими наречение данным именем одного из предметов в рамках денотата (*референта*);
 - характеризующими, включающими набор определённых значений референта, по которым можно определить, о чём или о ком идёт речь.

Третья типологизация была связана с процедурой разделения топонимов на макро- и микротопонимию.

Микротопонимами считались небольшие географические объекты, находящиеся внутри населённых пунктов, отличающиеся неустойчивостью употребления и немотивированным переходом в другие разряды онимной лексики, а *макротопонимами* – названия крупных объектов независимой от человека *биосферы*¹⁹ и сотворённой, осмысленной и «окультуренной» человеком *ноосферы*²⁰ с расширенной сферой её функционирования, фиксированной

¹⁹ **Биосфера** (от греч. *bios* – «жизнь» + *sphaira* – «шар») – это оболочка Земли, состав, строение и энергия которой определяются природными явлениями и живыми организмами. Первые данные о ней принадлежат Ж.Б. Ламарку, а понятие разработано австрийским геологом Е. Зюсс в 1875 г.

²⁰ **Ноосфера** (от греч. *noos* – «разум») – это высшая стадия развития биосферы, разумно управляемой человеком. Термин был введён в научный оборот французскими учёными Э. Леруа и П. Тейяром де Шарденом, а учение о ноосфере принадлежит В.И. Вернадскому,

литературно-нормативной ценностью и высокой степенью устойчивости. Подобная «облегчённая» классификация на самом деле ещё больше усложнила анализ собственного имени, поскольку микротопонимы могли выйти за рамки узкого употребления в конкретном социальном контексте и, преодолев первичную вариативность, приобрести признаки макротопонимии.

Так, посёлок *Моспино*, войдя в состав г. Донецка и потеряв статус самостоятельной административной единицы, превратился сначала в *микротопоним*, а когда разросся до масштабов города, стал по качественным характеристикам *астионимом*, а по количественным – *хоронимом* или *макротопонимом* (точнее, *внутригородским хоронимом*, или *урбанохоронимом*, поскольку занимал обширную территорию внутри другого мегаполиса).

Если же топонимы опирались на количественные (*Полесье*, *Подонцовье*; *Макеевка*, *Рабочие Городки*; ул. *Речная*, *Театр кино*), а урбанонимы – на качественные признаки (*улица*, *площадь*, *памятник*, *учреждение*), то было непонятно, можно ли к последним относить названия посёлков, входящих в состав городов [338].

Постоянно пополняющиеся классы проприальной лексики и размытая нормативность речевых форм при осмыслении субъектом своей индивидуальности в границах конкретной национальной общности привело общество к мысли о неадекватной фиксации этой неповторимости в языке.

Общественная практика бытования СИ в документальном контексте требовала чёткого закрепления за конкретным собственником его имущественного права в безвариантных разрядах онимной лексики и системного пересмотра принципов её классификации. Она не должна была абсолютизировать ни языковую основу имени собственного, ни его авторские коннотации, работая

согласно которому ноосфера связана с возникновением и установлением цивилизованного общества. Разумная деятельность становится главным фактором его развития, а человек – ответственным за сохранение жизни на Земле.

исключительно с конкретным объектом и максимально раскрывая его адресно-информативное поле. Языковая оценка норм передачи онимной лексики определялась уже не лексическими значениями, а степенью правовой защищённости собственника и уровнем информационно-адресной «раскрытости» конкретного онимного денотата, независимо от класса, к которому принадлежат стоящие за ним СИ (класс топонимии, антропонимии, гидронимии, ойконимии, хоронимии, хрононимии, оронимии, хрематонимии, космонимии или астронимии).

Четвёртая типологизация появилась как ответ на необходимость упорядочения системы функционирования СИ на основе онимного денотата и его языковых соответствий. Результатом усовершенствования стала разработанная А.В. Суперанской классификация из 22-х позиций:

- 1) названия-антропонимы (имена различных *живых существ*);
- 2) названия-зоонимы (имена различных *животных, птиц* и пр.);
- 3) названия-мифонимы (названия *литературных, музыкальных произведений, имена персонажей*);
- 4) названия-топонимы, включающие различные типы именований *географических мест*;
- 5) названия-космонимы и астронимы;
- 6) названия-фитонимы (*цветы, ягоды, фрукты, деревья*);
- 7) названия-хрематонимы (общие названия *предметов материальной культуры*): предметов быта, денежных единиц, драгоценных камней, металлов, предметов одежды;
- 8) названия-отсылки к социальному статусу человека, его профессии;
- 9) названия, связанные с внешней характеристикой человека;
- 10) названия-идеонимы (общие названия предметов *духовной культуры*): связанной с музыкой, литературой, театром, танцами, изобразительным искусством;

- 11) мифологические образы;
- 12) словесные товарные знаки (*бренды*);
- 13) названия-звукоподражания;
- 14) названия средств передвижения (*пароходов, лодок, яхт, космических кораблей, самолетов, автомашин* и т. п.);
- 15) названия *предприятий, учреждений, обществ, объединений*;
- 16) названия *органов периодической печати*;
- 17) названия-хрононимы (определённые отрезки времени);
- 18) названия праздников, юбилеев, торжеств;
- 19) названия мероприятий, кампаний, войн;
- 20) названия-документонимы;
- 21) названия *явлений природы*;
- 22) названия-фалеронимы (*ордена, медали, знаки отличия*).

Проанализировав связь ономастики с другими науками (географией, историей, социологией, литературоведением) и опираясь на труды отечественных и зарубежных учёных,²¹ она убедительно доказала, что собственные имена являются словами и «...принадлежат прежде всего лингвистике» [435, с. 5]. Описание модели их функционирования и определение специфики возникающих при этом лексико-семантических отношений (особенности склонения [425], ударения [426], перевода [427] употребления прописной буквы [424]) были произведены А.В. Суперанской на основе трёх показателей:

²¹ См.: В.Д. Беленькая [117], С.Л. Берг [122], Ж.Г. Биппер [127], Л.Л. Блумфильд [129], В.В. Виноградов [148], Г.О. Винокур [149], А.Х. Востоков [154], Я.К. Грот [174], Л.П. Калакуцкая [203], Ю.А. Карпенко [216; 217; 218], Г.Ф. Ковалев [221], Е. Курилович [235], А.А. Леонтьев [239], Л.К. Максимова [254], В.А. Никонов [360; 362; 363], Е.С.Отин [369; 371], А.А. Реформатский [392; 393; 394], А.М. Селищев [402; 403], В.Э. Сталтмане [416], А.М. Сухотин [449], О.Н. Трубачев [458; 459], Я.И. Шубов [491], Г.Шухардт [493].

а) денотата – выделенного множества однотипных предметов, привязанных к языковой структуре входящих в СИ элементов:

- *Ксения, Константин, Макарович* (антропонимы);
- город *Константиновка*, река *Дон*, проспект *Марии Ульяновой*, *Чёрное море* (топонимы).

б) речевых коннотаций – поэтонимов (*Аэлита, Ихтиандр, Анидаг, Иван-дурак, Город Солнца*) и коннотонимов (*Констаха, Батюшка Дон, Тимоха*).

в) количественных характеристик – микро- (ул. *Речная, Театр кино*) и макротопонимы (*Тихий океан, Россия*).

Таким образом, в рамках общей теории собственного имени было объединено множество языковых подходов, что обеспечило создание методик анализа СИ в конкретной социальной среде, но и обозначило ряд серьёзных проблем:

1. Классификация онимов по денотату и стилистической окраске была условной, поскольку одна и та же форма могла «перейти» из одного разряда в другой, олицетворять разные денотаты и выйти за пределы имени собственного:

- так, невозможный в официальном контексте вариант *Катюша* становился возможным при его трансонимизации: *машина ракетной артиллерии «Катюша»*;

- внеонимное именование структурных подразделений вуза (*кафедра теоретической механики*) могло подвергнуться онимизации при перенесении в художественную реальность (роман И. Грековой «*Кафедра*») и стать основой лжеименования (*Кафедра «Теоретическая механика»*).

2. Описание частных случаев употребления онимных форм в конкретной коммуникативной среде не «вписывалось» в универсальные принципы их передачи: речевые коннотации референта могли «перевернуть» и даже уничтожить денотат: *Днепр* – мог стать городом, а не рекой; *Эверест, Монблан* – стать прозвищами людей и т. п.

3. Разделение топонимов по принципу *микро-* / *макро-* устраняло их денотаты и исключало объектную характеристику, что размывало отличия микротопонимии от урбанонимии: первые становились ведущими, а вторые – опосредованными.

4. Отношение к онимам как словам, имеющим лексическое значение, провоцировало идеологическую переоценку и административный контроль за процессами именования, что противоречило устремлениям социума, для которого СИ ассоциировалось прежде всего с правом собственника на имя и принадлежащую ему собственность.

5. Абсолютизация античного подхода к СИ заменяло классификацию онимов классификацией номенклатурных терминов, выраженных именами существительными.

Однако собственные имена по своей внеязыковой природе не ограничивались только грамматическими характеристиками в пределах одного класса, они существовали в рамках слов, словосочетаний и предложений, принадлежащих к любой части речи и любой синтаксической конструкции:

- юрфирма «**Вправе**» (наречие, хотя отвечает на вопрос «какая?»);
- труд М. В. Ломоносова «**Явление Венеры на Солнце, наблюждённое в Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук Майя 26 дня 1761 года**» (предложение).

Исходя из этого, относить современные СИ к частям речи не имеет смысла. Гораздо убедительней выглядит поэтому их разделение на классы по отношению к собственности.

Классы собственных имён

1. Класс номинаций с реальным собственником. За ним закрепляется обобщённый денотат с чётко выраженной адресной функцией. Он исключает референтные коннотации и оперирует в первую очередь антропонимами («имя =

субъекту») или другими разрядами имён, указывающими на собственность субъекта («имя объекта = феномену субъекта») [123].

В первом случае денотат может выноситься за пределы номинации (обращение *мужчина Николай* невозможно), во втором – апелляция к денотату обязательна (*кинотеатр «Кристалл», цирк «Космос»*), но в любом случае их языковая форма мотивируется степенью онимизации:

а) полная степень онимизации присуща только антропонимам, поскольку обладатель имени является одновременно его собственником (право на личное имя не может быть «делегировано» никому). Эта характерная особенность личного именослова исключает понятие перевода (*Жан – Иван*) или «эквивалентной замены» (*Антон – Антін*), но предполагает формальные изменения в других проприальных культурах: рус. *Михаил Николаевич* > укр. *Михаїл Ніколайович*.

б) выборочная степень онимизации характерна для объектной номинации, в структуру которой в обязательном порядке включается номенклатурный термин, а субъект является обладателем названной им собственности. Перевод в таком случае неприемлем для элементов, относящихся к группе СИ, но обязателен для денотативной группы слов:

– *Прачечная-химчистка «Белый кот» – Пральня-хімчистка «Білий кот»;*
 – *Донецкий государственный университет управления – Донецький державний університет управління.*

Он также необходим при осмыслении пространственных объектов, расположенных в пределах разных государств и языковых сообществ, или для фиксации информации о собственности в родственных языках / мировом контексте:

– в России *река Днепр*, а в Украине *річка Дніпро*;
 – рус. г. *Славянск* – укр. *Слов'янськ* (Донбасс; от «славяне» // «слов'яни»),
 но *Сл'вянськ* (Кубань; от «слава»);

– *проспект (имени) Освобождения Донбасса – проспект Визволення Донбассу.*

Разная степень адресно-информативной насыщенности должны иметь и разные нормы её презентации в документах:

– рус. *Голубой залив* – укр. *Голуба затока* («залив» – слово, перевод необходим);

– рус. *«Голубой Залив»* (гостиница) – укр. *«Голубой Залів»*;

– рус. *ул. Октябрьская* – укр. *Октябрська* (важна адресная функция, а не связь с *Октябрём* – информативность нулевая);

– рус. *ул. Октябрьской революции* – вул. *Жовтневої революції* (всемирно-историческая значимость с определённой адресной функцией) и т. п.

2. Класс номинаций с условным собственником, который обязывает внешних «пользователей» выносить имена за пределы реальности, включать в собственный онимный ресурс и пренебрегать общепринятыми денотатами, оперируя исключительно референтными оценками:

а) референтная степень онимизации заменяет реальный денотат его коннотативно-речевым осмыслением:

– *Ксения > Ксюха, Аксинья, Оксана*;

– *Владивосток > Владик*;

– *Анна > Ганна, Аннушка*;

– *Театральный институт имени Бориса Щукина > Щука*;

– *Яна > Янка, Януха*;

– *Шевченко > Шева*.

Непредсказуемое количество коннотонимов существует в таких названиях вне официального контекста и не поддаётся нормированию, кроме случаев трансонимизации: например, при фиксации фамилии *Ксюха* или парикмахерской «*Аннушка*»;

б) внереферентная степень онимизации связана с вымышленным денотатом и несуществующим референтом, рождённым авторской фантазией и воплощённым в поэтонимах или метафорических формах этнонимов:

- *Робинзон Крузо, Капторанг, Лимпопо*;
- офисная мебель «*У меня*» (г. Керчь);
- гастронаб «*Эти русские*» (г. Ялта);
- кожгалантерея «*La сумки*» (г. Донецк);
- мастерская «*Чинильня*» (г. Донецк);
- свадебный салон «*Счастье с 1965 года*» (г. Донецк).

Поскольку вымысел связан с нормами автора, их нельзя изменять, но можно переводить, исходя из ситуации, если речь идёт о рекламе, при наличии в СИ лексического значения:

- *Город Солнца – Місто Сонця*;
- ресторан «*Возьми с собой*» – ресторан «*Візьми з собою*» (г. Донецк);
- маркет «*Дешевле некуда*» – «*Дешевше нікуди*» (г. Симферополь).
- кафе «*Хорошее место*» – «*Добре місце*» (г. Донецк).

3. Класс номинаций, не связанных с собственником. Он имеет нулевую степень онимизации и объективно представляет нарицательные имена, которые не способны выполнять функцию выделения для конкретного объекта.

Все структурные элементы этого класса обладают лексическим значением, переводятся на все языки и не выделяются прописной буквой (*министр образования, отдел продаж*, а не *Министр образования* или *Отдел продаж*).

Возможно лишь употребление заглавной буквы как начало номинативного предложения, при фиксации номинативных конструкций на вывесках, табличках, бланках:

- *Гастроном, Кинотеатр, Мясной ресторан, Магазин*;
- *Отдел внешних связей, Юридический факультет*;
- *Директор, Министр* и т. п.

Таблица 4

Правовая классификация современных номинаций

ОНОМАСТИКА				
Класс условных собственных имён (авторские нормы)		Класс реальных собственных имён (нормы права)		Класс внеонимных номинаций (нормы языка)
Референтная степень онимизации – внешнеречевые интерпретации СИ, в том числе межъязыковые коннотонимы.	Внереферентная степень онимизации – художественно-языковые вымыслы (поэтонимы). Перевод возможен при наличии лексических значений в структуре авторских СИ.	Полная степень онимизации – официальные именованья субъектов (антропонимы)	Выборочная степень онимизации – официальные СИ (проприонимы). Перевод необходим для номенклатурных терминов и возможен при передаче информации в контактных культурах.	Нулевая степень онимизации (нарицательные имена). Перевод обязателен)
Принципы идентификации: а) собственник вне номинации; б) референт, а не денотат; в) коннотации вместо лексических значений: <i>Ксения > Ксюха, Оксана; Владивосток > Владик; Театральный ин-т им. Щукина > Щука.</i>	Принципы идентификации: а) собственник – автор; б) денотат вымышленный; в) референт отсутствует: <i>Робинзон Крузо, Лимпопо; Город Солнца – Місто Сонця, ресторан «Возьми с собой» – «Візьми з собою», маркет «Дешевле некуда» – «Дешевше нікуди».</i>	Принципы идентификации: а) собственник = его обладатель; б) денотат официальный; в) лексические значения и коннотации отсутствуют: <i>Дмитрий Швидкий, Екатерина, Николаевич, – Дмитрій Швидкий, Єкатерина, Ніколайович (а не Дмитро, Катерина, Швидкой, Миколайович).</i>	Принципы идентификации: а) субъект = обладатель собственности; б) денотат официальный; в) лексические значения и коннотации отсутствуют: <i>Донецкий государственный университет управления – Донецький державний університет управління; пр. (им.) Освобождения Донбасса – пр. Визволення Донбасу.</i>	Принципы идентификации: а) собственник отсутствует; б) выделительной функции нет; в) коннотации отсутствуют, но есть лексические значения: <i>министр образования, отдел внешних связей, промтовары, химчистка, обувная мастерская, кафедра теоретической механики, факультет экономики и менеджмента.</i>

Выводы к первой главе

Социальная практика, сопряжённая со стремлением собственника отстоять своё право на имя, и игнорирование этого права политическими структурами, иницирующими явные или скрытые переименования, доказывает, что теории имени собственного как явления языка или речи, не абсолютны. Они могли существовать у первичной модели именования, которая оперировала именем существительным, имеющим лексическое значение, отличаясь от него лишь ситуативным выделением предмета из ряда подобных, но её нельзя было переносить в современность, в которой номинативное осмысление стало априори другим.

1. Собственное имя – не аналог имени существительного. Оно противопоставлено не нарицательным именам (языковой подход), а всей апеллятивной лексике (социальный подход). Это исключительно составные конструкции, куда явно или скрыто, но обязательно входят номенклатурные термины (денотат) и собственно онимная единица с возможными определителями: *фестиваль «Донецкий джаз»*).

2. Собственные имена – особый класс лексики. Имея формальные признаки частей речи, они не принадлежат к ним ни по семантике, ни по грамматике, ни по графическим признакам.

3. СИ – это слово и не совсем слово. Опираясь на понятия «корень», «аффиксы», «окончания» в языке и речи, собственные имена десемантизируются при их перенесении в материальную сферу с конкретными объектами номинации (так, фамилия *Панибудьласка* и ресторан «*вСе ли Поели*» – псевдопредложения, в которых проблематично вычленить морфемы в слове или слово в тексте).

4. Для СИ не существует понятия перевода, за исключением случаев, когда он оправдан рекламно-метафорическим онимом-предложением с внутренними

лексико-грамматическими связями и лексическим значением (*магазин «Купи продукты у Али»*). Это условный языковой знак, не имеющий лексического значения, но обязательно включающий информацию о собственнике (*Григорий Сковорода* – философ, но не кухонная утварь).

5. Речевые формы СИ, являясь внешними интерпретациями или художественным вымыслом, не принадлежат собственнику и противопоставляются в этом смысле реальным номинациям: *г. Констаха* – *Константиновке*; *Микола, Ник, Колян* – *Николаю*; *Чацкий* – *Фамусову* и т. п.

6. Изучением СИ должна заниматься **проприономенология** (от лат. *proprietas, atis, f* «право собственности» + *nomen* «имя» + греч. *λόγος* «слово; мысль, смысл, понятие») – раздел ономастики, изучающий происхождение собственных имён как активаторов культурно-исторической реальности, принципы их выделения, способы передачи правовой информации о собственнике и его собственности в различных языковых системах.

Проприономенологию интересует не слово, а характеристика объекта. В связи с этим слова (апеллятивная лексика) и СИ (проприальная лексика), имея одинаковую внешнюю структуру (звуки, слоги, графику, морфемы), различаются внутренним содержанием. Слова обозначают понятия и имеют лексические значения, а СИ указывают на конкретный денотат, который не может быть изменён, но должен адаптироваться к новому фонетико-графическому «рисунку»: *Елена* > укр. *Єлена*; *Донецк* > укр. *Донецьк*.

Проприономенология апеллирует к системе «чужого» языка только в том случае, если она не искажает, а подтверждает первичную информацию о собственнике: рус. *Славянск* (от *славяне*, Донбасс) – укр. *Слов'янськ* (от *слов'яни*), но укр. *Славянськ* (от *сла́ва*, Краснодарский край).

7. Единицы СИ, указывающие на денотат и теряющие при этом лексическое значение, перестают быть словами: человек с фамилией *Безродный* может иметь семью, фамилия *Кошкин* не связана с котом, город *Набережные Челны* не имеет

отношения ни к береговой полосе, ни к лодкам, поэтому их перевод недопустим. Но если собственник не определён, перед нами не СИ, а значит, оно не может писаться с прописной буквы: *кафедра гуманитарных наук*, но *роман «Кафедра»* (и не может быть *Кафедра «Гуманитарные науки»*), *донецкий кинотеатр*, но *Театр наций* в г. Париже (и не может быть *Донецкий кинотеатр* или *театр наций*).

8. Все номинации (собственные и нарицательные) в зависимости от форм их презентации выполняют три основные функции:

– функцию обобщения родовых понятий (абстрактных денотатов), не представляющих собственника и вступающих в лексико-грамматические отношения как обычные слова: *бертоллетова соль*, *английская булавка*;

– функцию внесобственных имён с вымышленными денотатами, авторскими коннотациями и лексико-стилистическими характеристиками: *Мальчиш-Плохиш*, *Кикимора*, *Обломов*, *Макс – Максик – Максимчик*, *Город Петра – Северная Пальмира – Северная столица – Петра творенье*;

– функцию собственных имён, имеющих реальный денотат и нейтральные коннотации, лишённые стилистической окраски: *Максим*, но не *Макс*; *Петербург*, но не *Питер*; *Лёвочкин*, но не укр. *Левочкін*; *Щукинское театральное училище*, но не «*Щука*».

Исходя из этих функций, СИ делятся на классы.

А. Класс номинаций с реальным собственником. За ним закрепляется обобщённый денотат с адресной функцией, который исключает референтные коннотации и оперирует антропонимами («имя = субъекту») и другими разрядами имён, указывающих на собственность субъекта («имя объекта = феномену субъекта»). В первом случае денотат выносится за пределы номинации (обращение *мужчина Николай* невозможно), во втором – апелляция к денотату обязательна (*кинотеатр «Кристалл»*), но в любом случае их языковая форма мотивируется степенью онимизации:

а) полная степень присуща антропонимам, исключаяющим понятие перевода (*Жан – Иван*) или «эквивалентной замены» (*Антон – Антін*), но предполагающим формальные изменения: рус. *Михаил Николаевич* > укр. *Михайл Ніколайович*.

б) выборочная степень характерна для объектной номинации, в структуру которой в обязательном порядке включается номенклатурный термин, а субъект является обладателем названной собственности. Перевод в таком случае неприемлем для элементов, относящихся к СИ, но обязателен для денотативной группы: *Донецкий государственный университет управления – Донецький державний університет управління*.

Б. Класс номинаций с условным собственником, который обязывает внешних «пользователей» выносить имена за пределы реальности, включать в собственный онимный ресурс и пренебрегать общепринятыми денотатами, оперируя исключительно референтными оценками: личное имя *Ксения* > прозвища *Ксюха, Аксинья, Оксана; Театральный институт имени Бориса Щукина* > коннотоним *Щука*; поэтонимы *Лилипутия, Скотинин, Враль* и т. п.

В. Класс номинаций, не связанных с собственником. Он имеет нулевую степень онимизации и объективно представляет нарицательные имена, которые не имеют функции выделения и указания на конкретный объект (*министр образования, отдел внешних связей*, а не *Министр образования* или *Отдел внешних связей*). Возможно лишь употребление заглавной буквы в качестве начала номинативного предложения, используемого на вывесках, табличках и бланках: *Гастроном, Продукты, Химтовары, Парфюмерия, Мясной ресторан, Магазин, Отдел внешних связей, Ресторан быстрого питания, Женская одежда, Хлеб, Юридический факультет, Директор* и т. п.

Глава 2

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП СТРУКТУРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ ОНИМНОГО СОЗНАНИЯ

Собственные имена – явление социальное. Поэтому их рассмотрение с точки зрения лексических отношений в том или ином разряде имени существительного, если речь идёт о генетической природе номинаций, превращается в задачу со многими неизвестными. Она не может быть решена до тех пор, пока собственные имена не будут включены в контекст структурной организации общества на разных этапах его функционирования и не будут выявлены истоки первичной номинативности.

Представить при этом дописьменное общество во всех деталях его функционирования в мировом контексте вряд ли возможно. Причины появления современного онимного сознания можно установить, лишь сопоставив его с характером и тенденциями развития имущественно-правовых отношений на конкретной территории и в конкретный период формирования культурно-исторической общности.

* * *

2.1. Истоки и формы первичной номинативности

Определить первичные истоки возникновения онимной культуры необычайно сложно, поскольку доисторический период скрыт от современного человека из-за отсутствия письменных источников. В первобытном обществе, где

сознание человека охватывало лишь минимальные границы неосвоенного им сложного мира природы, названий в современном смысле этого слова существовать не могло, поскольку не существовало «очеловеченных» предметов хозяйственной деятельности. Однако гипотетически можно оценить уровень общения внутри ограниченного языкового коллектива (семья, племя) как выделение отдельных его представителей с помощью разного рода звуков, жестов, мимики, ритуального танца и т. п. Такие виды общения формировали его культуру, которая объективно привела к возникновению протоимён. У славян она формировалась приблизительно со второго–первого тыс. до н. э. и до X в. н. э.

Традиционно поиск причин и мотивов возникновения онимной лексики связывают с естественным стремлением человека к выделению из огромного количества явлений окружающей действительности конкретных предметов путём их именования. Между тем акт их выделения ещё не гарантирует отнесение номинации к СИ. Этого нельзя отрицать даже в современном обществе, осознающем уникальность своего существования в мире. Так, обращение к незнакомому человеку с помощью междометий («Эй!», «А-гов!»), жестов, мимики, улыбок, смеха, плача (первично наиболее вероятных способов установления контакта) или вербальных характеристик по полу или возрасту («Мужчина!», «Молодой человек!», «Девушка!»), как и ситуативное употребление номенклатурных терминов или реклам в качестве наименований («Как пройти к *реке?*», «Ты сегодня поедешь в *город?*», *Супермаркет*, *Продукты*, *Гуляй в Парке!*), не вписываются в теорию проприноменологии²².

Случаи написания обычных слов с прописной буквы лишь подтверждает этот тезис, свидетельствуя о переходе нарицательных имён в ситуативные собственные имена и стоящими за этим процессом поэтонимами: «Однажды, в

²² В устоявшейся лингвистической традиции под именем собственным понимается «...слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [49, с. 473].

мае месяце, когда *Город* проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетмана,... прокатился по *Городу* страшный и зловещий звук» (так характеризуется Киев у Михаила Булгакова во времена гражданской войны).

Не случайно споры о происхождении языка и сопутствующих этому процессу имён и названий не утихают до сих пор, которые тем не менее так и не получили своего разрешения: Р.И. Агеева [100], Н.П. Барсов [112], И. Борисюк [134], М. Максимович [255], Н.И. Надеждин [357], В.П. Нерознак [359], А.Х. Халиков [467], Е.А. Чемякин [479], В.К. Чичагов [481], А.Н. Членов [482], Б.В. Якушин [504].

На начальном этапе под генезисом собственного имени подразумевалось время их появления. Понимая, что определить это невозможно, философы пытались связать его с теорией божественного происхождения языка и, соответственно, номинаций, связанных с понятием ономатета (от др.-греч. *ὀνοματοθέτης* «дающий имя, создатель или творец наименований». Его ввёл Пифагор, полагающий, что только Бог или Учитель могли дать имена предметам, неразрывно связанных с ними и даже обладающих способностью заменять друг друга. Такая трактовка зафиксирована и в Священном писании («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»), идея которого сохранилась до настоящего времени.

В Ветхом Завете, например, описывается наделение Адама полномочиями именовать в Эдеме животных, а согласно Корану, имена поручено Аллахом давать Адаму как первому человеку и пророку на Земле.

На втором этапе тема происхождения СИ заинтересовала учёных, которые постепенно стали подменять её историей их изучения, поиском значений или описанием грамматических форм и функций в языке и речи. Результаты подобных исследований напрямую зависели от роли, функций и социального статуса имён собственных в конкретный момент времени. И это вполне

объяснимо, учитывая психологию человека, направленную на сиюминутные потребности собственного существования.

Глубинная сущность открылась позже, когда онимная нестабильность стала повторяться в разных правовых контекстах и превратилась в опасную тенденцию. Непредсказуемость вариантов привело к осознанию одного из главных парадоксов ономастики: «...рост, с одной стороны её популярности, связанный с поиском национального «я» в условиях глобализации, но с другой, пренебрежение номинаторов к традиционным способам именования объектов и нормам функционирования собственных имён» [331, с.59].

Уровень номинативного сознания стал напрямую зависеть от характера хозяйственно-продуктивной деятельности и появления тех или иных форм собственности. Они, в свою очередь, стали влиять на способы объединения людей в общественные коллективы, начиная от семьи, рода и заканчивая образованием государства. Этот взаимообусловленный и обоюдонаправленный процесс предопределил деление онимной истории на два условных этапа:

- 1) доисторический (дописьменный);
- 2) исторический (письменный)²³.

²³ Язык – наиболее универсальный критерий определения этапов развития цивилизации, хотя приблизительно такие же этапы выделяют философы (доисторический и исторический) или учёные, занимающиеся проблемами экологии человека:

«1. Доисторический (доцивилизационный), когда имеет место неосознанное сотрудничество, а противостояние носит неантогонистический характер;

2. Исторический (цивилизационный, современный). Для этого этапа отличительны: нарастание конфронтационных, антагонистических отношений между природой и обществом; производящая деятельность, ведущая к уничтожению естественной среды обитания; быстрая смена естественных ландшафтов антропогенными; постепенное осознание губительности конфронтационных отношений» [248, с. 37]. Заметим, что в культурологии выделяют также доисторический, локально-исторический, период осевого времени и технического века, век перехода к единой мировой цивилизации (см. [185]), а в техническом знании – этап зарождения техники, этапы ремесленной, машинной и современной (информационной) техники (см.: [104]).

Условность этой периодизации определяется тем, что она осуществляется с позиции современного человека, представляющего древний мир абстрактно. Настолько абстрактно, что три миллиона лет, которые отделяют доисторический этап от исторического, когда возникла письменность и сформировалось государство (т. е. около 5 тыс. лет назад), кажутся ему равнозначными.

Между тем в разных социальных контекстах не может быть одинаково точных дат появления того или иного разряда СИ. Они, как правило, несопоставимы и разноплановы, хотя нивелируются тем, что вписываются в хронологические стандарты конкретного региона, которые могут не соответствовать общемировым, но выглядеть более убедительно, нежели планетарные.

Историки ономастики должны поэтому интересоваться не трансцендентные факты «рождения имён», а имманентные процессы, происходящие на разных территориях и в разное время, но совпадающие по своим социальным условиям, целям и результатам. Наиболее убедительными для их анализа оказываются границы заселения древней восточнославянской общности в дописьменный период её развития, начиная от первобытных коллективов и заканчиваясь христианизацией Руси.

Этот этап наиболее ценен для описания генезиса номинативного сознания, опирающегося на три первичных типа номинативности:

1) междоменно-невербальный (примитивно номинативный) как тип адресного выделения объектов, включенных в процесс совместной деятельности, истоки которого кроются в первобытном обществе;

2) субстантивный (протоонимный тип), характерный для родоплеменной организации общества;

3) диффузный (условно онимный тип), опирающийся на традиции языческой культуры русской общины.

2.2. Междоменно-линейная актуализация мира первичного человека

Междоменно-линейная актуализация мира (термин Н.Я. Марра: [258]) охватывала бóльшую часть истории человечества, проживавшего в условиях первобытнообщинного строя, который встречается в виде анклава даже в реалиях сегодняшнего дня. И именно поэтому понятие «первобытный» нельзя считать синонимом дикости.

«Первобытные люди весьма часто дают доказательства своей поразительной ловкости и искусности в организации своих охотничьих и рыболовных предприятий, они очень часто обнаруживают дар изобретательности и поразительного мастерства в своих произведениях искусства, они говорят на языках, подчас очень сложных, имеющих порой столь же тонкий синтаксис, как и наши собственные языки, а в миссионерских школах индейские дети учатся так же хорошо и так же быстро, как и дети белых... Однако другие факты, не менее поразительные, показывают, что в огромном количестве случаев первобытное мышление отличается от нашего. Оно совершенно иначе ориентировано.

Там, где мы ищем вторичные причины, устойчивые предшествующие моменты (антецеденты), первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Оно без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может в одно и то же время пребывать в двух или нескольких местах. Оно обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум. Вот почему позволительно называть это мышление, при сравнении с нашим, пралогическим» [236, с. 130].

Таким образом, начальное сознание – это символ первичности, но не первобытности, и в этом смысле в нём логичнее искать истоки появления

современной культуры, к которой, несомненно, принадлежит и история региональной номинации [454].

Первичное существование человека было связано с его хаотической организацией в стаде, а затем структуризацией в пределах семьи, проживающей в ситуации «первобытного коммунизма» на ограниченной территории с минимальным количеством людей (от семи до десяти человек). В донеандертальской культуре такие общности возникли около двух млн. лет назад. Их существование диктовалось необходимостью в добыче пищи и защиты от агрессивной внешней среды, что мотивировалось отсутствием собственности и применением в качестве орудий труда палок, кольев или камней. Минимизация потребностей рождала примитивную форму выделения отдельных членов общности на довербальном (концептуальном) уровне (см.: [417, с. 340]).

Основным средством общения была демонстрация опыта при обучении трудовым навыкам, сопровождавшемся определённым звукорядом, мимикой, жестами, танцами, с помощью которых акцентировались образцы для подражания, превращающиеся при копировании в узаконенный ритуал.

Мышление в такой ситуации охватывало лишь отдельные предметы, включённые в процесс жизнедеятельности. Однако любой из них становился уникальным, приближающимся по своей сути к первичной онимизации, не переставая быть общим. Для первобытного человека мир в современном его понимании не существовал, как не существует он у младенца, выхватывающего новорождённым сознанием лишь необходимую для выживания абстракцию, попадающую в поле зрительного и чувственного восприятия. Но, не выделяя неведомое, он признаёт его как NOMEN ABSOLUTE.

Такой путь социализации был характерен и для младенческой истории человечества в доязыковой период его развития, не связанного с привычными для нас категориями времени, рода, количества, качества, но обладающего искусством сосредоточения внимания на конкретном предмете, человеке или

явлении. В роли СИ в этом случае могли выступать любые звуки (они были связаны с явлением *ономатопеи* – от др.-греч. термина *ὀνοματοποιῖα*, лат. *onomatopoeia*, т. е. со словотворчеством, которое в настоящее время сузилось до анализа звукоизобразительных средств в языке. «Ономатопозитическая теория различает два способа образования звукоизобразительных слов: непосредственное подражание внешнему звучанию – звукоподражательные слова (*булькать*) и ассоциативное сходство звучания слова с признаком предмета – звукообразные слова (в банту: *bafo-bafo* – «живая находка»)» [504, с. 7]. Первичное звукоподражание относилось, однако, в равной степени как к одушевлённым, так и одухотворённым предметам, включённым в процесс общения с природой (тотемом).²⁴

В междоменно-невербальном мире младономинативного осмысления действительности конкретный язык не имел значения: он мог меняться при миграции, слиянии и ассимиляции с другими языковыми общностями. Вот почему на всём огромном пространстве индоевропейской семьи народов могли появляться практически одинаковые корни значимых для первичного человека слов. И именно в таком контексте примитивного словотворчества мог состояться акт ситуативного выделения конкретных лиц, явлений и окружающих их предметов, например: ностратические корни **mī* «я» > рус. *мне*, лат. и англ. *me*

²⁴ Первичный человек не воспринимал материальный мир ценностей – он жил в мироощущениях. Так живёт, например, племя пираху (территория совр. Бразилии у притока реки Амазонки), которое насчитывает около 450-ти человек.

Они самодостаточны, не контактируют с другими племенами, не агрессивны. У местных жителей нет собственности, иерархии, разделения на семьи и других социально-моральных условностей. Всё, что есть в деревне, принадлежит всем членам общины. Они не боятся смерти и болезней, не запасают еду впрок, считают сон продолжением реальности и спят, когда захотят. Другой мир им не нужен, и понять его они не могут, поскольку язык состоит из трех гласных и семи согласных, не имеет категории времени, склонения, рода, числа и признака. Для них существует только ПРЕДМЕТ и ИМЯ, которое нужно менять раз в семь лет (цифры, конечно, условны), чтобы защитить себя от злых духов. У них нет прошлого и будущего, они оперируют понятиями здесь и сейчас.

«меня», финск. *minä* «я», татарск. *min* «я», грузинск. *me* «я»; **tu* // **tī* «ты» > рус. *ты*, лат. *tu*, староангл. *thou*, мордовск. *тон*, венг. *te*, монг. *чи*; рус. *дочь* // англ. *daughter* // нем. *Tochter* // греч. *thügater*; рус. *мёд* // укр. *мед* // англ. *mead* // нем. *Met* // греч. *methü*, инд. *Mathu*; рус. *дым* // лат. *fumus* // греч. *thümos* // инд. *Dhumos* и т. п.

Номинативное выделение не могло преодолеть границы ситуации и достигнуть уровня обобщения, но оно обеспечило формирование коллективного мышления и технологии совместной жизнедеятельности. Дальнейшее культурное развитие всё сильнее связывалось с возникновением языка. Появившаяся на его основе речь открыла путь к осознанию человеком своего места в иерархии природы и социума, сформировав условия для самовыражения и отстаивания своих позиций среди других членов языкового коллектива.

2.3. Субстантивно-тотемный тип протоонимной культуры Донбасса

Диалогический характер устной речи предполагал наличие вербальных средств привлечения внимания при помощи звукоподражательных конструкций и междометных доонимных обращений, а первичная уникальность предметов и явлений «очеловеченной» природы вербализовывалась в именах-символах (NOMEN UNICUM), которые создавали теперь общую картину культуры древнего мира с возможным расширением нарицательных имён (например, *гора*, *река*, *лес*) до уровня условно собственных. О существовании других гор и рек человек просто не догадывался, а если они и появлялись в его практике, то оставались просто горой и рекой. Однако такое родовое выделение объектов стимулировало развитие онимного мышления, членораздельной речи и накопление знаний.

Кажущаяся примитивность социализации запустила в оборот механизм совершенствования структуры человеческого самоутверждения – от семьи и стада до более развитых объединений в виде рода и племени. С них и начался процесс актуализации человеческого сознания на более значительных и контролируемых человеком территориях, подобных нынешнему Донбассу (см.: [275]). Здесь природные условия были суровыми, поэтому первичные поселения появились намного позже, чем на других территориях и континентах мира. Археологи утверждают, что это произошло 150 тыс. лет назад, хотя структуризация коллективов сразу же достигла уровня рода и общины. Это, конечно, несопоставимо с тремя миллионами лет древней истории человечества. К этому времени, например, Закарпатье, Нижнее Подонье и Северный Кавказ уже были освоены первобытными племенами. Но это отнюдь не означает, что дальнейшее освоение края было обречено на отставание.

Сначала люди здесь жили эпизодически, но 115 тыс. лет назад, когда в Европе установился тёплый и влажный климат (*эпоха палеолита*), начинается интенсивное заселение территорий Подонья и Причерноморья неандертальцами – мигрантами из Западной и Центральной Европы. Об этом, в частности, свидетельствуют раскопки в *Артёмовском (Бахмутском), Марьинском, Славянском и Константиновском районах*, где существовали залежи кремния, используемого для изготовления орудий охоты.

В это же время появляются зачатки религиозных верований, соединённых с охотой, природой и культом зверя. Тотемизм стал обрядовой основой социализации человека, связанной незримыми нитями с представлением о других родах первыми номинациями, выделяющими род по имени тотема – священного животного или растения.

Говорить о том, какие виды собственности и формы общения в это время преобладали, а тем более существовала ли тогда культура «светской» номинации, очень сложно, но не невозможно, учитывая первичную малочисленность рода,

отсутствие собственности, хозяйственной деятельности и неосвоенность территории, меняющейся в условиях постоянной миграции.

Процессы усовершенствования номинативного сознания на территории Дикого поля²⁵ ускорила *неолитическая революция*, которая произошла здесь 10–15 тыс. лет назад. Она научила первобытного человека добывать огонь, строить примитивные жилища и изготавливать основные орудия труда каменного века (копья, топоры, скребки, костяные крючки), употребляемые для охоты, рыбной ловли и домашней работы, что повлекло за собой переход к земледелию и скотоводству, мотивируя оседлый образ жизни в родовых объединениях, численность которых достигала теперь 30-ти и более человек. Родовая организация общества становится первичной ячейкой структуризации и хозяйственной мотивации на основе общественной собственности.

Однако её оседлость была условной. Она постоянно нарушалась набегами тюркоязычных кочевников, стимулирующих, впрочем, и их взаимодействие с «местным» населением. Диалектический симбиоз тюрков и славян, войны и мира, полупромышленного и сельского уклада стал естественным для территории современного Донбасса. Он дал старт хозяйственному освоению края на новом витке социальных отношений.

Сущностной чертой и особенностью «первичного коммунизма» стала принадлежность земли общине и каждому её отдельному субъекту, который мог пользоваться продуктами производства наравне со всеми. Это был не надуманный акт, а объективная необходимость: неразвитым производительным силам было противопоставлено участие всех в производстве продуктов, без чего выжить отдельному человеку и общине было просто невозможно. На территории Донбасса это выглядело следующим образом.

²⁵ Термин «Дикое поле» многозначен и во многом метафоричен. В контексте Донбасса мы будем понимать под ним территорию неразграниченных и малозаселённых причерноморских и приазовских степей, расположенных между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке.

Около 35–30 тыс. лет тому назад неандертальцев постепенно сменили люди современного типа – *homo sapiens*, происхождение которых связано с **поздним палеолитом**. Наиболее ранние их анклавы появились в том числе и на Среднем Дону, в Поднестровье, Приазовье и Крыму.

Одинаковость их развития в разных с современной точки зрения регионах была связана с тем, что акватория Азовского и Черного морей тогда была намного меньшей, а Крым был частью материка. Ландшафты напоминали тундру и зону тайги, где водились бизоны, северные олени, дикие кони, волки, зайцы и кабаны. Степь перемежалась здесь с островками леса, что способствовало появлению племен охотников, которые кочевали вместе с миграциями зверей.

Об этом свидетельствуют памятники сезонной охоты на бизонов позднего палеолита недалеко от *Амвросиевки*, стоянки близ *Фёдоровки* Володарского района, мастерские по изготовлению кремневых изделий в селе *Новоклиновка* Амвросиевского района и селе *Сидорово* Славянского района.

Около десяти тыс. лет назад, когда на планете возникли климатические условия, похожие на современные, и, соответственно, изменились границы географической зональности, у древних людей появились новые способы хозяйственной адаптации к природной среде – охотничья экономика. Этот период называли **мезолитом**. На территории Донбасса он представлен стоянками древнего человека в городе *Моспино*, сёлах *Александровка* и *Ольгинка* Волновахского района, в *Краснолиманском районе*, на хуторах *Шевченко* и *Зимовники* близ Луганска.

Приблизительно восемь тыс. лет назад начался **неолитический период**, главным археологическим критерием которого считается керамика. Большинство стоянок неолита зафиксировано на невысоких песчаных холмах Северского Донца, где формировалась *Днепровско-Донецкая культурная общность*, пережившая несколько первобытных цивилизаций.

Шесть-пять тысяч лет назад, когда люди начали выплавлять медь, сформировалась культура *энеолита*, а затем несколько культур, связанных с типом производства и обрядом захоронения: *ямная* (XXVII–XXI вв. до н. э.); *катакомбная* (XXI–XVIII вв. до н. э.); *бабинская* (XVII – XVI вв. до н. э.) и, наконец, *срубная* эпохи бронзы (XVI–XII вв. до н. э.).

Срубная культурно-историческая общность была частью индоевропейской языковой семьи, из которой вышло большинство народов современной Европы и Западной Азии. Её население вело оседлый образ жизни: особое место в укладе занимала металлургия бронзы и производство бронзовых орудий труда, сосредоточенное на Северо-Западе Донбасса между реками Бахмут и Лугань.

Промышленный вектор развития Донбасса приобретал всё большие очертания. Несмотря на то, что культурно-экономическая экспансия стала вырисовываться здесь позже, чем в Европе (она была связана с *поздним палеолитом* и *эпохой бронзы* – приблизительно семь тыс. лет тому назад), её темпы быстро достигли уровня крупного европейского центра по добыче и переработке кремния. Он охватил Бахмутско-Луганское междуречье, превратив его в промышленный регион, где обогащалась медная руда, выплавлялась медь и изготавливались бронзовые изделия.

За счёт усовершенствования технологии обработки земли увеличивалась производительность труда, а интенсивно развивающееся скотоводство позволило пастушьим племенам окончательно отделиться от земледелия. Эпоха бронзы, однако, привела и к участившимся военным столкновениям между общинами из-за их имущественного неравенства.

В родовой общине все большее значение стал приобретать мужской труд, что привело к установлению патриархата. С ним был связан культ вождя, которому после смерти возводились курганы, размеры которых определялись его

статусом при жизни. Срубная культура представлена поэтому наибольшим количеством могильников.

Культура захоронений свидетельствовала о появлении имущественного расслоения, выделении управленческой верхушки и, соответственно, о формировании древнего антропонимикона для избранных.

Приблизительно с XII по XI вв. до н. э. оседлое население стали теснить племена *бондариховской культуры*. Они появились здесь из-за засушливого климата в Северном Причерноморье, что приблизило наступление *железного века* и эпохи кочевой цивилизации. Бондариховская культура между тем не была замкнутой, а формировалась, впитывая особенности местных культур *эпохи финальной бронзы*. Её представляли *киммерийцы*, оставившие свой след в виде погребений и кладов, обнаруженных в с. *Зимогорье* недалеко от Луганска.

В VII в. до н. э. на исторической арене появляется *цивилизация скифов*, не уступающая по своей мощности древней ассирийско-вавилонской или греческой. На территории современного Донбасса и Крыма скифы оказались после военных походов в Переднюю Азию.

По Геродоту, в степях Северного Приазовья на запад от Дона-Танаиса были расселены самые могущественные из них – *царские скифы*. Основу их хозяйства составляло мобильное скотоводство и коневодство.

Следы их пребывания на территории Донбасса обнаружены, например, в *Райгородке* Славянского района и в селе *Виноградное* близ Мариуполя. Здесь были найдены известные всему миру артефакты в виде золотого шлема из *Передериевой могилы* (с. *Срубное* Шахтерского района), скифских предметов домашней утвари (*Двугорбая могила* недалеко от Мариуполя) и антропоморфной статуи (*Хомутовская степь*).

На рубеже III–II вв. до н. э. начинается активное проникновение в Северное Причерноморье и Приазовье *сарматских племён*. Как и скифы, они относились к ираноязычному этносу, представленному характерными захоронениями в виде

курганов (степная зона) или склепов (городская зона). К наиболее ранним из них относятся курганы в *г. Керчи (Царский курган)*, а также в сёлах *Никифорово* Шахтёрского района и *Ерёмовка* Изюмского района, а к поздним (I в. н. э.) – мужские (близ *с. Новолуганское* Артёмовского района) и женские погребения (село *Чугуно-Крепенка* Шахтёрского района).

Со II по IV вв. н. э. наиболее могущественными из сарматских племён становятся **аланы**, как их называют римские письменные источники (о них свидетельствует мужское погребение в виде кургана недалеко от *г. Мостино*).

С нашествия **гуннов** (IV в.) Донбасс становится частью огромной цивилизации восточных тюркоязычных кочевников, которая на долгие века определяет идеологию славянской Степи и дальнейшую судьбу её протоонимной истории, предполагавшей несколько иную форму номинативной культуры, связанной с хозяйственным освоением края, многоязычием, вариативностью в топонимии и антропонимной избирательностью...

2.3.1. Кочевая идеология Степи и способы её онимизации. Её возникновение обязано кочевой цивилизации **гуннов**, которая первично отразилось на гидронимии и оронимии, что было связано с традиционным заселением территорий на возвышенности (или в долине, поле, в лесу) вокруг водных объектов. В доисторический период (I–IV вв.) онимной лексики в современном её понимании быть не могло – на ограниченной территории собственными именами могли быть обычные номенклатурные термины. Об этом свидетельствуют многочисленные названия, зафиксированные на территории всей Европы, которые восходят к односложным и, реже, двусложным апеллиативам «река», «источник», «колодец», «гора», «поле» или «лес»: например, осет. *Don* – «река»; *Rěka, Fluß* (серболуж. и нем. названия урочищ в двуязычной Лужице [490, с. 384]; нем. *г. Warmbrunn* («тёплый колодец»), *Колодезь* (встречается в бассейне

реки Дона) [369, с. 6–7]; шведск. *Sund* («залив»); норв. *Bergen* (от нем. *Berg* «гора»); укр. *Полонина* (восходит к слов. *Slema*, чешск. *Slemen*, сербохорв. *Sljème* «вершина горы») [408, с. 15]. При начинающихся позже языковых контактах и миграции населения (V–X вв.) оставшиеся от прежних языковых носителей слова-термины стали восприниматься уже как топонимы и относились к вполне определённым денотатам. В речи такие явления могут происходить в любое время. Например, европеец, приехавший в Афганистан, принимает слова *саиб*, *нафар* («господин», «человек») за личные имена, путая их с настоящими антропонимами *Саид* и *Джафар*, и удивляется их обилию.

В подобных случаях происходят семантические перестройки, незнакомый звуковой комплекс приспосабливается к привычным понятиям, название обрывает несвойственными ему коннотациями и топонимическими легендами, часто не отражающими настоящую этимологию.

Так произошло с топонимом *Порохань* (от **parata-ḫan* из ср. среднеиран. *parata-*, осет. *Ford* «большая река»), расположенном в районе Северского Донца, или гидронимом *Домоткань* в бассейне р. Днепр (от **danu-ḫan* «колодец вблизи большой реки»), которые стали восприниматься как славянские (см. Е.С. Отин [369, с. 12]; О.Н. Трубачёв [458, с. 207]).

История в этих и подобных случаях распорядилась таким образом, что до нас доходят лишь эпизоды топонимической фактологии, и мы начинаем верить мифам, бытующим на территории бывшего Дикого поля.²⁶

²⁶ Например, одним из самых древних легенд об амазонках, владевших степями на берегах Меотиды, или Азовского моря, в которых впервые упоминается Северное Приазовье. Сочинялись эти легенды ещё в догреческие времена, и рассказывали они о прекрасных воительницах из эпохи матриархата, когда главой семьи была женщина. Диковинное племя амазонок вело свой род от самого Арея, грозного бога войны. Поэтому они были сильными, смелыми и непобедимыми защитниками своей земли.

«Амазонки всегда были готовы к бою и искусно владели оружием: двойным топором, луком, мечом и щитом в виде полумесяца, а ещё быстро ездили на конях. Из звериных шкур владительницы степей изготавливали плащи, шлемы и пояса. Из Скифии войско женщин-наездниц ходило в походы в Малую Азию, где, как свидетельствуют легенды, завоевало города

Но мы не можем им доверять безоговорочно. Для более объективного осмысления исторических событий нам приходится опираться не на легенды типа «Сказание о траве «евшан»,²⁷ а на свидетельства материальной культуры – археологические и антропологические факты.

Например, уникальные находки кремниевого рубила на территории *Амвросиевки, Макеевки, Артёмовска* свидетельствуют о возникновении здесь первых поселений около 150 тыс. лет тому назад. Эти безымянные стоянки и племена, обозначенные лишь археологическими культурами, прошли огромный путь в своём развитии.

Начиная с I тыс. до н.э., племена получают названия: *киммерийцы, скифы, готы, гунны, сарматы*. Они становятся одновременно и наименованиями территорий, а позднее превращаются в антропонимы и другие виды онимной лексики, функционирующие до сегодняшнего дня в виде личных имён (например, *Скиф, Алан, Сармат*), эргонимов, прагматонимов, товарных знаков и т. п. Двигаясь с Востока на Запад по территории Донбасса, кочевники оседали здесь на столетия, оказывая значительное влияние на культуру и быт коренного и пришедшего им на смену населения.

В это же время в развитии производительных сил у племён, населявших Юго-Восточную Европу, произошли принципиальные изменения, связанные с открытием железа. Следы этих изменений (1500–1400 гг. до н. э.) зафиксированы, например, в поселениях *ранней срубной культуры* вблизи с. *Капитоново*

Эфес и Смирну. По одним рассказам, амазонки жили отдельно от мужчин и для сохранения рода вступали в брак с мужчинами из соседних племён, которых потом отпускали домой. Новорождённых мальчиков они возвращали отцам, а из девочек воспитывали воинов. По другим, амазонки наравне с мужчинами своего племени занимались военным делом и вскоре так овладели военным искусством, что стали непобедимыми, мужчинам же оставалось прясть шерсть и заниматься другой домашней работой» [282, с.85].

²⁷ Русская летопись сохранила поэтическое предание о том, как певец Сырчана Орев пел песни половецкие Атраку и давал ему нюхать «зелье именем евшан». И Атрак якобы воскликнул, что лучше на своей земле мёртвым быть, чем в чужой славным, и вернулся на берега Донца» [275, с. 223].

(Луганская область) и г. *Воронежа* (РФ). Овладение технологией изготовления железных орудий труда совпало с другим не менее важным событием – отделением скотоводства от земледелия и переходом к кочевому скотоводству. Это во многом было связано с изменением климата, который становился всё более жарким. В IX в. до н. э. засуха достигла своего апогея – Евразийские степи протянулись почти на шесть тыс. км.

В них, однако, существовали лагуны с благодатной и плодородной почвой. К ним относилась территории современного Донбасса, что и сыграло решающую роль в формировании здесь определённого типа «вольной» культуры. Сюда стали переселяться азиатские кочевники, сталкиваясь с местным населением – *антами* (так называют их византийские источники), хозяйство которых было связано с земледелием в речных долинах и лесных массивах. Первые их столкновения с кочевниками вскоре переросли в усиливающийся культурный и экономический симбиоз. Да иначе и быть не могло, поскольку кочевое хозяйство вряд ли существовало без земледельческого, а торговый союз постоянно перерастал не только в военный, но и семейный.

Не секрет, например, что у русских князей, в том числе у Александра Невского, жёнами были половчанки. При этом, правда, «... в течение всего средневековья южнорусские степи представляли собой отдельную не только естественно-географическую, но и этнополитическую систему, которая хоть и взаимодействовала с лесостепной земледельческой, но никогда не составляла с ней единого хозяйственного целого» [456, с. 7].

Таким образом, климатические изменения существенно повлияли на заселение территории Донецкого края, который практически в течение 15-ти веков находился под преимущественным влиянием культуры кочевников. Эта культура была спровоцирована движением тюркских племён гуннов с востока на запад в III–VII вв. н. э., известным под названием *Великого переселения народов*.

С ним было связано начало исторического развития двух цивилизаций (V–X вв.): *тюркской* (кочевой) и *славянской* (оседлой).

Идеология кочевой цивилизации была обусловлена естественным мотивом заботы о сохранении пастбищ, стремлением к пополнению стада и расширению территорий для выпаса скота. Это определило во многом захватническую суть её экономики и военный уклад жизни. Кочевники пребывали в состоянии постоянных военных действий, объединяясь с целью нападения или защиты. На первое место в общественной иерархии при таком укладе жизни претендовали воины и вожди, опирающиеся на жрецов и родоплеменную знать. Это создавало предпосылки для имущественного расслоения, возникновения в юго-восточной Степи собственности, протогосударств и «особой» топонимической истории.

Так, несмотря на то что топонимия Донбасса в современном понимании сложилась довольно поздно (приблизительно в XVI–XVIII вв.), на основании реконструкции мы можем с большей или меньшей степени вероятности утверждать, что в её формировании на протяжении столетий участвовали этнические коллективы разных кочевых и *древнеславянских цивилизаций*.

Следы *салтовской культуры* прослеживаются главным образом на севере Донецкого региона, что «...допускает существование более-менее постоянного ираноязычного этноса на берегах Кальмиуса и в бассейне Волчьей уже в раннеславянскую эпоху (VI–IX ст. н. э.), а также культурно-историческую преемственность ираноязычных носителей древней приазовской топонимии и славян, которые появились здесь позднее. Среднеиранский этнический элемент – наиболее устойчивый в этом ареале. Его не вытеснили нашествия гуннов (IV в. н.э.), аваров (VI в.), чёрных болгар (к. VI–нач. VII в.) и хазар (с VII в.)» [369, с. 3].

Конечно, по данным топонимии определить, какие народы населяли территорию Степи до IV в., очень сложно, поскольку названия невозможно идентифицировать письменными источниками. Но по номенклатурным терминам «река», «вода», «колодец», «остров», «гора», «город» можно наверняка

утверждать, что названия *Дон, Донец, Днепр, Днестр, Дунай* одного происхождения и относятся к древнейшим. «Гипотетически процесс номинации в доисторический период практически отсутствовал, ...а в качестве топонима нередко выступал номенклатурный термин» [272, с. 129]. Исходя из этого, «...гидронимы *Днепр* и *Днестр* означают, по-видимому, «широкая река» и «быстрая река»... Каждое из этих названий этимологически соотносится с двумя языками: скифы не образовывали этих названий, а лишь добавили свой географический термин *Dn, Dani* – «река» к исходным компонентам, которые представлены в современных русских формах как *-епр, -естр* и исторически являются древнейшими, доскифскими названиями соответствующих рек. Эти древнейшие названия принадлежат фракийскому языку» [216, с. 11].

Важным в этой связи представляется спор, ведущийся в научной и публицистической литературе, относительно названий «*Дикая степь*», «*Земля незнаема*», «*Большой луг*», «*Лукоморье*», «*Половецкое поле*» и, наконец, «*Дикое поле*».

2.3.2. Истоки и следствия тюрко-славянской экспансии Дикого поля.

Современное осмысление понятия «Дикое поле» часто формируется на основании летописных источников, позволяющих делать вывод о якобы варварской и отсталой культуре кочевников либо о практически безлюдной и неосвоенной территории, которая лишь с российской или иностранной экспансией приобрела черты цивилизованного края, названного впоследствии Донбассом. Однако возразим по этому поводу, что из ничего ничего и не возникает. Иными словами, Донбасс не мог бы стать устойчивым промышленным, культурным и этнопсихологическим образованием, если бы вся последующая за его предысторией политика не базировалась на традиционных и необходимых для

этого региона взаимопроникающих связях Леса со Степью, славян с кочевниками, Юга и Востока с Севером и Западом.

Впечатления, основанные лишь на амбициях, «исторических» сведениях и интерпретациях лидирующей на определённом историческом отрезке нации изменчивы и непостоянны. «...Такие впечатления обычно бывают ошибочны: там, где с первого взгляда существуют такие резкие перерывы традиции в истории какого-нибудь народа, ближайшее рассмотрение большею частью обнаруживает призрачность этого перерыва и наличие с первого взгляда незаметных связей между эпохами» [462, с. 362].

Не могла быть в XII в. (а именно к этому периоду относятся летописные сведения о южной степи) эта территория «Землёй незнаемой», а тем более Диким или только Половецким полем. Возможно, она была «незнаемой» для русского летописца того периода, а Диким полем для последующих поколений, которые пришли сюда с другой целью, не зная о существовании древней культуры. Подтверждением сказанному является тот факт, что названные выше топонимы, если считать их таковыми, русского (или древнерусского) происхождения, а описания исторических реалий и событий ведутся русским летописцем, на которых впоследствии и базируются дальнейшие рассуждения авторов о «дикости» или «освоенности» Половецкого (?) поля.

Вполне справедливыми в этой связи представляются рассуждения Л.Н. Гумилёва об указанных фактах: «В русских источниках XII – XIII вв. Половецкая степь именуется «Землёй незнаемой». Это удивительно потому, что до 1093 г., а тем более в X в. русские свободно ездили в Тьмутаракань и в Крым и даже через степи Северного Кавказа до берега Каспийского моря, и вдруг в Лаврентьевской летописи под 1252 г. про Андрея Ярославича Владимировского сказано: «Побеже в неведому землю». И то же в «Слове о полку Игореве» и в «Повести временных лет». Д.С. Лихачёв поясняет, что это название употребляется не в качестве точного географического термина, а в качестве

эмоционального определения Половецкой степи. Но это тем более странно, так как название утвердилось за южной степью после победоносных походов Владимира Мономаха и резкого сокращения русско-половецких столкновений. Напрашивается мысль, что знания древнерусских географов в XIII в. уменьшились и половецкие степи, ранее прекрасно знакомые, стали неизвестными землями. Такой регресс в науке иногда наблюдается. Познавание и забвение меняются местами» [176, с. 170].

Впрочем, «познаний и забвений» было бы гораздо меньше, если бы при анализе исторических событий на территории Дикого поля (под этим термином мы будем понимать этап неоконтуренных границ и вольного перемещения народов, пользуясь им вплоть до описания периода их вхождения в состав России) мы могли бы использовать письменные источники других народов, участвовавших в формировании будущего Донбасса.

Таким образом, название «Дикое поле» русского происхождения, которое отнюдь не отвечает своему первичному толкованию. Эта территория могла называться народами, населяющими её до славян или вместе с ними, абсолютно другими словами, которые просто не дошли до нас из-за отсутствия письменных источников. Например, одно из сохранившихся древних половецких названий этой территории – *Деит-и-Кыпчак*, присутствует и в степном варианте крымскотатарского языка (северном, ногайском), который относится к кыпчакским языкам и родственен карачаево-балкарскому, ногайскому и кумыкскому языкам, на которых говорят не только татары Крыма, но и татары Румынии, Болгарии и Турции.

Название же *Дикое поле*, которым русские образно называли Степь, вполне приемлемо для освещения дальнейшей истории Донецкого края, поскольку оно встречалось не только в русском языке, но и было закреплено на иностранных картах, изданных в первой половине XVII в.

Так обозначали южнорусские степи голландец Исаак Масса, издававший по данным русских «чертежей» карты России, и француз, военный инженер и известный картограф Гийом Левассер де Боплан [133], который находился на воинской службе у польского коронного войска и собирал материалы для большой карты Украины и специальных карт отдельных регионов украинских земель (в результате этих разысканий появилось так называемое «Описание Украины»).

Итак, название *Дикое поле* в различных его вариантах придумано русскими, очевидно, приблизительно в X–XIII вв. для обозначения пространств, где существовала иная тюрко-половецкая цивилизация, когда они начали методично внедряться в ткань южнорусской степи и военными, и мирными средствами вплоть до XVIII в.

Хронологию, перипетии и последствия этого процесса точно описал Л.Н. Гумилёв: «...В 1036 г. – разгром печенегов у Киева, в 1060 г. – победа над торками и их подчинение в 1064 г., в 1068 г. – поражение от половецкого князя Шарукана на Альте и через месяц реванш – разгром его при р. Снови Святославом Черниговским. С 1092 по 1117 г. – война против половцев по инициативе великого князя Святополка II и полное подчинение их западных кочевий Владимиром Мономахом. Восточные «дикие» половцы добровольно вступают в союз с суздальскими князьями. Затем за 120 лет, с 1116 по 1236 г., половецких набегов на Русь – всего 5, русских походов на Степь – тоже 5, случаев участия половцев в усобицах – 16. И ни одного крупного города, взятого половцами... И, наконец, в XIII в. русские и половцы совместно отражают сельджукский десант в Крым и монгольский рейд на Дон и оба раза делят горечь поражения» [176, с. 172–173].

И далее: «При подборе сведений о русско-половецких столкновениях по Лаврентьевской летописи оказывается, что за 180 лет (1055–1236 гг.) половцы

нападали на Русь 12 раз, русичи на половцев – 12 раз, а совместных русско-половецких операций в междоусобных войнах было 30» [176, с. 188].

После XIII и вплоть до XVII в. начинается период, когда подходит к своему логическому завершению формирующаяся веками идеология Степи – стремление к вольности, не ограниченной территориальными или внутренними спорами, широте и размаху при удивительном умении аскетически преодолевать любые трудности; героика плуга или меча, постоянного поиска новых возможностей для культурного и национального взаимопроникновения и взаимообогащения во имя самосохранения и развития.

Этому способствовал диалог старой цивилизации (во многом тюркской, или половецкой) с появившимся в Киеве древнерусским государством – диалог, который через неприятие и конфронтацию, кровавые междоусобные внутренние и внешние конфликты завершился этноэкономическим и политическим симбиозом Леса со Степью и который предопределил всю дальнейшую судьбу не только Донбасса, Украины и России, но и всего геополитического пространства Европы.

Если верить русским летописным источникам, в частности, «Повести временных лет», то в 862 г. «варяги» были приглашены новгородцами на службу. Княжескую династию начинают возглавлять Рюриковичи. Вскоре они ведут свои дружины в южном направлении под предводительством князя *Олега* (по-скандинавски *Хельг*) и в конце концов захватывают Киев, который становится главным городом славянской языковой общности.

Союзы славянских племён начинают приобретать черты социального расслоения, государственности и соответствующий языческой традиции характер номинаций, основанных на вариативности именослова, разного для княжеского сословия и для простых русичей. К нему и ведут зачатки древней онимной культуры.

Неожиданным, например, с точки зрения «исторически» образованного современного человека, однако абсолютно объяснимым и оправданным с позиции

киевских князей-Рюриковичей является проникновение в княжеское окружение, дружину и другие властные структуры наряду со славянским других этносов, чаще всего тюркских и скандинавских. Ведь «...очень может быть, что жители Южной Руси обратились бы в половецких данников, если бы Русской земле не помогла сама же Степь, не выдвинула некоторой обороны.

Дело в том, что, когда пришли половцы, они вытеснили тех кочевников, которые занимали Степь раньше. Отсюда вражда этих последних к новым пришельцам. Теснимые половцами, кочевники эти искали защиты у русских. Для русских князей в их борьбе с половцами эти поганые «толковины» были настоящим кладом.

Поселённое на границе Русской земли с половецким «полем» это полукочевое, полuosедлое население играло роль сторожевых линий. Самым важным пунктом в этом отношении было Поросье – территория между Росью и Стугной, но поселения кочевников были и на территории княжества Переяславского и даже Черниговского...

Кроме торков и печенегов, летопись упоминает еще берендеев, коуев, турпеев, каспичей... Всех их летопись смешивает под общим названием Чёрных Клобуков» [190, с. 51].

В южнорусских степях во времена Киевской Руси²⁸ жили три разных и враждебных по отношению друг к другу тюркских народа – *печенеги, торки* и

²⁸ Термин «Киевская Русь» является условным для обозначения древнерусского государства. Он не соотносится с эпохой средневековья в Западной и Центральной Европе, где древность заканчивается с угасанием античной культуры к сер. 1-го тысячелетия н. э. Под «древнерусским» понимался так называемый *домонгольский* период IX – сер. XIII вв. Им историки обозначили государство со столицей в г. Киеве, которое возникло на торговом пути «из варяг в греки» на территории заселения *полян, древлян* и *северян* в Среднем Поднепровье. Впервые его употребил М.А. Максимович (1837) в узко географическом смысле, как и словосочетания «Червонная Русь», «Суздальская Русь» и др. [255]. До этого времени использовалось название Русь. Оно встречается в письменных источниках 839 г., где упомянуты послы кагана в Константинополе от народа *рос* вместе с этнонимами *русь*, или *русин* (по аналогии с другими этнонимами того времени *гречанин, немчин* и т. п.).

половцы, или *куманы* (народ древней культуры, пришедший в Степь позднее из Сибири и распространившийся на огромных просторах от Алтая до Карпат), которые, не мирившись друг с другом из-за пастбищ и родовой кровной мести (вот почему покинули в свое время родную степь *венгры*, *болгары* и *аланы*, уступив место сначала *печенегам* и *торкам*, а потом *куманам*), тем не менее смогли договариваться с русскими князьями, поступать к ним на службу и объединяться как для внешних походов, так и для участия в междоусобных конфликтах.

Последний, самый крупный кочевой народ – *половцы* – в течение двух столетий находился с Русью в постоянном взаимодействии. «Чаще всего оно было антагонистическим. И хотя набеги половцев не угрожали самому существованию Древнерусского государства, но вынуждали отвлекать значительные силы и средства для организации обороны южных рубежей страны. Не извлекали стратегической выгоды от противостояния с Русью и сами половцы. Удачи их набегов чередовались с жестокими поражениями, что, в конечном итоге, не содействовало их внутренней консолидации. Обе стороны встретили монголо-татарское нашествие в состоянии внутренней раздроблённости, что роковым образом сказалось на их дальнейших судьбах» [456, с. 157–158].

Так, судьба тюркских, во многом кочевых цивилизаций была связана с принятием христианства Русью в 988 г., золотоордынским правлением (так

Во второй половине XIX в. термин «древнерусское государство» приобрёл хронологическое звучание как стадия русской истории. В этом случае киевский период заканчивался 1169 г., что было связано с переносом столицы Руси из Киева во Владимир.

В начале XX в. термин «Киевская Русь» стал использоваться в государственно-политическом смысле как именование государства восточных славян, когда Киев был их общим центром. В украинской историографии он не был популярным, поскольку подразумевал существование других центров и периодов в истории Руси. Основоположник украинской исторической школы М.С. Грушевский предпочитал ему термины «Киевское государство» или «Руська держава», противопоставленные государству Московскому.

называемым татаро-монгольским игом) и появлением нового Московского государства, сменившего Киевскую Русь по силе молодости и энергичности.

С ним была связана новая история теперь уже славянской Степи, её антропониимии и оригинального топонимического фонда, возникшего в условиях переплетения тюркской и древнерусской проприальных культур. Крещение Руси князем Владимиром раскололо древнюю тюркскую цивилизацию на территории Дикого поля.

С одной стороны, многие из племён ещё до появления здесь славян-язычников (в частности, хазар-бродников) либо уже исповедывали христианство, либо в условиях постоянно заключавшихся брачных союзов чаще всего с половцами, торками и татарами начали уже в XII в. переходить в христианство, что привело их вполне логично в состав более мощного Киевского, а затем Московского государства, в котором они ославянились и стали основой гетманского или слобожанского казачества.

С другой стороны, появление на Востоке Османской империи и оставшегося после распада Золотой Орды Крымского ханства заставило обратить туда свои взоры остальной части тюркского степного этноса (в основном печенегов), которые уже в XI в. приняли ислам и дружили с сельджуками.

Таким образом, эти три события (принятие христианства, распад Золотой Орды, появление Османской империи, Крымского ханства и Московского государства) принципиально изменили этническую картину Степи и политику народов как внутри неё, так и по отношению к ней.

Во-первых, Дикое поле, начиная с XIII и вплоть до XVII–XVIII вв., становится преимущественно славянским, если считать русскими ославяненных древних торков, половцев или чёрных клобуков, ставших основой для возникновения в XIII в. казачества. Кстати, процесс постепенной ассимиляции был обоюдным: восточные славяне также «окрашивались» в тюркско-

монгольские тона и перенимали культуру, быт и даже языковые элементы осевших кочевников.

Во-вторых, главное остриё политики Киевской Руси, начиная с Владимира, после её крещения направляется не на юг и восток (т. е. на Степь), а на запад и северо-запад, поскольку очаг опасности и напряжения со стороны гетеротрофных тюркских образований постепенно сводится к нулю.

В-третьих, междоусобные стычки между различными тюркскими племенами, исповедующими разную религию и культуру и имеющими разный возраст и хронологию прихода в Степь, приводят к тому, что они растворяются в славянском или другом этносе (например, татарском, румейском) и практически исчезают с исторической карты Европы.

«Грозные властители степей, покорявшие хлебопашцев, в конечном итоге оказывались жертвами своих жертв. В большинстве случаев они сгорали в ассимиляционном котле аборигенов; расселялись на их землях, перенимали их язык, культуру и веру» [456, с.196].

В-четвёртых, после XIII в. намечается разрыв в психологии, культуре и даже языке между южнорусскими обитателями Степи и северным Русским государством (именно в этот период начинает складываться русская и украинская народности). Киевская Русь гибнет в огне феодальных конфликтов, а Московская Русь приобретает все большее могущество и становится автократическим образованием, повторяя во многом модель управления татаро-монгольской Золотой Орды.

Что же касается территории Дикого поля, то оно, тяготея к Московскому государству (в отличие от Правобережной Украины, связанной религиозно, политически и хозяйственно с Польшей), входит туда самостоятельным и демократическим образованием.

Защищая южные рубежи России от постоянной угрозы исламской Турции и Крымского ханства (уже не кочевых племён, а могущественных государств),

гетманы Запорожской Сечи, приазовского, запорожского и слобожанского казачества самостоятельно решают вопросы своего территориально-политического устройства, военной и хозяйственной политики, законно требуя от московского самодержца (или польского короля) постоянной платы за свою вполне самостоятельную позицию.

Территория, контролируемая казачеством (в основном Дикого поля), оказалась как бы государством в государстве, территорией ничем не ограниченного казацкого иммунитета, куда стекались все, кому внутренняя и внешняя свобода или авантюрный героизм первопроходца были дороже привязанности к семье, дому или господину.

Таким образом, огромное количество якобы важных с исторической точки зрения событий, которые якобы сделали Степь другой, оказались лишь внешними (и в этом смысле действительно новыми) атрибутами, которые не отменили, а усилили её главные постулаты вольности и свободы.

Степь осталась прежней. Она продолжала жить по своим законам, всё естественней вписанным в структуру номинативной истории Русского государства.

2.4. Диффузное онимное пространство Древней Руси

Социальные объединения, достигшие совместной культуры взаимодействия, потребовали и соответствующей её фиксации в их сознании. У славян первый опыт номинативной деятельности был сопряжен с появлением язычества, катализирующего формирование социальных коллективов, одним из которых стала восточнославянская общность, названная впоследствии Русским государством. Оно складывалось в рамках переходного периода от

первобытнообщинного строя к феодальному (VII–IX вв.) с характерной неустойчивостью наследственного права в рамках культа языческого многобожия и внутренней борьбой между славянским правом обычая и нормами византийско-римского правопорядка.

2.4.1. Факты и вымыслы о происхождении Русского государства. В современной историографии существует три основных версии его происхождения.

Первая и наиболее распространённая – *норманнская* (варяжская). Она сформировалась в XVIII в. в Западной Европе (Г.З. Байер, А.Л. Шлецер, Г.Ф. Миллер) и получила отражение в трудах русских историков и философов XIX–XX вв. Н.М. Карамзина [211], С.М. Соловьёва [412], Л.Н. Гумилёва [176] и В.О. Ключевского [220]. Её суть сводилась к тому, что древнее государство русичей было связано с более развитой цивилизацией варягов (скандинавских викингов), поселившихся на территории славян с их добровольного согласия. Вот почему даже слово «Русь» якобы варяжского происхождения (от фин. *Ruotsi* «шведы» из др.-исл. *rohts* «гребцы, мореплаватели»).

Теория эта основана на летописях, изложенных в «Повести временных лет»: «В лето 6370 (862). Восташа кривичи, и словене, и чюдь, и меря на варяги, и изгнаша их за море, и не даша им дани, и начаша сами себе владети и грады ставити. И не бе в них правды, и воста род на род, и бысть межи ими рать велика и усобица, и воевати почаша сами на ся. И реша сами себе: «Поищем к себе князя, иже бы владел нами, и рядил ны, и судил в правду»... Сии же кривичи, словене, чюдь послаша за море к варягам, к руси, сице бо звахуся варяги русью, яко и се друзии зовутся аремене, агляне инии, и глаголе те тако. И си реша чюдь, словене, кривичи варягом: «Вся земля наша добра есть и велика, изобилна всем, а нарядника в ней несть, поидете к нам княжити и владети нами». И пришед,

старейший Рюрик седе в Новгороде, а Синеус, брат Рюриков, на Белеозере, а Трувор, во Зборце (Изборске), и начаша воевати всюду. И от тех варяг находницех прозвашася русь, и тех словет Руская земля, и суть новгородстии людие и до днешняго дни от рода варяжского, преже быша словени» [ПСРЛ, с.13, л. 24–25].

Если изложить её кратко, то она будет звучать приблизительно так: «Территория расселения славян издревле охватывала два ареала: северный и южный. Северные славяне контролировались варягами, южные – хазарами, которым они были обязаны платить дань. В 859 г. восстание северных славян освободило их от гнёта варяг. Однако это привело к междоусобице – князья не могли решить, кто из них главнее. Чтобы разрешить конфликт, славяне вынуждены были пригласить варяг на княжение. В результате в 862 г. на русских землях появились три брата-варяга – *Рюрик*, *Синеус* и *Трувор*, которые обосновались в *Новгороде*, *Белоозере* и *Изборске* и объединили *славян*, *кривичей*, *весь*, *финно-угорские* и *балтские племена* в районе озера *Ильмень*. С этого года начинается отсчёт история Русского государства, которое окончательно формируется в 882 г. – даты, когда дружинники Рюрика *Аскольд* и *Дир* разбили *древлян*, захватили *Киев* и, таким образом, объединили под своей властью северные и южные территории расселения славян».

Вторая теория – **славянская** – отрицает внешний фактор, настаивая на славянской родословной русских князей (это славяне, жившие на западном побережье Балтики), и этимологии слова «Русь» от названия реки *Рось*, впадающей в Днепр. Самые яркие представители этой доктрины – М.В. Ломоносов [243], Б.А. Рыбаков [398] и М.Н. Тихомиров [455].

Третья теория – **центристская** – компромиссно сближает две первые. Соглашаясь с фактом приглашения «на княжение» варягов, она подчёркивает славянские истоки развития государственности и самого названия «Русь» (А.Л. Юрганов, Л.А. Кацва, А. Мазуров).

Существуют и ряд других теорий, в частности, *украинская* (государство создал Рюрик, но он не варяг, а западный славянин), *карельская* (государство создано карельскими русами в районе Карельского перешейка), *иранославянская*, *индоиранская*, *кельтско-славянская* и даже *этрусская* и *гуннская*.

Не отрицая причастность конкретных фактов к событиям русской истории, приведённых в исследуемых теориях, заметим, однако, что все они отталкиваются от двух дат: 862 г., связанного с приглашением на княжество варягов, и 882 г. – объединение Новгорода и Киева в одно государство. Такая фактологическая конкретность заставляет усомниться в её исторической объективности, ибо она подменяет процесс формирования государственности точечным актом, связывая его с приходом к власти Рюриковичей, описанном в полумифическом сюжете «Повести временных лет» [60; 61; 62].

Однако как до прихода варягов, так и после подобных фактов было много, но ни один из них не мог однозначно свидетельствовать о появления на исторической арене Европы нового государства.

Так, первичные данные о славянских племенных союзах, хоть они и не были в достаточной степени освещены в письменных источниках, восходят к VI–VII вв. Уже в этот период существовала княжеская власть, вожди, военные структуры (старшие и младшие дружины) и даже форма демократического правления в виде народного вече, которое избирало князей и военачальников. Тем не менее эти факты не являются настолько убедительными, чтобы заявить о рождении восточнославянского государства.

Вече, куда допускались только мужчины, было, скорее, лишь символом легитимизации пришедших для контроля над определённой территорией князей, власть которых уже была добыта силой военных дружин. Но для констатации факта формирования государства не важно, кто его возглавлял в тот или иной исторический момент и откуда он пришёл. Важнее знать о мотивах и

обстоятельствах, созревших внутри племён, которые привели к их объединению в государственный союз.

Аксиоматичность подобного вывода подвергается, между тем, сомнению политиками, оценивающими тот или иной факт с позиции переломного сознания современной эпохи. Стараясь повлиять на социум, они апеллируют к субъективно выхваченным из ткани истории событиям, инициируемым личностями, находящимися во властных структурах, и утверждают, что результаты развития государства напрямую зависят от них [172].

В этой безапелляционной парадигме есть, однако, определённая доля лукавства, связанного с преувеличенным отношением к личностно-ориентированным фактам, которые покрывают вуалью объективные причины конкретных исторических событий и процессов. В официальной истории объективность созидательных порывов народных масс как конкретных «движителей» истории, которые априори должны соответствовать социальной стратегии развития цивилизации, сужается до размеров субъективной воли или прихоти авторитарной личности.

Социум как высший смысл существования цивилизации и цель «сотворения» идеального миропорядка превращается в абстрактного статиста, испытывающего непредсказуемый пресс личностных перегрузок и становясь объектом манипуляций вождей разного уровня. Множество сопровождающих формирование общности случайных эпизодов никак не связываются при этом с оценкой главного: состоялось государство для самой общности или нет.

Для древнерусского государства²⁹ традиционная историческая хронология, ограниченная IX–XII веками (IX в.–сер. X в. – правление первых киевских князей; вт. пол. X в.–перв. пол. XI в. – приход к власти князя Владимира и Ярослава

²⁹ Термин «древнерусский», как и словосочетание «Киевская Русь», условны хотя бы потому, что в то время никто не мог назвать добровольное объединение славян государством, а тем более «древним» или Киевским.

Мудрого, эпоха расцвета Киевской Руси; вт. пол. XI в.–нач. XII в. – время территориально-политической раздробленности), не является достаточно убедительной, поскольку рождение такого мощного явления, как Русь, не могло быть привязано к какой-то конкретной дате, как не могло быть в то время и правового документа о провозглашении государства.

Скорее всего, оно складывалось в процессе накопления многих фактов, начиная с язычества и заканчиваясь средневековьем [398; 461; 462].

И не только потому, что именно в это время произошло возглавляемое князьями слияние племён, а потому что состоялось само слияние, проходившее сначала под влиянием устноязыческой культуры славян. Оно формировало ощущение единства человека с природой на основе многобожия, где каждый из богов не монополизировал властные полномочия, а занимал особую функциональную нишу в общей системе ценностей. Идеология равенства смогла сформировать общественный уклад производственно-хозяйственной деятельности, стимулирующий оригинальные органы управления, вплоть до их превращения в протогосударственное образование.

Восточные славяне занимали территорию от Карпатских гор на западе до Средней Оки и верховьев Дона на Востоке, от Невы и Ладожского озера на севере до Среднего Поднепровья на юге. Основным их занятием было земледелие. На севере, в районе таёжных лесов, господствующей было подсечно-огневое земледелие, а в южных районах – перелог (с истощением почвы племена переходили на новые участки).

Низкий уровень производительных сил при ведении сельскохозяйственных работ требовал огромных затрат труда, поэтому к моменту образования государства у восточных славян на смену родовой общине пришла территориальная, или соседская община. Осваивая Европейскую равнину, славяне уже с VI в. вступали в контакт, ассимилировались с немногочисленными финно-

угорскими и балтийскими племенами и стали формировать общности, имевшие не только родовой, но и территориально-политический характер.

Уже эта первичная государственность требовала строительства городов, которые, как правило, возводились на торговых путях «из варяг в греки» и связывали Русь со странами Востока (*Волжский торговый путь*).

С VII–VIII вв. был дан старт разложению родоплеменного уклада и образования протогосударств – племенных союзов, у каждого из которых было своё «княжение», означающее переход от коллективного управления родом к военной демократии. Большую роль в экономике стал играть захват добычи. Племенные вожди, совершая набеги на Византию и распределяя её среди соплеменников, повышали свой авторитет. Вокруг князя стали складываться дружины – полупрофессиональные военные структуры, состоящие из его соратников (друзей) и приближавшие момент формирования классового общества, государственной власти и армии, которые прошли четыре этапа своего становления:

а) родоплеменной этап (I–V вв.), достигший своего апогея у антов и сопровождавшийся созданием таких институтов самоорганизации, как старейшины и вече;

б) этап военной демократии (VI–VII вв.) как союз полян и северян во главе с каганами и конунгами (военными вождями, самым известным из которых был *Кий*);

в) протогосударственный этап (VII–IX вв.), во времена которого появились понятия *Славия*, *Артания*, *Куявия*, *Полуня*, *Валиняна* и *Русь* во главе с княжескими династиями *Дира*, *Аскольда* и *Рюрика*;

г) раннефеодальный этап (IX в.), возникший в результате объединения князем Олегом в 882 г. северной *Слави* с центром в *Новгороде* и южной *Полянии* с центром в *Киеве*.

Эти этапы полностью вписываются в предложенную Б. Рыбаковым [399] схему развития язычества, вплоть до его вхождения в контекст христианства:

а) единение с природой – магия «берегинь» и «упырей», культ идолопоклонства, вера в злых и добрых духов;

б) развитие земледелия – культ «Рода» и «Рожаниц», превратившихся позже в богинь плодородия;

в) появление княжеской власти, социальное расслоение – культ Перуна и диалектика распределения полномочий между ним и другими богами;

г) имущественное расслоение – принятие христианства и адаптация язычества к новым условиям.

В данном случае речь идёт о формировании протоцивилизации древних славян на территории восточноевропейской Степи, названной позже Диким полем. Отнюдь не будучи «диким», оно к IV–X вв. испытало все перипетии разноплеменной общности и гармонично вписалось сначала в духовную идеологию древнерусского государства, а затем в историю тысячелетнего Русского мира, подкреплённую фактами принятой всеми оригинальной проприальной культуры.

С этих позиций определение чёткой даты начала русской государственности по трём составляющим (переход от родовой общины к территориальной и соседской; формирование аппарата власти; введение налогов на поддержание государственного механизма) напоминает акт желаемой политической целесообразности, выдаваемый за действительность.

Более объективным для исследований её истоков является в нашем случае описание имманентных процессов, вызревающих в недрах языковой и религиозной культуры, которые позволили появившиеся общности преобразовать в государство. Они целиком вписываются в осознание средневековым обществом нематериальных событий, происходящих на уровне народной психологии и закреплённых в речевой стихии и онимной практике.

2.4.2. Этнонимизация племенных союзов и территорий. Этнонимы (от др.-греч. *ἔθνος* – «племя, народ» и *ὄνομα* – «имя, название») как наиболее яркое свидетельство осознания средневековым человеком протогосударственной общности у восточных славян стали появляться задолго до формирования христианства. Их употребление можно зафиксировать в их позднейшей летописной интерпретации у славян и по данным других народов и культур.

Наиболее вероятное их происхождение – VI в. Прежде всего это касается этнонимов *анты*, *русь* и *славяне*.

Уместно в связи с этим процитировать толкование этих понятий у Прокопия Кесарийского между 490 и 507 годами: «...Эти племена, *славяне* и *анты*, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. Равным образом и во всем остальном можно сказать у обоих этих вышеназванных варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы. Они считают, что один только бог,³⁰ творец великий, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас принести в жертву богу за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценою этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. ...У тех и других один и тот же язык <...>. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого

³⁰ Читай: «один из богов». Текст Прокопия Кесарийского переведён неправильно, на основании чего родилась теория о монотеизме славян [220].

роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них не очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темнокрасные <...>. По существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же: в древности оба эти племена называли спорами [рассеянными], думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден» (рассеянно), отдельными посёлками. Поэтому-то им и земли приходится занимать много. Они живут на большей части берега Истра по ту сторону реки» [386, с. 23].

Этноним *руссы*, но уже в другом контексте употребляет и епископ Лиутпранд Кремоский: «Город Константинополь, который раньше назывался Византией, а сейчас зовётся Новым Римом, расположен среди самых диких народов. Ведь на севере его соседями являются венгры, печенеги, хазары, *руссы* (*Rusios*), которых мы зовем другим именем, т. е. нордманнами (*иначе, «северными людьми, или «северянами» – В.М.*)».

Русь часто употребляется и в Повести временных лет: «В Афетове же части седять *русь*, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва... Ляхове же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому. По сему же морю седять варязи... Афетово бо и то колено: *варязи*, свеи, урмане, готе, *русь*, агняне, галичане, волххва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочие...» (ПВЛ, 1978, с.24).

В этом источнике подчёркивается значение *руси* уже как *словенского народа*, который занимает достойное место среди других культур и имеет, несмотря на племенную «разность», общий «язык», т. е. «род»: «Се бо токмо словенескъ языкъ в *руси*: поляне, деревляне, ноугородъци, полочане, дреговичи, северъ, бужане, зане седоша по Бугу, послеже же вельняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ *руси*: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ» (ПВЛ, 1978, с.28); «Бе единъ языкъ словенескъ: *словени*, иже седяху по Дунаеви, их же прияша *угри*, и *моравы*,

и *чеси*, и *ляхове*, и *поляне*, яже ныне зовомая *русь*. Симъ бо первое преложены книги *мораве*, яже прозвася грамота *словеньская*, яже грамота есть в *руси* и в *болгарех дунайскихъ*» (ПВЛ, с.40).

К этому периоду относятся и другие древнеславянские этнонимы, являющиеся одновременно с названиями территорий прототопонимами, зафиксированными позже в «Повести временных лет»:

1) непроизводные с точки зрения древнерусского языка конкретные понятия: *сърби* (сербы), *хровате* (хорваты), *дулѣби* (дулебы), *ляхы* (ляхи, т. е. «поляки»), *чехы* (чехи), *сѣверъ* (северяне);

2) собирательные имена славянских народов: *роусь*, *серебъ*, *моравя*;

3) этнонимы, обозначающие множественность с помощью общеславянских формантов *-ичи*, *-ѣне* и *-ане* (*-яне*): *сърби* (сербы), *хровате* (хорваты), *дулѣби* (дулебы), *ляхы* (ляхи, т.е. «поляки»), *чехы* (чехи), *сѣверъ* (северяне); *вятичи*, *радимичи*, *кривичи*, *дреговичи*, *лутичи*, *уличи*, *деревяне*, *поляне*, *мазовшане*, *поморяне*, *моравляне*, *хорутане* (словенцы), *полочоне*, *бужане*, *вельняне* и т. п.

Этнонимы первых двух групп необъяснимы с точки зрения современного языка и требуют этимологических разысканий, этнонимы же последней группы вполне прозрачны: Они происходят либо от гидронимов (*бужане* – от реки *Буг*, *полочане* – от реки *Полота*, *поморяне* – от прибрежных районов Балтийского моря, *моравляне* – от реки *Морава*), либо от имён основателей рода (*радимичи*, *вятичи*, *кривичи*), либо от ареала проживания (*дреговичи* – «жители болот, дрегвы»; *поляне* – «жители полей», *деревяне* – «жители лесов (деревы)»).

Таким образом, большинство сохранившихся в летописях названий славянских племенных союзов связаны так или иначе с районами их заселения, а значит, в это время территориальные связи уже преобладали над родовыми. Этот факт свидетельствует об осмыслении древними славянами этнонимов как «материала» для «будущих» хоронимов (от др.-греч. *ὄρος* – «межевой знак, граница, рубеж» + *ὄνομα* – «имя») – названий, имеющих значение крупных

географических или административно-политических образований, приближенных к государственным (*Донбасс, Норвегия* и т. п.).

2.4.3. Антропонимизация мира в языческой культуре славян.

Отличительной чертой язычества являлась вера в одушевлённость окружающего пространства и сверхъестественные силы, которые постоянно присутствовали и принимали участие в жизни человека, становясь основой его общинно-родовой психологии и философии. Слияние с природой, в центре которой стоял человек как средоточие и цель всего сущего (так называемого антропоцентризма), равенство всех членов общины и форм его коллективной жизнедеятельности (например, вече) зижделись на *анимизме* (от лат. *anima* «душа» – вера в то, что неживые объекты и животные являются одушевлёнными), тотемизме, фетишизме и магии³¹ – четырьмя основными проторелигиями, которые появились примерно в одно и то же время и стали основой для более поздних мировых религий.

Это был «детский» период развития человечества, который многократно повторяется как в психологии народов, так и в устной речи каждого ребёнка, который осознаёт себя центром Вселенной (по сути, Богом), а весь окружающий

³¹ «Реальность, среди которой живут и действуют первобытные люди, сама является мистической. Ни одно существо, ни один предмет, ни одно явление природы не являются в представлениях первобытных людей тем, чем они кажутся нам. Почти всё то, что мы в них видим, ускользает от их внимания или безразлично для них. Зато, однако, они в них видят многое, о чём мы и не догадываемся. Например, для «первобытного» человека, который принадлежит к тотемическому обществу, всякое животное, всякое растение, всякий объект, хотя бы такой, как звёзды, солнце и луна, наделён определённым влиянием на членов своего тотема, класса или подкласса, определёнными обязательствами в отношении их, определёнными мистическими отношениями с другими тотемами и т. д. Так, у гуичолов «птицы, полёт которых могуч, например, сокол и орёл, видят и слышат всё: они обладают мистическими силами, присущими перьям их крыльев и хвоста... эти перья, надетые шаманом, делают его способным видеть и слышать всё то, что происходит на земле и под землёй, лечить больных, преображать покойников, низводить солнце с небес и т. д.». [236, с. 133–134].

мир – одухотворённой реальностью, вписывающейся в сказочную канву уникальности собственного бытия.

Подобная психология сопровождала любого «язычника», рождая ауру сопутствующих его жизнедеятельности божеств со своими специфическими функциями:

– символами природы: *Перун* – громовержец, *Хорс* – олицетворённое солнце, *Стрибог* – божество ветра;

– материализованной в божествах реальности: *Волос* – покровитель скота; *Рожаницы* и *Род* – олицетворение судьбы новорождённого, *Сварожич* – олицетворённый огонь;

– мифическими злыми созданиями, являющимися естественными спутниками человека: *Упырь* – покойник, убивающий людей и пьющий их кровь; *Святочная нечисть* – нечистая сила, активизирующаяся во время Святков; *Бес* – злой, враждебный людям дух; *Волколак* – колдун-оборотень, способный принимать облик волка; *Лихорадка* – женский дух, вселяющийся в человека и вызывающий болезни;

– добрыми духами, жившими рядом с человеком, помогающими ему и оберегающими природу: *Берегиня* – женский дух, обитающий у водоёмов, покровитель растений; *Домовой* – покровитель дома; *Банник* – хозяин бани; *Дворовой* – хозяин двора; *Овинник* – хозяин овина; *Водяной* – хозяин рек и водоёмов; *Леший* – хозяин леса;

– обрядовыми действиями (и одновременно божествами): *Масленица*, *Ярила*, *Кострома*, *Кострубонька*, *Коляда*, *Купала*;

– тотемами и духами природы: *Медведь*, *Лев*, *Щука*, *Ёрш*, *Заяц*, *Волк*, *Орел*, *Орех*, *Дуб* и т. п.

Славянское язычество как система дохристианского осмысления мира, основанного на мифологии и магии, являлось, таким образом, специфической культурной моделью, чьи формы, обряды и семантика продолжали своё

существование в онимной действительности во время и после принятия христианства.

Зародившись более полутора тысячи лет тому назад как реальность, свидетельствующая о переходе общества из первобытного состояния в феодальное, она так или иначе присутствует и сегодня практически во всех разрядах и сюжетах онимной действительности:

1. В гидронимах – наиболее древних онимных единицах, зафиксированных в «Повести временных лет»:

Волга – «...1. Крупнейшая река Европейской части СССР, 2. Приток Днепра; см. Маштаков, Днепр. Этому названию соответствует чеш. *Vlha* – река бассейна Лабы, польск. *Wilga* – река бассейна Вислы, отсюда вероятнее всего принять праслав. **Vьlga*, ср. *во́лглый*, польск. *wilgoć* «влажность», с другой ступенью чередования: рус. *воло́га*, ст.-слав. *влага*...» [96, т. 1, с. 336–337];

Волхов – «...река, вытекающая из озера Ильмень и впадающая в озеро Ладогу, др.-рус. *Волховъ*. Принимая во внимание шв. *Ålhava* в грам. XVI в. и фин. *Olhavanjoki*, Миккола (JSFOu 23, N° 23, стр. 11) производит это название из фин. *Olhava* (см. также Миккола ÄВ 10; Калима 262)...» [96, т. 1, с. 43–47]. Но существует и версия происхождения названия от др.-рус. *вълхвъ* «кудесник, волшебник, гадатель»;

Двина (букв. «большой пролив») – название реки, перенесённое затем также на Сев. Двину. Зап. Двина называется в др.-исл. *Dýn(a)*, ср. польск. *Dźwina*, нем. *Düna*, лит. *Daugivà*, лтш. *Daugava*; ср. еще лит. *daũg* «много», а также распространённый рус. гидроним *Многа*. Далее, лив. *Vēna*, эст. *Väina-jõgi*, *Väin*, фин. *Väinäjoki*, также эст. *väin* «пролив»... [96, т. 1, с. 488];

Десна – «...название нескольких рус. рек, напр. левого притока Днепра, левого притока Южного Буга... Ср. ст.-слав. *деснь* «правый». Возм., употреблено как эвфемизм в знач. «левый»... [96, т. 1, с. 50];

Дунай – от первичного *Дон* (уменьш. *Донец* – приток Дона). Большинство исследователей объясняют происхождение гидронима из корня *dani* – «течь», отразившегося в иран. *dani* «река», др.-инд. *dani* – «сочающаяся жидкость», осет. *dop* – «река, вода». Родственные гидронимам *Днепр*, *Днестр*. У Геродота и Страбона форма *Танаис* (*Дон*) отражает то же иранское слово;

Илмерь (совр. *Ильмень*) – «...небольшое озеро, остающееся после половодья, (например), на Волге», астрах. (Преобр.); также Мельников (7, 90), *ильмень* «маленькое озеро», донск., воронежск., уральск. (Миртов). Часто встречается в геогр. номенклатуре на Дону (Маштаков, *Дон* 10). Восходит к названию озера *Ильмень* у Новгорода, др.-рус. *Илмѣрь* (Лаврентьевск. летоп.), из фин. *Ilmajärvi*, эст. *Ilmjärv*; ср. Фасмер, Sitzber. Preuss. Akad., 1934, стр. 373; Шахматов, *Очерк* 281. Это название превратилось в речи новгородцев в нарицательное и распространилось благодаря новгородской колонизации» [96, т. 2, с. 128];

Припеть (совр. *Припять*, букв. «при реке») – «...правый приток Днепра, укр. *Прип'ять*, др.-рус. *Припеть* (Пов. врем. лет.), первонач. *При-петь, собственно «приток», ср. греч. *ποταμός* «река»... [96, т. 3, с. 365];

Семь (совр. *Сейм*) – река, левый приток Десны. По мнению М. Фасмера, этимология гидронима неясна [96, т. 3, с. 600]. Лешек Мошинский считает возможным видеть в нём индоевропейский корень *-ke- со значением «пёстрый, разноцветный» [510]. Наиболее вероятной на сегодняшний день является гипотеза о том, что др.-рус. *Семь* восходит к иранскому «тёмная река», ср. авест. *Syāta* и др.-инд. *Śyāta* – «тёмный»;

Сула – левый приток Днепра в (бывш.) Харьк. и Полт. губ.; правый приток Немана, в (бывш.) Минск. губ. и в (бывш.) Виленск. губ.; приток Мезени; река в (бывш.) Ростовском у. Яросл. губ.; река неподалеку от Казанки в (бывш.) Казанск. губ., др.-рус. *Сула* в отношении к первой из этих рек (Лаврентьевск. летоп., СПИ).

Судя по распространению, по-видимому, исконнослав. Ср. гот. *bi-sauljan* «марать, загрязнять», норв. *søyla* «ил, топь», шв. *saula* «грязь»... [96, т. 3, с. 799–800]³².

2. В названиях славянских городов, основу которых составляли либо имена их основателей, либо значимые для территории гидронимы с определёнными природными характеристиками:

Киев – административный центр Киевского и Галицко-Волынского княжеств, совр. столица Украины; согласно «Повести временных лет», основан в VI в. братьями Кием, Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедь как город полян, назван в честь старшего брата;

Новгород – центр древней Новгородской республики, один из многих совр. городов с подобным названием в России; упоминается в летописях под 859 г.; название типичное для древних поселений, которые были просто «городами» с корнем «град»: возник как «новый город» из слияния административных вечевых центров сельских округ-погостов, мест концентрации дани и её сборщиков;

Изборск – входил в состав древней Псковской республики, совр. посёлок в России; упоминается в летописях под 862 г.; название восходит к слову *извор*, т. е. «ключ, источник» с добавлением суффикса *-ск-* – наиболее продуктивный в древности способ образования топонимов от названий рек или водных источников;

Полоцк – центр Полоцкого княжества, совр. город в Витебской обл. Белоруссии; упоминается в летописях под 862 г.; название восходит к реке *Полоты*, впадающей в Западную Двину, на берегах которого расположен город;

³² «Афету же яшася полунощныя страны и западныя», в том числе и «реки Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Вольга. <...> По мнозехъ же времянех сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на которомъ месте. <...> Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех. <...> Словени же седоша около езера *Илмеря*, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по *Семи*, по *Суле*, и нарекошася северь» [ПВЛ, 1978, с. 24–26]:

Ростов – поселение древнего Владимиро-Суздальского княжества, совр. город в Ярославской обл. России; упоминается в летописях под 862 г.; название, вероятно, произведено от др.-рус. языческого имени *Ростъ*, сокращённого от *Ростиславъ*; **Муром** – один из центров Муромо-Рязанского княжества, совр. город во Владимирской обл. России; упоминается в летописях под 862 г.; в названии, вероятно, зафиксировано существование фин.-угор. племени *мурома*;

Ладога – первая древняя столица Северной Руси, затем город Новгородской республики. С 1703 г. – *Старая Ладога*, совр. село в Волховском районе Ленинградской области; упоминается в летописях под 862 г.; названо, вероятно, по имени озера *Ладога* из др.-сканд. **Aldauga* «старый источник, подобный открытому морю»;

Белоозеро – один из центров Владимиро-Суздальского и Белозёрского княжеств, древнерусский город у истоков р. Шексна, вытекающей из Белого озера; с 1238 г. столица Белозёрского княжества, упоминается в летописях под 862 г.; первоначальным его населением, по летописи, являлась *весь*;

Смоленск – центр Смоленского княжества, совр. административный центр Смоленской обл. России; упоминается в летописях под 862 г.; название произошло от р. *Смольня* из слав. *smol-* «чернозем»;

Любеч – один из центров Киевского и Черниговского княжеств, совр. пос. в Черниговской обл. Украины на берегу Днепра; упоминается в летописях под 882 г.; название, вероятно, произошло от ивр. «болото, болотистое место»;

Житомир – один из древних поселений Киевского княжества, совр. административный центр Житомирской обл. Украины; упоминается в летописях под 884 г. Название, по М. Фасмеру, происходит от «... др.-русс. *Житомель*, *Житомль*, прилаг. на *-ію-* от *Житомъ*, уменьш. от собств. *Житомърь* (от *жито*); ср. цслав. *жжжитомърьникъ сѣтомѣтрѣс*» [96, т 2., с. 57];

Псков – столица древней Псковской республики, совр. административный центр Псковской обл. России; упоминается в летописях под 903 г.; название, по

М. Фасмеру, «от род. п. -а, *Псковá* – название реки близ Пскова, народн. *Опскóв* (из выражения: *во Пскóве*»; [96, т. 3., с. 397];

Переяславль – центр Переяславского княжества, совр., город *Переяслав-Хмельницкий* в Киевской обл. Украины; упоминается в летописях под 907 г.; от др.-рус. *Переяславль* образовано с помощью суф. -*jo-* (-ль) от СИ *Переяславъ* из **Perjęslavъ* «перенявший, унаследовавший славу», как и нем. *Prenzlau*;

Чернигов – центр Черниговского княжества, совр. административный центр Черниговской обл. Украины на р. Десна; упоминается в летописях под 907 г.; название, по М. Фасмеру, происходит от собств. др.-рус. имени *Чьрнигъ*, производного от *чьрнь* «черный» [96, т. 4., с. 345];

Пересечен – один из древних поселений Киевского княжества в низовьях Днепра; упоминается в летописях под 922 г.; название происходит от др.-рус. *пересѣчи*, *пересѣкати*;

Углич – центр Угличского княжества, совр. административный центр Угличского района Ярославской области РФ; упоминается в летописях под 937 г.; по М. Фасмеру, название происходит от др.-рус. *Углече поле* из **жгъльць*, **жгъль* (см. *у́гол*) – названия одного из речных изгибов Волги [96, т. 4, с. 145];

Вышгород – древнерусское поселение в низовьях Днепра; упоминается в летописях под 946 г.;

Искоростень – один из древних поселений Киевского княжества; упоминается в летописях под 946 г., когда княгиня Ольга сожгла его при подавлении древлянского восстания в 945 г. В XIV в. на его месте основан город *Коростень* (совр. Житомирская обл. Украины); по М. Фасмеру, «...город в земле древлян, др.-рус. *Искоростѣнь*. Согласно Соболевскому (РФВ 64, 179), от собств. **Искоростѣнь* сканд. происхождения (шв. *sten*). Первая часть, возм., от др.-сканд. *skarfr* «утёс»?» [96, т. 2, с. 140];

Витебск – один из древних городов Полоцкого, Смоленского княжеств, совр. обл. центр Белоруссии; упоминается в летописях под 947 г.; по М. Фасмеру,

от «...др.-русс. *Витьбьскъ* – местн. н., от названия реки *Витьба*, притока Зап. Двины (примеры см. у Барсова, М. 30 и сл.» [96, т. 1, с. 321];

Перемышль – один из древних поселений Киевского княжества, с 1945 г. после присоединения к Польше – *Пиёмысль* (польск. *Przemyśl*, рус. *Перемышль*) – город в Подкарпатском воеводстве; упоминается в летописях под 981 г.;

Мстиславль – один из древних поселений Смоленского княжества упоминается в летописях под 1135 г.; происходит от др.-рус. собственного имени *Мьстиславъ*, *Мьстиша* от *мститъ* и *слава* «мсти за славу» с помощью суф. *-jo-* (-ль), используемого для образования ойконимов;

Ростиславль – один из древних поселений Смоленского княжества упоминается в летописях под под 1137 г.; совр. *Рославль* – административный центр одного из районов Смоленской обл. России, расположенный на левом берегу Остера; название происходит от имени смоленского князя *Ростислава* (др.-рус. *Ростиславъ*) с помощью суф. *-jo-* (-ль), используемого для образования ойконимов.

2.4.4. Теонимизация природы в культе языческого многобожия. Её истоки пытаются объяснить влиянием греческой мифологии, где «почётное» место, как и у славян, занимали боги Солнца, света и огня:

- *Перун*, как и *Зевс*, верховное божество, бог грома и молнии;
- *Сварог* – божество, приравненное к греческому *Гефесту* или *Гелиосу*;
- *Сварожич* – сын Сварога, персонификация земного огня;
- *Дажьбог* или *Хорс* – тоже боги Солнца, как и обрядовые действия на *Ярила*, *Кострому* или *Купала*, связанные с солнечным светом или огнём [276].

Однако, несмотря на кажущуюся близость двух «Олимпов», мы наблюдаем в язычестве странные особенности, связанные с внешним примитивизмом религии, функциональными повторами разных богов и внутренним осознанием

себя и природы как процесса бесконечного перехода из одного состояния в другое: от сна к пробуждению, от жизни к смерти и наоборот. Представление об иерархии богов в мифологии греков не совсем соответствует характеру религии наших предков. Они «переболели» устаревшей болезнью кастового соподчинения, характерной для древней Греции или Рима. Старший в роде, а затем князь был одновременно и жрецом, т. е. первым среди равных, как и многочисленные языческие боги, которые не конкурировали и не делили между собой властные полномочия, а выполняли «рабочие» функции, зафиксированные затем в специфических формулах структуризации славянского общества.

Перун. Имя этого бога встречается впервые в «Повести временных лет» под 907 и 945 г. [153, т. 2]. Именно им клялись древние русичи при договорах с греками, и этот договор свято выполнялся. В современной славянской культуре имя Перуна – наиболее известно. Украинское выражение «*Перун би тебе трах*» или белорусское «*Хай цябе Перун узяв*» – отголоски древнего представления о боге, перенесённого на христианского *Илью*, который разъезжает по небу на огненной колеснице и метает молнии. Не случайно словацкое «*Перунова стрела в тебе*» заменяется у чехов выражением «*Гром в тебя*».

У славян Перун изображался с колчаном стрел в левой руке и луком в правой, выполняя функции, приписанные позже Илье-Пророку. С ним связано бесчисленное множество народных обычаев и примет. Существует, например, легенда, что когда бесы восстали против Бога, то Бог приказал Илье выгнать нечистую силу с небес: «*Гром гремит, это Илья по небесному мосту в огненной колеснице едет*» [153, т. 2, с. 233].

Перун, как и Илья-Пророк, выступал ещё и в роли сеятеля, олицетворяя дождевую тучу, которая орошает (оплодотворяет) землю. «*На Іллі новий хліб на столі*», – говорят украинцы, выпекая из нового урожая «буханці».

Но Перун мог быть грозным, нести смерть и разрушения, поэтому изображался как бог войны с палицей в руках. Этот неизменный атрибут власти мы находим затем в виде булавы у гетмана или скипетра (жезла) у монархов.

Функции Перуна, связанные с властью, силой, громом, молнией, но одновременно теплотой, жизнью, подтверждает этимология слова. В его структуре чётко выделяется корень *пер-* (*nap-*, *np-*, *por-*). Он присутствует ещё в имени Индры – древнеиндийского бога *Parjanja*, которое переводится как «туча, что предвещает молнию» (от **parj* – «рассекать, окроплять»). Слова с аналогичным корнем мы встречаем и в санскрите (**partr* «тот, кто охраняет», **pari* «солнце, огонь, теплота»), а также в латинском (*pario* «высиживать яйца») и литовском языках, где существует выражение «*Ka paperije?* – «Кого родила?». Второй структурный элемент – суффикс *-ун* (*говорун*, *колдун*) имеет значение творца, т. е. «делателя».

Итак, Перун выполняет функции активного бога, который имеет власть, силу, способен карать и давать жизнь. Пассивно мы встречаем этот смысл в современном языке.

1. Русское *парень* (укр. *парубок*) – имеет значение рождённого (пассивная функция) от Перуна, т. е. его «сын»;

2. *Пар*, *париться*, *пара* (две противоположности, дающие жизнь), диалектное *парунья* («курица», что сидит на яйцах»), укр *зопріти* («вспотеть») – тоже связаны с этимологией Перуна;

3. Компоненты слов с корневой морфемой *-пр-* выделяются в современных словах *препираться*, *запереть* или украинском выражении «*проти білизну*», т. е. «бить по белью валиком».

4. Вполне возможно, что и русский *топор* (диал. укр. *топір*) связан с древним корнем **parj* «рассекать», а не со старославянским *тети* «бить», как считает М. Фасмер [96, т. 4, с.79]. Не случайно параллельно с ним в качестве синонима употребляется древнее русское слово *секира* или украинское *сокира*, а

также название первого месяца украинского календаря *січень* (древнерусское *сѣчень*) – время, когда «*сікли сокирами деревину*», чтобы на раскорчёванных участках (*лесосеках*) *посеять хлеб*, т. е. «оплодотворить землю».

Сварог и Сварожич. Эти имена мы встречаем в Ипатьевской летописи под 1114 годом [43]. По М. Фасмеру, Сварог был богом, похожим на греческого Гефеста и Гелиоса, т. е. богом небесного огня и Солнца, у которого было два сына: *Сварожич* – олицетворение земного огня и *Дажьбог* – олицетворение Солнца.

В имени *Сварог* выделяются префикс *с-*, корень *вар-* и суффикс *-ог* (от слова *бог* – «богатство, благополучие»). Приставка имела значение присоединения одной части к другой, а корень зафиксирован ещё в санскрите со значением «сиять, светать», обозначая процесс кипения (ср. «варенье, варка» и т. п.) и имея отношение к солнечной жаре – присказку «Солнце варом варит» ещё и сегодня можно услышать в некоторых диалектах. Наиболее значимыми функциями Сварога считались две: 1) бог, управляющий небесами и 2) как и Гефест, бог бракосочетания огня. Что касается *Сварожича* (ср. *Иванович, Петрович*), то это, очевидно, сын Сварога *Дажьбог*, по отчеству *Сварожич*.

Таким образом, *Сварбог* передавал философский смысл «единства противоположностей». Это был бог неба, который даёт тепло, соединяясь с земной твердью; это небосвод, освещённый тёплым солнцем, который опирается на землю-горизонт; это, наконец, небо и земля, которые, встречаясь, никогда не сходятся. Не случайно в русском языке *сварка* – это «процесс соединения двух частей путём плавления», а в украинском – «ссора, противоборство двух сторон». И совсем не случайно в некоторых районах Новгорода процесс бракосочетания называют «сварьбой».

Дажьбог (Дажьбог). В Ипатьевской летописи под 1114 годом читаем: «И по семь (послѣ Сварога) царствова сын его, именем Солнце (Гелиось), его же нарицають *Дажьбог*...» [43, с. 210]. Первый структурный компонент *дажь-*

(*даждь-*) образован от повелительного наклонения глагола *дати* (совр. *дай*), второй – от «богатство, благодать».

Итак, *Дажьбог* – это не только тот, кто приносит благополучие, т. е. символ Солнца, но и само действие от имени Солнца.

Как отголосок этих древних представлений о том, что все мы – дети богов, в данном случае *Дажьбога*, звучит пожелание «*Дай Бог!*» и всем известная детская песенка:

*Солнышко, Солнышко,
Выгляни в окошко,
Твои детки плачут,
пить-есть просят... [161, с.26].*

Хорс (др.-рус. *Хърсъ*), зафиксированный под 980 г., скорее всего, слово заимствованное и является эпитетом *Дажьбога*, поскольку в «Повести временных лет» в беседе трёх святителей *Хорс* называется «жидовином», хотя стоит он сразу же после *Перуна*: «Два ангела громна есть: еллинский старец *Перун* и *Хорс* жидовин – два есть ангела молниины» [Срезн.: 91]. Возникает вопрос, в чем тогда его отличие от *Дажьбога*?

В «Слове о полку Игоревом» [87] упоминается, что князь Всеслав «пересекаше» дорогу великому *Хорсу* (т. е. движется с севера на юг). Речь, таким образом, идёт здесь не просто о Солнце, а о его движении с востока на запад, которое образует символический круг. Следовательно, *Хорс* – это движущееся весеннее Солнце в вечном круговороте, т. е. Солнце, которое «не спит». Кстати, греческое *χóρος* «хор, собрание» означает паникадило в форме одноярусного или многоярусного круга со множеством свечей, висящее в греческих церквях. Слово «хорда» тоже сохраняет связь с кругом.

История многобожия позволяет сделать следующие выводы.

1. Иерархия между богами славянского Олимпа устанавливалась не по «властным полномочиям», а на основе сужения их функций: *Перун* – бог неба,

огня, грома, дождя, который карает и даёт жизнь; *Сварог* – бог неба и тверди со спутниками Солнцем и огнём; *Дажьбог Сварожич* – бог Солнца, домашнего огня; *Хорс* (эпитет Дажьбога) – бог Солнца в вечном круговороте и движении.

2. В основе ритуальных действий заложен языческий культ природы и предков. Их неизменным атрибутом является огонь – символ вечности и изменчивости (он карает и даёт жизнь; ласковый и одновременно злой), который присутствует во всех народных обрядах:

- прыжках через огонь на *Ярила* и *Купала* (очищение и встреча Солнца);
- сожжении *Кострубоньки* (*Костромы*) на второй день после *Ярила* (похоронные мотивы) со встречей солнца (символ жизни) [153; 161; 405].

3. Религия славян не была остановлена наступлением христианства. Язычество «тайно или явно» вплелось в православие и его новые обряды, связанные с культом природы на *Троицу*, *Спаса*, *Пасху* и других религиозных традиций, имеющих свои «эквиваленты» в язычестве.

Таблица 5

Языческие и христианские праздники

ДАТА	ЯЗЫЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК	ХРИСТИАНСКИЙ ПРАЗДНИК
6.01	Праздник Велеса	Рождественский сочельник
7.01	Коляда	Рождество Христово
4.02	День бога Велеса (покровителя охоты)	День Святого Власия (покровителя животных)
2.03	День Марены	День Святой Марианны
6.05	День Дажьбога (первый выгон скота, договор пастухов с чертом)	День Святого Георгия Победоносца (покровителя скота и воинов)
15.05	День Бориса-хлебника (праздник первых ростков)	Перенесение мощей благоверных Бориса и Глеба
22.05	День Ярилы – бога весны	Перенесение мощей Святого Николая Весеннего, приносящего теплую погоду
6.07	Русальная неделя	День Аграфены Купальницы (с обязательным купанием)
7.07	День Ивана Купалы (обливание, купание)	Рождество Иоанна Крестителя
2.08	День Перуна – бога грома	День Святого Илии Пророка
19.08	Праздник первых плодов	Праздник освящения плодов
21.08	День Стрибога – бога ветров	День Мирона Ветрогона, приносящего ветер
14.09	День Волха Змеевича	День преподобного Симона Столпника

21.09	Праздник рожениц	Рождество Богородицы
10.11	День Макоши – богини-пряжи, прядущей нить судьбы	День Параскевы Пятницы – покровительницы шитья
14.11	Сварог открыл людям железо	День Козьмы и Дамиана – окровителей кузнецов
21.11	День Сварога (бога неба и огня) и Симаргла	День Михаила Архангела

Для этого были как внешние, так и внутренние причины:

Во-первых, при князе Владимире христианство распространялось только в городах. В селах язычество продолжало существовать вплоть до XVI–XVII вв. параллельно с православием, а традиционный образ жизни славян, связанный с культом природы и предков, способствовал сохранению языческих обрядовых мотивов даже в современной культуре.

Во-вторых, язычество Древней Руси по сравнению с первичными религиями других народов, где обязательным атрибутами были жертвоприношения, дворцы, жрецы, отличалось простотой и доступностью. Достаточно было князю возвести идол на природе, и всё было готово для выполнения обрядовых действий: ³³ «В лето 6488. Нача княжити Владимир в Киеве, и поставе кумиры на холму вне двора теремнаго, Перуна древяна, а главу сребряну, а ус злат, и Харса, и Дажеба, и

³³ В период военной демократии у восточных славян князь совмещал в себе административные, военные и религиозные функции [400, с. 268.]. Он был и военачальником, и жрецом одновременно. В отличие от них южные славяне, принявшие под влиянием Византии с сер. первого тысячелетия христианство, не сформировали касту жрецов, хотя у западных славян они сосредоточивали порой в своих руках даже политическую власть.

Таким образом, у «русичей» жрецов, кроме князя, практически не существовало. Но были почитаемы гадатели: *волхвы, ведуны, обавники, зелейники, наузники, чародеи, кудесники, «бабы богомерзкие», ворожеи* и т. п. Они выполняли функции знахарства (заговоры, природные лекарства); защитной магии (ритуалы, зелье, амулеты, обереги); предсказаний по крику птиц, животных или застыванию воска; помощи при родах, базируясь на праславянских понятиях *дух, душа, навь* («мертвец»), *рай* («потусторонний мир»), *упырь* («вампир»), *треба* (жертвоприношение) [352]. При этом их понимание души было не сродни христианскому. Душа была не абстракцией, а представляла саму личность, которая после смерти, перейдя в рай, становилась навью. При этом среди европейцев только у славян понятие «рай» (праслав. *гајъ) было исконным, а «ад» – заимствованным [460].

Стриба, и Семаргла, и Мокоша. И жряху им, нарицающы я боги, привождяху сыны своя и дщери. И жряху бесом, и оскверняху землю требами своими, и осквернися земля кровми Руская и холм той» [ПСРЛ, с.24, 980]. Это был сознательный государственный акт, установивший официальный пантеон божеств, укрепивший единство восточных славян, но подчёркивающий их особенное мировосприятие. Характерно, что этот акт совершили «норманны», принявшие язычество и ставшие главными его апологетами.

Их «преследовал» русский, а не норманнский вектор формирования государства. Его территориальное оконтуривание произошло по русскому сценарию, разделившему языческих идолов на восточных, западных и южных.

Восточнославянский языческий пантеон

Основные божества («пантеон» князя Владимира): *Перун* – главный бог, покровитель князя и дружины, также громовержец. Сменился *Ильей-пророком*; *Хорс* – олицетворённое солнце; *Дажьбог* – солнечное божество, в фольклоре – замыкает зиму и отмыкает весну, покровитель свадеб; в книжности – предок русских людей от князя до земледельца; *Стрибог* – божество, связанное с ветром; *Семаргл* – полубожественный персонаж, вестник между небесным и земным мирами; *Мокошь* – женское божество, покровительница прядения и ткачества, сменилась Параскевой-Пятницей.

Кроме них, огромный вес в язычестве восточных славян имели и другие боги: *Волос* ≠ *Велес*: *Волос* – «скотий бог», покровитель скота, сменился Власием Севастийским, а *Велес* – покровитель сказителей и поэзии (Боян назван в «Слове о полку Игореве» *Велесовым внуком*); *Рожаницы* и *Род* – персонажи, олицетворявшие судьбу новорождённого («что на роду написано»); *Сварог* – бог-кузнец; *Сварожич* – олицетворённый огонь.

Ритуально-календарные персонажи: *Масленица*, *Ярила*, *Кострома*, *Кострубонька*, *Коляда*, *Купала*.

«Боги» книжного происхождения: *Троян* – символ древности в «Слове о полку Игореве». Заимствован, возможно, из южнославянской фольклорной традиции; *Дый* – вариант имени античного Зевса в древнерусских поучениях; *Алконост* и *Сирин* – мифические птицы древнерусских книжных произведений, заимствованы из античных источников.

Персонажи низшей мифологии, умершие не своей смертью (утопленники, самоубийцы, опойцы и т. д.): *Русалка* – душа «заложного» покойника; *Мавка* – русалка, злой дух умершего некрещёного ребёнка; *Упырь* – «заложный» покойник, пьющий кровь убитых им людей; *Святочная нечисть*, активизирующаяся во время Святков; *Бес* – злой дух; *Волколак* – колдун-оборотень, способный принимать облик волка; *Берегиня* – женский дух, покровитель растительности, обитающий у водоёмов; *Лихорадка* – женский дух, вселяющийся в человека и вызывающий болезни; *Огненный змий* – демон в виде огненного шара, залетающий в печную трубу и посещающий женщин, тоскующих по мужьям; *Кикимора* – отрицательный женский персонаж, обитающий в жилище или других постройках, прядущий по ночам; *Полудницы* – женские полевые духи полудня как критического времени; *Домовой* – дух-покровитель дома; *Банник* – дух-хозяин бани; *Дворовой* – дух-хозяин двора; *Овинник* – дух-хозяин овина; *Водяной* – дух-хозяин рек и водоёмов; *Леший* – дух-хозяин леса; *Баба-Яга*; *Борута* – польское название *Лешего*.

Божества западных славян

Балтийских:

Святовит – главный бог *Арконы*, связан с войной и победой;

Триглав – главный бог своей местности, с ним связан священный вороной конь, у его идола три головы;

Сварожич (Радегаст) – главный бог земли ратарей, связан с воинскими функциями;

Чернобог – злой бог, приносящий несчастье;

Прове – главный бог округа Старгарда, почитался в священной дубовой роще;

Припегала – бог с неясными функциями, судя по источнику, «дионисийского» типа;

Подага – бог вагров с неясными функциями, имевший храм и идол в Плуне;

Жива – главное женское божество своей местности.

Три «бога» Кореницы: *Яровит* – бог войны и плодородия; *Рувит* – главный бог Кореницы, бог войны; *Поревит*, или *Поренут* – бог с неясными функциями.

Ритуально-календарные персонажи: *Марена* (*Морена*, *Маржана*) – весеннее чучело, воплощение зимы и смерти; его топили, разрывали или сжигали.

Низшие персонажи: *Рарог* – мифологическая огненная птица; *Велес* – чёрт, демон в чешских поговорках; *Паром* (*Перун*) – упоминается в проклятиях, типа *Parom do tebe!* или *Ej, do Pioruna!*

Божества южных славян

Мифоритуальные персонажи:

Бадняк – воплощён в полено и символизирует старый год, который сжигают под Рождество;

Божич – новый, молодой год;

Вилы – женские водные духи, сходные с русалками;

Герман – сезонный персонаж, связанный с плодородием;

Дабог – мифический образ «царя на земле», противопоставленный Богу на небе;

Додола, или *Папаруда* – женский персонаж, участвующий в ритуалах вызова дождя, связан с Перуном;

Здухач – человек или животное, способное бороться с непогодой;

Судженицы – существа женского пола, определяющие судьбу ребёнка при рождении.

Таким образом, культовая философия первобытной религии совпала со стратегией развития восточнославянского общества, построенного, в отличие от многих других первобытных религий, на принципах социальности («мир», вече, община), свободы (отсутствие рабства и притеснения других народов и религий) и коллективной морали. Языческие постулаты, отражённо присутствующие в православии, не стали противоречить мирному сосуществованию многонационального и поликультурного общества как на территории современной России, так и на территории регионов, подобных Донбассу. Суть славянского многобожия объективно была перенесена в языческий народный именослов, дополнивший его функционально-иерархическую структуру «светской традицией».

Если иметь в виду славянскую мифологию, то в ней чётко прослеживается причинно-следственная связь между именем мифического персонажа и «омонимичными» топонимами: *Чех* якобы дал имя *Чехии* и *чехам*; *Вятко* – *Вятке* и *вятичам*; *Кий* – *киевлянам* и *Киеву*; *Рус* – русским; *русалка* реке *Рось* – *Руси*; бог *Дон* – реке *Дон*; змей *Ра* – реке *Ра* (совр. *Волга*) и т.п. Такая мифологическая «традиция» сохраняется и в современной советской и постсоветской истории: *Ленин* – г. *Ленинград* и *Нинель*, *Иван Франко* – г. *Ивано-Франковск*, *Юрий Гагарин* – г. *Гагарин*, *Сталин* – *Сталинабад* и *Сталина* и т. п.

Но она не зафиксирована с целью увековечивания царей или помещиков – топонимы в средние века и в феодальный период существования русской государственности формировались от имён реальных первооткрывателей или выдающихся личностей (исключение составляет лишь город *Ярославль* в честь князя *Ярослава*). Даже город *Санкт-Петербург* – это буквально «Город Священного Камня», установленного на Заячьем острове.

2.4.5. Сословная вариативность языческих имён. Причины вариативности древнеславянского именослова связывают с отсутствием реестра языческих имён и анархией в их выборе. Однако это правда лишь отчасти. В стихии устной речи онимную норму зафиксировать невозможно, но это не означает, что она не могла быть выработана языческими традициями, формирующимися на основе ритуального осмысления действительности. Иначе о зачатках развития русской государственности в дописьменный период не могло быть и речи.

Анархию в языческом ритуале имянаречения уже на начальном этапе останавливало обычное право:

– *тотемно-предметное*, переносившего первобытные коннотации, связанные с природой, животными или растениями, на имя человека: *Мороз, Ворон, Буран, Волк, Лев, Орёл, Медведь, Карась, Лисица, Дуб, Плющ, Борщ* (позже они превратились в фамилии *Морозов, Буранов, Ворона, Волков, Львов, Орлов, Медведев, Карасёв, Лисицин, Дубовой, Плющин, Борщов* и т. п.);

– *индивидуально-оценочное*, подчёркивающего качества человека, тщательно скрываемые от чужих людей (хотя эта «тайна» всё равно открывалась по достижению ребёнком зрелого возраста):³⁴ *Улыба, Будилко, Любим, Храбр, Добр, Ждан, Любава, Белый, Малуша, Голуба, Стоян, Умник, Хитр, Кожемяка*; они, «программируя» судьбу, характер и поступки человека, связывались с

³⁴ «Первичные имена не всегда были славянскими и не всегда связывались с «негативной» оценкой. Так, имена *Камень, Рябой, Черныш, Кощей, Балда, Мал, Трава*, не воспринимаемые современной проприальной культурой, оказывались вполне «приличными» с точки зрения наших предков. Имя *Камень* передавало ребёнку силу и твёрдость характера (кстати, совр. *Петр* от гр. *Πέτρος* – тоже «камень»); *Чернухой* и *Рябым* могли быть тотемные животные; *Кощей* в половецком языке – это *кош-чи*, т. е. «слуга в обозе»; *Балда* – от калмыцк. *Болду* «стальной»; *Мал* – это гр. *Павел*; *Трава, Пырей* – это «нормальные» имена, связанные с культом природы, которые употреблялись даже в княжеских семьях вплоть до XVI в. В документах того времени встречаются, например, такие записи: «*Заяц Тихонов сын Быков*», «*боярский сын Зайка Некрасов сын Боборыкин*», «*помещики Хомяк Рындин и Собака Скобельцын*», «*горожанин Мышь Проскорнич*», «*крестьянин Конь Сидоров*» [435, с. 16–17].

лексическими значениями, которые варьировались в зависимости от ситуации и социального контекста (для семьи *Добрыня, Голуба*, а для мира *Некрас, Ленея*);

– **семейно-иерархическое**, фиксирующее порядок рождения ребёнка: *Первушка* – «первый», *Третьак* – «третий», *Сёмко* – «седьмой», *Девятóй* – «девятый», *Меньшак* – «меньший», *Старишóй* – «старший»; оторвавшись позже от значения слов, они стали основой будущих официальных фамилий *Первушин, Третьяков, Семко́, Девятко, Меньшов, Старинов* и т. п.

– **культовое**, используемого для почитания языческих божеств *Ярило, Влас, Лада, Кощей, Леля*; при этом табуированными в силу особой святости были имена *Перун, Даждьбог, Стрибог, Мокош, Хорс, Семаргл* (возможно, ещё *Сварог* и *Род*), которые после принятия христианства были уже запрещены как «поганые».

Между тем в последнем случае «запрет» не всегда действовал. Об обычаях языческого по своей сути регулирования антропонимного пространства упоминается даже в XVI столетии: «Первых родов и времен человеци ... до некоего времени даяху детям своим имена, якоже отец или матери отрочати изволит, или от взора и естества детища, или от времени, или от вещи, или от притчи... Также и словяне прежде крещения их даяху имена детям своим сице: *Богдан, Божен, Первой, Второй, Любим* и ина таковы...» [362, с. 47].

До принятия христианства личный именослов представлял не собственные имена в современном их понимании, а прозвища в самых разнообразных вариантах, данных по конкретному поводу, например:

а) по очерёдности рождения: *Первак // Первой, Второй // Вторак, Третий // Третьяк, Седьмой // Семко, Девятый // Девятой*;

б) по внешним признакам: *Черныш, Беяк, Горбун, Веселин*;

в) по времени и особенностям климата в день рождения: *Ночник, Вечерко, Хлад, Теплыш*;

г) по ожиданиям и оберегающим от нечистой силы характеристикам: *Ждан // Неждан, Любава // Нелюба, Краса // Некрас*;

д) по ассоциациям с животным и растительным миром: *Щука, Ериш, Заяц, Волк, Орёл, Орех, Бориц, Лев, Медведь* и т. п.

Таким образом, культура имяназвания у древних славян естественным образом вписывалось в языческую полифоничность восприятия окружающей действительности. Это отразилось как на функциональной вариативности богов, так и на социальной основе личных имён. В этом смысле процессы, происходящие в обожествлении славянами «очеловеченной» природы, отличались от первобытного мышления племен индейцев или африканцев.

«...Индеец рассматривает своё имя не как простой ярлык, но как отдельную часть своей личности, как нечто вроде своих глаз или зубов. Он верит, что от злонамеренного употребления его именем он так же верно будет страдать, как и от раны, нанесённой какой-нибудь части его тела. Это верование встречается у разных племен от Атлантического до Тихого океана... На побережье Западной Африки, например, ...существуют верования в реальную и физическую связь между человеком и его именем: можно ранить человека, пользуясь его именем... Настоящее имя царя является тайным...» [236, с. 136].

Имена у древних славян принадлежали не собственнику, а номинаторам, т. е. семье, волхвам или общине.³⁵ Они не могли называться собственными, потому что в общине собственности практически не существовало. Скорее, имя представлялось природой конкретного человека, которая могла меняться.

Сущность родившегося человека по-разному оценивалась членами общины (они пользовались «родительскими» именами-оберегами, типа, *Безнос, Беспят, Кощей, Крив*) и семьёй, нарекающей ребёнка другими, тайными и известными только ей именами-пожеланиями, типа *Лебедь, Любава, Ждан*, а позже — именами-конструктами их характера и будущей судьбы (*Хорошайло, Боян*,

³⁵ Этот недвусмысленный факт зафиксирован в современной речевой практике, в которой уместным является вопрос «Как тебя зовут?» или «Чей ты?», а не «Кто ты?».

Храбр). Во взрослой жизни имена менялись в связи с изменением социального статуса человека.³⁶

Во-первых, с самого рождения у славян было, как минимум, два имени. Первыми нарекали ребёнка в младенчестве для защиты от злых духов: *Найдён, Беспят, Ненаш, Безрод, Подкид, Неупокой, Мёртвый, Продан, Дурак, Худаи, Крив, Злоба* (впрочем, впоследствии они стали фамилиями *Найдёнов, Беспяткин, Ненашев, Безродный, Подкидышев, Неупокоев, Мертваго, Проданец, Дураков, Худашев, Кривой, Злобин*), а вторыми – пользовались после обряда посвящения, примерно с семи лет, с учётом «позитивной перспективы» ребёнка: *Лев, Смел, Боян, Вера, Любовь, Веселин, Всемир, Горазд* и т. п.

Во-вторых, вариативность на заключительном этапе языческой истории имела уже и классовый смысл. Княжеский именослов подчёркивал значимые социально-нравственные признаки князя, являясь средством не только сословного, но и родового выделения, поскольку процесс имянаречения не выходил за рамки рода Рюриковичей (вот почему частотность одинаковых княжеских имён потребовала позже коннотативно-семантических «добавок», типа *Владимир Красно Солнышко, Владимир Мономах, Ярослав Мудрый* и т. п.).

Имена *Ратибор, Добромysl, Гостомysl, Богдан, Огневед, Мирослав, Владимир, Вячеслав, Всеволод, Яромир, Добрыня, Забава* давались не стихийно, в семье, а волхвами с учетом «заслуг» их обладателей. Они при этом не скрывались, а наоборот, выпячивались, что свидетельствовало об их возможном переходе в календарные, используемые в качестве своеобразных фамилий. Их повторяемость и элитность предполагала чёткое разделение на три разряда:

³⁶ Но оно могло не признаваться обществом, пользующимся в этом случае «уличными» прозвищами. Такой «языческий примитивизм» наблюдается и сегодня в сельских «глубинках» или жаргонной традиции: «*По паспорту Николай Лямцев, а по уличному Монгол*» (записано в пос. Чернухино на Луганщине – В. М.); *Пушкарёв* и *Пуша* (с весом, превышающим центнер!), *Анатолий* и *Рача* (символ напористого характера), *Виталий* и *Вист* – любитель играть в карты (записано в речи студентов – В. М.).

1. Двусоставные языческие имена. Их первая основа устанавливала степень «элитности» (*свят-, влад-, яр-, остр-, суд-, все-, буд-, меч-*), а вторая – предполагала оценку его обладателя при помощи повторяемых морфем *слав* (наиболее распространённая), *-полк, -мир, -волод, -мудр, -зар, -бор, -люб, -мысл, -дан, -вед, -слав*: *Святослав, Мирослав, Мечислав, Ярослав, Всеслав, Вячеслав, Ярополк, Остромир, Будимир, Владимир, Судиполк, Любомир, Огневед* и т. п.

О том, что это были особые имена, свидетельствовало появление их усечённых конструкций для менее «знатного» сословия.

С одной стороны, *Святослав, Доброжир, Тихомир, Ратибор, Ярополк, Гостомысл, Велимудр, Всеволод, Богдан, Доброгнева, Любомила, Миролуб, Светозар*, с другой – производные от них *Святоша, Добрыня, Тишило, Ратиша, Путията, Ярилка* и т. п.

Процесс создания последних был несложным: от двухосновного имени отсекалась вторая часть и прибавлялись финали *-нег, -ло, -ла, -та, -ка, -ша, -ята, -ня, -ко, -тка*, например: *Святослав > Свято+ша = Святоша*. Многие из них перешли затем в состав русских, украинских и белорусских фамилий (*Ремыгайло, Кваша, Рыбалка, Рыбалко, Чернега, Бутко, Шумило, Притула, Дерибаска, Таратута, Василько, Горощеня, Щербаченя, Манятка, Путията*) или уменьшительно-ласкательных форм: *Слава (Вячеслав), Ярик (Ярослав), Сева (Всеволод), Мечик (Мечислав)*.

А.А. Афанасьев считает, что именное творчество «от волхвов» было массовым: «Понеже мнози от человек приходящи к волхвам и чародеем... Понеже чародеи и волхвы, написующи бесовския имена, дают их простым людям, повелевающе им тая имена носити...» [108, т. 3, с. 431].

Но это, скорее всего, не так. К волхвам не могли приходить «мнози», а лишь избранные, и их имена не стали «бесовскими»: напротив, многие из них вошли затем в список канонизированных. Княжеские имена стали, по сути, выполнять сословно-политическую функцию, выделяя известных деятелей.

А.М. Членов, например, считал, что оставшееся языческое имя *Святослав* помогло Ольге удержать власть в руках рода Рюриковичей [482].

2. «Обрусевшие» скандинавские имена: *Олег* (сканд. *Хельг* – «святой, священный»), *Ольга* (сканд. *Хельга* – «святая»), *Игорь* (сканд. *Ингвар* – «защитник, охранник бога Ингве), *Глеб* (сканд. *Гудлейфр* – «потомок бога»). Простой народ их не понимал, но князья, стремясь подчеркнуть свою кастовость, ими охотно пользовались и вписывали в русскую фонетико-грамматическую систему.

Вот почему сколько-нибудь заметных следов влияния варягов на язык и культуру славян обнаружить невозможно. Их именослов естественно вошёл в славянский, а не наоборот, как славянский в шведский. Договоры X в. с Руси с Византией оформлялись на русском и греческом языках, что свидетельствовало о «русскости» варягов, которые, будучи ими по происхождения, приняли сначала каноны языческой культуры, а затем православия и «забыли» о своих первично «варяжских корнях».

Тем более проблематично говорить о древнеукраинских или древнебелорусских истоках восточнославянского именослова в языческий период развития русской государственности.

Возможная вариативность устных форм никак не отвергала общие принципы их функционирования в границах единой общности, которая создавала ситуацию объективно предсказуемого перехода в цивилизационное культурно-языковое пространство Руси.

3. Отчества для лиц княжеского сословия. Первое упоминание об «именах по отцу» относится к 945 г., хотя их частотность была невысокой.

Сначала, по всей видимости, они фиксировались у женщин.

Имена у женщин были условными, и поэтому только отчество могло приблизить их к правовой фиксации рода. Передача власти и деление

«отцовского» княжества осуществлялось по мужской линии³⁷ (если бы в этом участвовали дочери, количество междоусобных конфликтов увеличилось бы в разы). У восточных славян, как и в большинстве других народов, это было связано с особой зависимостью представительниц женского пола от социально-исторических условий. Как пишет А.В. Суперанская, «когда первобытный охотник, помогавший жене в домашнем хозяйстве, становится воином, женщина из правительницы рода и дома (эпоха матриархата – прим. автора В.М.) превращается в его рабыню (эпоха патриархата – прим. автора В.М.). В ряде случаев уложение о неравенстве женщин возводится в религиозный культ» [435, с. 13].

Имена у женщин могли заменяться в этом случае местом рождения, национальностью (?) или принадлежностью к роду по отцу, например: «В лето 6488 (980). Владимир же бе побеждён похотию женскою, и быша ему водимыя, Рогнедь, яж посади на Лыбеди, иде же есть селцо Преславино. Та же убити его хоте, ножом зарезати. От нея же роди 4 сыны, *Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода* (все имеют имена – В. М.), и дщери две (имён нет – В. М.). А от *грекини* Святополка, а от *чехини* Вышеслава, от *другие* Святослава, Станислава, а от *болгарыни* Бориса и Глеба, а 11 сын Судислав, 12 Позвизд (от кого неизвестно – В. М.) [ПСРЛ, с. 24].

Обеспечить княжеский статус дочерей и брак с «царственными» особами могли поэтому только отчества: *Дмитровна Завидича* (дочь *Дмитра Завидича*),

³⁷ В русской культуре наличие отчеств (патронимов) – ведущий принцип передачи собственности и родовой принадлежности «по отцу» в отличие, например, от народностей минангкабау в Индонезии или неварцев в Непале, где вторым именем ребёнка являются «матронимы», по которым и передаётся наследство. Тем не менее в русских летописях тоже зафиксированы отдельные случаи указания на «матчество», например, *Олег Настасьич* – сын князя Ярослава Владимировича (т. е. *Олег Ярославич*), но рождённый наложницей *Настасьей*, а не женой *Ольгой* (в любом случае второе имя было показателем княжеского происхождения, что позволяло его обладателю занимать престол).

Ярославна (дочь галицкого князя *Ярослава*), *Глебовна* (дочь князя *Глеба*). Это чётко прослеживается в тексте «Слова о полку Игореве»:

*На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычетъ:
«Полечю – рече – зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцемъ его теле»* [87].

Таблица 6

**Генезис номинативного сознания
на доисторическом этапе развития восточнославянской общности**

Периоды	Доминирующая форма собственности	Виды хозяйственной деятельности и формы структуризации	Формы номинативного сознания	Способы, виды и формы номинативности
Доономимный (около 3-х млн. лет): отсутствие полноценной номинативно-языковой системы	Индивидуальная	Собирательство, ловля, охота. Аморфность социальной структуры: стадо, семья от 10 до 40 чел. с подчинением наиболее опытному	Ситуативное Обучение трудовым навыкам путём демонстрации личного опыта	Междометно-невербальное выделение коммуникантов при помощи жестов, мимики, междометных односложных и двусложных конструкций
Протоономимный (115 тыс. лет назад):	Общая и личная	Кочевой способ жизнедеятельности: охота, обработка земли, захват территории Формы социальной структуры: тюрко-славянский родовой симбиоз. Управление через старейшин	Тотемно-родовое	Язык не имеет принципиального значения. Используется субстантивно-речевой способ выделения племён и осмысленных человеком явлений природы. В роли СИ выступают этнонимы (<i>руси, угре, чудь поляне</i>) и номенклатурные термины (<i>гора, вода, река</i>)
Диффузно-ономимный	Общинная и княже-	Сельское и охотничье хозяйство,	Языче-	Субстантивная вариативность языческих имён:

(VI –IX вв.).	ская	производство металлов, орудий труда, оружия. Формы социальной структуры: союз финно-угорских, балтийских и славянских племён (Русь). Двойственность управления: общинное и княжеское.	ское	а) антропонимизация природы и предметов человеческой деятельности, (переход номенклатурных терминов в СИ); б) теонимизация; в) социализация имён (<i>Безнос, Неслук</i> для «мира», но <i>Ждан, Храбр</i> , для семьи); элитность княжеского именослова: двусоставность (<i>Мечислав, Святослав</i>) и экзотичность (<i>Глеб, Игорь</i>).
---------------	-------------	---	-------------	--

Выводы ко второй главе

В истории формирования онимной лексики, как и в истории человечества, наглядно выделяются два этапа: доисторический (дописьменный) и исторический (письменный). Доисторический этап ценен как длительностью своей истории (у славян он формировался приблизительно со второго-первого тысячелетия до н. э. и до X в. н. э.), так и первичным опытом коллективной структуризации, которая формировала условия для появления новых типов общественного сознания в зависимости от времени, причин и места их возникновения.

При междометно-линейном типе протоонимного сознания на уровне племени язык не имел принципиального значения и менялся при миграции и ассимиляции с другими племенами. Мышление в этом случае было связано с необходимостью ситуативного выделения субъекта для наглядной передачи опыта при помощи мимики, жестов, пауз, смеха, плача и междометий, заменяющих номинацию ритуалом подражания. Их появление было обусловлено минимизацией потребностей в количественно ограниченном коллективе от 10-ти

до 40-ка человек, не имеющем собственности и стимулирующем общение на довербальном (концептуальном) уровне. Такой путь социализации нацеливал внимание собеседника на конкретный предмет, лицо или явление. В роли собственного имени в этом случае выступали любые звуки. Благодаря звукоподражанию на всём пространстве миграции индоевропейской семьи могли появляться практически одинаковые корни в значимых для первобытного человека односложных и двусложных словах, в контексте которых мог состояться акт выделения конкретных явлений и предметов из окружающего мира.

При субстантивно-тотемном типе, появившемся при осмыслении единства человека и природы в культуре племён, племенных союзов или общин, сформировался уровень предонимного мышления. Диалогический характер их взаимодействия предполагал использование более совершенных форм привлечения внимания к первичной уникальности предметов и явлений «очеловеченной» природы при помощи имён-символов. В ограниченном ареале они создавали картину древнего мира с расширением имён нарицательных (*гора, река, лес*) до уровня «одухотворённых» собственных: осет. *Don* «река»; серболуж. *Rěka*, нем. *Fluß*; шведск. *Sund* «залив»; норв. г. *Bergen* (от *Berg* «гора»); укр. *Полонина* (сербохорв. *Sljème* «вершина горы»).

Тотемизм становится обрядовой формой сосуществования племён на территории Дикого поля (*киммерийцы, скифы, сарматы, гунны*), связь между которыми мотивирует симбиоз тюрков и славян, полувоенного, полупромышленного и сельского укладов их жизни.

Диффузный тип связан с территорией Древней Руси – протогосударства, сплотившегося на основе социально-племенных и семейных отношений:

1. Этнонимизации племенных союзов и территорий: *анты, славяне, руси, меря, весь, морьдва* и т. п.

2. Антропонимизации, фиксируемой в разрядах онимной лексики с учётом природных явлений или первичных имён князей: гидронимии (*Волга, Волховъ,*

Илмерь, Припеть, Семь, Сула и др.); ойконимии (*Белоозеро, Витебск, Киев, Ладога, Любеч, Новгород, Смоленск, Чернигов*).

3. Теонимизации природы на основе мифологии и магии языческого пантеона (*Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог* и др.).

4. Языческой вариативности: тотемно-предметной, изменяющейся с возрастом ребёнка (*Несмеян, Безнос, Дурак*, а потом и *Буран, Волк, Ворон*); субъективно-оценочной (для семьи *Любим, Улыба*, а для мира – *Крив, Ленея*); семейно-иерархической, фиксирующей порядок рождения ребёнка (*Первушка, Третьак, Сёмко*); культовой, используемой для почитания «рядовых» божеств (*Велес*) и божеств из княжеского пантеона (*Перун, Даждьбог, Стрибог, Мокошь, Хорс, Семаргл*); сословной, согласно которой «элитные» княжеские имена стали принципиально отличаться от прозвищ простолюдинов двусоставностью (*Святослав, Ярополк*) иноязычной кастовостью, вписанной в русскую культуру (*Глеб, Игорь, Олег, Ольга* (сканд. *Хельг* «святой»), двукомпонентностью – наличием отчеств, выполняющих роль своеобразных фамилий (*Всеволод Олегович, Глеб Ростиславич, Олег Святославич*).

* * *

Паритетные традиции именованья (вариативные для простых русичей и нормированные для «высшего» сословия) при усиливающемся расслоении не способствовали укреплению княжеской власти. Для создания правового государства нужна была единая духовная основа с понятным для всех кодом её закрепления. Русь вплотную подошла к идее христианства, с которого и начался письменный этап развития государства и его онимной составляющей.

Глава 3

ПРОПРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПИСЬМЕННОГО ЭТАПА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Сценарий перехода человечества к историческому (письменному) этапу, связанному с государственным строительством, правовым осмыслением действительности и способами её фиксации на письме, не мог развиваться одинаково у разных народов и государств: он охватывал разные по размерам территории, оперировал разными хронологическими рамками и имел разную картину социальных взлётов и падений. Поэтому описать единым стилем историю человечества проблематично — в подобных исследованиях всегда найдутся белые пятна, незаполненные лагуны, нестыковки и противоречия.

С другой стороны, подчёркивание исключительной роли одной национальной культуры и принижение других культур, якобы варварских и способных лишь затормозить развитие цивилизации, тоже не может быть объективным и обречено на провал.

Гораздо объективнее выглядит поэтому анализ перехода конкретного культурно-языкового сообщества из одного качественного состояния в другое при взаимодействии с иными культурами, попадающими в сферу его интересов. В частной оси временных координат мы можем более детально рассмотреть процессы зарождения письменности и определить общие тенденции развития любого государственного образования и его номинативной составляющей.

Речь идёт о процессе формирования восточнославянской общности, которая, испытав все перипетии славяно-тюркского, балто-норманнского и западнославянского язычества, приняла сначала каноны Священного писания, а затем идеологию православного государства и соответствующей проприальной

культуры, возникшей на землях *ильменских словен, кривичей, полян, древлян, дреговичей, полочан, радимичей и северян*.

С позиций процессуальности традиционное определение историками точной даты начала русской государственности (882 г.) по трём составляющим (переход от родовой общины к территориальной и соседской; формирование аппарата власти; введение налогов на содержание государственного аппарата) напоминает акт политической целесообразности, выдаваемый за действительность, далёкую от реальности.

Гораздо убедительнее выглядит определение истоков государственности с учётом последовательно внедрённых в структуру восточнославянской общности имманентных процессов, вызревающих в недрах собственной проприальной культуры и психологии:

1. Осознание племенами своей общности (появление этнонимов);
2. Отражение коллективного мышления эпохи «первобытного коммунизма» в номинациях «очеловеченной» природы.
3. Однозначно трактуемая всеми иерархия языческого многобожия, отражённая в вариативности антропонимизованного мира.
4. Принятие кириллической азбуки и церковнославянской письменности как условия перехода союза племён в государство.
5. Принятие христианства и возникновение теонимической культуры как способа взаимодействия между властью и народом.
6. Закрепление идеологии православной общности в каноническом именослове.
8. Формирование правовой системы с регулятивной вариативностью онимных процессов и внедрение в европейское сознание понятия *Русского государства*, его территориальных границ и проприальной культуры.

Скрупулёзный анализ подобных событий становится необходимым условием объективного восприятия исторической перспективы русской и любой другой цивилизации, вступившей в письменный этап своего развития.

* * *

3.1. Онимно-правовые результаты крещения Руси

Процесс становления Русского государства, которое к IX в. утвердилось как славянское, проходил не менее драматично, нежели его первобытная и родоплеменная история. Распространение христианства осуществлялось, начиная с X и заканчиваясь XVII в., что было мотивировано появлением собственности, сословно-родовой структуризацией общества и необходимостью контроля за укреплением государственных отношений.

Мощным толчком к вхождению Киевской Руси в европейское пространство, кроме военных (расширение границ при княжении Олега, Игоря и Святослава), экономических (финансовая реформа, нормирование дани) и административных мероприятий (деление территории на погосты при княгине Ольге) послужили события, происходящие на уровне духовности. Они были тесно связаны с принятием христианства, появлением кириллического письма и светского права.

3.1.1. Формирование духовных основ государства. Отказ от язычества и вступление в христианство было не столько волевым актом князя Владимира, как интерпретирует его «Повесть временных лет» [60, с. 27–28], сколько объективным итогом пройденного Русью пути по унификации языческих племён

и их вхождении в восточноевропейский контекст, которому предшествовал ряд конкретных фактов:

а) установление контактов с *Византией* – центром христианства, где духовная власть занимала подчинённое положение по отношению к императору, что устраивало княжескую верхушку (VIII–IX вв.);

б) крещение киевских князей *Аскольда* и *Дира* и появление на Руси первых греческих монахов-проповедников (860-е гг.);

в) внедрение южнославянской модели христианства, возникшей в Болгарии, в которой опыт крещения царя *Бориса* в 864 г. позволил ей интегрировать кочевых болгар и славян в единое государство, объединённое православной верой и кириллическим письмом, а не латынью, как в Европе;

г) крещение княгини *Ольги* в Константинополе (946 или 957 гг.).

Черёда этих событий закономерно привело князя *Владимира* к идее христианства: крещению в *Корсуне* (*Херсонесе*), браку с византийской царевной *Анной* (988 г.), обращению в православие жителей *Киева* и *Новгорода* и, наконец, к массовой христианизации Руси с внедрением соответствующих духовно-нравственных институтов [390; 494]. Для этих целей создаётся митрополия в Киеве и открываются епархии в *Новгороде*, *Белгороде*, *Полоцке* и *Чернигове*, что оказывает влияние на все стороны жизнедеятельности общества и государства:

1) во внешней политике – укрепление традиционных связей с Византией, расширение контактов с южнославянским миром и странами Западной Европы;

2) в социальной практике – трансформация отношений между обществом и государством, государством и обществом, обществом и церковью. Постулат православия о «симфонии властей» превратил церковные институты в главную опору князя, способствуя освящению системы его власти и духовному объединению граждан;

3) во внутренней политике – курс на увеличение количества епархий (при *Ярославе Мудром* и его преемниках их количество возросло до двенадцати) и

городов: к моменту нашествия монголо-татар (XIII в.) их, судя по фиксациям в летописях, насчитывалось двадцать три. Это, конечно, не означало, что поселений на территории Руси не было раньше, но теперь произошла их письменная «регистрация» в виде ойконимов и хоронимов, свидетельствующая о том, что они стали восприниматься в Европе и на Востоке как мощные культурные центры.

Таблица 7

Города начальной эпохи христианизации Руси

Названия городов	Первая фиксация	Названия земель	Современный административный статус
Псков (Плесков)	903	Новгородская	Центр Псковского р-на Псковской обл. на северо-западе России.
Переяславль	907	Переяславская	Город Переяслав-Хмельницкий Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.
Чернигов	907	Черниговская	Центр Черниговской обл. Украины
Пересечень	914	Киевская	Не сохранился.
Вышгород (Вышегород)	943	Киевская	Город в Киевской обл., центр Вышгородского р-на.
Искоростень (Коростень)	943	Киевская	Город Коростень Коростенского р-на Житомирской обл. Украины.
Вручий (Оврач, Ручай)	977	Киевская	Город Овруч, центр Овручского р-на Житомирской обл. Украины
Белгород (Белгород, Белугород)	980	Киевская	Село Белгородка в Киево-Святошинском р-не Киевской обл. Украины.
Родня (Родень)	980	Киевская	Разрушен во время Батыева нашествия.
Туров	980	Турово-Пинская	Город в Житковичском районе Гомельской обл. Белоруссии.

Перемышль	981	Галицкая земля	Город Пшемысль на р. Сан в Польше.
Червень (Червен)	981	Волынская	В 1240-х гг. разорён монголами. В последний раз упоминается в 1289 г.
Василёв	988	Киевская	Город в Киевской обл. Украины.
Владимир	988	Волынская	Город Владимир-Волынский Волынской обл. Украины.
Дорогобуж	1211–18	Смоленская	Центр Дорогобужского района Смоленской обл. РФ
Ельна	1211–18	Смоленская	Центр Ельнинского р-на Смоленской обл. РФ
Изяславль	1211–18	Смоленская	Не сохранился.
Крупль	1211–18	Смоленская	Не сохранился.
Ростиславль	1211–18	Смоленская	Совр. Рославль, центр Рославльского р-на Смоленской обл. РФ
Ржев (Ржевка)	1216	Смоленская	Центр Ржевского р-не Тверской обл. РФ
Нижний Новгород	1221	Ростово-Суздальская	Центр Приволжского федерального округа и Нижегородской обл. РФ
Олонец	1228	Новгородская	Центр Олонецкого р-на Республики Карелия РФ
Василёв	1230	Галицкая	Городище близ с. Василёв Заставновского р-на Черновицкой обл. Украины

Контакты русской церкви с Византией становятся настолько тесными, что монах *Феофан*, присланный из Греции в 1039 г., получает сан митрополита от самого Константинопольского патриарха. Великий князь должен отныне координировать свою внешнюю и внутреннюю политику с киевским митрополитом и возглавляемым им церковным собором. Но опосредованно зависимый от Константинополя характер принятия решений приводит к идее о необходимости самостоятельного управления русской церковью.

Впервые эту мысль высказал князь *Ярослав*, который в 1051 г. предложил епископату назначить митрополитом *Иллариона*, имеющего русские корни,

которая встретила однозначную поддержку. Отныне для назначения епископов и игуменов не требовалось согласование с Византией. Авторитет русской митрополии ещё больше поддерживается правом на «монастырскую вотчину» и на так называемую «десятину» – пожертвование десятой части дохода князя и прихожан на нужды церкви. Вместе с реформами в церкви происходит реорганизация структуры государственного управления:

1. Формируется институт наместничества из сыновей великого князя, которые руководят территориями вместе с епископами. По праву рода *Ярослав Мудрый* делит земли между старшими и младшими сыновьями. Княжеская власть сосредотачивается в руках *Рюриковичей*, укрепляющих свой авторитет династическими браками *Анны Ярославны* с французским королём и *Всеволода Ярославича* с византийской царевной.

Киев и *Новгород* становятся вотчиной *Изяслава*; *Чернигов*, муромские и рязанские земли отдаются *Святославу*, *Переяславль* и *Ростов* – князю *Всеволоду*, младшему *Вячеславу* достаётся *Смоленск*, а князю *Игорю* – *Владимир-Волынский*.

В дальнейшем владения передаются по так называемой «лествичной» системе престолонаследования, закреплённой в завещании *Ярослава Мудрого* 1054 г. Исходя из этого документа, старший из сыновей великого князя после его смерти получает основной «стол» в *Киеве*, вторым в иерархии считается *Чернигов*, а остальные «стола» делятся между членами рода. При этом предусматривается преимущество дяди перед племянником, старшего брата перед младшим и наследование не от отца к сыну, а от брата к брату. После смерти одного из «младших» князей следующие за ним более младшие получают соответствующий удел (город) с землёй (волостью). Новый князь может при этом княжить только в том городе, где княжил его отец, в противном случае он становится изгоем.

Такая система была для того времени прогрессивной уже потому, что вписывалась в правовое поле. Её минусы ощутились позже, когда стало понятно,

что князь не является постоянным собственником своего удела. С каждой переменой в составе большой княжеской семьи изменяется территория её владений: младшие сородичи, следовавшие за умершим, передвигаются из волости в волость, с младшего стола на старший, поднимаясь «по лестнице». Принцип очерёдности по мере разрастания княжеского рода приводит к дроблению и измельчанию владений, запутанности и конфликтности родственных взаимоотношений.

2. Изменяется модель взаимоотношений князя со знатью и бояр с простыми людьми. Если сначала старшим дружинникам полагалось денежное жалование и в «кормление» передавались города, а младшая дружина (*отроки, гридни*) «кормились» с княжеских сёл и войны, то после введения христианства князь начинает даровать старшим дружинникам боярский титул и раздавать им сёла и земли. Приобретая вотчину, они входят в состав княжеских советов, хотя их служба оценивается не размером надела, а личной преданностью князю. Совершенствование управленческой иерархии в XI–XII вв. связывается с преобразованием *советов* в *съезды* («снемы»), проводимые в Киеве, хотя для упрочения власти бояр в других городах продолжает действовать *вече*.

Таким образом, княжеская власть, объединенная с церковным собором и поддерживаемая демократическими институтами бояр на местах, консолидирует многочисленные народы восточнославянской общности, но не даёт возможности укрепить единство среди самих князей. Лестничная модель наследования катализирует усобицы [380] и в конечном итоге приводит к расчленению государства. Выражение «и пошёл брат на брата» наполняется реальным смыслом.

Для предотвращения усобиц в 1097 г. по инициативе *Владимира Мономаха* созывается *Любечский съезд* князей, который решил прекратить распри, заменив лестничную систему династическим правлением. Русские земли были распределены между отдельными ветвями потомков Ярославичей, а гарантом

соблюдения новых правил выступали все князья, а не только великий Киевский. Однако договор не устранил конфликтности: он действовал выборочно и не всегда выполнялся, что катализировало процессы феодальной раздроблённости.

В 1132 г. после смерти киевского князя *Мстислава* Русь разделяется на: *Новгородское*, *Владими́ро-Суздальское*, *Галицко-Волынское*, *Черниговское*, *Рязанское* и *Полоцкое княжества*. Стольный Киев утрачивает *Волынь* (1154), *Переяславль* (1157) и *Ту́ров* (1162). Распад провоцирует конфликты с великим князем, вплоть до военных. Они заканчиваются тем, что в 1169 г. внук Мономаха владими́ро-суздальский князь *Андрей Боголюбский* вместе с сыном *Мстиславом* подвергают разграблению Киев и пленяют его жителей.

В результате возвышается роль *Владими́ро-Суздальского княжества*. *Андрей Боголюбский* и *Всеволод Большое Гнездо* новым общерусским центром «назначают» г. *Владимир* и присваивают себе статус великих князей. Не менее могущественным становится *Черниговское*, *Галицко-Волынское* и *Смоленское княжества*, но новое соперничество между ними ещё больше ослабляет Русское государство.

Внутренними причинами его разложения пользуются извне. В 1237–1240 гг. большинство русских земель подвергается опустошительному набегу орд хана *Батые*. *Киев*, *Чернигов*, *Переяславль*, *Владимир*, *Галич*, *Рязань* подвергаются опустошению. Киев перестаёт играть роль «матери городов русских», а южные и юго-восточные его окраины утрачивают значительную часть населения. Княжеская власть, погрязшая в череде междоусобных войн, уже не в состоянии была объединить государство.

В этой ситуации стихии Золотой орды могла противостоять только народная инициатива, объединённая христианской идеологией, графическим кодом (кирилличной азбукой), православным именованьем и новым символом взамен разрушенного монголо-татарами Киева.

С 1147 г. этим символом становится *Москва*, основателем которой считается великий князь Киевский *Юрий Долгорукий*, из-за ордынского нашествия имевший к тому времени лишь статус князя *Ростово-Суздальского*: «О Москве. В лето 6655 (1147 г.). Юрье взя Новый Торг и Мъсту повоева, а Святославу веле Смоленскую власть воевати. Он же взя люди Голед и прочии воева волости. Потом же повеле ему Юрье приити к себе на Москву» [60, с. 43].

Показательна в этом отношении концепция Москвы как Третьего Рима. Её автором считается монах псковского Елеазарова монастыря *Филофей*, который в посланиях 1523–1524 гг. к великому князю Московскому Василию III акцентировал роль «Рима земного», которым должна была стать Москва.

Идея Рима как «центра Вселенной» была не нова. Она появилась ещё в античных источниках, получив в науке название *translatio imperii* (лат. «переход империи»), которое переключалось затем в средние века.

Первый Рим как *caput mundi* (лат. «столица мира») считался центром цивилизации, носителем верховной власти на земле.

Понятие *Второй Рим* возникло после распада Западной Римской империи в результате нашествия варваров. Этой метафорой стал именоваться *Константинополь*, но в столице Византийской империи она наполнилась христианской идеологией. Новый центр мироздания стал местом паломничества, хотя ему не суждено оставаться таким вечно. В 1453 г. османы захватили город, и он перестал быть средоточием христианской власти.

Среди адептов христианской религии начался поиск нового символа православия. Сербь считали «третьим Римом» *Белград*, болгары – *Великое Тырново*, но в то время они не могли претендовать на эту роль, поскольку находились под властью Османской империи.

Единственным независимым православным царством оставалось Русское, сбросившее с себя монголо-татарское иго и ставшее мощным централизованным государством. Так что известное с тех времен выражение «первые два Рима

погибли, третий не погибнет, а четвёртому не бывать», несмотря на самопровозглашение в этом статусе Москвы, высказанное монахом Филофеем, наполнялось вполне реальным смыслом. Он был «материализован» в браке *Ивана III* с племянницей последнего византийского императора *Софьей Палеолог*, подчёркивающего имперские притязания Москвы как третьего Рима и сопровождающегося принятием самодержцем российским царского титула и византийского герба.

Государь обязан был отныне гарантировать сохранение канонов православия не только на Руси, но и в Европе. Возложение на Москву «вселенских» обязанностей было выгодно западному миру. Русь становилась в этом случае ответственной за христиан, находившихся в подданстве Османской империи, а поэтому должна была включаться в борьбу с турками-османами, захватывающими новые и новые территории в Европе.

Воложенная на Русь миссионерская миссия отразилась на особом её статусе как центра духовности и культуры. Здесь появляются наполненные национальным колоритом памятники зодчества, архитектуры и литературы (*Десятинная церковь*, *Софийские соборы* в Киеве, Новгороде и Полоцке, *Повесть временных лет*, *Остромирово евангелие*), такие письменные жанры, как *слово*, *жития*, которые катализируют процесс утверждения самодержавия, создание Российской империи и онимной кодификации в светском праве объектов царской, церковной и феодальной собственности.

Последний фактор имел едва ли не решающее значение для объединения славян в рамках общей номинативной истории, стимулируя вхождение в её семью менее сплочённых народов, в том числе и монголо-татар, прошедших через горнило русской культуры.

3.1.2. Кириллица как основа православия. Культура христианского единобожия не могла бы существовать долго, если бы не внедрение в её ткань азбуки, способствующей распространению Священного писания и однозначному толкованию прихожанами его духовных канонов. В этом смысле незыблемость церковнославянского алфавита превратило его в главное орудие распространения идеологии православия на территориях, контролируемых восточными славянами.

Происхождение церковного письма связывают с деятельностью моравского князя *Ростислава*, который попросил византийского императора *Михаила III* перевести христианские богослужебные книги с греческого на славянский язык. Это было поручено греческим монахам *Кириллу* и *Мефодию*. Они и составили первую славянскую азбуку: сначала это была глаголица [169], а затем кириллица.

Согласно общепринятой теории глаголица появилась на Руси в 863 году [502]. Ею, однако, не могли пользоваться все – этому мешала языческая традиция многобожия. С принятием христианства и учреждением института церкви глаголица была заменена на более простую и понятную для всех православных славян, прежде всего болгар, сербов и русских, кириллицу.

Была ли письменность до этих событий – вопрос сложный [201]. Скорее всего, «да», но в условиях первобытного общества или язычества она оказывала лишь точечное влияние на отдельные группы людей и, не обладая однозначно воспринятой всеми магией духовности, не способствовала объединению многочисленных племён в единое государство. И лишь внедрение славянского алфавита смогло обеспечить принципиальные сдвиги в духовной сфере и светском праве.

Обновлённое государство стало отныне опираться на христианские каноны и конкретные управленческие решения, действующие на огромной и оконтуренной православием территории: от Ладоги до Киева и от Новгорода до Чернигова и Галиции. Этому способствовали внедрённые в ткань Русского государства институты православия:

а) монастыри и православные храмы – своеобразные центры культуры и образования (X в.), которые были способны массово и методично внедрять идеологию христианства даже среди условно «неграмотного» населения;

б) богослужебные книги, переписанные скрипториями, позволившие им распространить грамотность и устранить почву для протестных языческих выступлений (к XI–XII вв. они уже прекратились);

в) обучение специально отобранных детей из знатных сословий для службы в качестве священников.

Последовательность осуществления подобных мероприятий ознаменовалось эпохальным событием, которое изменило первичную модель языковой действительности. Она связывалась с появлением у всего православного мира нового типа языка – старославянского. Обладая богатой лексикой и разветвлённой системой словообразовательных средств, он стал основой для будущего русского литературного языка, но имея религиозные корни, олицетворял «книжность» и принял черты церковнославянского, наполнившего мир русского человека массой зафиксированных в письменной речи теонимов. На нём читали Библию (а если не читали, то получали изложенную в ней информацию из уст священников и проповедников), знакомились с поучениями греческих богословов и монахов, изучали византийские трактаты. На нём же составлялись летописи и описывались жития святых, передающие античные и православные мотивы, вписанные в русский культурный контекст.

Вместе с ними начали появляться письменные жанры, повествующие о реальных событиях и героях. Они стали предтечей формирования древнерусской литературы. Первым произведением, зафиксированным в её истории, стало *«Слово о полку Игореве»* [87]. Написанное неизвестным автором в конце XII в., оно являло собой образец художественного творчества того времени и привело к возникновению онимной лексики, связанной, говоря современным языком, с поэтонимами.

Внедрённые на основе кириллического алфавита и церковнославянского языка духовно-нравственные каноны, создали, в свою очередь, условия для появления первых правовых документов, исключающих неконтролируемость коннотаций и стихийную вариативность имён, не имеющих отношения к собственности.

Кодированная письменная речь обеспечила цивилизационный прорыв в светской жизни, связав её с регулированием имущественно-хозяйственных, торговых и культурных отношений при помощи появившихся на месте языческих номинаций новых атрибутов права – реальных собственных имён.

Процесс их становления был долгим и далеко не мирным. Он сопровождался насильственной «переделкой» языческого сознания с привязкой СИ к потребностям церкви, княжеской (царской) власти и государства при помощи соответствующих правовых актов.

3.1.3. Зарождение канонического именослова. Формирование на Руси системы права и собственных имён как его атрибута заняло несколько столетий, хотя в Европе и на Востоке свод основных законов был разработан ещё в X в. «Растянность» во времени компенсировалась, однако, быстрым переходом общества от первобытнообщинного строя к феодальному, минуя рабовладельческий.

На начальном этапе (X–XI вв.) были разделены полномочия церкви и государства, зафиксированные в уставах князя *Владимира*. Исключительно к юрисдикции митрополии и епископата, опираясь на опыт Византии, была отнесена регистрация брачно-семейных отношений, оценка преступлений против нравственности и суд над клириками и членами их семей.

Правовое закрепление граждан за конкретным приходом повлекло за собой изменение всей структуры русского именослова. Христианство освятило личные

имена русичей, которые стали иметь божественный смысл, наполняясь новыми языковыми формулами, данными Богом-ономатетом, и строгими канонами их фиксации: *Николай, Александр, Мария, Иоанн, Даниил, Илия* и т. п.

Среди них были не только греческие, но и древнеримские, древнееврейские, сирийские и египетские по происхождению словоформы, имеющие на родине лексическое значение, но превратившиеся в русской традиции в собственные имена, потерявшие первичный смысл и фиксирующие принадлежность прихожанина к православной вере.

Обряд крещения совмещался с обязательным наречением людей христианскими именами, хотя вплоть до XVII в. они употреблялись вместе с языческими, которые могли иметь и отрицательную коннотацию: *Сопляк, Дурак, Ревун* и т. п. В старинных грамотах того времени встречаются, например, такие церковно-языческие именованья, как «*боярин Феодор, зовомый Дорога*», «*Федот Офонасьев сын, прозвище Огурец*», «*Осташко, прозвище Первушка*», «*Алексей, прозвище Будила, Семёнов сын*» и т. п.

Православие объявило им войну, оставшись между тем лояльным к языческим по своему происхождению прозвищам:

а) к двусоставным княжеским именам: *Владимир, Ярослав, Любомир*;

б) к именам *Вера, Надежда, Любовь* как калькам с греческих *Пистис, Элтис, Агапе*;

в) к фамилиям на основе языческих прозвищ: *Орёл > Орлов, Лев > Львов, Добрыня > Добрынин, Першой > Першин, Беспят > Беспяткин, Безрук > Безруков, Неупокой > Неупокоев*.

Впрочем, известные до сегодняшнего дня формы *Владимир Красно Солнышко, княгиня Ольга, Ярослав Мудрый* не исчезли, а были «дополнены» церковными вариантами *Василий, Елена и Георгий*. Более того, со временем христианские имена уступили место языческим, которые стали календарными.

Таким образом, особенность формирования княжеского именослова состояла в том, что для утверждения его кастовости одного перехода к православным традициям оказалось недостаточно. Канонические имена были дополнены моделями, которых не могло быть у простого люда:

а) двусоставными языческими именами, перешедшими затем в христианскую традицию: *Всеслав, Вышеслав, Мстислав, Ярополк* и т. п.;

б) скандинавскими мотивами в русской фонетико-графической интерпретации: *Глеб, Олег, Игорь, Ольга*;

в) трёхкомпонентной структурой имени, включающей отчество в разнообразных формах его фиксации (*Иван > Иван сын Петра > Иван Петров сын > Иван Петрович*), вплоть до перехода в своеобразные фамилии (*Иванов, Петров* и т. п.).

Совсем другая картина вырисовывалась у низших сословий и, новая странность, у святых.

Онимотворчество у простого люда регулировалось церковью, «нарекающей» детей при рождении исключительно календарными именами, зафиксированными в «святцах», а христианских святых – не только Священным писанием, но и народной речевой традицией.

Количество канонических имён было ограничено и строго регламентировано церковью. Это приводило к их частой повторяемости. Так, имя *Иоанн (Иван)* упоминается в святцах более ста раз, имя *Федор* – более тридцати. В одной семье или поселении могли существовать несколько одинаковых имён. Для различения их обладателей они вынуждено дополнялись мирскими прозвищами, кличками или якобы «отвергнутыми» языческими именами, выполняющими в речевой практике роль фамилий: *Михаил Губа, Павел Некрас, Иван Бóльший, Иван Меньшóй* и т. п. Такие во многом языческие фамилии-прозвища и отчества зафиксированы ещё в *Новгородских первых летописях*

(НПЛ) на территориях Великого Новгорода, простиравшихся от Балтийского моря до Уральского хребта:

1240 г.: *Невская битва*: «Новгородецъ же ту паде: *Костянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинециничь, Намтъсть, Дрочило Нездыловъ* сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужъ с ладожаны, или мне, богъ вѣсть»;

1268 г.: «убиша посадника *Михаила, и Твердислава Чермного, Никифора Радятинича, Твердислава Моисиевича, Михаила Кривцевича, Ивача, Бориса Илдятинича, брата его Лазоря, Ратию, Василя Воиборзовича, Осипа, Жирослава Дорогомилевича, Поромана Подвоиского, Полюда, и много добрыхъ боярь*»;

1270 г.: «побѣгоша къ князю на Городище тысячскыи *Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ* и инии приятели его». В том же году князь *Василий Ярославич* «поѣха в Татары, поима съ собою *Петрила Рычага и Михаила Пинецинича*».

1311 г.: «убиень бысть *Костянтинъ, Ильинъ сынъ Станимировича*».

1315 г.: князь *Михаил Тверской* требует у новгородцев: «выдаите ми *Федора Жревьского*»;

1316 г.: «*Данилько Писцевъ* убьень бысть»;

1327 г. «новгородци от себе послаша *Федора Колесницу, въ Орду*»;

1329 г. «убиша въ Юрьевѣ новгородского посла мужа честна *Ивана Сына*»;

1332 г.: «Въсташа крамолници в Новѣгородѣ, и отъяша посадничьство у *Федора у Ахмыла* и даша *Захарьи Михайловичю, и пограбиша дворъ Смена Судокова*».

Почти такая же судьба была уготовлена именнику святых, которых народная традиция обогащала вариантами, связанными с их иерархическими функциями:

Никола Угодник // Николай Мирликийский // Николай Чудотворец (Николай Святитель);

– *Ирина Рассадница // Арина Капустница (Святая Ирина)*;

– *Валентина Капельница (Святая Валентина)*;

- *Кирилл Указник (равноапостольный Кирилл)*;
- *Филя Вешний (Святой Филимон)*;
- *Захарий Серповидец (пророк Захарий)*;
- *Онисим Овчар (апостол Онисим)* и т. п.

Уже на начальном этапе онимизации в русской традиции формировалось два паритетных подхода к антропонимным нормам: церковного, изложенного в писаниях и зафиксированного в святцах, и речевого, переводящего устную языческую форму имени в фамильные прозвища.

При этом устная модель онимной вариативности не могла обслуживать возникшие в XII–XIII вв. на основе частной собственности имущественные и административно-хозяйственные отношения.

Зарождение и развитие русского дворянства требовало узаконивания своих прав с помощью новых антропонимических «меток» (имя, отчество, фамилия) и новой топонимической системы, куда включались дарованные князем названия сёл и поместий для дворян и городов или территорий для более «аристократических» княжеских и боярских сословий. Онимотворчество с этого времени стало регулироваться церковью, «нарекающей» детей при рождении, и институтами княжеской (царской) власти, расширяющей право ономатета на подвластных дворян (фамилия, род), народов (этнонимы) и освоенных монархией территорий (хоронимы, ойконимы).

Начало формирования национального ономастикона совпало с правлением *Ярослава Мудрого* и его преемников (1019–1054), при которых стали укрепляться южные границы и расширяться территории за счёт северных, северо-западных и северо-восточных земель.

Города *Киев, Новгород, Ладога, Смоленск, Полоцк, Изборск, Чернигов, Переяславль, Туров, Ростов, Белоозеро, Плесков (Псков), Тмутаракань, Муром, Овруч, Владимир-Волынский*, где развивались ремёсла, велась торговля с южными и западными славянами, Скандинавией, Византией, Западной Европой,

народами Кавказа и Средней Азии, становятся настолько известными, что требуют своего юридического оформления как принадлежащих Русскому государству.

Нормы их передачи так или иначе стали регулироваться статьями гражданского, уголовного, торгового, процессуального и, самое главное, наследственного права, повлекшего за собой формирование новых подходов к предназначению онимной лексики вообще.

3.2. Имя и право в феодальный период развития Русского государства

На Руси переход языческих прозвищ в собственные имена был связан с принятием христианства и первичным формированием у новгородцев понятия права (см.: [52]).

3.2.1. Светское право и русский именовослов. Первым документом, регламентирующим светскую сферу жизнедеятельности, стал *Устав Ярослава Владимировича*, переросший затем в «Русскую правду» – древнерусский свод законов, известный с 10-х–50-х гг. XI в..

В нём органично переплелись устноречевые обряды языческого обычая с нормами византийского (скандинавского), римского права (см. [151]) и представлением о русском порядке наследования – «статке» (имуществе, оставшемся после умершего).

Наследование «по завещанию» в принципе ничем не отличалось от обычного права. Оно не изменяло привычный порядок наследования, но закрепляло его в законе, что позволяло распределять имущество между

наследниками, скрупулёзно перечисляя права лиц, вступавших в обладание недвижимостью (дом, двор) и движимым имуществом (товары, рабы, скот), Исключение относилось к землепользованию. Земля в то время не была частной собственностью и не могла переходить по наследству.

Факт придания обычаю статуса закона был настолько существенным для государственности, что суд «по правде» (в значении лат. *iustitia*, др.-греч. *δικαιοσύνη*) осуществлялся вплоть до XVI в. на всей территории Руси, пережив период её феодальной раздроблённости и нашествие татарских орд хана Батые, периодически дополняясь новыми поправками, учитывающими особенности «текущего момента» [455].

До наших дней дошло более ста вариантов текста «Русской правды» в трёх редакциях (см.: [39–42; 71; 81]:

1. «*Краткая*», которая не имела статей и была условно-исторически разделена на «*Правду Ярослава*» (1015–1054 гг.) и «*Правду Ярославичей*» (60-е гг. XI в.);

2. «*Пространная*», составленная Владимиром Мономахом, которая содержала 121 статью, изложенную в двух частях: «*Суд Ярослава*» (краткая редакция) и «*Устав Владимира Мономаха*». В первой части описывалась реформа государственного аппарата, а во второй излагалась суть судебной системы.

3. «*Сокращённая*», появившаяся в середине XV в.

Из этих вариантов «*Пространная редакция*» была наиболее обоснованной юридически, поскольку в ней были подробно изложены начала уголовного, частного и процессуального права. Главным её преимуществом с точки зрения влияния на формирование разных разрядов собственных имён явилось закрепление сословных различий с описанием прав на собственность, а также уравнивание в правах на эту собственность «русинов» (сначала «ильменских словен», т. е. новгородцев) со «словенинами».

Последние становились тоже «русинами», что способствовало формированию на территории Руси новой этнической общности – русской «по духу» в своей основе. Эта категория граждан была юридически независимой, работала на пользу государства и обладала определёнными привилегиями на обладание имуществом.

Сословные привилегии определяли критерии двух юридических статей:

1) статьи о повышенной (двойной) уголовной ответственности за убийство князей, бояр, княжих мужей, тиунов и огнищан;

2) статьи об особом порядке наследования недвижимости или земли.

Такой подход стимулировал деление граждан по титулам и, соответственно, правовую структуризацию общества. В свою очередь, закрепление собственности для разных сословий и регулирование передвижения огромных масс населения городов и армии требовало внедрения в систему государственного и местного управления особого механизма делопроизводства. Оно позволило апеллировать не только к ставшим уже традиционными именам и прозвищам, но и к новаторским способам выделения граждан при помощи более совершенных с правовой точки зрения онимно-языковых формул. Однокомпонентная антропонимическая модель стала постепенно трансформироваться в многокомпонентную, куда для искоренения юридических ошибок, связанных с малочисленностью канонических имён, было внедрено понятие фамилии.

Усовершенствование формул именования прошло в своём становлении несколько этапов, пока не превратилось в принятую всеми и известную сегодня трёхкомпонентную модель русского имени:

– «прозвище»: *Злоба, Неустрой, Будилко, Тур, Рус, Мал;*

– «имя + прозвище»: *Шумило Швец, Свистун Неблагословенный, Алмаз Чистый;*

– «имя + прозвище + отчество»: *Ждан да Фёдор Воронцовы дети Туровы, Губа да Василий Клементьевы дети;*

- «имя + патронимическая фамилия»: *Тихон Аннушкин да Дмитрий Оленины, Афанасий Зыков, Василий Истомин*;
- «имя + отчество + протофамилия»: *Игорь Глебович Рязанский, Иван Алексеев сын Мещеряков*;
- «имя + отчество + фамилия»: *Афанасий Иванович Нестеров, Володимир Дмитриевич Долгоруков, Володимир Андреевич Волконской* [ПСРЛ] и т. п.

Последняя модель употреблялась только для знати. Патроним с суффиксом *-ович* считался особой привилегией. Если речь шла о представителях незнатных сословий, то отчества могли им дароваться только царём за особые заслуги. Так, в 1610 г. Василий Шуйский повелел *Максиму, Никите, Семёну Строгановым* и их потомкам писаться с *-ович* в благодарность за их содействие в присоединении Урала и Сибири к Московскому государству, даровав им особое звание именитых людей.

В этом акте зафиксировано условие для зарождения нового класса русского дворянства, требовавшего узаконивания своих прав с помощью особых антропонимических «меток» в виде имени, отчества, фамилии и особой топонимической системы. В эту систему включались: а) дарованные царём титулы для дворян; б) названия сёл, поместий и территорий для более «аристократических» княжеских и боярских сословий.

Официальное ономотворчество с этого времени стало регулироваться двумя институтами: а) церковью, «нарекающей» детей при рождении; б) структурами княжеской (царской) власти, расширяющей свои полномочия ономатета на подвластных дворян (фамилия, род), народов (этнонимы) и освоенных монархией территорий (хоронимы, ойконимы).

Если отвлечься от современной трактовки фамилии как исключительно наследственному родовому имени (от лат. *familia* «семейство»), ведущему начало от общего предка, то можно утверждать, что более свободные от строгой нормативности протофамилии стали употребляться уже начиная с XIII в. Они

составляли третий неофициальный источник пополнения русского онимного фонда – тот, который всегда существовал в народной речевой традиции.

Дополняя друг друга, диффузные варианты сформировали особую русскую формулу именования, которая, с одной стороны, становится причиной массы юридических коллизий, связанных с вольным обращением с нормами и противоречивой фиксацией имён в документах, а с другой, взрыхляет почву для рождения уникального образно-поэтического мышления. Его с удивительной точностью определил Н.В. Гоголь: «Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словом, то пойдёт оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и не облагораживай своё прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наёмную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во всё своё воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица» [26, с. 116–117].

3.2.2. Диффузное онимотворчество раннего феодализма. Путь к трёхчленной модели именования не имел фиксируемых временных рамок и не был однозначно прописан канонами. Его характерной чертой стала диффузность: более-менее одинаковые нормы и процедуры именования применялись как для особ княжеского рода, так и для свободно перемещающихся лиц мужского пола из любого сословия. Первые «нормы» чаще всего фиксировались в *«Повести временных лет»* (ПСРЛ), а вторые – в так называемых писцовых книгах, составленных на основе частичной переписи населения для учёта поступлений доходов в княжескую казну, например *«Переписных книгах Ростова-Великаго»* (ПКРВ):

«Преставися *Володимер Глебович, Юрьев внук, сыновец Всеволож* в Переяславле Руском [ПСРЛ, 1189 г.] (имя + отчество + имя деда + второе отчество);

«Преставися *Ярослав Всеволодичь Черниговский*» [ПСРЛ, 1200 г.] (имя + отчество + фамильное прозвище от города);

«Сотворите има суд с великим князем *Юрьем Даниловичем Московским...*» [ПСРЛ, 1317 г.] (имя + отчество + фамильное прозвище от названия княжества);

«Он убил тут неповинно служащего ему князя *Семена Мстиславича Вяземского* и его княгиню...» [ПСРЛ, 1317 г.] (имя + отчество + протофамилия).

Федор Колесница, новгородец [ПКРВ, 1328 г.] (имя + прозвище);

Сенка Грех, крестьянин Боровицкого погоста [ПКРВ, 1495 г.] (имя + прозвище);

Ионка Лисица, ивангородский торговец [ПКРВ, 1498 г.] (имя + прозвище);

Демешко Бойко, ладожский посадский [ПКРВ, 1500 г.] (имя + протофамилия);

«Во дворе *Родионко*, прозвище *Богдашко*, *Фадеев сын Третьяков*» [ПКРВ, 1678 г.] (два прозвища + протоотчество + протофамилия).

В этих документах прослеживаются тенденции формирования групп личных имён по их отношению к наследственному праву и фамильному роду:

1. Группа княжеских родовых имён, выделяющихся особым набором структурно-языковых признаков:

- двусоставностью (*Изяслав, Будимир*) или иноязычностью: *Глеб, Игорь*;
- наличием патронимов (*Игорь Святославович*) с указанием на территорию княжения: *Киевский, Черниговский, Московский*;
- «прозвищными» фамилиями: *Дмитрей Шемяка, Всеволод Чермной*.

Множественность способов онимных характеристик у князей была связана с повторяемостью языческих в своей основе личных имён, неспособных сохранить род при их переходе из поколения в поколение.

Сочетание языческого консерватизма и христианской «терпимости и приспособляемости» стали характерной особенностью формирования княжеского именовслова рода Рюриковичей.

Языческий консерватизм, унаследованный от домонгольской традиции сохранения рода, определялся обычаем наречения в честь предка, что служило одним из главных инструментов передачи власти. Интересна в этом отношении родословная князя *Игоря*:

У его сына *Святослава* было три сына – *Ярополк*, *Владимир* и *Олег*.

У *Владимира Великого (Святого)* его пять сыновей имели поэтому в своих именах корень «слав» в честь *Святослава* (*Изяслав*, *Святослав*, *Ярослав*, *Судислав*, *Мстислав*) или «влад» в честь *Владимира* – *Всеволод*).

У сыновей *Ярослава Мудрого* «повторяются» уже известные родовые имена *Владимир*, *Изяслав*, *Святослав*, *Всеволод*, *Вячеслав*, *Игорь*.

Ветвь *Владимира* и его сына *Ростислава* «подарила» Руси род *Рюрика*, а ветвь *Всеволода* – род *Владимира Мономаха*, связанного с предками именами *Мстислав*, *Изяслав*, *Святослав*, *Ярополк* и *Вячеслав*.

Христианская «терпимость» к многовариантности и многоязычности именовслова позволяла именовать разных князей одного рода одинаковыми онимоформами и в то же время называть одно и то же лицо разными вариантами, появлявшимися в разных системах временных, языковых, религиозных или политических координат. С помощью гибкости именования члены семьи князя «...обращались к современникам и потомкам, пытаясь определить не только связь с родовым прошлым, но и династическое будущее каждого наследника. Языческие имена князей постепенно сменяются христианскими, а принципы выбора имени лишь несколько видоизменяются, но при этом проявляют исключительную стабильность» [240, с. 8].

Принятие христианства, стремительное разрастание рода и разделение различных его ветвей, провоцируя жесткую борьбу между ними и концентрацию

власти в руках киевских, а затем московских князей, приводит к необходимости многоуровневой «страховки» любого княжеского рода от риска его уничтожения. Исходя из этого, вариативность двух- и трёхкомпонентных моделей именования позволяла князьям, даже лишившись удела, сохранять за собой и потомками право на соответствующие привилегии и титульное имя:

- от названия княжества: князья *Воротынские, Оболенские, Вяземские*;
- от фамильного прозвища: князья *Гагарины, Лыковы, Скрябины*;
- от того и другого вместе: князья *Лобановы-Ростовские*.

2. Группа боярских родовых фамилий, образованных от прозвищ или имён предков. Показательна в этом отношении история рода Романовых. Его родоначальниками были жившие в XIV в. *Андрей Иванович Кобыла* и *Фёдор Андреевич Кошка Кобылин*.

На втором этапе сын Фёдора *Иван*, его внук *Захарий Иванович* и правнук *Яков Захарович* (родоначальник дворянской фамилии *Яковлевых*), звались *Кошкиными*, а правнук *Юрий Захарович* – *Захарьиным-Кошкиным*, у которого сын стал именоваться *Романом Захарьиным-Юрьевым*.

На третьем этапе сын Романа получил трёхчленную модель именования – *Захарьин-Юрьев Никита Романович*, или *Захарьин Никита Романович*.

На четвёртом этапе дети и внуки Фёдора Никитича стали просто *Романовыми*, включая (будущего патриарха Филарета) и *Михаила Фёдоровича* – основателя новой царской династии.

3. Группа дворянских фамилий: *Аксаковы, Бутурлины, Вельяминовы, Головины, Лопухины, Морозовы, Шереметьевы* и др. С конца XII в. они в отличие от боярства составляли сначала низшую прослойку знати. При правлении *Всеволода Большое Гнездо* и после разгрома им в 1174 г. старого ростовского боярства помощь в этом противостоянии от дворян и горожан мыслилась сначала как текущая мера, которая вскоре стала постоянной: постепенно дворяне становились главной опорой княжеской власти, получая с XIV в. за такую службу

землю. Так появился класс новых землевладельцев – помещиков, которые позже получили и разрешение на покупку земли. Более того, после выселения бояр-вотчинников из центральных районов *Новгородской земли* и *Тверского княжества* (к. XV в.) их земли стали передаваться дворянам за службу князю. То же произошло при присоединении Казанского ханства в сер. XVI в.: после выселения вотчинников из района опричнины их земли были переданы дворянам.

Однако одновременно с этим «*Судебником 1497 г.*» было ограничено право перехода крестьян от помещиков – поместная система, введённая с целью усиления армии, обернулась крепостным правом.

В феврале 1549 г. *Иван IV Грозный* на первом Земском поместном соборе взял курс на самодержавие с опорой на дворянство, что означало борьбу с боярской аристократией. В 1550 г. элитная тысяча московских дворян (1071 чел.) получила поместья в пределах 60–70 км вокруг Москвы. «*Уложение о службе*» (1555) уравнивало дворян с боярами по праву наследования, а «*Соборное уложение*» (1649) закрепляло для новых дворян право на вечное пользование помещьем и на бессрочный сыск беглых крестьян.

Таким образом, В XII–XVI вв. дворяне вместе с дарованным титулом получали поместное землевладение, а значит, и соответствующую ему «именную» регистрацию:

- от названий поместий: *Архангельские, Ухтомские, Суздальские, Шуйские, Белозерские, Ростовские*;
- от языческих кличек: *Зубатые, Перские*;
- от того и другого вместе: *Немировичи-Данченко*;
- от прозвищ польско-литовского, греческого (род *Философовых*), а позже – «восточного» происхождения: *Кара-Мурза* и *Карамзин* (от тюркск. *кара* «чёрный» и *мурза* «дворянин»); *Беклемиш* – прозвище, которое носил боярин *Фёдор Елизарович* во времена Василия I (от тюркск. «охраняющий»); *Юсупов* (от *Юсуф* – имени исламского пророка); *Ахматов* (от тат. *Әхмәт* – имя хана);

Бухтияров (или *Бахтеяров* – из ветви ростовских князей-Рюриковичей, произошедший от *Фёдора Приимкова-Бахтеяра* (тюрк.-перс. *бахет ир* «счастливый муж») и т. п.

4. Группа фамилий, представляющих свободное население. Начиная с XV в., к ней относились смерды-общинники и жители городов: посадский люд, духовенство, купечество, мелкие торговцы, ремесленники, рабочие. Их имущество могло завещаться детям, поэтому они стали «обрастать» официально закреплёнными собственными именами: *Путило Григорьев*, дяк; *Василей Яковлев сын Ларионов*, дяк; *Васильев Пётр*, священник; *Волохов Игнатий Андреевич*, стряпчий московский; *Иларион Смирного*, старец Соловецкого монастыря; *Образцов Плишка*, слуга.

5. «Бесфамильная» группа социально зависимого населения – женщин и крепостных: правом на поместье землевладение обладали исключительно мужчины. Вдовы, имея сначала частичные привилегии в виде «прожитка» при потере в бою кормильца, с середине XVI в. лишились его, если не выходили замуж за служивого же человека («*За девками более 15 лет прожиточным поместьям не быть*»). У них фамилии заменялись опосредованным именем мужа, отца или тестя, например: *сержанта Якова Иванова сына Гребенкина жена его Настасья Ивановна дочь*.

«Непривилегированный» статус крепостных фиксировался с помощью устных, языческих в своей основе прозвищ (*Кишка, Затыка, Хомяк, Нос, Могила* и т. п.) или фамилий крепостника («Ты чей будешь?» – *Боярский, Чайковский* или «Ты чьих будешь?» – *Черных, Белых, Толстых*).

В «Русской правде», начиная с XII в., выделялись четыре категории такого «бесправного» населения:

а) *смерды* – их имущество передавалось князю, если после смерти у них не оставалось незамужних дочерей. Наследственное имущество крепостного при

отсутствии у него сыновей поступало в распоряжение князя, который, впрочем, обязан был снабдить дочерей умершего приданым;

б) *обельные* – пожизненные холопы;

в) *закуп* – долговые холопы, взявшие *куну* («долг») и ставшие рабами до её погашения или отработки;

г) *рядовичи* – зависимое население, служившее «по ряду» (по договору).

Нормы о привилегированности / непривилегированности и порядке наследования не были константой. По мере развития феодального права они совершенствовались, закрепляя тенденции к расширению круга наследников в «Псковской» и «Новгородской судных грамотах», «Судебнике 1497 г.», «Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г.» и др.

Первая тенденция: наследники по завещанию могли предъявлять иски и отвечать по обязательствам наследодателя только при наличии оформленного документа, подтверждающего эти обязательства.

Вторая тенденция: наследники по закону, куда включались только сыновья с вдовой, могли получать наследство без завещания. Дочери при наличии сыновей устранились от наследования недвижимости, но постепенно стали допускаться к наследованию вотчин.

Россия приближалась к новому принципу государственности, связанному с её превращением в империю.

3.3. Духовность онимного сознания и право в Российской империи

Становление Российской империи сопровождалось переходом СИ в новое качественное состояние в результате социальных изменений государственного масштаба, инициируемых в XVII–XIX вв. самодержавной системой управления и

личной императорской волей. Исторически она охватывала три условных периода: реформирование патриархальной России Петром I, укрепление дворянства Екатериной II и симбиоз этих двух направлений при прокладывании русского пути к капитализму от Павла I до Николая II.

3.3.1. Динамизм политики Петра I и зарождение империи.

Революционная деятельность Петра I, столкнувшегося с консерватизмом правящей патриархально-боярской верхушки, могла быть успешной только при изменении социальной базы и структуры общественных отношений, что реализовалось в его вполне конкретных реформаторских шагах и мероприятиях.

1. Строительство нового типа городов, связанных с военно-политическими и культурно-экономическими устремлениями империи.

Для выхода к Азовскому и Балтийскому морям, укрепления южных и западных границ в противостоянии государства с усиливающейся мощью Турции и Швеции нужны были города-крепости и города-предприятия – своеобразные эргонимы в значении топонимов [см.: 377; 489].

С 90-х гг. XVII по 30-е гг. XVIII в. по указам Петра I было возведено более десятка городов с нетипичными для патриархальной России функциями и названиями, указывающими на принадлежность топонимов к конкретному основателю, определённом региону или на промышленную функциональность объектов номинации.

1696 г. – крепость Воронеж (совр. областной центр с населением более одного млн. чел.). Возведённая по приказу Петра I, она скоро превратилась в «морскую» столицу России. Здесь создаётся русский флот, который одерживает первую победу над Османской империей под Азовом и получает название *Азовского*.

В Воронеже строятся заводы, судовой верфи, мануфактуры и создаётся Воронежское адмиралтейство, к которому с 1700 по 1709 гг. приписывается 25 городов, обслуживающих флот. Благодаря этому, к 1711 г. он состоит из 69-ти крупных кораблей, семи бомбардирских судов и девяти брандеров.

Город становится многонациональным, где поселяются бывшие крестьяне, мастеровые, дипломаты, капитаны, генералы и кораблестроители из Европы, что влечёт за собой учреждение *Немецкой слободы* и установление надёжной почтовой и дорожной связи с Москвой.

1697 г. – Петровская крепость (совр. г. Петровск Саратовской обл. с населением более 30-ти тысячи человек). Её воздвигли по указу Петра I от 15 ноября 1697 г. на р. Медведица (приток Дона) для защиты территории от набегов крымских татар. С развитием купечества и ремесленничества крепость скоро преобразовалась в г. Петровск, ставший центром Петровского уезда.

1698 г. – г. Таганрог, расположенный на мысе Таганый Рог (совр. центр Ростовской обл., занимающий Миусский полуостров Таганрогского залива Азовского моря).

Возводился как военно-морская база России. Заселён строителями, военными, греческими, итальянскими, армянскими и еврейскими негоциантами, купцами и знатью. Место ссылки опальных дворян, чиновников и церковнослужителей, а также пленных турок, татар, шведов и прибалтов.

1701 г. – Каменский казённый чугунолитейный завод (совр. г. Каменск-Уральский Свердловской обл.). Расположен на границе Урала и Сибири. Возводился как город-завод для производства пушек. В январе 1774 г. участвует в восстании Емельяна Пугачёва.

1702 г. – Лодейное поле (совр. районный центр Ленинградской обл.).

Возник как посёлок кораблестроителей вокруг Олонецкой кораблестроительной верфи, за 130 лет работы которой было спущено на воду около 450 судов. Статус города получил по указу Екатерины II в 1785 г.

1703 г. – г. Санкт-Петербург. Столица России с 1710 по 1918 гг. (до 26 января 1924 г. – *Петроград*, до 6 сентября 1991 г. – *Ленинград*). Основан по указу Петра I как новая европейская столица на побережье Финского залива Балтийского моря в устье реки. Назван в честь апостола Петра.

Современный центр Ленинградской обл., культурная столица России. Четвёртый по численности город Европы с населением более 5 млн. человек.

1703 г. – Шуйский железоделательный и пушечно-литейный завод, построенный по указу царя Петра на берегу Онежского озера в устье реки Лососинки (совр. г. Петрозаводск – столица Карелии, РФ).

1703 г. – Липские Железные Заводы (совр г. Липецк – обл. центр РФ). Основан по указу Петра I на месте села Малые Студенки Липецкие с целью строительства чугуноплавильных и сталеплавильных заводов, выполняющих заказы для армии и флота. С 1779 г. – уездный город Тамбовского наместничества.

1709 г. – Бикатунский острог – крепость, охраняющая юго-восточные границы России от набегов Джунгарского ханства. Разрушен телеутами в 1710 г. (совр. г. Бийск в Алтайском крае РФ; с 2005 г. наукоград).

После вторичной застройки переименован в *Бийский острог*, расположенный в устье реки Бия. В 1846 г. превратился в торгово-промышленный и культурный центр края, где были возведены кожевенный, винокуренный, кирпичный и лесопильный заводы, льноткацкая фабрика, паровая мельница и действовал «Центр Алтайской Духовной миссии».

1710 г. – г. Петергоф (с 1944 г. Петродворец Ленинградской обл.). Построен в качестве загородной резиденции российских императоров на южном берегу Финского залива близ Санкт-Петербурга. В 1714 г. здесь заложен *Большой Петергофский дворец*.

Статус города получил в 1762 г. С 2005 г. – наукоград с населением более 73 тыс. чел., в котором расположен Петергоф – памятник мировой архитектуры и дворцово-паркового искусства.

1711 г. – Ораниенбаум (от нем. *Oranienbaum* «дерево Оранских», а не *Orangenbaum* «апельсиновое дерево») – дворцовый ансамбль в 40 км от Санкт-Петербурга на берегу Финского залива – уникальный памятник, созданный известным итальянским художником XVIII в. Джованни Баттистом Питтони. С 1948 г. – г. Ломоносов. В 1743–1762 гг. – резиденция будущего императора Петра III, для которого на территории Верхнего парка сооружена «потешная» крепость Петерштадт. После дворцового переворота 28 июня 1762 г. на этом месте для Екатерины II строится дворец в стиле рококо, вокруг которого формируется город, получивший в 1780 г. статус уездного.

1721 г. – Сестрорецкий завод (совр. г. Сестрорецк Ленинградской обл.). Построен как гавань на берегу р. Сестра для выхода к Балтийскому морю и центр для производства пороха, пистолетов, мушкетов и пушек. В 1735 г. на Дибунь-болоте возведён Чёрнореченский чугунолитейный завод.

Сегодня – бальнеогрязевой курорт с минеральной водой и водотоками, связывающими Сестрорецкий разлив с Финским заливом.

2. Создание регулярной армии и флота, повлекшее за собой формирование неизвестных ранее разрядов топонимии и узаконенную форму личного имени для рекрутов из крестьян и горожан. Служба в профессиональной армии стала пожизненной, поэтому любой из солдат был приписан к одному из регулярных полков (*Преображенскому, Семёновскому, Лефортовскому, Бутырскому* и др.), флотилии (*Азовской, Балтийской*) и кораблям («*Выборг*», «*Полтава*», «*Пернов*», «*Рига*» и др.), которые постоянно пополнялись новыми видами эргонимов и карабонимов.

Так, поскольку в Петровскую эпоху актуальной для государства стала подготовка морских офицеров из дворян, в 1701 г. в Москве была открыта

«Школа математических и навигационных наук», переведённая впоследствии в Петербург и преобразованная в Морской кадетский корпус (новый вид эргонимов).

3. Переход от церковного обучения к моделям светского просвещения, профессионального образования и науки. Новый подход к государственному строительству затронул все сферы культурной, производственной и политической жизни общества. На это был направлен весь комплекс организационных мер:

– Учреждение в 1702 г. печатной газеты «Ведомости», которой предшествовали регулярно выходящие с 1660 года рукописные «Вести-Куранты» (от лат. *currens* «текущий») [5–12].

– Открытие *цифирных школ* для обучения грамотности и, как следствие, введение в эксплуатацию двух типографий для издания книг и учебников на понятном светском шрифте (а не церковнославянском).

– Учреждение *профессиональных учебных заведений*, курируемых государством. Так, в 1719 г. были открыты *горные школы* для олонечких и уральских заводов, куда были набраны 300 учеников с целью подготовки специалистов для горного и железоделательного производства.

– Составление карт России, начало исследований природных богатств Сибири, учреждение *Кунсткамеры* (1714 г.) и *Естественно-исторического музея* (1719 г.).

– Основание (1724 г.) и публичное открытие 27 декабря 1725 г. *Академии Наук и Художеств*, первым президентом которой был назначен отечественный медик *Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост*. В отличие от Европы она задумывалась как государственное учреждение, совмещающее в себе научные и образовательные функции: «К розположению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания; первый образ называется *универзитет*, второй – Академия, или Социетет художеств и наук... Универзитет есть собрание учёных людей, которые наукам высоким, яко феологии и юриспруденции (прав

искусству), медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, молодых людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором они ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют» [73].

Учёные пользовались полной свободой творчества и практически неограниченными возможностями для публикаций научных трудов. В своё полное распоряжение они получили музейную коллекцию *Кунсткамеры*, *Анатомический театр*, *Географический департамент*, *Астрономическую обсерваторию*, *Физический и Минералогический кабинеты*, *Ботанический сад* и инструментальные мастерские.

4. Преобразование кустарного ремесленничества в казённые или государственные промыслы, мануфактуры и компанейские предприятия. Это было связано с необходимостью укрепления империи, чего нельзя было достичь без технического оснащения крупного производства. Пётр I уяснил это, будучи ещё «законспирированным» членом Великого посольства в Европе. Поставив перед собой цель обеспечить экономику лучшими западными технологиями, он реорганизовал все отрасли народного хозяйства. Учитывая, что Россия значительно превосходила другие страны по обилию природных богатств, но осознавая её техническую отсталость, Пётр решил развивать стратегию промышленности и торговли на основе государственного принуждения и стимулирования, соединяя знания и опыт лучших европейских специалистов с национальными и довольно мощными людскими и природными ресурсами.

Переломным моментом для реорганизации производства на новых принципах стал Указ Петра I от 1721 г. о том, что «для размножения заводов к тем заводам деревни покупать невозбранно», который поощрял покупку земли вместе с крепостными крестьянами под строительство крупных предприятий как дворянами, так и купцами.

Правда, права купцов были более стеснённые. Крепостные и мануфактура были лишь их условной собственностью, названной *посессией*. Юридически владельцем мануфактуры являлось государство. Крепостные рабочие прикреплялись поэтому не к хозяину, а к мануфактуре: собственник не имел права их продавать или использовать вне мануфактуры. Законы, имеющие отношения к казённым предприятиям автоматически распространялись и на посессионные мануфактуры.

Всего в то время существовало четыре типа мануфактур:

- а) казённые, работающие прежде всего для нужд армии и флота;
- б) полугосударственные (посессионные) – заказы для них устанавливал не владелец, а государство, определявшее объём, нормы выработки и заработную плату на предприятии;
- в) вотчинные, принадлежавшие исключительно дворянам на правах их полной собственности;
- г) дворянские и посессионные, которые могли быть собственностью как дворянина, так и купца и даже крестьянина.

На первых трёх типах применялся труд крепостных рабочих и «государственных» крестьян, «приписанных» к производству. У последних государственные подати заменялись отработкой на мануфактурах, после чего они снова возвращались в деревню.

Крепостная система имела свой резон: она способствовала быстрому созданию новых отраслей промышленности при сравнительно низких затратах на оплату труда, сырьё и топливо. Такие отрасли могли на равных конкурировать с буржуазной Европой.

Среди них особенным образом выделялись *Пушечный двор* в Москве, *Оружейная палата* и *Тульская оружейная слобода*; *Шёлковая фабрика Алексея Милютина*; *Петровский*, *Повенецкий* и *Конгозерский металлургические заводы* в

Олонецком крае; Демидовские чугунолитейные заводы, Нерчинский и Колыванский серебряноплавильные заводы на Урале и т. п.

3.3.2. Онимно-правовые результаты Петровских реформ. Успешное реформирование российского общества и победа над шведами в Северной войне 1700–1721 гг. завершилось подписанием *Ништадтского мира*, в результате которого Россия присоединила к себе *Эстляндию, Лифляндию, Ингрию*, часть *Карелии* и вернула выход в Балтийское море, утраченный в XIII в. (Новгород ранее входил в балтийский торговый Ганзейский союз). Могущество Швеции в Северной Европе было подавлено. Россия стала мощной державой, простиравшейся от Атлантики до Тихого океана. В ознаменование этой победы Сенат 22 октября 1721 г. (2 ноября по новому стилю) «наградил» царя Петра I титулом «*Отца Отечества, Императора и Петра Великого*».

Провозглашение России империей было встречено Европой по-разному. Её имперский статус признали сразу Голландия и Пруссия (союзницы России в Северной войне), но только в 1723 г. – побеждённая Швеция, в 1739 г. – Османская империя, в 1742 г. – Австрия и Англия, в 1745 г. – Испания и Франция и лишь в 1764 г. – Польша.

Однако сам факт констатации величия России наложил отпечаток на всю её дальнейшую судьбу. История государства стала мотивированным результатом развивающегося имперского сознания, которое стимулировало формирование единого национального языка, общей идеологии разных культур, вписанных в русский онимный контекст, и общенационального онимного фонда. Он к этому времени имел все известные сегодня источники своего пополнения:

а) апеллятивы или предложения, переходящие в СИ за счёт онимизации: *вести* – газета «*Вести*», *царь* – «*Царь-пушка*», *не тронь меня* – корабль «*Не*

тронь меня», *триумф* – корабль «*Триумф*», *лесное* – линейный корабль – «*Лесное*»;

б) иноязычные СИ, постепенно осваиваемые русской проприальной культурой: *s'Gravenhage*, *Naaga* > *Граф фан Гаген* // *Гаага* // *Гравенгагеня*; *London* > *Ланден* // *Лонден* // *Лондон* // *Люддин*; *Фонъ-Визинъ* > *Фонвизин*, *Лермонт* > *Лермонтов*, *Бахтеяр* > *Бахтеяров*, *Михаил* фр. *Michel*, м.р.; *Michèlle* ж.р. > рус. *Мишель* и мужской, и женский род;

в) заимствованные формы из германских или классических языков (греческого, латинского): *Петергоф*, *Петерштадт*, *Санкт-Петербург*, *Шлиссельбург*; линейные корабли «*Нептунус*», «*Фридрихштадт*», «*Фридемакер*», «*Ингерманланд*»; корабли «*Селафаил*», «*Варахаил*»;

г) трансонимизированные варианты, полученные при помощи перехода одного разряда СИ в другой: города *Выборг*, *Астрахань* – корабли «*Выборг*», «*Астрахань*»; *Михаил* – корабль «*Архангел Михаил*», языческое прозвище *Волк* > фамилии *Волк*, *Волков*.

Но особо важную роль в создании реального корпуса собственных имён и национальной онимосферы сыграл факт объединения в правах поместного и вотчинного землевладения (1714 г.) и введение паспортных документов (1722 г.):

А. Учреждение прав на единонаследие. Его суть заключалась в том, что при подписании Петром I 18 марта 1714 г. *Указа «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществвах»* статус дворянства юридически объединял в правах поместное и вотчинное землевладение.

С этого момента, во-первых, для любого дворянина (помещика и вотчинника-боярина) и его семьи устранялась угроза лишиться средств к существованию, а во-вторых, женщина-помещица, лишённая ранее каких бы то ни было прав на наследство, могла стать богатой наследницей. Возросшее к этому времени «...число вдов и сирот заставляет правительство изменить отношение к женщине: она получает юридические права – распоряжаться своим имуществом,

покупать и продавать земельные наделы и строения. В результате этого в документах XVIII в. возрастает число женских имён, а характер их записи постепенно приближается к формулам мужских: *Анна Петровна Шереметьева, Марья Михайловна дочь Сапожникова*» [437, с. 15];

Б. Введение паспортов. Исторически паспортная система была связана с ограничением передвижения. О грамотах, выданных для торговли за пределами Руси, упоминают ещё летописи под 945 годом. Кроме этого, к протопаспортизации можно отнести отдельные переписи населения в *Киевском и Новгородском княжествах* для учёта лиц, подвергшихся налоговому обложению, а в период монголо-татарского ига (начиная со второй половины XIII в.) — для определения размеров дани.

Более близким к паспорту документом были метрические книги, в которые церковь вносила только имена тех, кто принимал крещение. Обязательными они стали в 1666–1667 гг. согласно решению Московского церковного собора. Однако записи в метрических книгах велась священниками со слов, название и имена часто приобретали бытовое звучание и не совпадали с официальными.

Вот почему этот документ можно считать юридическим только после указа Петра I об обязательном учёте населения. В нём предписывалось еженедельно подавать в *Патриарший духовный приказ* сведения о родившихся и умерших, а в 1722 г. было введено обязательное и повсеместное ведение метрических книг во всей империи.

За ним последовал *Указ Синода* от 20 февраля 1724 г., в котором были представлены образцы метрических книг и пояснения, как их вести. А уже после Указа Синода от 23 ноября 1779 г. «*Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях*» наличие метрических книг в приходах и консисториях, в которые входили разделы о рождении, бракосочетании и смерти, стало обязательным.

К одному из видов примитивной паспортизации, начиная с XIV в., можно было отнести также выдачу «проезжих грамот» и «отпускных жалованных грамот» купцам и въезжающим иностранцам. Они были не только своеобразными удостоверениями личности, но и средством контроля за их поведением.

Так, в *Судебнике 1497 г.* речь идёт о холопах, которые могли получать отпускные жалованные грамоты от бояр или по решению боярского суда наместниками, т. е. об их возможности перевиджения. А *Указ Петра I от 1719 г. «О введении проезжих грамот»* свидетельствует об опыте правового закрепления онимных норм, регламентирующих именование людей в официальных документах по «крестильному» имени, отчеству и фамилии.

На первом этапе «проезжие грамоты» выдавались в связи с введением Петром I рекрутской повинности и подушной налоговой системы. Дохристианские прозвища были выведены из документооборота, что устанавливало этичность норм именования по отчеству, устраняло вариативность, мешающую точной идентификации граждан, и способствовало развитию корпуса русских фамилий (*Меньшой – Меньшиков, Борода – Бородин, Конь – Конев*). Были выведены из официального оборота и полуимена – обращения к низшему сословию посредством уничижительной (*Васька, Петрушка, Ивашка, Валька*) или преувеличенной коннотации, как правило, применяемой к монахам (*Абрамище, Василище*), хотя в устной речи они встречаются до сих пор.

На втором этапе «паспортизация» приобрела «народный» характер, что отразилось на процессе имянаречения. Наиболее распространённые имена стали фиксироваться не в церковной, а в светской форме, и литературная норма стала для неё преобладающей (не *Иоанн*, а *Иван*; не *Илия*, а *Илья*; не *Иоаким*, а *Аким*, не *Параскева*, а *Парасковья*, не *Даниил*, а *Данил*; не *Гавриил*, а *Гаврил* // *Гаврило* // *Гаврила*).

На третьем этапе церковная и литературная нормы перестали пересекаться (имена *Иоанн, Иеремея, Гавриил* стали применяться для священнослужителей, а

Иван, Еремей, Гаврил – в миру). При их употреблении в светской традиции они воспринимались как разные имена: *Георгий*, но *Егор*; *Иосиф*, но *Осип*; *Авдотья*, но *Евдокия*.

Форма паспортов, выдаваемых при Петре I, просуществовала в неизменном виде вплоть до Февральской революции 1917 г. с определёнными изменениями и дополнениями.

Прежде всего в паспортах фиксировались изменения места жительства:

– «Воеводам гулящих людей без проезжих писем провинциям не пропускать» (Инструкция 1714 года);

– «Не пропускать без пашпортов проезжающих людей» (Наказ Астраханскому воеводе 1710 года).

В 1724 г. паспорта были дополнены прокормёжными и пропускными письмами об отлучках крестьян, выдаваемых помещиками и приказчиками, в которые вносились сведения о росте, форме лица, особых приметах их владельцев и т. п.

В первую очередь выдавались прокормёжные письма в следующих случаях: а) уходившим на заработки в пределах собственного уезда; б) если нужно было регистрировать пересечение границы уездов. За этим строго наблюдали местные административные органы и полиция. Крестьяне без документов подвергались телесным наказаниям и отправлялись назад к помещикам.

Во вторую очередь речь шла о пропускных письмах: они выдавались для облегчения процедуры взимания налогов.

Важное значение в этом смысле имел подписанный Петром I 6 июля 1724 г. так называемый «*Плакат*». Изданный в условиях катастрофического финансового положения, он заменял принцип подворного обложения подушным сбором налогов с каждого проживающего мужчины в сельской местности. В начале XIX в. годовые паспортные пошлины взимались уже не только с крестьян, но и с

мещан, а с 1894 г. до 1897 г. они были расширены до привилегированных сословий.

Ценность личных документов наглядно подтвердил *Указ 1803 г.* о «печатных» паспортах для купцов, мещан и крестьян вместо рукописных писем с целью борьбы с фальшивками и участвовавшими случаями бегства крестьян.

С введением регламентированных паспортных документов в 1809 г. в Санкт-Петербурге в составе городской полиции учреждаются адресные конторы. Все лица, работающие по найму, должны были регистрироваться и получать адресный билет, не выдаваемый без положительного отзыва с прежнего места работы. Лица, заподозренные в неблагонадежности, высылались из города. В 1837 г. конторы были преобразованы в *Адресную экспедицию*, при которой открылся адресный стол. Подобный С.-Петербургу адресный стол появляется затем в Москве, а с 1861 г. – по всей империи.

С 30-х гг. и до конца XIX в. законом, определявшим права и обязанности полиции по осуществлению паспортного режима, являлся *«Устав о паспортных и беглых»*. Статья первая гласила, что никто не может отлучаться с места постоянного проживания без паспорта или узаконенного вида на жительство в другой местности. Закон обязывал предъявлять полиции паспорт при переезде в другую губернию. Для не работающих на государственной службе дворян главным вместо паспорта являлась грамота о дворянском достоинстве.

В случае задержания лица с просроченным паспортом полиция, подвергнув задержанного аресту на двое или трое суток, высылала его затем к месту прописки. Если задержанный не имел вида на жительство, он считался бродягой, что квалифицировалось как уголовное преступление и каралось ссылкой в Сибирь.

В соответствии со ст. 950 *«Уложения о наказаниях»* в паспортах делались отметки о судимости и указывались места, в которых осуждённый не имел права появляться. В обычной ситуации паспорт содержал сведения о фамилии, имени,

отчестве, звании, возрасте, вероисповедании, семейном положении, составе семьи. Кроме этого, в паспортной книге фиксировались ещё и проезжие грамоты, подорожные листы и виды на жительство. В неё могли вноситься и более полные сведения: название улицы, номер дома, откуда прибыл, когда выдан паспорт, в чьём доме проживает, вид на торговлю, ремесло, когда и куда прибыл и убыл.

Паспорт, таким образом, стал критерием нормативной фиксации антропонимов и топонимов – собственные имена «избавились» от речевой вариативности, коннотативного осмысления и приобрели правовую значимость в связи с их полным соответствием действительности. Правда, пока это относилось только к паспортам или документам, подтверждающим, как правило, ранг дворян.

В. Учреждение «Табеля о рангах». Этот документ зафиксировал принципиально изменившееся положение России в Европе и на Востоке, связанное с её признанием империей.

Теперь это было не просто крупное государство, объединившее под властью одного монарха многие народы во главе с их удельными монархами-князьями. Она могла и стала претендовать на роль духовного лидера по подобию Римской империи. Сам титул императора предполагал изменение внутренней системы управления, государственной идеологии и внешней политики на принципах господствующего положения державы в Европе и её притяжения в православном и не только православном мире. Но для этого нужно было свергнуть с пьедестала элитности боярскую власть и усилить мощь дворян.

Этому способствовало введение Петром I в ткань России в январе 1722 г. «Табеля о рангах» [92] по западноевропейскому образцу, заменившему в государственном управлении критерий родовитости на принцип выслуги гражданина перед царём и отечеством. Это позволило любому из них продвинуться по службе и получить титул.

Согласно этому документу в Российской империи насчитывалось 14 рангов. Но любой из претендентов на службу должен был начинать с самой низшей должности, которая в таблице не отражалась.

Таблица 8

Табель о рангах в России с 1722 по 1917 г.

№	Военные чины			Гражданские	Обраще- ние
	Сухопутные	Морские	Гвардей- ские		
1 ранг	Фельдмаршал	Генерал-адмирал		Канцлер	Ваше Вы- сокопре- восходи- тельство
2 ранг	Генерал-аншеф, генералы от родов войск	Адмирал		Действительный тайный советник	
3 ранг	Генерал- лейтенант	Вице-адмирал		Тайный советник	Ваше Прево- сходи- тельство
4 ранг	Генерал- майор	Шаутбенахт (до 1740), контр- адмирал (после 1740)	Полков- ник	Действительный статский советник, оберпрокурор, герольдмейстер	
5 ранг	Бригадир	Капитан-командор	Подпол- ковник	Статский советник	Ваше Высоко- родие
6 ранг	Полковник	Капитан 1 ранга	Майор	Коллежский советник	Ваше Вы- сокобла- городие
7 ранг	Подполковник	Капитан 2 ранга	Капитан	Надворный советник	
8 ранг	Майор	Капитан 3 ранга	Капитан- лейтенант	Коллежский ассессор	
9 ранг	Капитан, рот- мистр (в кавалерии), есаул (у казаков)	Капитан-лейтенант (до 1884), лейтенант (после 1884)	Лейте- нант	Титулярный советник	Ваше Бла- городие
10 ранг	Штабс- капитан, штабс-	Лейтенант (до 1885), мичман	Унтер- лейте-	Коллежский	

	ротмистр (в кавалерии)	(после 1885)	нант	секретарь	
11 ранг		Корабельный секретарь		Корабельный секретарь	
12 ранг	Поручик в кавалерии, лейтенант в пехоте	Унтер-лейтенант (до 1732), мичман (1796-1885)	Фендрик	Губернский секретарь	
13 ранг	Подпоручик	Мичман (1732-1796)		Провинциальный секретарь	
14 ранг	Фендрик (до 1731), корнет в кавалерии, прапорщик в пехоте				
<p>На военной службе начинали служить в звании рядовых. Получить младший чин (14-й ранг) можно было не раньше, чем через 15 лет, зато все чины давали право на наследуемое поместье.</p> <p>На гражданской службе право на наследуемое поместье имели только чиновники, начиная с 8-го ранга и выше. Нижние чины получали поместье, но не могли передавать его по наследству.</p> <p>После 1856 г. личное дворянство у военных получали с 12-го ранга, потомственное – с 6 ранга. На гражданской службе право личного дворянства давал девятый ранг, а потомственного – четвёртый.</p>					

Пожалование боярских титулов с введением «Табеля о рангах» фактически прекращалось, хотя само их существование не отменялось. Но и дворянство ещё не являлось основанием для получения чина – возможность занять любой из рангов определялся двумя обязательными критериями:

Критерием личной преданности: «...Мы позволяем для знатной их породы или их отцов, в публичной ассамблее их чинов, где двор находится, свободный доступ перед другими нижнего чина и охотно желаем видеть, чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались, однако мы для того никому никакого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получат» [92, с. 18].

Критерием образованности. Дворянские дети могли начинать службу только при условии получения хотя бы минимального образования и наличия патента на соответствующие профессиональные навыки. Без них можно было получить только чин без ранга. Особой привилегией пользовались лица, имеющие высшее образование, а тем более с учёной степенью. Высшее университетское образование позволяло производство в чины от XII до IX классов, а наличие учёной степени доктора давало право на чин VIII класса. Служба в учебных ведомствах назначалась по классу должности, но могла подниматься двумя чинами выше.

Такая трактовка родовитости устраняла боярство как класс. Само слово «боярин» стало употребляться только в народной речи как обозначение аристократа вообще и в конце концов упростилось до понятия «барин». Зато даже чин XIV ранга в военной иерархии и VIII ранга в гражданской давал право на получение потомственного дворянства, фамилии, герба и соответствующего рангу обращения на *Вы*.

В Петровскую эпоху в число новой элиты попали *Меншиков, Апраксин, Толстой, Строганов*, и эти факты обязательно фиксировались в указах императора:

– 30 мая 1707 г.: «Граф (1702), князь (1705) Священной Римской империи *Александр Данилович Меншиков*. Грамотой царя Петра I возведён «в княжеское Российского царства достоинство, с наименованием князя *Ижорской земли и титулом светлости*»;

– 31 июля 1711 г.: «Высочайшей резолюцией въехавшему в Россию молдавскому господарю *Дмитрию Константиновичу Кантемиру* дозволено именоваться, потомственно, светлейшим князем»;

– 5 апреля 1797 г.: «Князь *Василий Михайлович Долгоруков* пожалован титулом *Крымский*»;

– 8 апреля 1798 г.: действительный тайный советник, сенатор *Николай Иванович Лодыженский* «Именным Высочайшим указом дозволено принять фамилию и титул князей Ромодановских, предков его по женской линии, именоваться впредь, потомственно, *князем Ромодановским-Лодыженским*»;

– 8 августа 1799 г.: генерал-фельдмаршал, *принц Савойского дома Александр Васильевич Суворов* «Именным Высочайшим указом возведён, с нисходящим его потомством, в княжеское Российской империи достоинство с титулом князя *Италийского* и повелено ему именоваться впредь *князем Италийским графом Суворовым-Рымникским*. Титул Светлостей предоставлен его внукам *Александру и Константину Аркадьевичам*».

Кроме этого, император, члены императорской семьи и лица дворянского происхождения в отличие от незнатных сословий в некотором смысле стояли над рангами, имея особую форму обращения по титульной принадлежности.

Таблица 9

Формы обращения к титулованным особам в 1721–1917 гг.

ФОРМА ОБРАЩЕНИЯ	ТИТУЛ
Ваше Императорское Величество, (Император Всероссийский, Императрица Всероссийская)	Император (с официальным употреблением «Мы» вместо «я»), императрица, вдовствующая императрица
Ваше Императорское Высочество	Великие князья, княгини, великие княжны, дети, внуки, а в 1797–1886 гг. – правнуки и праправнуки императора
Ваше Высочество	Князья, княгини и княжны императорской крови после 1886 года
Ваша Светлость	Герцог, младшие дети правнуков императора и их потомки по мужской линии, светлейшие князья по пожалованию
Ваше Сиятельство	Князь, граф
Ваше Благородие	Барон и все остальные дворяне

Введение «Табеля о рангах» обусловило учреждение специального органа при Сенате – *Герольдмейстерской конторы*, которая обязана была вести строгий учёт дворянского сословия и производить его чистку от самозванцев: «И понеже никому, кроме Нас, и других Коронованных Глав, не принадлежит, кого в Дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать».

Для дворян собственные имена стали иметь официальную норму их языковой передачи в русском контексте, выработанную практикой национально-территориального употребления в речи в зависимости от сословного деления российского общества:

а) дети бояр по губерниям и уездам: *Алтуфьевы* (Липецкий край), *Шишкины* (из Рязанской земли), *Воронины* (из Переяславля), *Бахтеяровы-Ростовские* и др.;

б) великорусское московское дворянство: *Адодуровы*, *Аксаковы*, *Барятинские*, *Волконские*, *Измайловы* и др.;

в) балтийско-немецкое дворянство: *Миних*, *Бирон*, *Сиверс*, *Барклай де Толли*, *Гильдеништуббе* и др.;

г) украинское и донское казачье дворянство: *Орловы*, *Платовы*, *Иловайские*, *Кутейниковы*, *Краснощёковы*, *Кумшатские*, *Шимановские* и др.;

д) польская и литовская шляхта: *Ковальские*, *Новаки*, *Левандовские*, *Мицкевичи*, *Чарторыйские*, *Радзивиллы*, *Потоцкие* и др.;

е) шляхта по губерниям и уездам России (например, галичская шляхта): *Щодро*, *Щуко*, *Цехановичи*, *Фен-Раевский-Пуцято*, *Ивашкевичи*, *Бонч-Бруевичи*, *Бобровские*, *Комарницкие*, *Винницкие*;

ж) бессарабское, осетинское, грузинское и армянское дворянство: *Багратион*, *Дадешкилиани*, *Анчилазовы-Абхазовы*, *Гурамишвили*, *Закаряны*, *Орбеяны*, *Лазаревы*, *Бадилата*, *Гугуата*, *Мавродины*, *Крупенские*;

з) инородческое дворянство: *де Гейер*, *Штейгель*, *Маннергейм*, *Шуленберг*, *Остерман*, *Сакен*, *Мусин-Пушкин* и т. п.

По данным первой всеобщей переписи 1897 г. в Российской империи было зарегистрировано 1,8 миллиона дворян (из них 1,2 млн. потомственных), составляющих 1,5 % населения. Из них 53 % назвали своим родным языком русский, 28,6 % – польский, 5,9 % – грузинский, 5,3 % – татарский, 3,4 % – литовский, 2,4 % – немецкий [55; 56].

Однако несмотря на их разнородность и известные перипетии послепетровской России, связанные с чередой сменяющихся императоров, правителей и императриц,³⁸ неизменной оставалась общегосударственная российская политика по укреплению привилегий для дворянского сословия.

Правление *Анны Иоанновны*:

- 1731 г. – предоставление права собирать подушную подать с крестьян;
- 1736 г. – ограничение дворянской службы 25-ю годами .

Правление *Елизаветы Петровны*:

- 1746 г. – исключительное право покупать крестьян и землю дворянам;
- 1754 г. – учреждение *Дворянского банка* и предоставление льготных кредитов.

Правление *Петра III*:

- 1762 г. – издание «Манифеста о даровании вольности и свободы российскому дворянству», дающего право на его освобождение от службы.

Укрепление дворянства создало условия для формирования общенациональной русской онимосферы, но создало препятствия для развития производства.

³⁸ с 1725 г. – Екатерина I Алексеевна, с 1727 г. – Пётр II Алексеевич, с 1730 г. – Анна Иоанновна, с 1740 г. – Иоанн VI Антонович и Анна Леопольдовна, с 1741 г. – Елизавета Петровна, с 1761 г. – Пётр III Фёдорович.

3.3.3. Онимные противоречия века Екатерины II. Усиливающееся государственное регулирование производственных отношений, сыгравшее свою позитивную роль в реформировании патриархального сознания, стало тормозом в послепетровскую эпоху, ибо сделало невозможной конкуренцию. Раннее предпринимательство, возведённое в ранг дворянства, постепенно стало интересоваться лишь расширением государственных привилегий: льготным получением земли, выгодными государственными заказами, монополией на производство определённой продукции и установлении фиксированной и желательной высокой цены на свои изделия. Стимула для совершенствования производства быть не могло, поскольку связи в правительстве имели гораздо большее значение, нежели профессионализм и предприимчивость.

В связи с этим детище Петра I – мануфактуры оказались в состоянии застоя, ко времени восшествия на трон Екатерины II ставшего системным. В такой ситуации императрица вынуждена была издать ряд указов, ограничивающих роль государства в управлении производством, что изменило вектор развития русской ойконимии, антропонимии и эргонимии.

1. Указ о запрещении продавать крепостных и использовать их для работы в промышленности, что кардинально изменило приоритеты развития российского общества.

Внутри него стал формироваться «средний класс» – торгово-промышленный слой населения, способный катализировать отношения частной собственности. И результаты не замедлили сказаться.

За годы правления Екатерины II (1762–1796) число мануфактур выросло с 980-ти до 3200-ти, а экспорт продукции увеличился с 13-ти до 57-и млн. рублей. Рост промышленного производства преимущественно в Новороссии и Таврии обусловил строительство здесь городов и появление нового корпуса ойконимии,

связанной с греческими мотивами, приближающими царские и княжеские особы к идеалам Римской империи и эллинской культуры³⁹.

1770 г.: Александровск (совр. г. *Запорожье* – административный центр Запорожской обл.). Возведён по указу Екатерины II как *Александровская крепость* в цепи Днепровской оборонительной линии, защищающей Российскую империю от набегов татар (возможно, в честь генерал-фельдмаршала *Александра Голицына*), а затем как уездный город (1806). составе Екатеринославской губернии – значимый транзитный пункт *Лозово-Севастопольской железной дороги*, один из основных центров сельскохозяйственного машиностроения.

1778 г.: Херсон (от греч. *chersos* «твёрдая земля, берег»). Основан по указу Екатерины II от 18 июня 1778 г. Строительство начиналось с крепости *Александр-Шанц* и судовой верфи. Девятнадцатого октября 1778 г. был заложен сам город, названный Г.А. Потёмкиным в честь греческого *Херсонеса*, превратившимся в базу Черноморского флота, экономический и политический центр Новороссии.

1778 г.: Мариуполь (от др.-греч. *Μαριούπολις*). Построен по указу Екатерины II на месте бывшей крепости Кальмиус и прилегающей к ней слободе, названной г. Павловском (очевидно, в честь наследника престола Павла Петровича). Строительство начиналось с сооружения церкви Святой Марии Магдалины, которую заложил губернатор Азовской губернии *В.А. Чертков*. После переселения православных греков из Крыма в 1779 г. город получил название Мариуполь, который превратился во второй по значимости после Таганрога торговый порт России на Азовском море.

1780 г.: Пятигорск (от тюркск. Бештау «пятигорье»). Современный город-курорт с минеральными источниками в Ставропольском крае.

³⁹ У Екатерины II даже существовал на этот счёт план, которому так и не суждено было претвориться в жизнь: отвоевать Константинополь у Турции, образовать Восточную Византийскую империю и посадить на греческий трон внука Константина.

Возник в конце XVIII в. как крепость *Константиногорская* в цепи Азово-Моздокской укрепленной линии, сооруженной для защиты южных рубежей империи. Названа по имени внука государыни Константина. Со временем крепость превратилась в поселение Горячие воды, а затем в г. Пятигорск, ставший местом отдыха дворян.

1783 г.: Севастополь. «...Искусственное название, данное Г.Потёмкиным в 1783 г. городу в Крыму в память об античном городе *Σεβαστόπολις* = Диоскуриада в Колхиде (Птолем.) – от *σεβαστός* «славный» и *πόλις* «город»...» [96, 3 т., с. 588], которое закреплено указом Екатерины II от 10 февраля 1784 г.

Основан как база *Черноморского флота*. До 1783 г. – деревня Акъя от крымск.-тат. -ак «белый» и -яр «крутой берег, обрыв у моря». В период античности – греческая колония Херсонес.

1784 г.: Симферополь (греч. *Συμφερόπολις* от *συμφέρων* «полезный» и *πολις* «город»). Построен князем Г. Потёмкиным по указу Екатерины II от 8 октября 1802 г. на месте татарского поселения Ак-Мечеть («белая мечеть») как центр Таврической губернии: «Губернским городом сей губернии назначается Симферополь (Ак-Мечеть)». Современный административный центр Крыма.

1787 г.: Екатеринослав (совр. Днепропетровск // *Днепр*). Основан Екатериной II, которая 9 (20) мая 1787 г. заложила первый камень в строительство Преображенского собора. Планировался как «третья столица Российской империи». К началу XX в. – один из крупнейших городов в Новороссии. В 1926 г. переименован в Днепропетровск.

1789 г.: Николаев. Основан по указу Екатерины II как центр кораблестроения. Получил название по предложению графа Г.Потёмкина в честь взятия Очакова в день чудотворца Николая – покровителя моряков: «Фаберову дачу именовать Спасское, а Витовку-Богоявленское, нововозводимую верфь на

Ингуле – город Николаев». В этом же году именем «Святой Николай» назван первый построенный на николаевской судовой верфи 46-пушечный фрегат.

1792 г.: Екатеринодар (с 1920 г. *Краснодар* – административный центр Краснодарского края). Основан после того, как 30 июня 1792 г. Екатерина II выдала Жалованную грамоту Черноморскому казачьему войску на «дарение» земли, ограниченной Кубанью и Азовским морем. В 1793 г. здесь была возведена военная крепость, названная Екатеринодаром.

С 1860 г. – административный центр Кубанской области. Статус города получил в 1867 г. С введением в эксплуатацию в 70-80-х гг. XIX в. железной дороги Тихорецк – Екатеринодар – Новороссийск превратился в крупный торгово-транспортный центр Северного Кавказа.

1794 г.: Одесса – совр. административный центр Одесской обл. (от др.-греч. *Ὀδησσός* «одессос» – «дорога к морю»): «Город на Украине, основанный... в качестве торгового порта России на месте тур. крепости Хаджибей. Искусственное название в память античного *Ὀδησσός* (Страбон, Арриан), которое, однако, локализируют в окрестностях Варны» [96, 3 т., с.121]. Строился согласно рескрипту Екатерины II от 27 мая (7 июня) 1794 г. по проекту, разработанному голландским военным инженером François Sainte de Wollant (Франц Сент де Воллан), впоследствии русским генерал-лейтенантом Францем Павловичем де Волланом, который воплотил в нём принципы древнеримского градостроительства. Строился под руководством вице-адмирала *Дерибаса*, именем которого названа главная улица.

2. Реформа губернского управления 1775 г., согласно которой власть передавалась местному самоуправлению в лице его выборных представителей. «Жалованная грамота» 21 апреля 1785 г. юридически оформила их организацию как *Дворянское собрание* с введением должности уездного предводителя.

Вместе с получением властных полномочий в конкретном городе или уезде дворяне стали максимально привилегированным сословием, освобождённым от

налогов, имеющим исключительное право на владение землёй и крестьянами и получившим свободу в выборе сферы деятельности: занятиями торговлей, государственным управлением, промышленностью или своим поместьем.

Дворянин-помещик оказался главным представителем правительства в своём имении и уезде, не подотчётным губернским чиновникам: он единолично отвечал за набор рекрутов, за сбор налогов с крестьян, осуществлял наблюдение за общественным порядком и нравственностью, поощрял и наказывал.

«Золотой век» русского дворянства стал апогеем его могущества, но одновременно причиной разложения и упадка, породившего противоречия в природе этого понятия. Движение к укреплению дворянского сословия сочеталось с непоследовательностью и половинчатостью законотворчества, формирующего мысль о необходимости отмены крепостного права.

История ярких фактов, конфликтов и противоречий охватила более чем столетие и была связана с последним периодом жизни Екатерины II, правлением Павла I Петровича, Александра I Павловича и Николая I Павловича.

Правление Екатерины II (1773–1796)

– 1773–1775 гг: бунт крестьян под предводительством *Емельяна Пугачёва* против крепостного права и бесчинств помещиков, который был жестоко подавлен;

– 1775 г.: *Манифест об упразднении Запорожской Сечи*, ликвидации украинских слободских полков и образовании регулярных кирасирских полков;

– 1790: отправление в ссылку А.Н. Радищева (1790–1796) за публикацию антимонархического произведения «Путешествие из Петербурга в Москву».

Правление Павла I (1796–1801)

– 1797 г.: упразднение манифеста Петра I и обнародование нового «*Акта о престолонаследовании*», согласно которому трон переходил от отца к сыну, в случае отсутствия сыновей – к брату, а женщины на русском престоле могли появляться только в случае прерывания рода по мужской линии;

- 1798 г.: провозглашение себя главой православной церкви и одновременно магистром католического монашеского Ордена святого Иоанна Иерусалимского;
- 1799 г.: – разрыв дипломатических отношений с Францией после Великой Французской революции, запрещение книг французских просветителей;
- 1801 г.: дворцовый заговор и убийство самодержца.

Правление Александра I (1801–1825)

- 1810 г.: создание института военных поселений, сочетающих сельскохозяйственный труд и службу в армии;
- 1812 г.: победа русской армии и народного ополчения над Наполеоном в Отечественной войне, формирование у части дворян республиканских взглядов;
- 1815 г.: создание Священного союза России, Австрии, Пруссии и Франции, распавшегося после 1825 г.

Правление Николая I (1825–1855)

- 1825 г.: восстание и казнь декабристов;
- 1826 г.: запрещение деятельности масонских лож, формирование *III Отделения* «собственной его императорского величества канцелярии» для слежки и контроля за деятельностью общественных организаций;
- 1828 г.: принятие «*Устава о начальных и средних школах*», в котором утверждалась четырёхуровневая система образования: приходские училища – для низших сословий, уездные училища – для детей купцов, ремесленников и городских обывателей, гимназии – для детей дворян и чиновников;
- 1829 – 1855 гг.: открытие профессиональных высших учебных заведений: *Технологического, Горного и Лесного институтов и Строительного училища* в Петербурге, *Межевого и Главного педагогического институтов, Училища правоведения, Строгановского училища декоративного и прикладного искусства* в Москве, *Римско-католической духовной академии* в Вильне;

- 1832 г: учреждение «промежуточного сословия» почётных граждан, созданного с целью ограничить разрастание класса дворян при удовлетворении амбиций разночинной интеллигенции;
- 1833 г: утверждение гимна России *«Боже, Царя храни!»*;
- 1835 г.: создание *«Общего устава российских университетов»*, по которому здесь могли обучаться юноши из всех сословий, включая «вольных» крестьян, но при этом усиление власти попечителей округов и урезание автономии вузов;
- 1837 г.: пуск *Царскосельской железной дороги* с открытием вокзала – места великолепия, блеска и развлечений, где играл военный оркестр: по контракту в течение 11-ти летних сезонов им дирижировал сам Иоганн Штраус;
- 1853 г.: начало *Крымской войны* с Турцией;
- 1855–1856 гг.: бунты среди крестьян, сражавшихся в народном ополчении, за освобождение от крепостной зависимости.

Неудачи в Крымской войне стали своего рода катализатором заявленных ещё Екатериной II, но так и не реализованных демократических реформ. Главным их приоритетом, который определил Николай I в своём завещании сыну, стала отмена крепостного права и свобода предпринимательства с целью усиления технической оснащённости армии.

3.3.4. Онимно-правовая специфика русского пути к капитализму.

Парадокс этого пути состоял в том, что взойшедший на трон после смерти Николая I его старший сын Александр II (1855–1881), не способный по своей природе к реформаторским действиям, стал главным преобразователем России сродни Петру I.

Страна досталась ему не в лучшем состоянии: шла Крымская война; на Кавказе бушевал непрекращающийся ещё с 1817 г. военный конфликт России с

горцами за православную Грузию, подстрекаемый Турцией; разрасталось движение за освобождение крестьян от крепостничества. Но необычайно крепким оказался сформированный XIX веком гуманитарный сплав дворянской элиты с разночинной интеллигенцией, благодаря которому Александр II Николаевич смог войти в историю как «Освободитель, император Всероссийский, царь Польский и Финляндский». Предыдущая эпоха по количеству имён с мировым звучанием могла соперничать с любой из самых развитых онимосфер Европы:

– в литературе: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.И. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.А. Жуковский, А.А. Фет, И.А. Крылов, М.Ю. Лермонтов, Н.М. Языков, А.С. Грибоедов, С.Т. Аксаков, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Н.С. Лесков, А.Н. Островский, В. Белинский, Т.Г. Шевченко;

– в музыке: М.И. Глинка, А.А. Алябьев, А.Е. Варламов, А.Л. Гурилёв, А.С. Даргомыжский, А.Г. Рубинштейн, А.Н. Серов;

– в живописи, скульптуре и архитектуре: И.К. Айвазовский, К.П. Брюллов, А.Г. Венецианов, В.А. Тропинин, О.И. Бове, Д.И. Жилярди, К.И. Росси, К.А. Тон, П.К. Клодт;

– в науке и образовании: математик Н.И. Лобачевский, химики Д.И. Менделеев и Н.Н. Зинин, биолог К. Бер, историки С.М. Соловьёв, К.Д. Кавелин и Н.И. Костомаров.

– в политике и праве: дипломат А.М. Горчаков, правовед Б.Н. Чичерин, общественный деятель Т.Н. Грановский, профессиональные юристы Н.А. Будковский, С.И. Зарудный, К.П. Победоносцев, Д.А. Ровинский, Н.И. Стояновский;

– в медицине: Н.В. Склифосовский, С.П. Боткин.

Воспитанный известным поэтом того времени В.А. Жуковским на лучших образцах русской культуры, Александр II сразу же после коронации 26 августа (7 сентября) 1856 г. амнистировал декабристов, приостановил на 3 года рекрутские наборы, списал недоимки, ликвидировал военные поселения и начал

переговоры по завершении Крымской войны. Она была быстро остановлена по решению *Парижского конгресса*, правда, на невыгодных для России условиях: отказа от протектората над дунайскими княжествами и частью Южной Бессарабии, возвращению Турции города Каре в обмен на Севастополь и провозглашение Чёрного моря нейтральным. Англия, Франция, Швеция и Османская империя, на словах поддержавших Россию, на самом деле способствовали её международной изоляции.

Её разрушил гений дипломатии министр иностранных дел России А.М. Горчаков. Используя новую расстановку сил в Европе и поддержку Пруссии, депешей от 19 октября 1870 г. он уведомил великие державы о пересмотре 2-й статьи «Парижского трактата» о нейтральности Чёрного моря, что было закреплено решением Лондонской конвенции 1871 года.

Отныне Россия возвратила право держать на Чёрном море военный флот и влиять на всю политику в его акватории. Высочайшим указом от 17 (29) марта 1871 г. «...министру иностранных дел, государственному канцлеру князю Александру Михайловичу Горчакову пожалован, с нисходящим его потомством, титул светлости».

Этому предшествовало осуществление в России главного внутриполитического проекта – отмена крепостного права, о чём было провозглашено во всех церквях России 19 февраля 1861 г. в Прощёное воскресенье: «...Мы начали сие дело актом нашего доверия к российскому дворянству, к изведанной великими опытами преданности его престолу и готовности его к пожертвованиям на пользу Отечества. Самому дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположения о новом устройстве быта крестьян... И доверие наше оправдалось...

Призвав Бога в помощь, мы решились дать сему делу исполнительное движение.

В силу означенных новых положений, крепостные люди получают в своё время полные права свободных сельских обывателей.

Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадебную их оседлость и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред правительством, определённое в положениях количество полевой земли и других угодий.

Пользуясь сим поземельным наделом, крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков определённые в положениях повинности. В сём состоянии, которое есть переходное, крестьяне именуются временнообязанными.

Вместе с тем им даётся право выкупать усадебную их оседлость, а с согласия помещиков они могут приобретать в собственность полевые земли и другие угодья, отведённые им в постоянное пользование. С таковым приобретением в собственность определённого количества земли крестьяне освободятся от обязанностей к помещикам по выкупленной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян-собственников.

Особым положением о дворовых людях определяется для них переходное состояние, приспособленное к их занятиям и потребностям; по истечении двухлетнего срока от дня издания сего положения они получают полное освобождение и срочные льготы» (см.: «Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года»).

Но ожидаемого народного ликования не произошло. Реформа растягивала кардинальное решение вопроса на неопределённый срок и передавала его в руки дворян. Истинные работники на земле были устранены от обсуждения процедуры её владения.

Помещику он должен был оплатить выкуп за личное освобождение и усадебные и полевые земли, а государству — за предоставление правительственного кредита, рассрочка за погашение которого с выплатой

шестипроцентной ссуды растягивалась на 49 лет. Крестьянин перешёл из класса неимущего крепостного в класс свободного должника. Помещики продолжали владеть землёй де-факто.

Крестьянские волнения охватили всю страну, хотя со временем они всё больше затухали (к 1905 г. это привело к списанию долгов, после чего 80 % крестьян смогли выкупить свои наделы). Правительство от насилия над инакомыслящими всё чаще приступало к реализации проектов, сопутствующих реформе об отмене крепостного права.

1863 год:

– отмена телесных наказаний в армии, для женщин, духовных лиц и их детей, учителей народных училищ, окончивших уездные, земледельческие, средние и высшие учебные заведения, а также крестьян, занимающих выборные должности (кроме тех, кто наказан по суду).

1864 год:

– утверждение *«Положения о земских учреждениях»*, по которому власть на местах передавалась местному самоуправлению;

– проведение судебной реформы (авторы Н.А. Будковский, С.И. Зарудный, К.П. Победоносцев, Д.А. Ровинский, Н.И. Стояновский) с утверждением института адвокатов, прокуроров и присяжных заседателей (последние избирались из местных обывателей всех сословий);

– отмена рекрутского набора и введение всеобщей воинской повинности с сокращением срока службы до 6–7 лет в действующей армии и 3–9 лет в запасе;

– окончание Кавказской войны: вхождение в состав России Адыгеи, Абхазии, Чечни и Туркестана.

1865 год:

– отмена цензуры при издании книг и публицистики в Санкт-Петербурге и Москве.

Последовательное укрепление дворянства и их статуса в обществе привело к изменению принципов районирования территорий, их национальному составу и, соответственно, роли посёлков и городов, что «заставило» приближать их названия к их новым экономико-административным функциям в системе общественных отношений. Это были не переименования, а скорее, преобразования. По данным профессора Е.М. Пospelова, их в Российской империи было сорок два. С территорией Донбасса, например, было связано преобразование станицы *Александро-Грушевской* (совр. г. Шахты Ростовской обл.) в *Грушевское Горное поселение* (1867), а затем в город *Александровск-Грушевский* (1867); села *Подгорное* в *Седьмую роту* (военное поселение сербов), затем в город *Донецк* на реке Северский Донец (1784), а ещё позже – в *Славяносербск* (1817).

Таким образом, появившаяся в результате реформ личная свобода и свобода от крепостничества привела к появлению частных собственников и огромной армии безземельных и малоземельных крестьян, способных на неквалифицированный труд в новых городах и посёлках. Экономика страны получила огромный импульс для индустриального развития расширяющихся регионов России, вступившей на путь капитализации общественных отношений.

3.3.5. Онимосфера Донбасса как продукт освоения регионов. Ономастика как неотъемлемый атрибут объективно существующей истории и культуры (а не их субъективной интерпретации) находится на гребне любых политических, административных или имущественно-правовых изменений в обществе. Закономерность этого вывода не подлежит сомнению, но все сильнее осознаётся как парадокс, связанный с разрушением самой истории, культуры и права. Наиболее ярко он представлен на территориях с высоким индексом социальной напряженности, но глубже всего – в регионах с «молодым» онимным

фондом, сформированным многонациональной средой обитания коллективов, втянутых на новом витке структурно-формационных сдвигов в перипетии, иницилируемые более мощным языковым окружением. Судьба онимной истории Донбасса в этом смысле показательна.

Его региональная онимная культура стала складываться довольно поздно (приблизительно в XVI–XVIII вв.), однако это отнюдь не означает, что она характеризовалась неразвитостью своих форм или системной незавершенностью. Напротив, её стремительный взлёт в этот период был обеспечен предшествующей тысячелетней историей Дикого поля, впитавшего в себя номинативный потенциал кочевых цивилизаций, составляющих основу дописьменного этапа развития человечества.

Изначально Донецкий край – название природно-географическое, связанное с высокой концентрацией полезных ископаемых (прежде всего угля и металла) в пределах *Донецкого горного кряжа*, имеющего выход к морю и расположенного на пересечении древнего торгового пути между Востоком и Западом (так называемого *Великого Шёлкового пути*). Однако *Донецким кряжем* он назван только в 1827 г., после чего появляется хороним *Донецкий бассейн* и, наконец, усечённая форма *Донбасс* (автор этого термина – берг-инспектор Е.П. Ковалевский, употребивший его в статье «Опыт геогностических исследований в Донецком горном кряже», опубликованной в № 2 «Горного журнала») – т. е. бассейн реки Северский Донец, притока Дона, протекающего на юге Восточно-Европейской равнины.

Последовавший за этим мощный «пассионарный толчок», обусловивший высокую концентрацию промышленности и населения (не случайно параллельно с названием *Донбасс* в статистике долгое время употреблялся вариант *Донецкий горнопромышленный район*, плотность населения которого составлял 191 чел. на 1 кв. км.), привёл к формированию особого характера труда и быта, культуры и психологии.

Донбасс всё более приближался к понятию этнопсихологической общности, расширяясь до древних размытых границ Дикого поля, олицетворяющего степную вольницу и притягивающего к себе регионы и личности из разных народов и государств. Она образовалась исторически на основе инварианта русского национального языка⁴⁰ и была «зафиксирована» в сознании самоё себя и мирового сообщества не указами и не границами, очерченными политической картой, а «продуцированием» уникальной онимоосферы, прошедшей в своём становлении два взаимообусловленных этапа.

Предцивилизационный этап (50-е гг. XVII в.–к. XVIII в.) был связан преимущественно с устной стихией вхождения тюркских элементов в древнеславянский гидронимикон на территории неоконтуренного Дикого поля, постепенно сменяясь системностью тюркогрекославянского онимного диалога с Московским государством и его вступлением в предцивилизационный этап своего развития.

«Стихийность» кочевой цивилизации, имеющей тюркоязычные корни, отразилась первично в «славянской» гидронимии, представленной русскими формами *Самара* (приток Днепра от тюрк. *самар*- «мешок»), *Калка*, *Кальчик*, *Миус*, *Кальмиус*, *Северский Донец*, *Осерёд*, *Торец*, *Кривой Торец*, *Оскол*, *Крынка* или украинскими вариантами *Міюс* (*Миус*), *Кальміюс* (*Кальміюс*), *Сіверський Донець*, *Осеред*, *Торець*, *Кривий Торець* и т. п. Московская же государственность закрепила позже в русской и малоросской топонимии (*Святогорская обитель*, *Лиман*, *Изюмский шлях*, *крепость Тор*, *Городище* (небольшое огороженное укрепление), *Цареборисов*, *Соляной*, *Бахмутская слобода*, *Дружковка*,

⁴⁰Инвариант русского национального языка – это не национальный вариант русского языка (см.: В.Н. Рудяков [395]) и не региолект единого русского языка (см.: В.И. Теркулов [454]). Современный русский национальный язык (как потенциально и любой другой) перешагнул границы территорий и государств. Он не ограничен формой общения, но стал формировать культурно-психологическую общность у разных народов, территорий, стран и их языков. По образному выражению В.М. Шаклеина, он представляет этноязыковое видение мира как составляющую лингвокультурной ситуации (см.: [483]).

Алексеевская слобода, Андреевский сторожевой пост, Гродовка, Никитовка, Железное, Сонцовка (именования как предмет «творчества» монахов и казаков, развивающих здесь соляные промыслы), а затем и в других разрядах онимной лексики, пришедших из разных языков и естественным образом вписавшихся в новую онимную культуру. Она теперь связывалась с земледельческим и полупромышленным освоением края.

Во-первых, это отразилось в факте распространения русской и, шире, общеславянской традиций именования. Первично они стали складываться при появлении христианских имен, стихийно отражённых в названиях небольших поселений и фиксирующих никому не известных основателей, типа *Александровка, Васильевка, Татьяновка, Семеновка, Пантелеймоновка, Максимильяновка, Селидовка* (совр. г. Селидово) и т. п.

Такие формы отличались от известной ранее модели «гидронимизации» объектов (например, крепость *Бахмут* от реки *Бахмутка*), номинативной фиксации государственной и монастырской собственности (*Государев Байрак, Святогорская обитель, Никольское* от *Никольский храм*) или с использованием природной характеристики (*Соляной, Часов Яр*), а также с более поздними названиями, фиксирующими в именах и фамилиях вполне известных собственников: *Алексеевка* (с 1840 г. до 1867 г.) // *Алексеево-Леоново* (с 1867 г.) // *Чистяково* (до 1964 г.). В последнем случае в качестве «собственников» на территориях, свободных от крепостничества, могли выступать социальные коллективы, например, *Харцызск* (от «харцызы», «харцызяки», т. е. «разбойники-крестьяне, бежавшие от крепостничества»), *Чернухино* – поселение «черни», хотя их в конце концов признавали. Они так или иначе были связаны и с освоением края, и с его защитой от кочевников. Но это осуществлялось стихийно. Официально и планомерно такая роль отводилась государству:

– в 1635 г. Московская Русь начала строить на территории Дикого поля *Белгородскую оборонительную черту*, в результате чего уже к 1637 г. на карте появились новые крепости *Козлов, Тамбов, Орел, Осиновый Острог*;

– в 1686 г. территория нынешней Старобельщины начала заселяться казаками *Острожского слободского полка* – выходцами из Полтавщины и Черниговщины, которые основали станицы *Старобельск, Беловодск, Великоцк* и *Осиновое*, после чего сюда устремились беглые крепостные, получившие от царского правительства жалованную грамоту на поселение.

Таким образом, движение людских ресурсов из Правобережной Украины на территорию Слобожанщины и Донбасса после 50-х гг. XVII в. приобрело системность. Заинтересованная в колонизации и охране южных окраин Россия всячески поощряла переселенцев: им жаловались земли, свобода от крепостничества и право на самоуправление. Станицы постепенно преобразовывались в города и культурные центры.

Такова, например, историческая судьба у станицы *Гундоровской*, основанной в 1681 г., которая в декабре 1945 была преобразована в рабочий посёлок, в 1951 г. получила статус города районного подчинения в составе Каменского района Ростовской области, а в июне 1955 г. была переименована в город *Донецк* областного подчинения.⁴¹

Конечная нацеленность на созидательность привела к тому, что территорию современной Сумщины, Белгородщины и Харьковщины стали заселять казацкие полки еще во время Хмельницких походов 1648–1654 гг. Например, южная

⁴¹ Кажущаяся его омонимичность с Донецком в Донецкой области обманчива. В первом случае семантика связана с *рекой Донец*, а во втором – с административным центром *Донбасса*. Таким образом, это разные ойконимы, несмотря на одинаковые формы их звучания и написания. Такая же мнимая омонимичность у городов *Славянск* в Донбассе и в Краснодарском крае, хотя она наблюдается только в написании. Другими словами, это омографы, т. к. они звучат по-разному (*Славя́нск* и *Сла́вянск*), подчёркивая разность их онимосфер. В Донбассе название связано со *славянами*, а в России – со *славой*. В украинском языке поэтому их смысл передаётся разными онимоформами: *Слов'я́нськ* (Донецкая обл.), но *Сла́вянськ* (Краснодарский край).

граница *Изюмского слободского полка* достигла пределов Донбасса, где на месте острожка, заселённого в 1645 г. выходцами из Чугуева, была возведена крепость *Тор*, а потом в 1676 г. и город *Соляной* (совр. *Славянск*) для охраны солеваров на Торских озёрах. Несмотря на то, что город, находясь на пересечении Муравского и Изюмского шляхов, постоянно подвергался набегам татар, он, как и вся Южная Слобожанщина, заселялся все больше и больше.

Первым признаком славянского освоения края стала народная колонизация Донбасса, где зарождалась и крепла новая *Слободская Украина*. Русские служивые люди были при этом в тесном контакте с «аборигенами». Как первые, так и вторые находились под прямым управлением *Москвы*, не принимали участие в бурной и противоречивой политической истории *Гетманщины*, а поэтому их все больше интересовало хозяйственное освоение природных ресурсов (это была сначала рыба и соль), из-за чего первичная колонизация края проходила по двум направлениям: *Приазовье* и *Подонцовье*.

Вторым источником формирования онимной культуры стало казацкое движение. В XVI в. на берегах Азовского моря и в устье реки Кальмиус появились запорожцы для занятия рыбным промыслом, а в конце XVII в. донские казаки открыли на речке Бахмутке новые соляные источники. Сезонная добыча соли как стратегически важного продукта постепенно сменилась постоянной, поэтому в 1701 г. по приказу Петра I здесь возвели крепость и город *Бахмут* (в 1920 г. первый административный центр Донецкой области с названием *Артёмовск*).

Строительство Россией крепостей давало гарантию защиты территории от набегов крымских татар, но колониальная политика больно ударила по самостоятельности и вольнолюбивым амбициям казаков. Противоречивость интересов действующих лиц, влияющих на дальнейшую судьбу Дикого поля и Донбасса (Московского государства, Турции с татарским Крымом и казачьей верхушки), приводила поэтому не только к внешним конфликтам,

перерастающим в войны России с Турцией, но и внутренним – так называемым «донским либериям». Одной из таких «либерий» стало восстание «соляного» атамана *Кондратия Булавина* (с ним связана история села *Трехизбянка* Славяносербского района Луганской области) – первого исторического лица, олицетворяющего будущее онимосферы Донбасса, связанной с идеологией внутренней свободы и созидания (см.: [277, с. 35–36]. Она «ковалась» уже тогда: войны России с Турцией и конфликты Московского государства с казаками шли параллельно и продолжались вплоть до юридического установления южных границ России по *Белградскому* (1739), *Кючук-Кайнарджийскому* (1774), *Ясскому миру* с Турцией (1791) и упразднения Сечи манифестом императрицы Екатерины II в 1775 г. С этого момента руки у России были развязаны и Донбасс стал частью великого плана освоения края.

Для его воплощения в жизнь нужно было привлечь огромные людские ресурсы и, учитывая тысячелетиями формировавшуюся психологию свободы, проявившуюся в «феномене Булавина», даровать им привилегии для естественного взращивания собственной культуры на основе слияния различных культур. Россия такие привилегии предоставила, поэтому к началу 60-х гг. XVIII в. колонизация края шагнула далеко на юг, оставив в тылу *Белгородскую засечную черту*, и оборонительную *Украинскую линию*.

В-третьих, онимный фонд стал пополняться за счёт представителей южнославянской онимной культуры. В 1753 г. правительство России пригласило на военную службу *сербов, молдаван, волохов, словенцев, болгар, черногорцев и македонцев*, страдавших от притеснений католической Австрии и мусульманской Турции, передав им в «вечное пользование» земли между Луганью, Бахмуткой и Северским Донцом. В результате на карте Донбасса появились военные поселения *Штеровка, Петровеньки* (от фамилии *Петр Штерич*), *Сабовка* (от фамилии *Сабо*), *Депрерадовка* (от фамилии серба-офицера *Райко депрерадовича*), *Подгороднее, Суходол, Жёлтое, Вергунка, Каменный Брод*,

Ясиноватая, Селидовка, Землянки, Государев Байрак и ряд других, которые создали основу *Славяносербии* с центром в *Бахмуте*. Позже, в 1765 г., была образована *Слободско-Украинская губерния*, на территорию которой устремились запорожцы после упразднения Сечи. Часть из них основали здесь слободы *Дружковку, Алексеевку, Андреевку, Гродовку, Никитовку, Железное*.

На юге степной зоны после присоединения Приазовья к России по условиям *Кючук-Кайнарджийского мира* в 1775 г. была создана также *Азовская губерния*, которая включала в себя огромные пространства Левобережного Днепра: район старой пограничной линии, земли Запорожского войска, потерявшего свою автономию, и новые территории в Восточном и Южном Приазовье. С их освоением связана история переселения православных греков из мусульманского Крыма.

Четвёртым источником пополнения онимного фонда стали христиане, переселённые из Крымского ханства в Россию. Идея их вывода принадлежала командующему русской армией на юге генерал-фельдмаршалу П.А. Румянцеву-Задунайскому. Его поддержала Екатерина II, которая 9 марта 1778 г. обнародовала план переселения греков в *Азовскую* или *Новороссийскую губернии*, а губернатор В.А. Чертков решил построить для них уездный город *Павловск* в устье реки *Кальмиус*. Исполнителем этого плана был генералиссимус А.В. Суворов, а идейным вдохновителем из среды переселенцев стал митрополит *Готско-Кафайской епархии Игнатий*.

Восемнадцатого сентября 1778 г. вывод крымских христиан состоялся, в результате которого переселили: греков – 18300, армян – более 12000, грузин – 219, валахов – 161. По плану они должны были осесть «между реками Днепром, Самарою и Орелью», в обустроенном для этого городе «на привольном месте при большой реке» (Павловске?) и получить разрешение на свободную торговлю, ремесленничество, беспошлинное пользование «из рек рыбной ловлею и из лесов

дровами», на освобождение от всяких податей на десять лет и «навсегда от военных постоев и воинской службы».

Однако 21 мая 1779 г. Екатерина II подписала новый указ о принятии переселенцев в российское подданство и поселении их «...на берегу Азовского моря, с тем, что тамошнее изобильное рыболовство в дачах селения вашего всемилостивейше жалует вечно в пользу и выгоды всего общества без всяких в казну нашу податей». Это была одна из самых значительных привилегий, но они перечеркнули программу поселения греков «на привольном месте при большой реке» и усложнили отношения переселенцев с правительством. Митрополит Игнатий был вынужден встречаться с Г.А. Потёмкиным (наместником императрицы в южных губерниях России) и с самой Екатериной II. И только после взаимных уступок была достигнута договорённость о принятии новой территории к заселению.

Двадцать девятого сентября 1779 г. Г.А. Потёмкин подписал распоряжение «Об отводе вышедшим из Крыма грекам земли», совпавшей с территорией Павловского уезда. У жителей же *г. Павловска*, которым предписывалось покинуть город, за казённый счет было куплено 55 домов за довольно значительную по тем временам сумму – 2519 рублей 90 копеек. Определив границы территории, передаваемой грекам для заселения, и указав, что эти земли «...имеют составить Мариупольский уезд...», распоряжение закрепило за ними право временной территориальной автономии: «До минования десяти льготных лет никому других наций никаких земель на поселение домов и прочего не отводить и рыбными ловлями против дач тех греков на Азовском море, равно как и во всех реках сего уезда кроме их никому не пользоваться». Городу Павловску присваивалось название *Мариуполь*, а город *Мариенполь* на реке Волчьей получил название *Павлоград*. Екатерина II, судя по названию, стремилась связать территориальные присоединения на юге не только с возрождением традиций античности, но и с далеко идущими внешнеполитическими целями.

Так в 1780 г. на территории Мариупольского уезда появилось 20 новых основанных переселенцами сёл (19 из них основали греки, а в одном поселились грузины и валахи): *Бешев* (*Старобешев*), *Богатырь*, *Большая Каракуба* (*Раздольное*), *Игнатьевка* (совр. *Староигнатьевка* и *Новоигнатьевка*, которые были заселены потомками крымских грузин и волохами), *Камара* (*Комар*), *Карань* (совр. *Гранитное*, но станция *Карань*), *Керменчик* (*Старый Керменчик*, *Старомлиновка*), *Константинополь*, *Ласпи* (*Ласпа*, *Старая Ласпа*), *Малая Янисала* (*Янисоль*, *Куйбышево*), *Мангуш* (*Периотравневое* // *Мангуш*), *Мариуполь* (*Жданов* // *Мариуполь*), *Салгир Янисала* (*Великая Новосёлка*), *Сартана* (*Приморское* // *Сартана*), *Старый Крым*, *Стыла*, *Улакы* (*Улакы*), *Урзуф*, *Чердакли* (*Кременёвка*), *Чермалик* (*Заможное*), *Ялта*. Греки-переселенцы стали основателями династий, получивших новые формы «обрусевших» фамилий: *Агурицов*, *Алексеев*, *Анастасьев*, *Ангелин*, *Андреев*, *Антонов*, *Арбузов*, *Артемов*, *Асланов*, *Афендииков*, *Афенкин*, *Балабанов*, *Бегимов*, *Бирюш*, *Биятов*, *Булатов*, *Бурла*, *Бурлаев*, *Буруш*, *Вангельдин*, *Вангельдиев*, *Васильев*, *Голбеев*, *Данилов*, *Демиджиев*, *Джамбеков*, *Дмитриев*, *Иванов*, *Ильин*, *Кальянов*, *Караджаев*, *Качалов* (от кр.-татар. *Кочан* «кочерыжка»), *Кирадиев*, *Кириаков*, *Кирияев*, *Константинов*, *Коса*, *Куинджи* (от кр.-татар. *кхую* «колодец», «мастер по рытью колодцев»), *Кусты* (*Кустым* – «младший брат, подросток»; возможно, от имени *Костя*), *Ламбринов*, *Левтеров*, *Луизов*, *Лупин*, *Мангушев*, *Манжура*, *Михайлов*, *Николаев*, *Олмезов*, *Паниотов*, *Папаков*, *Папу* (*Попов*), *Папушев*, *Параскев*, *Пештиев*, *Разбеев*, *Саввин*, *Сандулов*, *Семёнов*, *Серафимов*, *Ставринов*, *Ставролов*, *Степанов*, *Татаров*, *Темирбеков*, *Темиркеев*, *Ткаченко*, *Тодоров*, *Тохтамиров*, *Тохтамышев*, *Тохтаров*, *Трифонов*, *Федоров*, *Ханахбеев*, *Хачинов*, *Чако*, *Чамбеков*, *Чебан*, *Черкезов*, *Чолпан*, *Чубарь*, *Юрьев*, *Яниев*, *Яшаров*.

В Мариуполь переселенцы прибыли 26 июля 1780 г., а поскольку к их прибытию все бывшие жители Павловска город покинули, греки стали считать себя его основателями. Тесное соседство народов, однако, после этого не

прекратилось, а выразилось во влиянии на топонимию не только новогреческого, кыпчакско-половецкого и русского, но и других языков.

В-пятых, в освоении края и пополнении онимного фонда стали участвовать немцы-меннониты (а также болгары, поляки, итальянцы и др.), поселившиеся в Приазовье по приглашению Екатерины II. Немецкие колонии возникли здесь сразу же после царского манифеста от 4 октября 1762 г., который отводил им земли в районе Каменных Могил. Центром колонистов стало село *Остхейм* (с 1935 г. – *Тельманово*). Кроме него, история сохранила такие топонимы немецкого происхождения как *Грюнталь* – теперь с. *Мичурино* Тельмановского района; *Ней-Ямбург* – совр. с. *Новокрасновка* Володарского р-на; *Рейнталь* – с. *Чистополь* Великоновоселковского р-на; *Эйхвальд* – с. *Святотроицкое*, а затем *Урицкое* Добропольского р-на; *Клейн-Орловка* – совр. с. *Мало-Орловка*; *Нью-Йорк* (названо выходцами из немецкого города *Йорка*, в 1951 г. и «переведено» как *Новгородское*), а также *Леонидовка*, *Екатериновка*, *Романовка*, *Алексеевка*, *Николаевка*, *Игнатьевка*, *Кондратьевка*, *Борисово* и *Николайполье* – немецкие сёла русского происхождения в районе *Дружковки* и *Клебан-Быка* (Бахмутский уезд) и т. п.

Край становился всё более многонациональным. Это отразилось во всей онимной культуре того времени, например, на традиции нумеровать топонимы, связанные с местом поселения немецких колонистов (*Гросленгер 63*) и воинских подразделений под командованием сербских полковников: *Первая Рота* (с. *Серебрянка*), *Вторая Рота* (с. *Луганское*), *Третья Рота* (с. *Верхнее*) и т. п. Позже традиция числового или языкового кода стала распространяться на гусарские (с. *Троицкое* Лисичанского р-на, раньше *Четырнадцатая Рота*), кирасирские (*Астраханский полк*; совр. с. *Новая Астрахань*) и другие полки, сформированные выходцами из с. *Полтавки* (*Новая Полтавка* Константиновского р-на), *Ахтырки* (с. *Новоахтырка* Новоайдарского р-на Луганской обл.) и т. п.

Теперь картина «дикой» степи изменилась кардинально. На карте можно было обнаружить уже не полуабстрактные контуры контролируемых тем или иным племенем территорий, а вполне конкретные, закреплённые правом административные единицы с наличием в них хуторов, селений, слобод, городов и сёл. С этого времени развитие края должно было пойти по традиционному для России пути – обособлению полупатриархальных хозяйств, занимающихся хлебопашеством и, учитывая специфику территории, рыболовством и скотоводством. На это были нацелены и многочисленные народы, прибывшие сюда в поисках лучшей жизни. Однако такое течение событий могло произойти где угодно, но не в Донбассе.

Во-первых, национальная замкнутость была непродолжительной: психология Степи не терпела обособленности по отношению к целым народам, а тем более к единичным поселениям в рамках единого государства.

Во-вторых, кроме традиционных занятий сельским хозяйством, скотоводством и рыбным промыслом, здесь всегда существовала потенциальная возможность коллективного труда на соляных приисках и кустарных помещичьих шахтах, что постоянно «подтачивало» патриархально-обособленную психологию и обеспечивало в будущем формирование новой промышленной культуры.

В-третьих, заселение края Россией было направлено не только на защиту южных рубежей от набегов крымских татар и не только для расширения территорий. Уже в то время речь шла о внутренних богатствах края – разработке полезных ископаемых и его промышленном освоении. Об этом, в частности, свидетельствуют экспедиции, изучающие геологические возможности Донецкого края еще в начале XVIII в.

Первыми «геологами» края условно можно было считать капитана *Семёна Чиркова* и управляющего солепромыслами *Никиту Вепрейского*, которые в 1721 г. обнаружили в районе крепости *Бахмут* каменный уголь и стали использовать его в солеварении.

Но более важной для будущего Донбасса оказалась деятельность государственной экспедиция *Григория Капустина*. В 1721 г. его направили для поисков полезных ископаемых на Дону. Используя свои знания и информацию местных жителей, Г. Капустин вскоре представил описание и образцы угольных пластов в Берг-коллегию, добытых им в районе рек *Грушевка*, *Атюхта* и *Кадамовка*.⁴²

Новому направлению исследований Донбасса способствовало также открытие Южного морского пути. В октябре 1792 г. командующий Черноморским флотом вице-адмирал Н.С. Мордвинов подал рапорт о проблеме производства артиллерийских орудий и боеприпасов для флота. В качестве выхода из создавшегося положения он предлагал построить новый оружейный завод на юге вблизи от базы Черноморского флота.

Вскоре соответствующее решение было принято, а место для его строительства поручено было подыскать английскому специалисту *Карлу Гаскойну*, находившемуся на службе у русского правительства. Летом 1794 г. он выезжает в Бахмутский и Донецкий уезды для осмотра месторождений руд и угля. Изучив бассейн Северского Донца и нижнее течение реки Лугань Гаскойн останавливает свой выбор на селении *Каменный Брод*. Здесь, в балке *Лисичьей* (позже она дала имя городу *Лисичанску*) предполагалось добывать и каменный уголь. Указом Екатерины II от 14 ноября 1795 г. «*Об устройении литейного завода в Донецком уезде при реке Лугани и об учреждении ломки найденного в этой*

⁴² Позже здесь появилось *Грушевское Горное поселение* (до 1867 г.), которое в 1881 г. было статуйровано как *г. Александровск-Грушевский*, а в 1921 г. было переименовано в *город Шахты* – центр Восточно-Донбасской агломерации. Второй город в Ростовской области по площади, третий по численности населения, четвёртый по объёму промышленного производства после Ростова-на-Дону, Таганрога и Новочеркасска. Население по состоянию на 2017 г. – 235 492 чел.

стране каменного угля» выбор Карла Гаскойна был закреплён, а дату начала его строительства стали считать днём рождения Донбасса...

Цивилизационный этап (к. XVIII в. – 1917 г.), главным результатом которого явилось естественное функционирование русскоязычной проприальной лексики в сочетании с сохранением многонациональной уникальности Донецкого региона. Он охватывал два периода:

1. Начальный период индустриализации (до отмены крепостного права в 1861 г.) с минимальным количеством объектов номинации:

– сёла вторичного заселения Приазовья греками: *Анадоль, Афины, Волноваха, Волонтеровка, Бугас, Новая Игнатьевка, Новая Каракуба, Новый Керменчик (Новомлиновка), Македоновка, Чембрек (Куйбышево), Новый Янисоль, Новый Комар, Малый Керменчик;*

– русские и украинские сёла и хутора: *Зайцево, Городище, Ёвсуг, Марковка, Софиевка, Чернухино, Марьевка, Данилоивановка, Щербиновский хутор, Камышевахы;*

– поселения переселенцев, появившихся в Донбассе во время греческой национально-освободительной революции 1821 – 1829 гг. и вписавшихся в русско-украинскую антропонимную культуру: *Ананиев, Афанасьев, Афенькин, Бичахчи, Бойцов, Борисов, Влахов, Гаврамыш, Джелали, Жижан, Золотарев, Зондако, Иванов, Кадоглу, Калмыков, Карани, Кизиров, Кукула, Ключников, Косапоглу, Кравченко, Курдови, Куртоглу, Ламбадит, Лико, Маврино, Мадин, Майтамал, Малич, Мангуш, Манет, Матроз, Моро, Мороз, Морозли, Номин, Олчоглу, Памбукоглу, Панасов, Папазоглу, Попондопуло, Пашпадура, Попович, Савелов, Самержи, Саркиц, Симичоглу, Ставрунов, Стефанопуло, Столика, Тасиц, Титаренко, Топуз, Трифонов, Трофимов, Тулумджиоглу, Тутунджи, Тутунжи, Узун, Фасулаки, Федосов, Феодосьев, Филатов, Филипов, Хаджинов, Хамуретов, Ханчапуло, Харабет (Карабет), Чабукчиоглу, Чалкак, Черкас, Чубарь, Шаимели, Шишман, Экзархо, Яйла.*

2. Интенсивный процесс промышленного развития (1861–1917 гг.), зафиксированный в ойконимах, хоронимах, урбанонимах, годонимах, агоронимах, дромонимах, хрононимах, эргонимах, микротопонимах, ставших основой для последующих именовании и переименований.

– уездных городов и уездов: *Бахмут* и *Бахмутский уезд*, позже *Артемовск*; *Мариуполь* и *Мариупольский уезд*, позже *Жданов*; *Славяносербск* и *Славяносербский уезд*, *Луганск* и *Луганский уезд*, позже *Ворошиловград*; *Соляное*, позже *Славянск* и *Славянский уезд*; *Юзовка Донецкого уезда*, позже *Сталино*, затем *Донецк Донецкой области*;

– городских посёлков, промышленных и слободских поселений: *Юзовка*, *Горловка*, *Макеевка*, *Краматорск*, *Иловайск*, *Басе*, *Алексеево-Орловка*, *Катык*, *Ольховчик*, *Енакиев*, *Ханженково*, *Докучаевск*;

– поветов, округов (*Старобельский повет*, *Купянский округ*, *Беловодский военно-коннозаводской округ*) и военных поселений (*Кременная*, *Новая Астрахань*, *Сватово*, *Нижняя Дуванка*, *Мостки*, *Шульгинка*, *Новопсков*, *Белолуцк*);

– железнодорожных станций: *Дебальцево*, *Попасная*, *Никитовка*, *Константиновка*, *Дружковка*, *Родаково*, *Карань*, *Еленовка*, *Михайло-Леонтьевская*;

– улиц и проспектов: *Итальянская*, *Готфрейская*, *Греческая* улицы в Мариуполе, *Английская* улица в пос. Луганского завода, *Первая – Четырнадцатая* линии в Юзовке по «английскому» образцу и т. п.;

– производственных предприятий, акционерных обществ и торговых фирм: *Луганский металлургический завод*, *Петровский* (совр. *Енакиевский*) завод, *Донецкий содовый завод*, *Донецкий стекольный завод* фирмы «*Веррери де Аманд*» в Сантуриновке, *Юзовский металлургический завод*, *Лисичанский рудник*, *Александровский рудник*, *Щербиновский рудник*, *Успенский рудник*; *Русское общество пароходства и торговли*; *Съезд горнопромышленников Юга России*;

Горное и промышленное общество; Русское общество коммерческого пароходства; Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства; Бельгийское общество по разработке угля; Русско-Бельгийское металлургическое общество «Любимов, Кокерилл, Сольве и К^о»; Русский Провиданс; Русско-Донецкое общество; иностранные фирмы Джербулини, Галлеано, Сангвинетти, Мерелло, де Мартино, Мембели, Видович, Ковачевич, Опоренович, Твинович, Фискович, Кавалотти, Драго Поповичей, Огнеупорные материалы и пластичные земли Сьель-де-Анден и Буфью (см.: Е.С. Отин [253]);

– малых рек (*Волноваха, Мокрая Волноваха, Кашлагач, Сухая Яла, Тарама, Крынка, Волчы Воды*), балок (*Балхи, Кунжи, Домаха*), урочищ (*Алха Тарама, Амал*) и курганов (*Акташ Оба, Аркды-та-Убайда, Саур-Могила*);

– железных дорог: *Донецкая каменноугольная, Курско-Харьково-Азовская, Константиновская*;

– банков: *Азово-Донской, Российско-Азиатский, Международный*;

– лесных плантаций (*Великоанадольская образцовая лесная плантация*) и парков, что связано с появлением основ экологической культуры.⁴³

Несмотря на разноязычность огромного количества появившихся в этот период имён и названий, все они в конце концов стали «донецкими», сгладив свою национальную принадлежность и вписавшись в русскую онимную систему. Например, крымские или древнегреческие варианты Ласпи, Ялта, Бахчисарай,

⁴³ В 1804 г. помещик Данилевский И.Я. засадил сосновым лесом более десяти тысяч десятин песков вдоль Северского Донца в имении Пришиб-Змиевского уезда, а основатель военных поселений граф Аракчеев А.А., приветствуя его начинания, ввел лесную повинность, приказав поселенцам рассаживать лес на свободных землях. Далее события разворачивались на плановой основе. В 1843 г. была учреждена Великоанадольская образцовая лесная плантация, а к 1846 г. здесь было разведено 11014 гектаров леса. Огромную роль в этом процессе сыграли лесовод В.Е. Графф (немец по происхождению) и русский учёный-почвовед В.В. Докучаев.

Демерджи, Гурзуф, Карань, Сартана превратились в *Урзуф, Малый Янисоль, Староласпа* (от первичного *Ласпи* «грязь»), *Старобешево* (первичное *Бешев* – в переводе *Пятихатки* от *беш-* «пять» и *-эв* «дом»), *Раздольное* (первичное *Каракуб*), *Великоанадольский лес* (первичное название поселка *Анадоль* означает *Анатолия*, т. е. «Малая Азия»), *Бабах Тарама* (в переводе «сурчиная балка»), *Македоновка* (от греческого имени *Македон*), *Старый Керменчик* (от греч. *кермен* «крепость»; совр. *Старомлиновка*), *Большой Янисоль* (от греч. *ени сала* «новое село»; совр. *Великоновоселка*) и т. п.

Внешним толчком для таких «интернациональных» преобразований стала индустриальная революция в Англии и победа России в русско-турецких войнах. Не менее существенными оказались и внутренние причины: отмена крепостного права и ликвидация Запорожской Сечи.

Эти два фактора гарантировали оседлость: Донбасс стал защищённым от нападений извне и обеспечил приток людских ресурсов из Европы и близлежащих регионов России, используемых для интенсивного освоения степного края.

Сначала здесь осуществлялась частная разработки угольных месторождений: по существующему с 1782 г. закону собственники земли являлись одновременно и собственниками недр. В Области Войска Донского «углем» поэтому занимались казаки, а на территории *Екатеринославской губернии* – помещики и государственные крестьяне из хуторов *Зайцево, Железный* и *Щербиновский* Бахмутского уезда (здесь угольные пласты выходили на поверхность).

Далее к этому процессу подключилось государство. Достаточно вспомнить *Луганский литейный завод*, предназначенный для производства артиллерийских орудий и боеприпасов для флота, и разработанные недалеко от него казённые рудники Горного ведомства на землях Войска Донского (*станция Екатеринославская* и село *Городище*).

Серьёзность намерений государства и частного бизнеса подтвердилась развитием межнациональной городской культуры, способной решать проблемы образования, медицины, отдыха, транспортного сообщения и т. п.

Донбасс рождал специфическую общность, в которой переплетались судьбы не только тюркоязычных, греческих, восточнославянских или южнославянских, но и западноевропейских культур.

Постоянное вливание в пульсирующий и меняющийся организм Степи новых людских ресурсов со своим жизненным укладом, психологией и философией постепенно сформировало уникальность онимосферы Донбасса. Из территории, впитывающей в себя разные модели сосуществования, он превратился в источник взращивания новых идей и неожиданных личностей, оказывающих все большее влияние на судьбы страны и региона.

Наиболее значимой из них стала фигура *Джона Юза*, благодаря которому период формирования промышленного Донбасса (1861 – 1917 г.г.) по праву можно назвать «юзовским».

Начало его жизненного пути в Донбассе положило учреждение в 1869 г. первой иностранной компании на Юге России – *«Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства»*. Англичанин, не имеющий русских корней, но используя придворный статус князя *Кочубея*, которого он сделал почётным президентом компании, быстро сориентировался в русской модели бизнеса.

Вначале было трудно. В местности, где он сумел учредить компанию, не было ни города, ни крупной промышленности, открытие завода сопровождалось аварией домны, а его производительность была крайне низкой (это объяснялось недостаточным качеством местной железной руды и ограничением производства рельсов тремястами пудами в год).

Интересы Джона Юза поэтому переплетаются с интересами другого действующего лица – *С.С. Полякова*, под руководством которого строилась

Курско-Харьковско-Азовская железная дороги (1868) и который мог придать начинаниям англичанина новый импульс. Железнодорожная индустрия требовала от С.С. Полякова обязательного сотрудничества с горной и металлургической промышленностью, которой нужен был уголь и чугун для производства рельсов.

Первую проблему «железнодорожный король» решил быстро. Используя организаторский талант предпринимателей *А.А. Ауэрбаха* («ртутный король»), *Н.С. Авдакова* (горный инженер), *Н.Ф. фон Дитмара* (Председатель совета Съезда горнопромышленников Юга России), он и его компаньоны (*помещики Иловайские* из рода донских казаков, братья *Рутченко* из рода сербских дворян, *П.А. Карпов* и *П.И. Губонин* (русские помещики) сумели создать шахтёрские коллективы буквально на пустом месте (особо выделялся, например, коллектив шахты «Кочегарка», построенной *П.Н. Горловым*, давшим название одноимённому городу).

Вторую – чугун и металл – можно было решить только путём отвода земли для строительства завода. И С.С. Поляков её решил: по указу правительства ему отвели для этих целей участок близ станции Никитовка. Однако, подпираемый конкурентами, он вскоре отказался от этой затеи. И тогда в сюжет незаконченной истории вступает Джон Юз.

В 1874 г. он покупает у С.С. Полякова право на учредительство Азовского металлургического завода, переходит на обслуживание своих предприятий криворожской рудой и становится крупнейшим металлургическим монополистом в регионе. В комплекс предприятий Новороссийского общества входят теперь не только металлургический завод и шахты, но и связавшая Юзовку с *Курско-Харьковско-Азовской магистралью* 85-верстная *Константиновская железная дорога*, втянувшая Кривбасс в сферу промышленных интересов Донбасса.

Именно это обстоятельство стало причиной расширения между ними сообщения. В 1875 г. состоялось открытие *Донецкой каменноугольной железной дороги* общей протяженностью 476 верст: в её строительстве принимает

участие и русский промышленник *С.И. Мамонтов*, который к 1879 г. ввёл в строй железнодорожные участки *Дебальцево – Попасная*, *Попасная – Краматорск*, *Дебальцево – Луганск* и *Попасная – Лисичанск*).

Весной 1881 г. началось строительство *Екатерининской железной дороги*, которая к началу 1902 г. стала одной из крупнейших в Российской империи (её протяженность составила 2166 верст).

В Донбасс хлынули инвестиции французского, бельгийского, немецкого и британского капиталов, с помощью которых было построено 17 металлургических и несколько машиностроительных предприятий: *Луганский завод Русского общества машиностроительных заводов Гартмана*; *Петровский* (совр. *Енакиевский*) *металлургический завод Русско-Бельгийского металлургического общества*; *Мариупольский металлургический завод Русско-Бельгийской компании «Русский Провиданс»* (1899); *Котельно-механический завод в городе Харцызске* (1897) и *Сталелитейный завод в городе Дружковке* (1898), построенные *Бельгийским анонимным обществом механического завода и Торецким сталелитейным и механическим анонимным обществом*.

Успешному продвижению бельгийского капитала способствовали донецкие предприниматели *Ф.Е. Енакиев*, *Б.Л. Яловецкий*, *А.К. Алчевский* и *И.И. Любимов* («*Русско-Бельгийское общество «Любимов, Сольве и К^о»*). Они ввели в строй *Донецкий содовый завод* в селе *Верхнем* (1890 г.), *шахту «К. Скальковский»* (1897), *Донецкий стекольный завод* в *Сантуриновке (Константиновке)*, фирму «*Веррери де Аманд*» и предприятия огнеупорной промышленности.

Для координации деятельности многочисленных предприятий в Донбассе была учреждена первая в Российской империи представительская организация – *Съезд горнопромышленников Юга России* (1874).

Ярким и неожиданным светом на донецком промышленном Олимпе засверкали заводские и шахтёрские посёлки, молниеносно меняющие традиционный быт и психологию целого края и развивающиеся столь быстрыми

темпами, что за ними уже не могли угнаться более старые города. *Юзовка* (Донецк), *Дмитриевка* (Макеевка), *Енакиево*, *Горловка*, *Дружковка*, *Константиновка*, *Харцызск*, пос. *Донецко-Юрьевского завода* (Алчевск), *Гришино* по численности населения и экономическому потенциалу начали превосходить уездные центры. Посёлки вокруг градообразующих предприятий стали основой рождения нового разряда собственных имён – урбанохоронимии⁴⁴, ставших основой будущего города-миллионника Донецка:

– *Боссе* – посёлок бывшего «Чугунолитейного и механического завода инженеров *Боссе* и *Геннефельда*», основанного в 1889 г. (совр. завод «Донецкгормаш»). Народное название в честь одного из основателей завода инженера *Эдуарда Теодора Боссе* (*Эдуарда Артуровича Боссе*);

– *Мандрыкино* – посёлок и железнодорожная станция в черте г. Донецка. Название происходит от фамилии *Мандрыка* – дворянского рода выходца из Запорожской Сечи *Андрея Мандрыки*. Посёлок на землях Донбасса основали его сыновья *Пантелеймон*, *Кирилл* и *Давид*. Железнодорожная станция названа при строительстве железной дороги на Мариуполь, которая проходила по землям *Мандрыкиных*. С их родом связано и название деревни *Авдотьино*, названной в честь матери *Данила Мандрыкина* в конце XVIII в.;

– *Рутченково* – современная железнодорожная станция и часть Кировского, Куйбышевского и Ленинского районов Донецка. Название связано с деятельностью *Рутченковского горнопромышленного Общества* в Брюсселе,

⁴⁴ Не различаясь количественными характеристиками микро-/макротопонимии или социально маркированными приметами эргонимии, посёлки в городах могут квалифицироваться исключительно как единицы **урбанохоронимии** (от лат. *urbanus* – «городской» и др.-греч. *ορος* – «межевой знак, граница, рубеж» + *ὄνομα* – «имя, название»), изучающей названия внутригородских пространственных объектов: как очерченных официально (названия районов и микрорайонов), так и условно эквивалентных им, но подвергшихся регионально мотивированной трактовке границ, усиленной коннотативной обработке и узуальному нормированию, одинаково воспринимаемому в любых диалектных, просторечных и межъязыковых вариантах [338. с. 39].

основателем которого выступил *Александр Александрович Рутченко*. Род берёт начало от ушедшего в отставку в 1817 г. и владевшего землёй с конца XVIII в. прапорщика *Алексея Кирилловича Рутченко*, который «дал жизнь» ещё и посёлкам *Масловка* (второе название *Екатериновка*) – от *Екатерины Алексеевны Маслянниковой*, урождённой *Рутченко*; *Нестеровка* от *Нестерова*, которому в качестве приданого от *Дарьи Алексеевны Рутченко* достались земля и шахты; *Смолянка*, принадлежащая *Любови Ивановне Смольяниновой* (в девичестве *Нестеровой*) по завещанию от её родной бабки *Дарьи Алексеевны Нестеровой* (дочери *Алексея Кирилловича Рутченко*). Их именем названы также *Рутченковский коксохимзавод Французского горнопромышленного общества* (дата основания 1898 г.) и *Рутченковский пивоваренный завод* (первоначальное название «Южно-Российский пивоваренный завод», открыт в 1879 г. сыном *Джона Юза Айвером*);

– *Рыковка* – часть современного Калининского района на левом берегу реки Кальмиус. Входила в состав посёлка *Рыковского рудника*, названного по фамилии казачьего офицера *П.П. Рыковского*, в 1880 г. получившего во владения угольные копи на землях Войска Донского;

– *Трудовские* – часть Петровского района. Как посёлок возник во второй половине XIX в. В 1873 г. по предложению *Александра Ауэрбаха* – управляющего Горного и Промышленного Общества на Юге России и с согласия владельца имения «Трудовое» дворянина Петра Карпова были пробиты первые шурфы будущих шахт Вознесенского рудника. В 1888 г. от станции Мандрыкино к нему были проложены первые железнодорожные подъездные пути.

В таких посёлках формировались условия для появления межнациональной по форме и социальной по сути культуры. Наиболее дальновидные инженеры *А.А. Ауэрбах*, *А.А. Свицин*, *В.И. Данчич* прививали рабочим культуру отдыха и спорта, отстаивали их право на образование, отдельное жильё и участие в коллективном управлении предприятием.

Юзовские мотивы созданной и закреплённой в сознании донбассовцев онимосферы зазвучали не только при анализе донецкого стиля управления промышленностью, но и в «гуманитарных» областях (см.: Райнер Л. [389]):

– спорте: футбольная команда *Юзовского спортивного общества*, родоначальница будущего «*Шахтёра*», на равных участвовала уже со Второго первенства Российской империи по футболу (1913) [159, с. 56–65];

– фольклоре, синтезирующем элементы традиционных для России «сельских» мотивов с «промышленными» картинами труда и быта (сказах, песнях, частушках, заговорах;

– архитектуре и «английской» традиции названий улиц в Донецке: *Первая линия*, *Вторая линия* и т. д. (они сегодня перенесены на название газеты и магазина «Первая линия»);

– русской (А.А. Блок, В.В. Вересаев, А.И. Куприн, А.С. Серафимович, К.Г. Паустовский, А.И. Куприн, В.В. Вересаев, А.А. Фадеев), украинской (С.Ф. Черкасенко, В.И. Соссюра) и греческой литератур (И. Джуха) [159; 276];

– торговых марках современного звучания («Юзбир», «Старый Юз», «Добрый Шубин», «Юзовская пивоварня», «Юзовские семячки»);

– в последующих переименованиях: *Юзовка*, например, не случайно получила свои «синонимические» варианты в форме *Троцкий* (легенда или правда? того времени), *Сталино* (первое лицо в государстве), *Донецк* (центр Донбасса), а *Первая линия* превратилась в улицу *Артёма* в честь первого руководителя Донецкой области и т. п.

На весь мир прозвучали имена русских, украинских и иностранных «донбассовцев»: металлурга М.К. Курако, учёного-геолога Л.И. Лутугина, профессора А.Ф. Мевуса, мореплавателя Г.Я. Седова; деятелей образования, культуры, науки, музыки, литературы и искусства К.Д. Алчевской, В.М. Гаршина, В.И. Даля, Н.А. Корфа, А.И. Куинджи, А.И. Мерцалова, А.А. Ханжёнкова, В.И. Немировича-Данченко, С.С. Прокофьева и др.

При этом, обладая собственной спецификой, они не обособились, но и не стали диалектной частью одной из этих культур, а превратились в инвариантное явление русского национального языка с донецким колоритом общей проприальной культуры, требующей своего отдельного изучения.

Выводы к третьей главе

Номинации, рождённые устноречевой стихией доисторического этапа, не могли приобрести статус официально закреплённых имён собственных, поскольку не являлись средством универсального выделения единичных объектов из массы однотипных. Огромная вариативность протоимён, изменяющихся во времени и пространстве, в сочетании с точечной ситуативностью и непостоянством средств их закрепления в материальных символах (наскальная живопись, узелковое письмо, глаголица), не охватывала массовое сознание и не являлась письменной речью в строгом смысле этого слова. Ни одна из таких форм не способна была сплотить народы на их пути к государственности в её современном понимании.

Объекты номинации приобрели своё материальное воплощение в именах собственных лишь на письменном этапе развития человечества. Только письменная речь могла зафиксировать проприально-языковой код, одинаково понимаемой всеми представителями конкретного национального сообщества. Онимный фонд России прошёл в этом смысле уникальный путь своего становления.

1. Крещение Руси (988 г.), позволившее объединить массу славянских и других народов православной верой и сохранить её, несмотря на перипетии княжеских усобиц и ордынского нашествия. Связующим звеном этого единства

стала кирилличная азбука как основа понятного для всех церковнославянского языка. Именно он способствовал формированию духовного сознания, сопряжённого с канонизацией имянаречения на базе христианского именослова – «правовой» процедуры государственного масштаба, процесс внедрения которой занял несколько столетий.

2. Развитие феодального права, воплощённого в светской процедуре имянаречения. Первым «гражданско-правовым» документом стал в этом смысле *Устав Ярослава Владимировича*, переросший затем в *Русскую правду* (XI в.). Появление в ней статей гражданского, уголовного, торгового, процессуального и наследственного права, повлекли за собой формирование специфических подходов к онимной лексике и системе личного именования, в частности.

В эту систему включались дарованные царём титулы для всех без исключения групп дворян и княжеских или боярских сословий по их отношению к наследственному праву и фамильному роду:

– группа княжеских имён, отличавшихся двусоставностью (*Изяслав, Будимир*), иноязычностью (*Глеб, Игорь*), наличием патронимов (*Игорь Святославович*) и указанием на территорию княжения (*Киевский, Черниговский, Московский*);

– группа боярских фамилий, от которых, в частности, произошёл род *Романовых*, родоначальником которого были жившие в XIV в. *Андрей Иванович Кобыла* и *Фёдор Андреевич Кошка Кобылин*;

– группа дворянских семей, которые получали поместье с фамилиями от названий территорий (*Архангельские, Ухтомские, Шуйские, Суздальские, Белозерские, Ростовские*) и др.;

– группа фамилий граждан свободного населения из смердов-общинников и жителей городов, имущество которых могло завещаться детям: *Путило Григорьев*, дияк; *Васильев Пётр*, священник; *Волохов Игнатий Андреевич*, стряпчий московский; *Образцов Плишка*, слуга и т. п.;

– «бесфамильная» группа, у которой не было собственности вообще.

3. Становление Российской империи в XVII–XIX вв., которое сопровождалось переходом СИ в новое качественное состояние при социальных изменениях государственного масштаба:

А. Реформирований России Петром I: строительство городов-крепостей и городов-предприятий; создание регулярной армии и флота, требующее приписки солдат и матросов к определённым полкам (*Преображенскому, Семёновскому, Лефортовскому*), флотилиям (*Азовской, Балтийской*) и кораблям («*Полтава*», «*Рига*»); переход от церковной модели обучения к светской; преобразование кустарного ремесленничества в казённые промыслы, заводы и мануфактуры; провозглашение империи; паспортизация и введение «Табеля о рангах».

Б. Укрепление русского дворянства Екатериной II, Павлом I, Александром I и Николаем I с помощью ряда законодательных актов, которые привели к расцвету городов, предприятий, новых гражданских институтов и соответствующих разрядов собственных имён: *Губернской реформы 1775 г.*, согласно которой власть на местах передавалась в руки представителей дворянства, *Жалованной грамоте*, освободившей их от службы и т. п.

4. Инициирование русского пути к капитализму (1861–1917 гг.), которое привело к осуществлению в России главного внутривнутриполитического проекта: отмене крепостного права и развитию таких расширяющихся регионов, как Донбасс. В него хлынули инвестиции французского, бельгийского, немецкого и британского капиталов, с помощью которых было построено 17 металлургических и несколько машиностроительных предприятий, обустроивались шахтёрские посёлки, меняющие традиционный быт и психологию края, формировались условия для развития межнациональной по форме и социальной по сути культуры.

Глава 4

ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ ОНИМНОГО СОЗНАНИЯ

К началу XX в. в России были созданы все условия для формирования основных пластов онимной лексики и подходов к нормам, которые не зависели отныне от вольного отношения к ним номинаторов. Вариативность, возможная в живом общении, уже не могла отражаться в гражданско-правовых документах: паспорте, «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи»,⁴⁵ справочнике «Городские поселения Российской империи (1708–1913 гг.)»,⁴⁶ переписях населения, которые стали регулярными, постоянно пополняясь новыми сведениями, и т. п. [58; 89].

Устные онимные формы, являющиеся по факту употребления языческими, приобрели для большинства вторичный характер. Их, кроме канонизированных княжеских имён, стало невозможно фиксировать в акте имянаречения, который

⁴⁵ Свод гербов дворянских родов был учреждён манифестом императора Павла I от 20 (31) января 1797 г., в котором указано:

«1. Все **гербы**, в гербовник внесённые, оставить навсегда не переменными так, чтобы без особенного нашего, или преемников наших повеления, ничто ни под каким видом из оных не исключалось и вновь в оные не было ничего прибавляемо.

2. Каждому дворянину того рода, коего герб находится в гербовнике... выдавать на пергаменте за скрепою точные копии с герба оного рода и с описания при том находящегося.

3. В случаях, в коих нужда будет кому-либо доказывать дворянское своей семьи достоинство, принимать вернейшим доказательством онаго сей составленный по повелению нашему общий дворянских родов гербовник, который и хранить в нашем Сенате».

К 1917 г. гербовник насчитывал двадцать томов, в которые были включены 3066 родов и несколько личных гербов.

⁴⁶ В справочнике представлены сведения о 2626 городах, местечках, посадах, крепостях и заводах с указанием их статуса и административно-территориальной принадлежности по состоянию на 1708, 1719, 1745, 1766, 1785 (для западных губерний – 1795), 1860–1865 и 1913 гг.

курировала отныне церковь, совершающая таинство крещения с опорой на Святцы.

Топонимия созданных человеком объектов тоже стала формироваться не спонтанно. Она регулировалась императорскими указами и связывалась с именами первопроходцев, а чаще – с собственниками имений, мануфактур, фабрик или заводов.

Об онимных нормах речь шла поэтому только тогда, когда она сталкивалась с неконтролируемым проникновением в русскую культуру, политику и делопроизводство иноязычной онимной лексики в условиях расширяющихся контактов имперской России с Европой и миром.

Их кодификация приобрела особый резонанс, о чём, цитируя И. Рыльского, однозначно заявил Я.К. Грот: «Географические учебники, по большей части переделываемые с немецких, наполнены искажениями имён городов и местечек славянских; если бы хоть в скобках ставили настоящее имя, как оно произносится там славянскими туземцами, например, *Лемберг* (*Львов*), *Аграм* (*Загреб*), *Эсек* (*Осек*) и т. д., но и того нет! Славянский мир, начинающий занимать любопытство всей Европы, остаётся совершенно неизвестным нашему юношеству, поучающемуся из учебных книжек всякого рода ошибкам историческим и географическим» [173, с. 619].

Его озабоченность была услышана: нормы передачи иноязычных собственных имён подверглись скрупулёзному описанию, о чём свидетельствует огромное количество появляющихся на каждом из витков развития русского языка соответствующих пособий, словарей и справочников [1; 3; 25; 30; 31; 38; 44; 47; 48; 72; 83; 84; 86; 90; 91; 93–97; 99; 411; 463].

Тем не менее проблема нормативности странным образом обострилась на советском и постсоветском пространствах, где «вольное» обращение с родной, близкородственной и контактной проприальными культурами достигло размеров социальных потрясений. Любой революционно-идеологический всплеск

сопровождalся массовыми переименованиями, дилетантской трактовкой онимных смыслов и «созначений» и настойчивыми попытками новых номинаторов искоренить «варварское», «имперское» или «советское» сознание.

* * *

4.1. История мотивированной ономастики

4.1.1. Истоки идеологизации онимного пространства. Черты мотивированности русская ономастика стала приобретать сразу же после принятия христианства и появления церковнославянского языка. Одинаково трактуемая каноничность именослова свидетельствовала о появлении особой проприальной культуры как акта необходимого выделения предметов и явлений осмысленной реальности из вариативности языческого сознания. Процесс имянаречения в России и мире постепенно связывался с внешней процедурой, контролирующей принадлежность собственника к той или иной монорелигии. В её основе лежали духовные каноны, изложенные в священных книгах любой из мировых религий:

- христианстве – *Библия*;
- исламе – *Коран*;
- буддизме – *Трипитака*;
- иудаизме – *Танах*;
- индуизме – *Веды*;
- конфуцианстве – *У-Цзин*;
- даосизме – *Дао-цзан* и *Чуан-Цзы*.

В православии это относилось не только к личным именам, типа *Пётр*, *Николай*, *Павел*, *Елизавета*, *Екатерина*, *Борис*, *Глеб*, но и к ойконимии. В названиях *Санкт-Петербург*, *Николаев*, *Павловск*, *Елисаветград*, *Екатеринбург*, *Екатеринослав*, *Борисоглебск* фиксировались чаще всего не царствующие особы, а именник соответствующих святых, благодаря которому объекты приобретали духовного покровителя.

В этом состояло их принципиальное отличие от апеллятивов и прозвищных имён у язычников. Имена в новой ипостаси стали обладать повышенной нормативной устойчивостью, что приближало их к статусу официальных. Однако в этом безусловно положительном факте существовало и скрытое противоречие, связанное с диктатом церкви и волей самодержавца относительно самого процесса имянаречения, из которого оказались вычеркнутыми владельцы имён.

Оппозиционность к новой процедуре ономотворчества на Руси можно было расценивать как логичную реакцию на переформатирование сознания восточнославянских племён, направленных на христианские ценности и заменивших в Российской империи языческий именослов.

«Имперская практика внедрения идеологической топонимии в России на присваиваемых территориях началась ещё с конца XVIII в., с колонизацией Новороссии и образованием новых городов в период правления Екатерины II. Однако действительно прослеживаемую политику в данном вопросе на всей территории Российской империи мы можем наблюдать со второй половины XIX века» [180, с. 155]. Такого рода «мотивированность» готовила почву для использования православия как основы для внедрения в психологию русской общности идей патриотизма и государственности.

С элементами идеологизации ономастика впервые столкнулась при попытке внешне инициируемого изменения названия *Санкт-Петербург*, ставшего частью антинемецкой кампании во время Первой мировой войны. Это был акт предупреждающих массовых потрясений, уже не всегда зависящих от воли

императора. Они сопровождались разгромом германского посольства, исключением произведений Вагнера из репертуара Мариинского театра, закрытием немецких газет и даже практикой смены немецких фамилий на «русские»: *Ирмана* – на *Ирманова*, *Гурлянда* – на *Гурьева*, *Штюмера* – на *Панина* или *Киндера* на *Шкиндера*.

Апофеозом подобного «патриотизма» стала просьба чехов (?), проживающих в Санкт-Петербурге, переименовать его в *Петроград*, которая и была «удовлетворена» указом Николая II от 31 августа 1914 г. (считается, что «автором» этого «проекта» стал министр землеустройства и земледелия Александр Кривошеин).

Именно в это время была сформулирована теория «официальной народности» («православие», «самодержавие», «народность»), предложенная министром просвещения графом С.С. Уваровым и одобренная императором Николаем I.

С них ведут начало социальные преобразования, сопровождающиеся переименованиями на «русской почве». Россия вступила в ещё не осмысленный теоретически, но осознанный практически постисторический (постцивилизационный) этап своего существования,⁴⁷ связанный с социальными трансформациями и революциями.

⁴⁷Он «...предполагает наличие альтернативы: либо экологическая катастрофа планетарного масштаба, либо полная перестройка философской основы взаимоотношений Природы и Человека» [248, с. 37]. Для онимосферы как части языковой системы, оберегающей их единство, основой для гармонии должен стать не вызревший до конца в сознании человеческого сообщества закон об ономатете, способный изменить разрушительную альтернативу постцивилизационного этапа на однозначно трактуемую доктрину социально-правового осмысления сущности собственного имени.

4.2. Этапы идеологических трансформаций онимной лексики

Считается, что методы формирования русского именослова в революционную эпоху продолжали устоявшуюся традицию. Она свидетельствовала якобы об «определённой преемственности имперской и советской топонимической политики, поскольку её осуществление производилось в схожих условиях, на тех же территориях, а также с одинаковыми целями» [180, с. 155]. Однако согласиться с таким мнением можно лишь отчасти.

4.2.1. Социалистическая революция и онимная политика.

Принципиальное отличие перестройки онимного фонда в имперской России от переименований после революции 1917 г. состояло в том, что революция сопровождалась ломкой всей предыдущей государственно-политической системы и её моделей именования. Онимная политика осуществлялась отныне на идеологической платформе, формирующейся советско-партийной номенклатурой, связанной с общественной собственностью на средства производства и классовым подходом к оценке исторических фактов и явлений.

Следуя логике социалистического строительства, власть над процессом именования была передана местным советам, которые обязаны были исповедывать стратегию нетерпимости к церкви, царю, дворянской элите и собственнику вообще. Такую линию нового государства подчёркивал «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятый 20 января (2 февраля) 1918 г. [28, с. 373–374], провозгласивший отделение церкви от государства, школы от церкви и устранявший религию из светской жизни вообще, разрывая связь между правовыми актами и религиозными обрядами.

Задекларированная «свобода» в имянаречении формировала чувство вседозволенности, разрушающей устоявшуюся духовную культуру и сопровождавшейся переименованиями, которые на самом деле уничтожали объекты традиционной онимосферы. Обряд крещения перестал быть юридическим актом: право именования перешло родителям, а право регистрации – загсам, слабо подготовленным к такой «исторической» миссии.

Казавшаяся демократической, но стихийная в своей основе процедура именования до конца разрывала связь с русскими крестильными корнями. Отныне именем могло стать любое слово, что при несформированной культуре именования превращало его в идеологическую мантру, оперирующую отнюдь не демократической непримиримостью к традиционной антропонимике. Русские имена оказались в известном смысле скомпрометированными: к ним формировалось отношение как к «старорежимным», «мещанским» и «пошлым». К этому призывала также атеистическая пропаганда, осуждавшая тех, кто придерживался традиции крещения новорождённых. В 1924 г. возникло даже общественное движение «За новые имена», в результате чего *Матрёны, Фёклы, Акулины, Степаны, Иваны и Никиты* ушли в прошлое, а *Галины, Валентины, Владимиры и Николаи* заполнили советское онимное пространство. Обеднённая православная культура стала быстро заполняться «обновлёнными» онимоформами:

а) пришедшими из других проприальных культур: *Жанна, Лейла, Альберт, Руслан, Стас, Элеонора, Эдуард*;

б) «возвращёнными» из языческого прошлого: *Станислав, Радомир, Рада, Маргарита*;

в) созданными фантазией советского человека:

– *Комбайн, Ампер, Магнита, Дрезина* (от технических терминов);

– *Радий, Ванадий, Лазурита* (от химических элементов и минералов);

– *Берёза, Георгина, Лилия* (от названий растений и цветов);

- *Революта, Сталий, Правдина, Красномира, Февралин, Майслав* (от нарицательных имён путём искусственной аббревиации);
- *Минора, Горн, Ли́ра* (от музыкальных терминов);
- *Дели, Ангара, Колхида, Гималай, Эдисон, Маркса, Марат* (образованных методом трансонимизации);
- *Даздраперма, Сталина, Виль, Нинель, Оттошминальд, Ким, Люция, Агит, Дами́р, Мэлс, Энгелина* (полученных от прецедентных имён и понятий).

Они «...своей необычностью бросались в глаза, это-то и принимали за главную перемену в именнике. А на самом деле, они были поверхностны и несущественны для основных глубинных процессов, неброских и малозаметных тогда, зато подлинно массовых, которые не ломали прежнего списка имён, но перестраивали самую толщу именника» [362, с. 68].

Впрочем, несмотря на то, что мода на экзотичные имена к 30-м гг. XX в. стала затухать, она продолжала выполнять свою идеологическую роль в других разрядах онимной лексики.

Так, с 1918 г. внешне постулируемая «свобода выбора» в сочетании с жёстким классовым подходом к требованиям советского ономастикона, вынуждала граждан «по собственной инициативе» отказываться от фамилий и отчеств, связанных с «неудобным» происхождением.

При упрощённой юридической процедуре они стали с лёгкостью заменяться онимоформами, не признающими национально-диалектные, конфессиональные или сословные различия. Стимулировал этот процесс Декрет от 11 (24) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», в котором упразднялись все существовавшие «...сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения», а также чины и титулы: «Всякие звания уничтожаются... и устанавливается одно общее для всего населения России наименование – граждан Российской Республики» [28, с. 72].

Православная модель имянаречения была перенесена в светскую плоскость и «доверена» семье, но под обязательным контролем государства, которое всячески поощряло появление имён-символов, соответствующих «духу» новой эпохи и опирающихся на правительственный Декрет 1918 г. «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища» [28, с. 520–521]. Его суть сводилась к пропаганде теории классовой борьбы, предполагающей деление граждан государства на два разряда: класс пролетариев и отживший класс бывших эксплуататоров.

Исходя из этой теории, паспорт с указанием национальности, сословия и места проживания упразднялся. Вместо него рабочему классу выдавались трудовые книжки, а бывшей буржуазии – временные трудовые свидетельства с преамбулой «Кто не работает, да не ест. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», которые предполагали введение для последних трудовой повинности с фиксацией порученной работы и ежемесячной отметкой о её выполнении.

Естественно, что имена, типа *Абдалла*, *Абдурахман* от араб. *абд* «раб», фамилии и их «национальные распространители», напоминающие о церковном, нерусском или старорежимном происхождении (*Архангельский*, *Архиереев*, *Воздвиженский*; *Саркисян*, *Мамед Салим-оглы*, *Хамидан Ислам Жандармов*; *Офицеров*, *Кучеров*, *Кулаков*, *Генералов*, *Оболенский*), «добровольно» подвергались замене:

- на имена, типа *Юлдаш* («товарищ») или *Рустам*, *Искандер*;
- на фамилии, типа *Слюсарев*, *Комбайнов*, *Майский*, *Комиссаров*, *Борцов*, *Октябрьский*;
- на русские модели отчеств и фамилий, типа *Мамед Салимович*, *Ислам Халидович*, *Саркисов* и т. п.

На основе коммунистической идеологии подверглась пересмотру и топонимическая система. В словаре Е.М. Поспелова [65], например, «...учтено около 2500 наименований городов, посёлков сёл, улиц и других объектов

бывшего СССР, которые с 1917 г. хотя бы однажды подвергались переименованиям» [180, с.154], но и это далеко не полный их перечень.

В роли своеобразных номинаторов, заменивших Бога-ономатета и его земных «представителей», стали выступать государственные институты, что не изменило прежнюю процедуру утверждения названий. Она пересматривала их состав и структуру, но, как и раньше, опиралась на внешние рычаги воздействия, с той лишь разницей, что на этот раз в процесс «имятворчества» включилась идеология, принципиально изменившая онимную культуру государства.

Больше всего от этого пострадала бывшая Новороссия, оказавшаяся в составе новой административной единицы – *Донецкой губернии*.

4.2.2. Революционность онимной истории Донбасса. Отсчёт истории Донецкого края начинают, как правило, с XVIII века. При этом ссылаются на подписанный в декабре 1722 г. Петровский указ об использовании каменного угля для выработки соли или на указ Екатерины II от 14 ноября 1795 г. о строительстве в Донбассе литейного завода и шахты. Фиксируют и более раннюю дату рождения (1590–1600-е гг.), связанную с появлением промыслов по добыче соли.

Само название возникает, однако, только 1 августа 1827 г. Именно тогда обширная территория Юга России впервые была названа *Донецким горным кряжем*, затем *Донецким бассейном*, *Донецким горнопромышленным районом* и, наконец, *Донбассом*.

Похожим был и «грамматический» путь, пройденный названием *Кривбасс*: *Криворожский рудный бассейн*, *Криворожский рудный район* и уже потом *Кривбасс*. Это совпадение было не случайным:

– во-первых, и тот, и другой бассейны связаны с территорией залегания полезных ископаемых, необходимых друг другу для успешной работы металлургического комплекса;

– во-вторых, потому что освоение рудного края началось позднее и было «обязано» своим рождением» строительству в 1884 г. железной дороги, соединяющей Кривбасс с Донбассом.

Но были и более серьёзные отличия, связанные с их онимной известностью.

Месторождения рудного Кривбасса вытянуты в виде узкой полосы протяжённостью более ста и шириной более шести километров в районе *Кривого Рога*. Его северным продолжением является *Кременчугская магнитная аномалия*, которая охватывает только территорию Украины (часть *Днепропетровской, Полтавской, Кировоградской и Запорожской областей*), объединённую в железорудный агломерат – *Большой Кривой Рог*.

В отличие от Кривбасса угольный Донбасс не вписывался в границы отдельного государства, что наложило отпечаток на психологию и культуру этого края. Он исторически складывался не только из *Донецкой и Луганской областей* (Малый Донбасс), но и *Днепропетровской, Ростовской области* (Большой Донбасс), а также *Белгородской, Запорожской, Курской, Сумской и Харьковской областей* Украины и России (*Пограничный Донбасс*) [275, с. 16– 22]. Донбасс стал постепенно ассоциироваться с неоконтуренным, но психологически осмысленным районом заселения бывшего Дикого поля вполне конкретной многонациональной общностью. Об этом, в частности, свидетельствует разница в значении словосочетаний *на Донбассе* (т. е. на территории угольного бассейна), но *в Донбассе* (т. е. отдельно осмысленной национально-территориальной единице). Таких смыслов для Кривбасса не зарегистрировано.

Главным для самобытности края стала не территория, а культура населяющих его народов. Истории Донбасса предшествовала уникальная история Степи, тысячелетиями формировавшей не географическое или промышленно-индустриальное понятие «Донбасс», а этнопсихологическое представление о его людях, связанное с типом их мышления, способом жизнеутверждения и жизнедеятельности. Последнее оказалось определяющим, поскольку пережило

физические возможности Донецкого края и обеспечила ему стратегию развития, связанную с идеей культурного взаимообогащения населяющих его народов.

Поиск этого пути начался ещё с истории борьбы «соляного» атамана *Кондратия Булавина* за самостоятельное промышленное освоение края и казацкую вольницу, отдельную как от подчинения старшинам Сечи, так и от чиновничьей диктатуры крепостнической России (1707–1708).

Но особого размаха движение за статус Донбасса достигло в постреволюционный период, о чём свидетельствует последовательное переподчинение этой территории разным собственникам и максимальное количество удачных и неудачных именовании и переименований:

1. Декабрь 1917 г., г. Харьков: III областная партийная конференция *Донецко-Криворожского бассейна*, провозгласившая курс на укрепление Советской власти [4, с.138].

2. Одиннадцатого–двенадцатого (24–25) декабря 1917 г.: съезд Советов в г. Харькове, объявивший о создании на территории промышленных областей *Украинской Советской Республики*, поддержавшей вооружённое восстание в Петрограде, декреты Советской власти и объявившей войну Центральной Раде.

3. Декабрь 1917–январь 1918 г.: разделение Донбасса на территорию *Войска Донского*, подчинённого генералу Каледину, и территорию *Харьковской и Екатеринославской губерний*, отошедшую Центральной раде Украины.

4. Январь 1918 г.: освобождение Донбасса силами Первого Красной гвардии *Донецкого бассейна* полка. Попытка Центральной Рады передать территорию Донбасса германским войскам.

5. Тридцатого января (12 февраля 1918 г.): IV областной съезд Советов рабочих депутатов *Донецкого и Криворожского бассейнов* в г. Харькове, провозгласивший *Донецко-Криворожскую Советскую Республику* в составе РСФСР, включающую *Харьковскую, Екатеринославскую, часть Херсонской губерний* и прилегающих к ним промышленных районов *Области Войска*

Донского (современные *Днепропетровская* и *Запорожская* области) и частично *Сумскую*, *Херсонскую*, *Николаевскую* области Украины и *Ростовскую* область РСФСР.

6. Девятнадцатого марта 1918 г.: *Всеукраинский съезд Советов* в г. Екатеринославе, который принял решение объединить (но не упразднить – прим. автора – В.М.) все советские государственные образования в составе *Украинской Советской Республики* с целью создания «единого фронта» борьбы с буржуазно-националистической властью Центральной Рады.

Так «...в 1917–1920 гг. на территории нынешней Украины возникли два государства: одно *Украинская Народная Республика* со столицей в Киеве, а другое – *Украинская Советская Республика* со столицей в Харькове, как в княжеские времена: *Рюриковичи* (Киев) – *Половцы* (Харьков), или по-половецки *Шарукань*» [257, с. 30].

7. Восемнадцатого марта 1919 г.: Первый губернский съезд Советов в г. Славянске, который избрал *Донецкий губисполком*.

8. Пятнадцатого марта 1920 г.: образование *Донецкой губернии* с центром в городе Луганске, включающей Изюмский и Старобельский уезды *Харьковской губернии*, Бахмутский, Мариупольский и Луганский (бывший *Славяносербский*) уезды *Екатеринославской губернии*, Таганрогский и Черкасский округа *Области Войска Донского*. Постановлением Совнаркома от 12 октября 1920 г. центр *Донецкой губернии* был переведён из Луганска в Бахмут, переименованный 21 августа 1923 г. в Артёмовск.

9. Третье июня 1925 г.: упразднение в УССР губерний и учреждение 41-го административного округа с образованием на территории *Донецкой губернии* *Артёмовского*, *Луганского*, *Мариупольского*, *Сталинского* и *Старобельского* округов.

10. Второго сентября 1930 г.: упразднение округов и передача районов в республиканское подчинение со столицей УССР в г. Харькове.

11. Второго июля 1932 г.: Постановление ВУЦИК об образовании *Донецкой области* с административным центром в г. Артёмовске (с 17 июля 1932 г. по 9 ноября 1961 г. – *Сталинской* с центром в г. Сталино).

12. 1938 г.: разделение *Донецкой области* на *Сталинскую* и *Ворошиловградскую*.

13. 1939 г.: разделение Донбасса между *Донецкой, Луганской, Днепропетровской, Запорожской* и *Ростовской* областями УССР и РСФСР.

Не менее драматична и соответствующая история переименований населённых пунктов Донбасса.

На первом этапе согласно Декрету от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих» [28] право производить административно-территориальное деление, а значит, и переименования, было делегировано местным органам власти.

Для устранения анархии на местах он был откорректирован Постановлением СНК от 25 июля 1919 г., согласно которому порядок административно-территориального деления утверждался НКВД «по представлению местных органов». Упорядочение этого процесса было поручено Административной комиссии при Президиуме ВЦИК, которая, собрав сведения об административно-территориальных нарушениях при переименованиях, посчитала их дорогостоящими и нецелесообразными.

Однако это требование было проигнорировано Донецким губисполкомом. В конце 1922 г. он разослал циркуляр № 90 о необходимости «пересмотреть названия населённых пунктов, имеющих династические и религиозные названия».

Одними из первых в список переименований попали населённые пункты *Таганрогского, Шахтинского, Старобельского, Мариупольского, Луганского* и *Юзовского округов*, а далее большинство административных единиц Донбасса (см.: ГАДНР [13–24], Декреты Советской власти [28; 29]).

Из онимного «оборота» были выведены традиционные названия, типа *Юзовский металлургический завод*, которые были заменены на революционные, подчёркивающие равенство предприятий государственных форм собственности (*Донецкий металлургический завод им. И.В. Сталина*). Для идентификации им присваивались номерные знаки, давались определения по названию территорий или использовались образные метафоры, по которым можно было определять направление их деятельности: *Гастроном № 1*, *Магазин «Океан»*, *Средняя школа № 2*, *Шахта «7-бис»*, *Ресторан «Плакучая ива»*, *Рембыттехника*, *Дом быта*, *Книжный магазин «Букинист»*, *Юный техник*, *Сталинский педагогический институт*, *Магазин «Детский мир»*, *Центральный универмаг* и др. Лучшим из них вручались ордена или давались имена коммунистических лидеров, культурных и общественных деятелей: *Донецкий ордена Трудового Красного Знамени индустриальный институт им. Н.С. Хрущёва*, *Ждановский металлургический завод им. Ильича*, *Донецкий медицинский институт им. Максима Горького* и т. п.

Переименованиям подверглись также те объекты, названия которых были связаны с религиозным культом или символами бывшей Российской империи:

– *Юзовка* была переименована в *Сталино*; *Луганск* – в *Ворошиловград*, *Мариуполь* – в *Жданов*, *Бахмут* – в *Артёмовск*;

– предлагалось заменить также названия населённых пунктов *Александровское*, *Свято-Троицкое*, *Богословку*, *Ново-Пановку*, *Царское*, *Елизаветполье*, *Екатеринополье*, *Любимовку*, *Екатериновку*, *Рутченковский*, *Манжоса*, *Мандрыкино*, *Петровский*, *Ново-Николаевку*, *Солдатский*, *Юзово*, *Рутченково* на символические, соответствующие идеологии нового времени: *Люксембургское*, *Урицкое*, *Раковское*, *Вольное*, *Пробуждение*, *Блюменталь*, *Первомайское*, *Калиновку*, *Красное*, *Зиновьевский*, *Мануиловку*, *Воровский*, *Советский*, *Берестовой*, *Красноармейский*, *Артёмовский*, *Ленинский*.

Большинству казалось, что эти изменения вписываются в «открытую» идеологию донбассовца [277, с. 26–75], сформированную на началах взаимопроникающего единства времён, поколений и народов:

а) многонациональности: *Старый Керменчик // Старомлиновка, Бешево // Старобешево // Новобешево, Чермалык // Заможное, Большой Янисоль // Великая Новосёлка, Хацапетовка // Угледорск, Каракуб // Раздольное, Павловск // Мариуполь;*

б) интернационализма: *Карло-Либхнетовск, Нью-Йорк, Дзержинск, Карло-Марксово, Тельманово, Полтавское, Харьковское, Сакко и Ванцетти, Константинополь, Криворожье, Греково-Александровка, Московское;*

в) исторического оптимизма: *Счастье, Новый Свет, Золотое, Желанное, Весёлое, Беззаботовка;*

г) коллективизма: *НКМЗ, Ждановский завод «Тяжмаш», Енакиевский металлургический завод, шахта «Кочегарка» и т. п.*

Донбассовцы оценивали в них пафос, направленный на строительство нового мира, в котором ими были приняты названия, связанные с созидательными образами новой эпохи, и переименования, отвечающие реальностям заселения территории новыми собственниками.

Неоднозначность их трактовки проявилась позднее, когда они стали ассоциироваться с неестественной заменой народных именований мемориализацией, разрушающей устоявшиеся топонимические и антропонимические модели: *Юзовка – Сталино, Мангуш – Першотравневое, Мариуполь – Жданов, Остгейм – Тельманово, Грюнталь – Мичурино, Гришино – Постышево – Красноармейск, Софиевка – Карло-Марксово, Тор – Красный Оскол, Петро-Марьевка – Первомайск, Луганск – Ворошиловград, Бахмут – Артёмовск, Алчевск – Ворошиловск – Коммунарск, Кадиевка – Серго – Стаханов, Михайло-Леонтьевская – Новошахтинск и т. п.*

Второй этап онимной истории, несмотря на Постановления ЦИК СССР от 7 января 1924 г. «*О воспреещении переименования населённых пунктов, имеющих почтово-телеграфные учреждения*» [69] и от 5 февраля 1924 г. «*О воспреещении переименований именем В.И. Ульянова-Ленина без предварительного разрешения Президиума ЦИК СССР*» [68], был связан с его смертью.

Интересны мотивы игнорирования указанных постановлений, благодаря которым удалось переименовать Юзовку: «Тов. Шкадинов (председатель окружного исполкома) в своём докладе указал, что в Исполком поступило много заявлений от рабочих, работниц и селян с предложениями, как Исполком должен увековечить память тов. Ленина. Исполком в этом отношении довольно широко осведомлён с мнением трудящихся, вынесенных как индивидуально, так и на широких собраниях. Собрав все эти мнения, Исполком припомнил великие слова, сказанные Владимиром Ильичём: «Революционная война есть локомотив». На этом локомотиве был машинистом наш Ильич. По условиям нашего округа, где у нас преобладает стальная промышленность, а сама революция, изображавшая по словам тов. Ленина, локомотив, сделанный из стали, на котором, как уже говорилось, был машинистом тов. Ленин, Исполком считает, что символом, характеризующим нашего великого вождя тов. Ленина будет «сталь» и решили наименовать г. Юзовку – город Сталиным, а округ и завод Сталинским». За этим последовала резолюция: «Заслушав доклад по вопросу об увековечении памяти тов. Ленина, Юзовский Горсовет постановливает: г. Юзовку переименовать в г. Сталин, а округ в Сталинский». 8 марта состоялось заседание Пленума Юзовского Окрисполкома. На пленуме постановили:

- 1) Согласиться с постановлением Горсовета.
- 2) Юзовский округ переименовать в Сталинский.
- 3) Немедленно передать на утверждение Губисполкома о переименовании города и округа и просить таковой об утверждении».

Просьбу удовлетворили уже 6 июня 1924 г., о чём был издан Декрет ЦИК СССР «О переименовании города Юзовки в город Сталин, округа Юзовского в Сталинский и станции Юзово Екатерининской железной дороги в станцию Сталино». Подписал этот документ председатель ЦИК СССР Михаил Калинин.

Поступали также предложения местных советов о переименовании *Дебальцево* в *Ульяновку* и *Осиновский район* в *Ленинский*, и даже *Юзовский завод* *Боссе* в *завод имени Рыкова*, которые, правда, не были удовлетворены.

Третий этап был связан с Великой Отечественной войной. Он затронул преимущественно Донбасс, в котором со времён Екатерины II проживало большое количество немцев-менонитов, имеющих статус свободных переселенцев и обладающих льготами и привилегиями. Даже установление Советской власти не изменило их особое положение: с 1924 по 1935 г., например, в Донбассе существовало два немецких национальных района, где делопроизводство, образование, выпуск газет осуществлялись на немецком языке.

Ситуация кардинально изменилась с началом Отечественной войны, когда немцев стали рассматривать как пособников фашистов. Уже 22 сентября 1941 г. вышел указ об их депортации из Сталинской, Ворошиловградской и Запорожской областей в северный Казахстан. Из *Сталинской области*, в частности, было выселено около 65-ти тыс. немцев. Таким образом, в послевоенном Донбассе немецкие названия, по мнению партноменклатуры, перестали иметь смысл и подверглись массовому переименованию. На основании постановления Сталинского облисполкома от 2 июня 1945 г. хутора *Нейгейм*, *Марксфельд* и *Грюнталь* были переименованы в *Тимошенко*, *Куйбышево* и *Зелёное Поле*; посёлок *Остгейм* – в *Тельманово*, а село *Роте Фане* – в *Зерновое*.

Четвёртая волна была связана с развенчанием культа личности Сталина, «вымывшая» из советской топонимии всё, что о нём напоминало. Резонанснее всего это ударило по городу-герою *Сталинграду* (он стал *Волгоградом*), но и

Сталино превратилось в *Донецк*, а *Ворошиловграду* возвратили первичную форму *Луганск*.

За этими манипуляциями с онимосферой просматривалась воля партийной номенклатуры, которая заменила христианско-символическую процедуру именования принципом мемориализации вождей. Это был своеобразный, но неудачный опыт того, как судьбы СИ стали определяться внешне иницилируемыми переименованиями, периодически изменяющими топонимический ландшафт в зависимости от идеологических устремлений правящей партии в конкретный момент времени:

Бахмут – Артёмовск – Бахмут (Украина);

Гатчина – Троцк – Краногвардейск – Гатчина;

Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург;

Екатеринослав – Днепропетровск – Днепр (Украина);

Елисаветград – Зиновьевск – Кирово – Ингульск – Кировоград – Кропивницкий (Украина);

Кёнингсберг – Калининград;

Луганск – Ворошиловград – Луганск;

Мариуполь – Жданов – Мариуполь;

Самара – Куйбышев – Самара;

Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург;

Тверь – Калинин – Тверь;

Царицын – Сталинград – Волгоград;

Юзовка – Сталино – Донецк;

Ставрополь – Тольятти и т. п.

Появившиеся при Советской власти ростки свободы при строгом партийном контроле над переименованиями обеднили исторический ономастикон, но и стимулировали формирование новых направлений в ономастике:

1. Модель фиксации государственной собственности, не нуждающейся в особой рекламе, стала опираться на коллективные начала жизнедеятельности и воспринималась как некая условность: названия в большинстве случаев акцентировали лексическое значение, различаясь нумерацией объектов или их нейтральной характеристикой. Обеднённость форм, тем не менее, устраняла двойственность толкования, точно указывая на функции или характер деятельности предприятий и объектов: *Промтовары, Универсам, Химчистка, Ресторан, Донецкий педагогический институт, Макеевский металлургический завод* и т. п.

2. СИ расширили социальную сферу употребления до масштабов разговорного, публицистического и художественного стилей. Ономастика с 20-х гг. XX в. стала самостоятельной наукой, связанной с осознанием онимной лексики как явления языка, что стимулировало деление СИ на разряды в зависимости от обобщённого денотата, его языковой структуры (*гидронимы, эргонимы, хоронимы, хрононимы, ойконимы, урбанонимы, хрононимы* и т. п.) или жанрово-стилистического своеобразия (*коннотонимы, поэтонимы*).

Этот положительный факт имел, однако, и негативные последствия. Отстранённая добросовестность учёных при описании онимного поля и молчаливом одобрении внешнего воздействия на проприальную культуру активизировало новую волну кризиса в ономастике после распада СССР.

4.2.3. Проблемы постсоветских переименований. Создание новых государств на территории бывшего Советского Союза (1991–2014) привело к перекраиванию границ и к кардинальному пересмотру онимной истории на территориях бывших советских республик. Сформированную веками модель их сосуществования охватила волна цивилизационного кризиса, связанного с всеобщей глобализацией и борьбой за сохранение национальной самобытности.

На территории Украины кризис развивался особенно непредсказуемо в связи с концепцией мононационального государства с рыночной экономикой. Такая концепция была невыполнима в силу её абсолютной противоречивости:

– во-первых, она не учитывала историческое прошлое, связанное с многонациональностью становления Украины как государства;

– во-вторых, не вписывалась в современную модель взаимообусловленного мира, не терпящего экономического обособления.

Первое противоречие, связанное со стремлением к унитарности, привело к тому, что государственный язык стал ассоциироваться с национальным. Жонглирование понятиями государственного и официального языков, языка титульной нации и языков национальных меньшинств, регионального и нетерриториальных языков переворачивало их объективную природу с ног на голову.

Так, русский язык по Конституции Украины был отнесён к языку национальных меньшинств, по решению Верховной Рады – к региональным, по решению местных советов объявлен официальным (Восточная Украина, Крым) или лишённым статуса вообще (Западная Украина), хотя объективно он не являлся ни первым, ни вторым, ни третьим, ни четвёртым. Его необходимо было статуировать в качестве государственного наряду с украинским, потому что и тот, и другой понимало большинство граждан Украины независимо от национальности или территории проживания, с той лишь разницей, что украинский де-факто являлся ещё и государственным официальным (т. е. юридическим). Но такого не произошло.

Неопределённость статуса языков устраивала элиту «незалежной» Украины, чем сполна воспользовались националисты, которые в конце концов добились запрещения русского языка и русской культуры вообще [35]. Это привело к кризису в украинской ономастике, которая «по закону» нивелировала национально маркированные антропонимы и топонимы [34; 66], подогнав их под

требования «титульной» нации: имена и фамилии *Антонов, Филипп, Афанасий, Дарья* стали фиксироваться как *Вінтонів, Пилип, Панас, Дарина*, а топонимы, типа *Никольское, шахта «Южнодонбасская», Заречное* превратились в *Микільське, шахту «Південнодонбаська», Зарічне* и т. п.

Тезис о том, что переименования происходили и после социалистической революции, нельзя принимать во внимание, поскольку они в отличие от постсоветских манипуляций с собственными именами не изменяли реальные объекты номинации.

Например, *Киевский политехнический институт* всегда оставался институтом: *Киевский политехнический институт* Императора Александра II (1898) > *Киевский политехнический институт* (1918) > *Киевский политехнический институт* им. Х.Г. Раковского (1923) > *Киевский политехнический институт* (1928) > *Киевский индустриальный институт* имени П.П. Постышева (1934) > *Киевский индустриальный институт* (1938) > *Киевский политехнический институт* (1944) > *Киевский ордена Ленина политехнический институт* имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции (1968) > *Киевский политехнический институт* (1992).

Однако после распада Советского Союза в связи с «развитием национального сознания» и узурпацией государством права на любую собственность переименование повлекло за собой изменение самого объекта, название которого закавычили: *Национальный технический университет* Украины «*Киевский политехнический институт*» (1998) > *Национальный технический университет* Украины «*Киевский политехнический институт* имени Игоря Сикорского» (2016).

Апологиеты «титульной нации» и сторонники контроля за актом номинации превратили его в опасную технологию, которую можно квалифицировать как закон обратно пропорциональной зависимости между задекларированным

статусом демократического государства и отсутствием соответствующей ему степени социально-правовой защиты. «Майдан» как символ бунта (от первичного *площа Жовтневої революції*, символично переименованной в *Майдан Незалежності*), завершился постцивилизационным разрушением национальной онимосферы (с 2014 г.).

Парадокс провозглашённой унитарности был не в состоянии обеспечить адекватную реакцию государства на постоянно меняющуюся геополитическую ситуацию. Она толкала её адептов на провозглашение «титульной нации» и создание приоритетов для «коренного народа». От амбиций «национального большинства» стали страдать социальные коллективы, оказавшиеся заложниками принятых правящей элитой решений. Находясь в фарватере политиков и не имея возможности быстро выработать соответствующий механизм противодействия, они вынуждены были либо подчиниться конъюнктуре новых законов, либо инициировать выход народов из-под контроля националистического меньшинства.

Последнее стало закономерным итогом внедрения якобы конституционных мероприятий украинских политиков по пути к уничтожению собственной государственности. Манипулируя понятиями «государственный язык», «языки национальных меньшинств» и «национальный язык», они расшатывали устоявшуюся языковую общность, внедряя в практику социальных отношений пресловутую теорию «окон Овертона».

«В соответствии с данной теорией, всякая существующая в обществе идея или проблема имеет «окно возможностей», в рамках которого данная идея может (или не может) широко обсуждаться, открыто поддерживаться, пропагандироваться и, наконец, приобретать форму императива. Это «окно» подвижно, спектр возможностей может расширяться, начиная со стадии «немыслимое», то есть однозначно неприемлемое, запретное, противоречащее нормам общественной морали, и заканчивая стадией «актуальная политика», то

есть уже широко обсуждённое, принятое обществом и легализованное им» [146, с. 304].

Легализацию немислимого «успешно» осуществили украинские «патриоты», внедрившие в социальный организм молодого государства методику шести шагов «окон Овертона»: 1) немислимые; 2) радикальные; 3) приемлемые; 4) разумные; 5) стандартные; 6) нормативные.

В результате двух первых шагов в социальную среду была запущена риторика украинских националистов, действия которых воспринимались сначала как радикальные:

Донцов Д. (1920–30 гг.): «У цій страшній борні за свободу українці мусять виступити як національний моноліт. А це можливо тільки тоді, коли її провід очолить когорта справжніх лицарів ідеї і чину, а не схильна до поступок і компромісів з усім і всіма політична неміч. Поки є неволя, нація має бути в стані воєнного поготів'я і жити не за законами мирного часу, а за вимогами воєнного стану. «Свобода або смерть!» – цим має користуватися як окремий індивід, так і ціла нація» [183, с. 131];

Іванишин В. (1992 г.): «За терор УВО-ОУН український націоналізм не потребує виправдання, бо не підлягає осуду. Не український націоналізм, а польський шовінізм породив його. А кожен окупант повинен усвідомлювати, що приречений ним на загибель народ сам обирає спосіб самозахисту» [196, с. 137];

Пирен М. (2001 г.): «Етноісторичне минуле українського народу засвідчує його одвічне прагнення до загальнолюдських цінностей: самостійності, соборності та демократичного ладу як чинників української національної ідеї. Інше етнічне населення, що проживає в Україні, є етнічними меншинами, які мають рівні права з представниками титульного етносу, проте як громадяни цієї країни, вони мають поділяти провідні цілі титульного етносу в процесі державотворення. Національні атрибути державності – символи, гімн, мова

визначаються титульним етносом, а тому, як громадяни, меншини повинні інтегруватися в український етнополітичний організм» [380, с. 67–69];

Артемчук Г.И. (2006): «Всім відомо, що сутність України проявляється через українську мову. Це одна з тих основ, на яких будується Україна; українська мова – одна з ознак її ідентичності. Проте Україна, як відомо, у складі як Російської імперії, так і Радянського Союзу не мала ні політичної, ні кадрової, ні будь-якої іншої незалежності й ніяк не могла за власним розсудом вирішувати свої внутрішні й зовнішні справи. Економічні, освітні, культурні, конфесійні та інші питання суспільного життя України до найменших дрібниць визначалися й регламентувалися Москвою... Проте... спостерігаються спроби законодавчо закріпити колоніальне становище українців в Україні, надавши російській мові ще й статусу офіційної, тобто державної» [106, с.12–13]. Общество подкупили 10-й статьёй Конституции, согласно которой в Украине гарантировалось «...свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств...» [46, с. 5–6].

Когда к подобным высказываниям привыкли, была подготовлена почва для следующих двух шагов, в результате чего в сознание обывателя стала внедряться мысль об исключительном праве украинского языка на государственный. Его сакрализация казалась разумной, хотя она была проблематичной из-за поверхностного представления о сути понятия языков национальных меньшинств.

Для русского языка это звучало как эвфемизм, поскольку он не относился ни к языку национальности (на нём так или иначе общались все национальности), ни к меньшинству (для Донбасса, как и для многих других регионов, он обслуживал большинство). Общество осознало это слишком поздно, когда на основании Основного закона были проведены политические по своей сути акции по закрытию русских школ, украинизации прессы и телевидения, дублированию, а затем и запрету русских фильмов, культуры и литературы вообще [33–37].

В основе националистического захвата власти в Киеве лежали якобы «приемлемость и разумность», спровоцировавших, между тем, отделение Крыма и Донбасса от Украины. Но этот факт не отрезвил, а разжёл аппетиты поборников национальной идеи, вплоть до провоцирования ими военного конфликта.

Идеология С. Бандеры, сформулированная вначале в виде лозунгов, которые можно было обсуждать (*«Боремося не тільки з імперіалізмом, але й з російським народом»* и *«Україна для українців»*), согласно теории «окон Овертона» превратилась в стандартные, а затем узаконенные акты, которые нужно было выполнять, потому что нормативность была к тому времени обеспечена массой соответствующих постановлений и «законотворческих инициатив»:

А. Постановлением Верховной Рады Украины от 01.09.2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» [66]. Пакет соответствующих документов о «декоммунизации» предписывал местным органам власти переименовать все объекты топонимики, названия которых связаны с историей России и Советского Союза.

Казавшаяся сначала невыполнимой идея украинской исключительности переросла в государственную доктрину, символом которой стал *Украинский институт национальной памяти*, занимающийся уничтожением этой самой памяти. Именно он давал рекомендации о правильных или неправильных культурно-исторических акциях и переименованиях всех неудобных городов, посёлков и объектов городской инфраструктуры (в рамках декоммунизации по его предложениям было переименовано 987 населённых пунктов и 52 тысячи топонимов; демонтировано почти 2,5 тыс. памятников, из которых более 1,5 тыс. монументов в честь В.И. Ленина).

Наибольший урон он нанёс Донбассу, где было переименовано по 38 названий в Донецкой и Луганской областях, в том числе на неподконтрольных

киевским властям: например, посёлок *Котовского* Амвросиевского района был переименован в *Калиново*, город *Комсомольское* Старобешевского района – в *Кальмиусское*, город *Красный Луч* – в *Хрустальный*, город *Краснодон* – в *Сорокино*, село *Артёма* Запорожского поселкового совета Краснолучского городского совета – в *Жеребьячее*, посёлок городского типа *Каменка* Свердловского городского совета – в *Медвежье*; город *Стаханов* – в *Кадиевку* и т. п. Так на карте Донбасса появились объекты с «двойной номинацией»: *Красноармейск* и *Покровск*, *Кировское* и *Крестовка*, *Тринадцатая Рота* и *Калинино*, *Красный Лиман* и *Лиман*, ул. *Молодогвардейская* и ул. *Героев Украины* (г. Славянск), ул. *Лазо* и ул. *Героев Небесной Сотни* (г. Краматорск) и др.

Мотивы переименований трудно было понять, о чём свидетельствуют сами переименования.

Бэтманово. Если считать это восстановлением первичного названия, то тогда следовало бы настаивать на форме *Батманка* – так во второй половине XIX в. был назван хутор, основанный на берегу речки *Батмановки*, который получил позже название *Михайловка* от имени начальника Михаила Нестерова. В 1923 г. было упразднено «контрреволюционное» название *Михайловка* и возвращено предыдущее *Батманка*, заменённое позже на *Красный Партизан*. В этом контексте *Бэтманово*, следовательно, передаёт информацию об «американском партизане».

Солнцевка. Авторам переименования не понравилось ни известное с 1923 г. название *Шевченко*, ни употреблявшаяся с 1927 г. форма *Красное*, но «подошло» почему-то имя *Солнцевка* в честь помещика Российской империи *Дмитрия Солнцева*.

Бунге. Восстановленное в 2016 г. первичное название в честь главы правления Русско-Бельгийского металлургического общества *Андрея Бунге* не учитывает при этом «украинскую идею», в которой «не место» ни фамилии *Бунге*,

ни истории 1923 г., связанной с посёлком *Юнокоммунаровское* от названия шахты «Юнком».

Б. Изменением законодательства 2014 г., предписывающего создание *Украинской автокефальной православной церкви* и обязывающего *Украинскую православную церковь* Московского патриархата изменить название на *Русскую православную церковь*, что привело к духовному расколу в украинском обществе по принципу веры, языка и национальности.

В. Законом Верховной Рады от 15 мая 2019 г. «О функционировании украинского языка как государственного» [36], в котором он объявлялся обязательным в официальном общении не только для учреждений и госслужащих, но и для всего общества.

Понятия «патриотизм и национализм», «Украинская автокефальная» и «Русская православная церковь», «государственный и официальный языки», «языки национальных меньшинств и язык национальности» превратились в идиоматическую игру, в которой значение не вытекало из суммы компонентов. Терминологическая путаница свидетельствовала о неразработанности теории языковой политики, которая приводила к проблемности украинско-русских, украинско-европейских, восточно- и западноукраинских отношений, катализируя идеологию превосходства титульной нации.

Никто из националистически настроенных политиков не в состоянии был понять, что современное выживание человечества обеспечивается не национальным обособлением, а единством народов, переходящим в союзы социальных систем, способных эффективно противостоять природным катаклизмам и политическим вызовам глобализации, с которыми не может справиться ни одно отдельно взятое «независимое» государство. Государственная политика требовала иного понимания национального языка, которое никак не соотносилось с языками национальностей, а тем более с понятием «языки национального меньшинства» [339; 501].

Национализм сопровождался унижением «нацменьшинств» (всё равно, русских ли, украинских, татарских, греческих, русинских, польских или венгерских) [477, с. 116–119]. Межнациональная и социально-правовая проблемы ознаменовались противоречивостью процессов именования практически всей отечественной ономастик.

Второе противоречие, связанное с экономическим обособлением государства в условиях рыночной экономики, отразилось на онимной истории. Она кардинально изменилась при перенесении процесса «свободной» номинации, характерной для рыночной экономики (супермаркет «Я любимый», парикмахерская «Стриж», конфеты «Кочегар Петя», парикмахерская «Стриж», сервисный центр «220 вольт»), на процесс номинации реальных объектов государственной, муниципальной или коммунальной собственности. В результате произошла подмена информации о характере деятельности предприятий информацией о формах их «подчинения» или собственности: рус. *Шахта им. А.Ф. Засядько* > укр. *Арендне підприємство «Шахта ім.О.Ф. Засядька»*, рус. *Южный машиностроительный завод имени Макарова* > *Українське державне підприємство «Південний машинобудівний завод імені Макарова* и т. п.

В условиях ничем не ограниченной стихии рынка и неисчислимо возникающих при этом объектов номинации, бо́льшую часть которых составляли эргонимы, онимная «мода» стала диктоваться чиновниками, не считающимися с мнением собственников или владельцев имён. Стремясь любыми способами удержать власть и приоритет государства в условиях «свободы» отдельной личности и частного предпринимательства, они узурпировали право на официальную фиксацию собственного имени, превратив его в ложную лексему, покрывавшую «вуалью» реальные объекты, но выпятившую собственные полномочия [329].

Административной элитой был инициирован ряд неправомочных действий по деноминации постсоветского онимного пространства, разных по способам

языкового «строительства» в новых государствах, но одинаковых по степени негативных последствий для общества. Политический нейминг оказался настолько привлекательным, что захватил нарицательные имена, придав им функции несуществующих собственных:

– факультет экономики и менеджмента – факультет «Экономика и менеджмент» (ДонНТУ);

– кафедра исторических, философских и социальных наук – кафедра «Исторические, философские и социальные науки» Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет»;

– министр связи – Министр связи ДНР.

Синтаксис подобных форм (не «университет – учреждение», а «учреждение – университет») и их графические знаки (кавычки, прописные буквы) разрушили собственное имя, подчёркнув власть чиновника над процессом именования. Реальные заводы, шахты, университеты, школы превратились в никому не известные объекты с заменёнными онимными денотатами на абстрактные образования:

– учреждения (Муниципальное образовательное учреждение «Школа № 123 города Донецка»);

– организации (Государственная образовательная организация «Донецкий национальный университет экономики и торговли»);

– частные предприятия (ЧП «Сергеев – Служба спасения оргтехники, г. Мариуполь»),

– общества (ООО «АЗОВГАЗ»), которые управлялись людьми непонятной национальности (Николай // Микола, Елена // Олена), работающими неизвестно где (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия») и проживающими неизвестно в каком населённом пункте (с. Красное Артёмовского

района – название, оставшееся в ДНР // *с. Іванівське Бахмутського району* – название в Украине, полученное при переименовании).

Постепенно в эргонию постсоветского пространства была внедрена модель скрытых переименований с массой не только грамматических, графических или стилистических, но и правовых ошибок:

1. Употребление нескольких денотатов (онимных и неонимных), из-за чего стало возможным регистрировать два и больше юридических собственников в одном названии:

– *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение* (неонимный денотат, зафиксированный как онимный) *высшего профессионального образования «Российская правовая академия* (онимный денотат, зафиксированный как нереальный) *Министерства юстиции Российской Федерации» Северный (г. Петрозаводск) филиал;*

– *Муниципальное общеобразовательное учреждение* (нереальный денотат, зафиксированный как реальный) *среднего образования «Школа «Гимназия № 12 города Донецка»* (вариативные онимные денотаты, зафиксированные как ложные);

2. Неправомочное использование кавычек для фиксации реальных объектов номинации: *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»;*

3. Включение в состав собственных имён группы сказуемого (Государственная образовательная **организация** высшего профессионального образования <это> «Донецкий национальный медицинский **университет** им. М. Горького»), хотя номинация не нуждается в предикативной «расшифровке» (правильно: *Донецкий национальный медицинский университет*);

4. Лишение СИ категории склонения, в результате чего выражение «*учусь в Донецком национальном университете*» стало регистрироваться в форме «*учусь в ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*»;

5. Употребление заглавной буквы для подчёркивания значимости должности или отдела (*Министр юстиции ДНР, Глава администрации, Кафедра «Теория и практика перевода» Севастопольского государственного университета*)), хотя это не СИ, поскольку они не выполняют функцию выделения (правильно: *министр юстиции, глава администрации, кафедра теории и практики перевода*);

6. Регистрация «неправовой» информации о «правовом» объекте, противоречащая лапидарности делового стиля: *Муниципальное дошкольное образовательное учреждение «Ясли-сад компенсирующего типа для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата № 167 города Донецка»*;

7. Выделение в акронимах⁴⁸ якобы «важной» части прописными буквами (*ДОННТУ*), объединяющей сокращённое собственное имя *Дон-* с аббревиатурой *НТУ* и превращающей его в лжеаббревиатуру *ДОН*, состоящую из неизвестных никому трёх слов;

8. Внедрение в номинацию неуместного количества прописных букв, кавычек и «ненужных» пояснений: *Факультет «Техносферная безопасность» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Академия гражданской защиты» МИНИСТЕРСТВА по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Донецкой Народной Республики*.

⁴⁸**Акроним** (от греч. *ἄκρος* – «высший, крайний» и *ὄνμα* – «имя») – аббревиатура, образованная из начальных букв слов или словосочетаний, произносимая как единое слово, а не побуквенно.

Выводы к четвёртой главе

Современный процесс идеологизации онимного пространства, сопровождающийся явными и скрытыми переименованиями, берёт свои истоки в письменной истории российской общности, охватывающей несколько периодов.

Первый период (с 988 г.) сформировал ростки мотивированного онимного сознания после принятия христианства, внедрения церковнославянского языка и появления православной проприальной культуры как акта необходимого выделения онимной реальности на основе духовной близости (простые имена *Николай, Елена, Сергей*; двусоставные княжеские имена *Святослав, Ярополк, Мечислав*; города *Рязань, Ярославль*), выросшей из первичной вариативности языческих имён (*Ждан, Любава* для семьи и *Неждан, Нелюба* для «мира») и фамилий (*Жданов, Любавин // Нежданов, Нелюбина*).

Второй период (XVII–XIX вв.) был связан с капитализацией экономики после реформ Петра I, созданием империи, отмены крепостного права, формированием светского онимофонда (*Сергей Петрович Трубецкой, г. Санкт-Петербург, крепость Кроншлот, газета «Ведомости», корабль «Фридемакер», Юстицколлегия*) и сопутствующих правовых актов: паспортизации, переписи населения, *Табеля о рангах, Гербовника дворянских родов* и т. п.

Третий период (н. XX в.–1917 г.) инициировал идеологизацию онимной политики, ставшей частью антинемецкой кампании во время Первой мировой войны, которая была связана с «добровольной» заменой немецких фамилий на «русские» (например, *Гурлянд* на *Гурьев*) и переименованием *Санкт-Петербурга* в *Петроград* под давлением патриотически настроенных масс.

Четвёртый период (с 1917 г.) сопровождался ломкой всей государственно-политической системы в результате социалистической революции и созданием идеологических моделей именований (*Тор – Красный Оскол, Петро-Марьевка –*

Первомайск), подчёркивающих роль личности, ярким примером которых может служить Донбасс: *Луганск – Ворошиловград – Луганск, Юзовка – Сталино – Донецк, Мариуполь – Жданов – Мариуполь* и т. п.

Пятый период охватил историю упразднения СССР (1991–2014) и появлением конфликтов на всём постсоветском пространстве, связанных с перекраиванием границ и пересмотром исторически сложившихся именований (с 2014 г.), вплоть до разрушения правовой основы СИ:

- *Филипп // Пилип*;
- *ректор // руководитель образовательной организации С.В. Беспалова*;
- *кафедра русского языка и литературы // Кафедра «Русский язык и литература»* (Тольяттинский государственный университет);
- *пос. Красный Партизан (ДНР) // Бэтманово (Украина)*;
- *Донецкий национальный университет > ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет (г. Донецк) // ГВУЗ «Донецкий национальный университет имени Василя Стуса» (г. Винница)*.

Итогом идеологизации стали события, посягающие на культурную и историческую память и нарушающие естественный баланс между объектом и его именем, что является серьёзным основанием для переосмысления теоретических и практических задач онимного строительства.

Глава 5

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В ПРАВОВОМ ПОЛЕ

5.1. Специфика норм в апеллятивной и онимной лексике

Проблема нормы в ономастике не теряет своей актуальности главным образом из-за отнесения имён собственных к категории имён существительных и, соответственно, отождествления имён нарицательных с собственными. Для этого сначала были все основания, поскольку СИ первично были обязаны своим происхождением именам нарицательным, а НИ на вторичном этапе стали пополнять свои арсеналы за счёт СИ. Как утверждает А.А. Уфимцева, граница между ними не абсолютна: «Большинство собственных имён произошло от нарицательных слов, раньше указывавших на какой-то признак...», но и «...значительное количество нарицательных имён происходит в результате «лексикализации», то есть в результате процесса вторичного переименования имён собственных в нарицательные» [466, с. 44–45].

Последний тезис не означает, однако, что онимная норма обязана своим происхождением исключительно нарицательной лексике. История её развития доказывает, что она является самостоятельным продуктом, вызревшим в недрах социальной природы онимотворчества, связанной с выделением единичного объекта из огромного количества ему подобных и не предполагающей вариативности при вхождении в правовое поле.

В России о ней заговорили в начале XIX в., когда правовые коллизии потребовали точной передачи прежде всего иноязычной топонимии [171], а в планетарном масштабе — в 1967 г., когда была зарегистрирована постоянно действующая Конференция ООН по стандартизации географических названий мира [224].

Пристальное внимание к чужим номинациям не затрагивала при этом русский ономастикон. Лингвистическая наука сводила его функционирование либо к описанию вариативности имён в речевом пространстве, либо к изучению «правил» на основе литературных норм, установленных для обычной лексики и перенесённых в онимную реальность [367].

Терпимое отношение учёных к увеличивающимся при этом ошибочным или ложным номинациям, типа *Алексей Чеснаков* (директор Центра политической конъюнктуры, г. Москва), *Андрей Понкратов* (российский тележурналист), *Паплавская*, *Зборщик*, *конфеты «ДаЁЖЬ»*, *Строймаркет «Пол Мира»* (г. Макеевка); *Негосударственное образовательное учреждение общеобразовательный лицей «Довузовский комплекс Тверского государственного университета»*, рус. *Павел* // укр. *Павло*, рус. футбольный клуб *«Шахтёр»* // укр. *«Шахтар»*, позволило заполнить ими практически всё онимное пространство.

Нормой в ономастике стало считаться то, что утверждено чиновниками, а собственное имя стало ассоциироваться со словами, написанными с прописной буквы. Почти как предупреждение звучал поэтому вывод о том, что «...понятие нормы в лингвистике не имеет достаточно чёткого научного определения и употребляется в разных значениях» [367, с. 3]. Её чаще всего сводят к понятию культуры речи, которая трактуется двояко:

«1) владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи;

2) раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации... с целью совершенствования языка как орудия культуры» [49, с. 247–248].

Не оспаривая предложенные трактовки, заметим, что они не всегда способствуют достижению планируемого результата при непосредственном

(устная речь) или опосредованном общении (письменная речь) и должны быть дополнены критерием эффективности.

Культура речи – это исторически сложившаяся на основе данного языка и устоявшаяся система норм и моделей речевого поведения, принятая конкретным обществом как ситуативно уместное и наиболее эффективное средство коммуникации.

Такую формулировку можно связывать также с лингвокультурологией (см.: В.М. Шаклеин [484]) и онимной регламентацией при вариативности устного общения, оправданного ситуацией непосредственного диалога:

- *Афанасий* > *Афоня* // *Панас* // *Опанас*;
- *Аграфена* > *Агаша*, *Гаша*, *Граня*, *Груня*, *Груша*, *Феня*;
- *Александра* > *Ара*, *Аря*, *Аля*, *Алик*, *Алексаня*, *Алекса*, *Олекса*, *Алексаша*, *Саша*, *Сашура*, *Шура*, *Саня*, *Санюра*, *Санюша*;
- *Анастасия* > *Настасья*, *Настя*, *Ася*, *Стася*, *Тася*, *Настюха*, *Нюша*, *Настена*;
- *Артёмовск* // *Бахмут* // *Артемівськ*;
- *Дон* > *Тихий Дон* // *Батюшка Дон* // *Дунай* // *Вздунай* // *Раздунай* // *Гор-Дунай* // *Дуни-най-най*;
- *Екатерининская миля* // *Катькин Столб* (Севастополь) и т. п.

Однако её нельзя переносить в контекст официальной письменной речи (рус. *Кирилл*, *Артём*, *Артёмовск* ≠ рус. *Киря*, *Артюша*, *Бахмут* или укр. *Кирило*, *Артем*, *Артемівськ*), требующей закрепления нейтральной информации об объекте номинации в любой языковой системе (укр. *Кирилл*, *Артём*, *Артёмівськ*).

Различия между апеллятивами и устноречевыми формами имён, с одной стороны, и проприонимами, с другой, формировались исторически. Варианты наименований шли не по пути отклонения от языка-источника и приспособления к языку-рецептору, а наоборот, по пути выделения из огромного количества

вариантов формы, наиболее близкой к написанию или звучанию в языке-ономизаторе, почти *fac simile*. Как пишет О.Н. Трубочёв, «...утрированная знаковость и тенденция к её усилению всеми средствами (в произношении, ударении, а письме) – главная отличительная особенность собственных имён. Именно эта особенность объясняет известное всем отталкивание (в произношении, ударении, на письме) имён собственных от этимологически тождественных апеллятивов» [459, с. 23].

Этот очевидный факт часто игнорируется при оправдании общих подходов к нормам имён собственных и нарицательных, якобы из-за невозможности провести между ними чёткую черту разграничения.

«Есть ли такая черта?» – задаёт, например, вопрос В.Л. Бондалетов и отвечает. – «Ответ на этот вопрос может дать лишь всестороннее изучение имён собственных, в частности анализ признаков, объединяющих их с нарицательными существительными, а также с другими частями речи, т. е. со всеми нарицательными (особенно местоименными, междометными и др. словами), и – особенно тех признаков, которые отличают, дифференцируют их от нарицательных» [132, с. 35]. Объединяющий мотив вместе с дифференцирующим грозит ошибками, выходящими за рамки языка и речи. Одинаковость подходов к неоднородным пластам онимной и к эталонным нормам апеллятивной лексики, расширяя возможности онимотворчества, сводит на «нет» его правовые результаты. Однако и вне этого подхода онимотворчество становится заложницей правового примитивизма чиновников, считающих, что право на имя дано им по воле государства и что они могут изменять онимную историю, основываясь на личных пристрастиях, убеждениях и восприятиях:

- рус. *Василиса*, *Фома* // укр. *Василина*, *Хома*;
- г. *Красноармейск* // м. *Покровськ*;
- г. *Димитрово* // м. *Мирноград* (Донбасс);
- ул. *Щорса* // вул. *Євгена Коновальця* (Киев);

- рус. *Владимир* // укр. *Володимир* // бел. *Уладзімір*;
- рус. *Геннадий* // бел. *Геннадзь*;
- рус. *Григорий* // укр. *Григор* // бел. *Рыгор*;
- рус. *Дмитрий* // укр. *Дмитро* // бел. *Дзміцер*;
- рус. *Николай* // укр. *Микола* // бел. *Міколай*;
- рус. *Гюмри – Леникан – Гюмри* (Армения);
- рус. *Гатчина – Троцк – Красногвардейск – Гатчина* (Россия) и т. п.

Закономерно, что социум всё чаще ставит под сомнение правовой статус переименованных объектов [318], а учёные всё больше склоняются к теории, согласно которой понятия культуры речи и онимной культуры не являются синонимами.

В первом случае мы имеем дело с языковой нормой, которая оперирует лексическими значениями слов и понимается как «...совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных в процессе общественной *коммуникации*» [49, с. 337–338], или с речевой – индивидуально регулируемые способами передачи референтно-коннотативных и метафорических восприятий реальных или вымышленных объектов:

- *Анна > Аннушка // Анка // Ганна // Ганзя // Ганнуса // Анюта // Нюра // Нюрок // Нюша*;
- *Дегтярь // Дегтяр // Дихтярь*;
- *Несгорова // Незгорова* и т. п.

Во втором случае речь идёт о культуре официальных именовании, которая не приемлет вариативность, поскольку официальная регистрация СИ не может опираться на языковую, а тем более на речевую нормы.

Например, русские антропимы *Анна, Дегтярь, Несгорова, Николаевич* должны фиксироваться в украинской онимной культуре как *Анна, Дегтяр, Несгорова, Ніколайович*, но их украинские аналоги *Ганна, Дігтяр, Незгорова,*

Миколович должны передаваться в русском контексте как *Ганна, Дигтярь, Незгорова, Миколович* и никак иначе.

Культура онимообразования – это устоявшийся в конкретном языковом сообществе способ закрепления в писаном праве общепринятой информации о собственнике или объекте собственности (онимном денотате), однозначно переданной в разных языковых системах.

Если культура речи базируется на ситуативном выборе из множества языковых вариантов наиболее уместных для достижения эффективного результата при общении, то культура официального именования отвергает речевые варианты и ориентируется на закреплённую законом унифицированную норму, которая создаётся не для коммуникативной «уместности», а для одинаковости восприятия правовой оригинальности объекта в любой национально-языковой среде.

Норма в ономастике должна опираться на выработанные социальным опытом представления о собственных именах как о знаках, регулирующих культурно-исторические и социально-правовые отношения между людьми.

5.1.1. Виды денотатов, референты и онимная норма. Социальная природа онимной нормы понимается в современном контексте довольно оригинально, как её закрепление указами государственных организаций, «подправленными» языковыми критериями, вытекающими из системы исключительно государственного языка. В номинативный процесс, кроме этого, включается ещё и неконтролируемая стихия смены собственников, которые страдают неодолимой страстью к «обновлениям» внешнего антуража при их вступлении в должность.

В ономастике это проявляется в изменении формы имени, переименованиях и восстановлениях, что изменяет между тем саму идеологию онимизации, изначально направленную на передачу социально-адресного и культурно-

исторического кода грядущим поколениям. Устойчивость и консерватизм онимного фонда – факт безусловно прогрессивный, обеспечивающий сохранение онимосферы как продукта развития цивилизационной культуры, истории и права. Смена именований по идеологическим или каким-либо иным субъективным соображениям может удовлетворить поэтому разве что временщиков, стремящихся явными или неявными способами выделить не объект, а себя в нём в качестве главного собственника и «творца» истории:

– *Руководитель учредителя образовательной организации* (министр образования);

– *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет»*, г. Донецк (не университет, а учреждение);

– *Державний вищий навчальний заклад «Донецький національний технічний університет»*, г. Красноармейск (не Донецкий и не университет).

Норма в ономастике связывается, таким образом, с чьей-то прихотью, а не со структурой самих объектов и их денотатов, отвечающих прежде всего системе социальных вызовов и изменений, а уже во вторую – зафиксированных с учётом национальной графики, орфографии, грамматики и стилистики языка или речи.

На первое место выдвигаются поэтому не проблемы употребления СИ, а нормы их онимообразования, подверженного системным нарушениям, игнорирующим составную структуру собственного имени из-за представления о её неделимости. Это понятие так или иначе присутствует в тех учебниках и пособиях, где полагают, что СИ – исключительно имена существительные. Тщательно подобранные примеры, иллюстрирующие этот тезис, игнорируют составную структуру онимов, якобы потому, что все они отвечает на вопросы «кто?» или «что?»: <девочка> *Наташа*, <начальник цеха> *В.В. Чухалёв* *государственный университет*, *магазин* *продуктов «Впрок»*, *Баренцево море*, *Сейшельские острова*, *Республика «Сейшельские Острова»* и т. п. Если

денотаты в них действительно имена существительные, то сами именования выражаются любыми частями речи и даже словосочетаниями и предложениями, переданными графикой любого языка:

- *пирожковая «Тётя Соня»* (г. Донецк);
- *мороженое «Лю-Блю»*;
- *Мебель из Чехии «Hápak» – Ганák»*,
- *кафе «ПЕЙ Coffee»* (г. Донецк) и т. п.

Классификация СИ и методика обращения с ними построена между тем на грамматических характеристиках имени существительного:

а) в них оценивают не собственное имя, а денотат, не обязательно совпадающий с зафиксированным в номинации (так, в названии *сметана «Свежие новости»* – денотат не «сметана», а производитель, который стоит за соответствующей маркой продукции);

б) в них смешивают СИ, функционирующие в языке и имеющие реальные денотаты (*Докучаевск, Елена, Иван Александрович*), с СИ, существующими в речевом вымысле и опирающимися на множество референтных коннотаций, зафиксировать которые практически невозможно:

- *Докуч // Докучка* (Докучаевск);
- *Лена // Алёна // Олена* (Елена);
- *Органчик* (образ М.Е. Салтыкова-Щедрина);
- *Хлестаков* из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» и т. п.;

в) в них отождествляют реальные номинации (*Шахта № 19, Донецкий республиканский центр психологической службы образования*) с рекламно-метафорическими (г. Донецк: *алкомаркет «Доцент»*, *магазин сладостей «Вкусняшка»*; г. Ялта: *кафе «Вкусно»*), даже не являющимися ими, но представленными в закавыченном виде: *Государственное управление «Донецкий республиканский центр психологической службы образования»*.

Корни этих онимных моификаций выявить очень сложно из-за массового внедрения в онимное сознание ложных установок:

а) что СИ – это часть лексической системы языка, а поэтому они, как и обычные слова, должны переводиться (ул. *Советская* – вул. *Радянська*) или подвергаться процедуре эквивалентности, якобы из-за сохранения национальной идентичности (читай «уничтожения»): *Михаил* – *Михайло*; *Анисим* – *Онисько*; *Никитовка* – *Микитівка*;

б) что в структуру СИ входит не только именование, но и его «закреплённая приказом» денотативная часть, которая может быть выражена любым именем существительным с зависимыми от него словами (*Государственное бюджетное нетиповое общеобразовательное учреждение «Республиканский многопрофильный лицей «Григорьевская школа» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики»*);

в) что кавычки и прописная буква могут сопровождать все номинации как знак особого уважения к объекту или должности (*Министр здравоохранения ДНР, Донбасс Арена, из города «Шахтёрск» (ДНР), Муниципальное образование «Город Пермь Пермского края» (РФ), Кафедра «Теоретическая механика»*) и, следуя логике номинатора, распространяться далее и на антропонимы, поскольку непонятое юридически словосочетание *Руководитель образовательной организации...* станет «понятным», если «дополнится» формулой *Руководитель образовательной организации «Ректор А.Я. Аноприенко»* (во всяком случае к этому нужно быть готовым) и т. п.

В результате большинство из собственников или обладателей имени вряд ли вспомнят такое «правильное именование», сталкиваясь с массой юридических проблем, которые не могут решить суды: они не владеют правовыми процедурами именования, считая нормой то, что утверждено чиновниками.

Первым оригинальным протестом против онимного безрассудства можно считать позиции донецких учёных (как и многих других), которые обратили

внимание на то, что коннотирующие имена (Е.С. Отин) – не совсем собственные: «Онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имён нарицательных». Такие имена он назвал *коннотонимами*, а поскольку они связаны с коннотациями, то у них должны быть денотаты и референты, которые, обладая вторичными значениями, являются ономастической универсалией, присущей словарному составу любого языка мира [372, с. 5].

Позже эта мысль была развита в теории поэтонимологии В.М. Калинкина: «Поэтонимология (от др.-греч. «*λογος*» – «учение») – наука о собственных именах в художественных произведениях. В определённой степени термин «поэтонимология» является синонимом более распространённого понятия «литературная ономастика», однако если в понятие «литературный» можно включить не только художественные, но и любые тексты, в том числе, публицистические и фольклорные, предметом «поэтонимологии» являются только те собственные имена, которые функционируют в художественных авторских произведениях» [467, с. 230].

Феномен В.М. Калинкина проявился в нескольких фундаментальных положениях ономастики.

Во-первых, в отграничении поэтонимов, имеющих прерогативы в речи, от всех других разрядов онимной лексики по следующим параметрам:

«Система собственных имён языка первична. – *Литературные собственные имена являются вторичной семиотической системой, моделирующей первичную.*

Онимия языка детерминирована языковыми и историческими факторами. – *Литературная онимия относительно свободна и во многом зависит от воли автора.*

Основная функция реальных онимов – дифференцирующая. – У литературных онимов на первое место выдвигается стилистическая функция.

Общепринятая ономастическая система – явление языка. – *Онимная система художественного произведения принадлежит речи»* [207, с. 82].

Во-вторых, во внедрении в ономастическое пространство понятия референта: «Основное отличие <поэтонима> кроется в свойствах референта собственного имени. Поэтоним всегда и во всех без исключения случаях именует виртуальный референт, существующий в творческом сознании автора, воссоздающийся им в тексте произведения и воспроизводимый творческим сознанием. Это в равной степени распространяется как на целиком вымышленные автором и поименованные объекты, так и на объекты существующие в действительности и существовавшие в прошлом реальности, поскольку все они в литературном тексте функционируют в виде художественной эстетической (и вторичной семиотической) модели» [207, с. 83]. Добавим к этому, что денотат при этом не мог исчезнуть полностью: он превратился в представление о нём, а референтное значение приобрёл в речи.

Логика теории поэтонимологии была распространена на класс речевых употреблений (*Пётр* > *Петруха* // *Петушок* // *Петро* // *Педро* // *Петя* // *Петрун*), а потом и реальных СИ, выделенных на основе противопоставления к поэтонимам по принципу не только наличия онимного денотата, но и способов его именования:

а) с помощью переводимой денотативной группы слов и реального имени, одинаково точно передающих смысл СИ фонетико-графическими и грамматическими символами другого языка:

– рус. **столяр** *Ефрем* – укр. *Єфрем* «русский»; но укр. *Охрім* – рус. *Охрим* «украинец»;

– рус. **посёлок** *Красная Поляна* – укр. **селище** *Красна Поляна*;

– укр. **місто** *Червона Кам'янка* – рус. **город** *Червоная Камянка*;

– рус. *Донецкая железная дорога* – укр. *Донецька залізниця*;

б) переводимой денотативной группой слов с метафорическим именем, заключённым в кавычки и непереводаемым на другие языки:

– укр. *гастроном «Світанок»* – рус. *«Свитанок»* (г. Макеевка);

– рус. *супермаркет «МоЛоко»* (г. Донецк) – англ. *«MoLoko»*;

в) переводимой денотативной группой слов и ситуативным переводом рекламно-информативного имени:

– *магазин «Бери тут!»* (г. Донецк) – укр. *«Купуй тут!»*;

– *кинофильм «Операция «Б1», или другие приключения Шурика»* – укр. *«Операція «Б1», чи інші пригоди Шуріка»*.

Таким образом, языковые формулы имени нарицательного и имени собственного стали различаться в зависимости от характера и смысла представления об имени (денотате) и конкретном предмете номинации (референте).

У имён нарицательных выделяется обобщённо-номинативный денотат, который соотносится с любым предметом или явлением действительности (*тёмное облако, образовательное учреждение, промышленное предприятие, обучающиеся*).

У имён собственных – онимный, который относится к реальным или вымышленным, но всегда конкретным объектам:

– *Московский государственный университет*;

– *директор шахты «Краснолиманская»*;

– *студенты МГУ*;

– *капитан Немо* (автор номинации Жюль Верн);

– *страна Швамбрания* (автор номинации Лев Кассиль);

– *прозвища Серый, Серёга, Серж* (зафиксированные в устной речи интерпретации личного имени) и т. п.

В реальных СИ объект связан с юридическим денотатом и официальными коннотациями, а в вымышленных – с референтными оценками, обладающими способностью продуцировать непредсказуемое количество онимных вариантов, в том числе межъязыковых:

- рус. *Дарья* = укр. *Дар'я*, но не *Дарина* // *Одарка*;
- рус. *Лавр* = укр. *Лавр*, но не *Лавро*;
- укр. *Микола Політіко* = рус. *Микола Политыко*, но не *Николай Політико*;
- рус. *Красное Поле* = укр. *Красне Поле*, но не *Червоне Поле*;
- рус. *Рабочие Городки* = укр. *Робочі Городки*, но не *Робітничі Містечки*;
- рус. ул. *Советская* = укр. *Советська*, но не *Радянська*;
- рус. ул. *Речная* = укр. *Рєчна*, но не *Річна* // *Річкова* и т. п.

Это различие в адресно-информативной идентификации объектов нужно учитывать, ибо подмена онимных денотатов (*ректор А.Я. Аноприенко* – на *руководитель* образовательной организации *А.Я. Аноприенко*, *студенты* – на *обучающиеся в образовательных учреждениях*), их смешение с нарицательной лексикой (*Государственное учреждение «Институт научно-технической информации»*), игнорирование субъектов или объектов номинации (*Руководитель учредителя образовательной организации...*) рождает в массовом порядке настолько запутанные формулы именования, что об их правовой адекватности можно только догадываться (в наших примерах это «ректор», «студенты», «институт», «министр» и «министерство»).

Таким образом, классификация номинативных единиц в зависимости от денотата (представления об имени вообще) и референта (конкретного предмета внеязыковой действительности) имеет смысл только в том случае, если она дополнена их понятийной характеристикой: номинативной, онимной, юридической или референтной.

Обычный денотат (от лат. *denotare* «отмечать, обозначать») – любой предмет или явление окружающей действительности, с которыми он соотносится,

имя нарицательное: *облако* («тёмное»), *человек* («удивительный»), *учреждение* («воспитательное»), *заведение* («учебное, увеселительное»), *предприятие* («промышленное»), *процесс* («законодательный»), *гроза* («сильная»), *дерево* («цветущее»), *шкаф* («платьяной»), *время* («утреннее»).

Онимный денотат – реальный или вымышленный предмет (явление), обладающий внутренней способностью к адресной номинации и выделению из массы однотипных: не только *планета Марс, бригадир Н.И. Петров, Донецкий металлургический завод, Торичеллиева пустота*, но также и *Серёга, страна Утопия, Город жёлтого дьявола, помещик Собакевич, герой комедии «Недоросль» Митрофанушка, Шева*.

Юридический денотат – реальный предмет (явление), наделённый внутренней способностью к адресному выделению и передаче правового смысла, содержащегося в номинации; физическое или юридическое лицо, исключающее коннотативную вариативность: *директор школы М.И. Криворучко, Донецкий завод штампов и прессформ, королевство Великобритания, футболист Андрей Шевченко*.

Онимный референт – ситуативные представления и интерпретации о называемом предмете, складывающиеся у субъекта речевой деятельности под влиянием индивидуальных коннотаций.

Узаконивание преимущества правовых денотатов над референтами позволяет сделать выводы о специфических нормах официальных вариантов онимной лексики.

1. Собственные имена – важнейший атрибут права, без которого невозможно представить себе юриспруденцию и адекватную фиксацию имущественных отношений, возникающих в гражданском обществе;

2. Собственные имена должны «привязываться» не к денотату вообще, а только к онимному денотату, потенциально обязывающего раскрывать свою

индивидуально-правовую сущность при помощи соответствующего наименования, например:

– может быть *мебельный гарнитур «Годелла»*, но не может быть *стул «Годелла»*;

– может быть название *Партия регионов*, но нельзя представить себе в качестве онима словосочетание *Партия товара*;

– логичны собственные имена с денотатами *профессор, ректор, студент* (*профессор Иванов, ректор университета А.А. Минаев, студент Петров*), но алогичны номенклатурные термины *человек, руководитель, обучающийся* (*человек Иванов, руководитель А.А. Минаев, обучающийся Петров*) и т. п.

По мнению А.В. Суперанской, далеко не все объекты обладают способностью к номинации и могут быть «дополнены» онимной информацией: «Избирательность номинации проявляется в том, что собственное имя получает не каждый метр земли, не каждое животное, а также в том, что не каждая единица языка в одинаковой степени для этого используется... Имена получают лишь те части или зоны пространства и времени, которые могут быть восприняты предметно» [435, с. 102]. Добавим к этому, что и не все предметно осмысленные имена существительные могут соотноситься с физическими или юридическими лицами (онимными денотатами).

Онимные денотаты отмежёвываются:

а) от обобщающих или абстрактных денотатов, типа «организация» (*Муниципальная организация дополнительного детского образования «Центр детского и юношеского творчества Куйбышевского района города Донецка*; но возможно «*Организация украинских националистов*»), «женщина» (*женицина Елизавета*), «заведение» (*Государственное высшее учебное заведение «Донецкий национальный унуверситет»* – г. Винница, Украина), «учреждение» (*Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»* – г. Донецк, ДНР; но

возможно *Исправительно-воспитательное учреждение № 25*), «руководитель» (*руководитель учредителя образовательной организации М.Н. Кушаков*) и т. п.;

б) от лексического значения, характерного для обычных слов:

– *аврора* – крейсер «*Аврора*»;

– *бедный* – Демьян *Бедный*;

– *горький* – Максим *Горький*;

в) от псевдоимен, в структуре которых нельзя выделить «создателя» или / и собственника имени:

– *купить «Антоновку»* (правильно: сорт «*Антоновка*», но *купить антоновку*);

– *Английская соль* (правильно: *Английская королевская музыкальная академия*, но *английская соль*);

г) от авторских коннотонимов или поэтонимов: *Вован* – не *Владимир*, *Гапка* – не *Агафья*, *Волна* – не *Волноваха*; *Собакевич*, *Плюшкин* – вымышленные художественные персонажи.

3. Закреплённые в традиционной ономастике номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая, социальная, эмоциональная, аккумулятивная, адресная, эстетическая и стилистическая функции, характерные для любого типа СИ, сужаются в проприономенологии до социально-правовых и культурно-исторических, не связанных с лексическими значениями и авторскими коннотациями:

а) адресно-указательной:

– *Михаил* – русский, *Михайло* – украинец, *Михеил* – грузин, *Мишель* – француз, *Михай* – румын, *Майкл* – англичанин;

– *Донецкий национальный университет* – в городе Донецке, а не в Виннице;

б) информативно-выделительной:

– рус. *Никополь* > укр. *Нікополь* – город от греч. *полис*, но рус. *Чистополь* > укр. *Чистопіль* – село в Днепропетровской обл. от слав. *поле*;

– рус. *Столбовое* (село в Джанкойском районе, Крым) > укр. *Столбове* (от «*столбовая дорога*» по трассе «Москва – Симферополь», а не *Стовпове*);

– *Камчатка* – п-в, но *камчатка* – «отдалённое место» и т. п.

Границы и размеры возможных фонетико-графических, структурно-морфологических и орфографических изменений в структуре СИ определяются исключительно этими функциями:

– рус. *Михаил* = укр. *Михаїл* (а не *Михайло*);

– *Юрий Николаев* (фамилия) = *Юрій Ніколаєв* (не *Ніколаїв*), но *Николаев* (город) = *м. Ніколаїв* (но не *Николаєв* и тем более не *Миколаїв*);

– рус. *Слáвянск* = укр. *Слáвянськ* (город в Краснодарском крае от «слáва»), но рус. *Славя́нск* = укр. *Слов'я́нськ* (город в Донбассе от «славя́не» // «слов'я́ни»);

– рус. *Ласточкино Гнездо* = укр. *Ласточкине Гнєздо* (а не *Ластівчине гніздо*) и т. п.

Таким образом, *норма в проприоменологии* – это система правовых принципов, позволяющих адекватно передавать специфику онимного денотата и информативных сем языка-источника разными графическими средствами языков-рецепторов.

5.1.2. Нейминг и норма. Роль графики в онимных метафорах. Графика – наиболее существенный признак онимизации, позволяющий отделять собственные имена от нарицательных. С расширением возможностей Интернета, интернационализации алфавитов и появлением других знаковых систем собственные имена всё чаще материализуются в зрительном контексте, не имеющем соответствующих аналогов в устной речи. Проблема нормы наполняется в связи с этим акцентами, связанными с понятиями нейминга и брендинга, особенно актуальными для современной эргонимии.

Эргонимия – наиболее подвижный класс топонимии, постоянно изменяющийся под давлением социальных приоритетов и предполагающий смену норм при изменении статуса объектов или собственников. Исторически роль эргонимов стала возрастать в эпоху капитализма, связанного с многообразием форм собственности, которые при перенесении в социалистическую экономику утратили конкурентный смысл. Нейминг постсоветского пространства выкристаллизовывался поэтому не постепенно в недрах национальной модели именования, а практически мгновенно с использованием заимствованных технологий, уже существующих в западном мире и перенесённых на новую почву.

Это демонстрируют сегодня онимные процессы, происходящие в городских агломерациях, одномоментно вступивших в стихию рыночных отношений с не подготовленным для этого общественным сознанием.

Сформулированная на II Международном симпозиуме «Русский язык в поликультурном мире» озабоченность, связанная с анархией при использовании «...иноязычной лексики и графики в коммерческой номинации» [75, с. 4], является поэтому вполне объяснимой. Сегодня до 90 % эргонимии городских агломераций страдает «болезнью» графогибридизации, которую вряд ли может остановить простой запрет на латинскую или какую-либо иную графику.

Деликатность проблемы состоит в том, что она возникает не по вине собственников, справедливо полагающих, что имущественное право должно распространяться и на языковые атрибуты собственности. Анархия в нейминге, опирающаяся исключительно на маркетинговые цели, появилась как реакция на плановую социалистическую экономику, которая не нуждалась в брендах, поскольку рынок товаров и услуг был однороден и обеспечен монополией государства. Вот почему мнение, что «...без изучения советских эргонимов невозможно правильно интерпретировать некоторые существующие в настоящее время названия» [388, с. 98], должно быть дополнено выводом о том, что

нарушение языковых норм в нейминге стало формой протеста новых собственников против онимного примитивизма. При государственной системе регулирования экономики эргонимов в современном их понимании быть не могло. Связанные с реальными объектами (*Школа-интернат, Промтовары, Кондитерская*), они выделялись лишь адресной функцией (*Московский государственный университет, шахта «Южнодонбасская»*) либо нумерацией (*Гастроном № 1, Шахта 3-бис*) или мемориализацией (*Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана*).

Названия с ярко выраженной выделительной функцией были единичными. Они появлялись либо в рамках интернационально-коммунистической идеологии (*кинотеатр «Октябрьский», колхоз «Ударник», гостиница «Дружба», колхоз «Красный Хлебороб»*), либо связывались с коммерческими устремлениями торгово-разлекательных и бытовых комплексов: *магазин «Океан», Дом быта «Кальмиус»* (г. Донецк), *ресторан «Узбекистан»* (г. Москва) и т. п.

Не случайно в сознании советского человека особым образом выделялись экзотические бренды – любой иностранный «лейбл» ассоциировался с уникальностью импортного товара» (*Lee Cooper, Wrangler, Puma* и т. п.). Разрыв между «государственным» и «народным» перед распадом СССР усилился настолько, что был перенесён в рыночную экономику, акцентирующую новые приоритеты, но оставившую без изменения политику формирования «норм».

«Страсть» ко всему иностранному превратила нейминг в специфическую черту стратегии компаний, направленной на максимальную узнаваемость объектов маркетинга. Его специфичность состояла в том, что во главу угла ставилось не завоевание рынка за счёт качества продукции, а получение прибыли любой ценой. Для этого новые собственники стали эксплуатировать моду на иностранную вербальность или жаргонную «простоту». Сначала это имело успех, но затем превратилось в тормоз для рынка, страдающего от графогибридизации, мнимой информативности и беззастенчивого навязывания продукции и услуг:

- *«МахГастрономический Паб»* (г. Ялта);
- *Мужской салон «BritVaBarbershop»* (г. Донецк);
- *Табачный киоск «TaBaCCo»* (г. Керчь);
- *Автозапчасти «ЯпонаМать»* (г. Донецк);
- *Супермаркет «Бра ВО!»* (г. Славянск) и т. п.

Проблема иноязычного «захвата» онимного фонда разрасталась по мере «удаления» социалистической экономики от идеалов государственной собственности.

5.1.3. Нормативность реальных и вымышленных онимов. Стихийность формирования онимных норм на постсоветском пространстве, воспринятая сначала позитивно, столкнулась позже с ностальгией по государственному контролю за необсуждаемой «нормой». Стремясь удержать власть над нормами в условиях частного предпринимательства, чиновники «...узурпировали право на официальную фиксацию СИ, превратив его в ложную лексему...» [328, с. 63], скрывающую в кавычках реальные объекты номинации.

Так появились гибридные наименования:

- *Государственная организация «Центр комплексного обслуживания имущественных объектов Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики»;*
- *Муниципальное общеобразовательное учреждение среднего образования «Школа «Гимназия № 12 города Донецка»;*
- *Государственное профессиональное образовательное учреждение «Макеевский медицинский колледж»;*
- *Государственное учреждение «Донецкий республиканский центр психологической службы образования ДНР»* и т. п.

Ситуацию усугубило пассивное отношение оноματοлогов к процессу именования, допускающему нормы, перенесённые из частнособственнической практики в сферу государственной политики.

Её истоки связаны отчасти со статьёй 1483, ч. 4 Гражданского кодекса РФ [27], в котором сформулированы требования к товарному знаку: «...Чтобы название не порождало определённых ассоциаций к определённому товару (не содержало характеристики конкретного товара и услуги) или чужой торговой марке (не воспринималось как тождественное или сходное до степени смешения с другим знаком)» [387, с. 342–343]. Направленные на защиту товарных брендов, они постепенно стали захватывать все разряды СИ. Особым образом это коснулось эргонимии, которая стала ориентироваться на графико-лексические «вымыслы», заполонившие онимное пространство формами, далёкими от русской традиции:

- «ТЕПЛО» – *Тихо, по-семейному*» (ресторан, г. Киев);
- «ЧубЧик» (парикмахерская, г. Донецк);
- «Чудетки» (детский клуб, г. Донецк);
- «Ваша светлость» (магазин светотехники, г. Керчь);
- «Тридодыр» (парфюмерия, г. Севастополь);
- «Запой» (кафе, г. Феодосия);
- *Хакер* (компьютеры, Краматорск);
- «ВаВу» (рус. «ваву» или детский магазин?, г. Донецк);
- «ВАВОСНКА» (рус. «Вавоска» или ателье «Бабочка»?, Донецк);
- «Мебельтут» (специальная ошибка? г. Краматорск).

Новые собственники, исключив привычные формулы именований, стали обходить закон о товарных знаках при помощи языковых ухищрений или ребрендинга, например:

- *Молоко* (магазин молочных товаров) > *МоЛоко* (ТЦ);
- *Фокстрот* (магазин электроники, Украина) > *Фокс* (ДНР);

- *Амстор* (ТЦ, Украина) > *Амстор Sity* (ТЦ, ДНР);
- *Мётро* (гипермаркет, Украина) > *Мост* (ДНР) > *Манна* (ДНР);
- *Укртелеком* (Украина) > *Комтел* (ДНР);
- *Варус* (ТРЦ, Украина) > *Парус* (ДНР);
- *Балерина и бифитекс* (кафе, Краснодар) и т. п.

На этом «трендовое онимотворчество» не остановилось. Положения Гражданского кодекса, относящиеся к товарному знаку, были постепенно перенесены на реальные предприятия и учреждения, лишив их адресно-выделительной функции и выпятив «настоящих» хозяев:

- *Частное акционерное общество «Горловский машиностроительный завод «Универсал»*;
- *Муниципальное образовательное учреждение «Гимназия № 92 г. Донецка»*;
- *Образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкая академия транспорта»*;
- *Государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «ДОНЕЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»* (в нём дважды можно повысить своё педагогическое образование!) и т. п.

Магазины перестали быть «магазинами», университеты «университетами», студенты «студентами», ректоры «ректорами», а фантазийные графические «образы» настолько изменили традиционные модели именования, что стали неузнаваемыми с точки зрения графики, грамматики, семантики и лексической наполняемости:

- *Стоматология «Добрый Сусанин»* (г. Севастополь);
- *Видеоальбом «Ъ»*;
- *Ремонт окон «Арт Тек»* (Донецк);
- *SushiBar «ИГАДАКИМАСУ»* (г. Краматорск);

- *Магазин одежды «7 Я»* (г. Донецк);
- *Сосиски «Сосисон»*;
- *Ресторан «Титаник»* (г. Донецк);
- *Автомойка «Цунами»* (г. Макеевка);
- *Алкомаркет «Вино ГРАД»* (г. Феодосия);
- *СтоловаяЯ* (г. Славянск-на-Кубани);
- *Руководитель образовательной организации А.Я. Аноприенко* (так представлен ректор Донецкого национального технического университета в дипломах выпускников магистратуры государственного управления);⁴⁹
- *Стоковый магазин «Б/Улыбка»* (г. Макеевка);
- *Государственное бюджетное нетиповое общеобразовательное учреждение «Республиканский многопрофильный лицей-интернат «Григорьевская школа» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики»* (г. Донецк);
- *Кафе «Ко ФеЯ»* (г. Донецк);
- *Магазин «Май КА»* (г. Мелитополь) и т. п.

Специалисты в области нейминга перестали заботиться о юридически грамотной подаче информации о руководителях и предприятиях и стали конструировать модели языковых ухищрений, вуалирующих устоявшиеся нормы, с одной стороны, для того чтобы выдержать требования закона о товарных знаках, а с другой, чтобы поразить обывателя «необычностью» рекламы с целью навязать свой товар или услуги.

⁴⁹ Далее напрашивается вывод о том, что по логике эргонимов (**ООО «Учебный центр «Охрана труда»**) станет возможным и дополнение «несовершенной» формы антропонимов новой «правовой» расшифровкой с помощью онимных «разъяснений»: **Руководитель образовательной организации «ректор А.Я. Аноприенко»**; **Работник завода «Главный бухгалтер М.И. Спиридонова»**; **Обучающаяся «Ученица 7 класса Муниципального общеобразовательного учреждения «Гимназия № 70 г. Донецка» Стукалова Дарья»** и т. п.

Чтобы выйти из ситуации нарастающих противоречий, ономастике необходимо направить вектор языковых разработок на получение достоверной информации об именуемом объекте и защиту прав потребителя:

а) регулировать процессы графической фиксации, допустив иностранную графику только в случае, если за ней кроются узнаваемые мировые бренды (*Samsung, Toshiba, Chanel*) с их возможной заменой на кирилличное письмо (*Самсунг, Тошиба, Шанель*) без графогибридизации (*СамSunг*);

б) определять границы возможного перевода рекламных номинаций в разных информативных ситуациях:

- рус. *Молоко* // англ. *Milk* (Краснодар), но рус. *MoЛоко* // англ. *MoLoko*;
- рус. *Парикмахерская* // англ. *Barbershop* (Донецк);
- кр.-тат. *Кафе «Дженет Кошеси»* // рус. «*Райский уголок*» (Симеиз);
- рус. *Донецкий национальный технический университет* // англ. *Donetsk National Technical University*;

- рус. кафе «*Мясо в печи*» (Феодосия) // англ. // «*Meat in the oven*»;

в) отстаивать и совершенствовать методы лингвоправовой экспертизы, исключаящей онимоформы, не укладывающиеся в понятие культуры речи и онимной нормы:

- закусочная «*Ешьбургер*» (Донецк) – «*Ешь бургер*»;
- кафе «*Ешька*» (Артёмовск) – «*Ешь-ка*»;
- строительный магазин «*ПолМира*» (г. Макеевка) – «*Полмира*»;
- бар «*ТрАллеБус*» (Киев) – «*Троллейбус*»;
- стадион «*Донбасс Арена*» (Донецк) – *Донбасс-арена*;
- *Parfums & Cosmetics «Дутый Фри»* (Донецк) – «*Duty Free*».

Выполнение таких требований возможно, если они будут зависеть не от субъективной моды или речевого вымысла, а от научно разработанных принципов проприноменологии.

5.2. Легитимация принципа неприкосновенности собственного имени

Социальной проблемой русской и, шире, постсоветской ономастики является неустойчивость современного онимного фонда, хотя необходимость закрепления права на его неприкосновенность вытекает из статьи 35 Конституции РФ: «1. Право частной собственности охраняется законом. 2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. 3. Никто не может быть лишён своего имущества иначе как по решению суда» [45]. Суть этой статьи по отношению к именам собственным состоит в том, что, кроме собственника, никто не вправе изменить их правовой смысл субъективными «правками» и переименованиями.

5.2.1. Перевод и эквивалентность в ономастике. Логичное перенесение закона о неприкосновенности собственности на его онимные атрибуты исключает понятие перевода или лексической адаптации, которые должны трактоваться не иначе, как манипуляция историей и культурой [506].

В топонимии:

- с. Красное (Киевская обл.) ≠ укр. Червоне (правильно Красне «красивое»);
- с. Свободное (Крым) ≠ укр. Вільне (правильно Свободне);
- г. Набережные Челны (РФ) ≠ укр. Набережні Човни (правильно: Набережні Челни);
- пос. Приятное Свидание (Крым) ≠ укр. Приємне Побачення (правильно: Приятне Свидання);
- с. Межевое (Крым) ≠ укр. Суміжне (правильно: Мєжове);

- с. *Овощное* (Крым) ≠ укр. *Овочеве* (правильно: *Овощне*);
- КБ «Южное» (г. Днепропетровск) ≠ укр. КБ «Південне» (правильно: «Южне»);
- рус. *Перемышль* ≠ польск. *Przemysł*.

В антропонимии:

- *Владимир* ≠ укр. *Володимир* (правильно: *Владимир*);
- *Ефрем* ≠ укр. *Охрім* (правильно: *Єфрем*);
- *Ефим* ≠ укр. *Юхим* (правильно: *Єфім*);
- *Ксения* ≠ *Оксана* (правильно: *Ксенія*);
- *Евдокия* ≠ укр. *Явдоха* или *Докія* (правильно: *Євдокія*) т. п.

О возможности перевода можно говорить лишь в том случае, если он связан с передачей смысла онимного денотата, который приобретает новые информативно-языковые ресурсы в другой проприальной культуре.

1. Статус международной значимости, который требует передачи информации об объекте при помощи полного перевода всех конструктивных элементов именования на все языки:

а) если он связан с международной историей, культурой, политикой или хозяйственной деятельностью:

- рус. *Красное море* = укр. *Червоне море* = англ. *Red Sea*;
- рус. *Северный Ледовитый океан* = укр. *Північний Льодовитий океан* = англ. *Arctic Ocean*;
- англ. *USA, United States of America* = рус. *США, Соединённые Штаты Америки* = укр. *США, Сполучені Штати Америки*;
- англ. *UNO, United Nations Organization* = рус. *ООН, Организация Объединённых Наций* = укр. *ООН, Організація Об'єднаних Націй*;
- англ. *North Atlantic Treaty Organization* = рус. *Северо-Атлантический блок* = укр. *Північно-Атлантичний блок*;
- рус. *Красная Армия* = укр. *Червона Армія* = англ. *Red Army*;

– рус. СССР, Союз Советских Социалистических Республик = укр. СРСР, Союз Радянських Соціалістичних Республік = англ. USSR, Union of Soviet Socialist Republics;

– рус. Великая Отечественная война = укр. Велика Вітчизняна війна = англ. (the) Great Patriotic War;

– рус. роман Л.Н. Толстого «Война и мир» = укр. «Війна і мир» = англ. «War and Peace» и т. п.;

– рус. роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» – англ. *Quiet Flows the Don*;

– рус. кинофильм «Доживем до понедельника» – укр. «Доживемо до понеділка».

б) если онимная информация актуальна для её потребителей:

– рус. Южный автовокзал = укр. Південний автовокзал = англ. *Southern bus station* (информация о направлении движения автобусов);

– рус. Магазин нужных вещей «Тащи всё в дом!» (Донецк) = укр. Магазин потрібних речей «Тягни все додому!» (реклама, имеющая маркетинговый смысл) и т. п.;

в) если объекты связаны с мемориализацией событий, фактов или явлений (её показателем является лексическое дополнение в виде слова «имени»):

– рус. бульв. <имени> Шахтостроителей = укр. Шахтобудівельників = англ. *Minebuilder Boulevard* (назван в честь шахтостроителей Донбасса);

– англ. *Richard the Lionheart* // фр. *Richard Cœur de Lion* // рус. Ричард Львиное Сердце;

– рус. ул. <имени> 8 Сентября = укр. вул. 8 Вересня = англ. *September 8th Street* (дата, связанная с Днём освобождения Донбасса);⁵⁰

⁵⁰Если название объекта не связано с мемориализацией (к нему нельзя добавить слово «имени»), перевод становится невозможным: рус. микрорайон «Северный» – укр. «Сєверний» англ. «*Severnyy*»; рус. шахта «Южнодонецкая» – укр. «Южнодонецька» – англ. «*Yuzhnodonbasskaya*»; ул. Сентябрьская – укр. Сєнябрьська – англ. *Sentyabrskaya*.

– рус. *Иван Грозный* // англ. *Ivan the Terrible*.

2. Статус межнациональной значимости, который устанавливает степень возможности языковых соответствий или перевода в контактных языках:

– рус. ул. *Горная* > укр. *Гірнич*а в Донбассе (основа *-гірнич-* связана с *горной промышленностью* = укр. *гірничною промисловістю*), но *Гірська* в Карпатах (корень *гір-* связан с понятием «гора»), хотя за пределами контактных языков название будет передаваться при помощи транскрипции (в первом случае от формы *Горная*, во втором – от *Гірська*);

– река *Одер* (нем. *Oder*) // *Одра* (польск. *Odra*) // *Водра* (верхнелуж. *Wódra*): вариативность связана с пространственностью водного объекта, протекающего по территории разных государств и языковых сообществ;

– рус. г. *Константинополь* (компактное поселение греков в Донбассе) от имени римского императора *Константина* и гр. *πολίς* «город» > укр. *Константинополь*, а не *Костянтинопіль*;

– рус. г. *Константиновка* > укр. *Костянтинівка* (от слав. *Костя*);

– рус. г. *Доброполье* > укр. *Добропілля* (от рус. *доброе поле* > укр. *добре пілля*).

3. Статус индивидуально-национальной значимости, который отрицает перевод, но допускает фонетико-графические изменения в антропонимах и наименованиях метафорического характера у объектов муниципальной или частной собственности:

– рус. ул. *Сентябрьская* – укр. *Сентябрьська*, а не *Вереснева*;

– рус. *Василий, Елизавета, Анна, Филипп* – укр. *Василій, Єлизавета, Анна, Філіп*, а не *Василь, Лизавета, Ганна, Пилип*;

– укр. *Вовк Микита* – рус. *Вовк Микита* (а не *Волк Никита*);

– рус. ул. *Октябрьская* – укр. вул. *Октябрьська* (а не *Жовтнева* – связь с Октябрьской революцией утрачена);

– пос. *Голубой Залив* (Крым) – укр. *Голубий Залив* (а не *Блакитна Затока*);

– рус. м-н «Южный» – укр. м-н «Южний» (информация о «юге» не имеет для пользователя никакого значения);

– рус. пр. 25-летия РККА (г. Донецк) – укр. пр. 25-річчя РККА, а не РСЧА (информация о Рабоче-Крестьянской Красной Армии утрачена).

– рус. Геннадий – укр. Геннадій, бел. Геннадий;

– рус. Григорий – бел. Грыгорий – укр. Григорій;

– бел. Рыгор – рус. Ригор;

– укр. Гри[ы]гор – рус. Григор;

– рус. Дмитрий – укр. Дми[ы]трій, бел. Дмітрій;

– укр. Дми[ы]тро – рус. Дмитро;

– бел. Дзміцер – рус. Дзмицер.

– рус. такси «СССР» – укр. таксі «СССР».

4. Статус экзонимов (от греч. ἔξω «вне» + ὄνομα «имя»), который узаконивает появление межъязыковых вариантов, используемых тем или иным языковым сообществом на основе узуса (сложившейся традиции):

Вена (нем. *Wien*, фр. *Vienne*, ит. *Vienna*, польск. *Wiedeń*, чешск. *Vídeň*, укр. *Відень*). Экзоним пришёл в русский язык в XVII в., скорее всего, из диалектного немецкого *Wiena*.

Венгрия (венг. *Magyarország* // *Magyar Népköztársaság* «страна венгров»; польск. *Węgry*, лат. *Hungaria*, укр. *Угорщина*). Экзоним в русском языке стал употребляться в XVII в., пройдя путь от древнерусского *Угры*, *Угре* («у горы») через описательную модель *Угорская земля*, или *Венгерская земля* (полонизованное произношение) к форме *Венгрия*. В украинском языке продолжает употребляться древнерусская модель, хотя встречается и этноэкзоним *мадяри*.

Германия (нем. *Deutschland*, лат. *Germania*, англ. *Germany*, фр. *Allemagne*, исп. *Alemania*, польск. *Niemcy*, чешск. *Německo*, укр. *Німеччина*). В русском языке первично употреблялась традиционная для славян форма *немцы*, т. е. «немые», к

которым причисляли всех иностранцев и которая стала основой для топонима *Немцы*, а потом сменилась описательной моделью *Немецкая земля*. Хороним *Германия* зафиксирован только в XVI в., хотя при этом не вышли из употребления экзоэтноним *немцы* и форма *Німеччина* в украинском языке.

Париж (фр. *Paris* [пар'и]). Современный экзоним возник в русском языке из герм. *Paris*, где звонкий [s] произносился как нечто среднее между [ж] и [з] и был воспринят славянами как [ж] (ср. польск. *Pariz*).

Рим (ит. *Roma*). Современная русская форма, известная ещё с IX в., возникла под влиянием др.-в.-нем. наречия, где *Rūma* звучала как *Рим*.

Финляндия (фин. *Suomi*). Форма из экзонима *финн* традиционна и употребляется практически во всех языках мира. Национальный вариант *Suomi* можно услышать в самой Финляндии только на саамском языке.

НАТО < англ. *NATO*: в переводе не было необходимости из-за устоявшегося восприятия объекта именно в такой форме.

Джомолунгма (тиб. *qomo* «божественная» + *lung* «жизненная сила» // неп. *Сагарматха* – «вершина неба» // англ. *Mount Everest* в честь руководителя геодезической службы Британской Индии в 1830–1843 гг. сэра Джорджа Эвереста).

ЮБК (*Южный берег Крыма*) – укр. *ЮБК* (но *Південний берег Криму*) и др.

5.2.2. Специфика межъязыковой адаптации апеллятивов и онимов.

Двойственная природа собственного имени (языковая и правовая) предполагает разные подходы к апеллятивной и онимной лексике при фиксации их межъязыковых трансформаций.

Отличие апеллятивной лексики состоит в том, что для неё форма презентации в разных языках не играет роли, хотя для онимов она становится принципиальной. Если для апеллятивов главным является передача лексического

значения, что достигается переводом и максимальным приспособлением словарной единицы к другим языковым системам, то для собственных имён обязательным становится сохранение информации об объекте номинации с использованием нового произношения и оригинальных графических знаков.

Форма собственного имени связана с потенциально бесчисленным множеством языковых систем, в которых оно функционирует, поэтому заявленная в учебниках тема о правописании имён собственных лишена оснований и часто сталкивается с несовершенством декларируемых принципов [76; 95; 396].

Решающим элементом адекватной передачи онимов в другом языке становится графика, с помощью которой достигается компромисс между разными алфавитами с целью сохранения уникальной информации об объекте номинации. Заимствования онимной лексики приобретают в этом случае характер *облигативных* (от лат. *obligātus* «обязательный, неременный»), поскольку язык-рецептор лишён права выбора. Он обязан принимать проприальную единицу в том виде, в каком она бытует в языке-ономизаторе или языке-источнике, а изменения в его фонетике и графике не должны затрагивать смысл именуемого объекта. Собственные имена «...принадлежат к так называемой международной лексике и переходят из одного языка в другой и из диалекта в диалект в той или почти той же материальной форме, в какой они употребляются в породившем их языке или диалекте» [426, с. 31].

С одной стороны, новая форма должна узаконить «принадлежность» онима к проприальной культуре языка-ономизатора, а с другой – вписать его в фонографическую (прежде всего) и грамматическую систему языка-рецептора (во вторую очередь). Если эта «разность» не учитывается, обладатель имени становится заложником захваченной внешним игроком собственности, что ставит под сомнение существование паспортов и других документов, удостоверяющих личность:

– рус. *Дарья* ≠ укр. *Дарина* // *Одарка*;

- рус. *Лавр* ≠ укр. *Лавро*;
- рус. *Красное Поле* ≠ укр. *Червоне Поле*;
- рус. *Рабочие Городки* ≠ укр. *Робітничі Містечки*;
- рус. ул. *Советская* ≠ укр. *Радянська*;
- рус. ул. *Речная* ≠ укр. *Річна* и т. п.

Такие манипуляции, однако, происходят повсеместно в тех проприальных культурах, где «приписка» граждан с разной национальной культурой к формату одного государственного языка возведена в ранг закона. Его, как правило, сопровождает мысль о надуманности проблемы функционирования вариативных собственных имён в исторически близких языках. На самом деле, чем ближе по родству языки, тем сложнее фиксировать в них СИ, а «неродственность» языков уменьшает риск их ошибочной презентации.

Иноязычные собственные имена «понятны» нам своей «иноязычностью». Мы без особых усилий узнаём в онимоформах *Сингапур*, *Пекин*, *Париж*, *Нью-Йорк*, *Янцзы*, *Мишель* «иностранцев» с их точной официальной «биографией», но совсем или не совсем понятным смыслом, заложенным в их языковой структуре:

- *Сингапур* – город-государство в Юго-Восточной Азии;
- *Пекин* – столица Китая;
- *Париж* – столица Франции;
- *Нью-Йорк* – мегаполис в США;
- *Янцзы* – река в Китае;
- *Мишель* – гражданин Франции и т. п.

Такие собственные имена не претендуют на перевод в официально-деловом контексте (иначе огромное количество названий в разных языках, типа *Ново-Место*, *Неаполь*, *Нейбург*, *Новабад*, *Ньюстэд*, *Нейштадт*, *Новоград*, *Невилль*, связанных с понятием «новый город», превратились бы в русский *Новгород*) и не вызывают особых трудностей при функционировании в неродственной языковой действительности. Для этого вполне достаточно учитывать нормы передачи

специфических звуков (*Neustadt* – *Нейштадт*, *Austria* – *Австрия* (см.: Д.И. Ермолович [188]) или опираться на многовековую традицию их речевого употребления, если таковая имеется (как в случае с формами *Париж* [пʌр'й] (фр. *Paris*) или *Лондон* [лʌндън] (англ. *London*), «копирующих» графику языков-источников.

Тезисно подход к иноязычным собственным именам можно изложить в трёх рекомендациях:

1. Как можно точнее передавать произношение в языке-источнике при помощи практической транскрипции с учётом системных особенностей языка-рецептора (см.: А.В. Суперанская [438]:

- рус. *Бордо* от фр. *Bordeaux* (а не *Бордеаукс*);
- рус. *Нью-Йорк* от англ. *New-York* (а не *Нев-Йорк*);
- рус. *Шевроле, Рено* от фр. *Chevrolet, Renault* (а не *Шевролет, Ренаульт*);
- укр. *Симферополь, Симеїз, Кацівелі* (а не официально зарегистрированные *Сімферополь, Сімеїз, Кацівелі*, поскольку такое написание противоречит особенностям произношения звуков [i] – [и] в украинском языке);
- укр. *Швець, Кравець, Паляниця, Рябець, Перепелиця* несмотря на рус. *Швец, Кравец, Паляница, Рябец, Перепелица* (мягкость звука [ц'] в украинском языке идентифицирует славянина), но *Фріц* (твёрдость звука [ц] идентифицирует не славянина).

2. Соблюдать исторически сформированный языковой узус:

- рус. *Венгрия* от польск. *Węgry*, несмотря на венг. *Magyarország*;
- укр. *Німеччина* от «немой», несмотря на нем. *Deutschland*;
- укр. *Іспанія, Європа*, а не *Еспанія, Европа*;
- укр. *Відень* от польск. *Wiedeń*, несмотря на нем. *Wien*, и т. п. [271];

3. Ориентироваться на написание (транслитерацию), если от неё зависит узнаваемость объекта номинации:

– нем. *Neustadt* > укр. *Нойштадт*, а не *Нойштам* (чтобы не спутать «город» с понятием «штат»);

– рус. *Вамм*, *Крамм* > укр. – *Вамм*, *Крамм* (фамилии немецкого происхождения; хотя единица мощности в укр. языке – *ват*);

4. Ориентироваться на произношение (транскрипцию), если от него зависит национальная идентификация имени собственного: укр. *Геґель*, а не *Гегель* или *Хегель* от нем. *Hegel*).

Таким образом, «двойственность» в выборе фонетико-графического «рисунка» в разных языковых контекстах требует постоянной коррекции произносительных вариантов в их письменной фиксации, опирающейся не на речь, а на оригинальность онимных норм в близкородственных языках.

5.2.3. Пределы возможной фонографемной адаптации. Формальная адаптация собственного имени в родственных языковых контекстах связана с ясностью восприятия лексического значения входящих в структуру именованного слов и сложности их правовой передачи из-за графической близости букв, но разности в их звучании и функциях. Для русско-украинского языкового контекста это прежде всего относится к мягкому знаку, апострофу, буквам «е», «и», мягкости-твёрдости произношения, упрощения в произношении и удвоении в написании. Нормы в этом случае зависят от знания функций названных букв в русском и украинском языках.

Мягкий, твёрдый знаки и апостроф в русском языке

Мягкий знак в русском языке употребляется:

1) как показатель мягкости: *Рубикон* – *Рябоконь*;

2) как знак морфологических характеристик слова:

– ж. р. 3-го скл. существительного: «*Степь*» (повесть А.П. Чехова);

– 2-го лица ед. ч. глагола; *Ольга Видишь*;

– повелительного наклонения глагола: *анимационный проект «Знакомьтесь, Боб»*;

– наречий на шипящий: *«Вскачь, задом наперёд»* (роман Арнольда и Эми Минделл);

– разговорной частицы *бишь*: *то-бишь* в значении *то есть*;

3) как разделительный мягкий знак с «йотированностью» букв «я», «ю», «е», «ё», «и» (*Дьяков, Арсеньев*), в том числе и с твёрдым произношением (*Хьюстон, Соловьёв, Воробьиная оратория*).

Твёрдый знак в русском языке дублирует функции разделительного мягкого знака при твёрдом произношении на стыке морфем: *Марина Подъясенева* (приставка отделена от корня).

Апостроф в русском языке употребляется для отделения «родовой» приставки от слова во французском и некоторых других европейских языках, указывающей на аристократичность фамилий (фр. *D'Artagnan* > рус. *Д'Артаньян*) или на ж. р существительного (фр. *L'Etoile* > рус. *Л'Этуаль*).

Мягкий знак и апостроф в украинском языке

Мягкий знак в украинском языке употребляется исключительно как показатель мягкости предыдущего согласного (*Коростень*), в том числе как разделительный знак с указанием на йотированность произношения букв «я», «ю», «є», «ї» в собственных именах, пришедших из других языков (в том числе русского происхождения): рус. *Дьяков* = укр. *Дьяков*, а не *Д'яков* (но: рус. *Прокофьев* – укр. *Прокоф'єв*).

Апостроф в украинском языке указывает на твёрдость и раздельность произношения, выполняя функцию антонимичности по отношению к разделительному мягкому знаку:

– рус. *Хьюстон* – укр. *Х'юстон* (апостроф фиксирует твёрдость предыдущего согласного с йотированным произношением [йу], фонетический признак);

– рус. *Воробьиная оратория* (мягкий знак передаёт отдельное произношение в корне слова: морфологический признак) – укр. *Вороб'їна ораторія*), а не *Вороб'їна ораторія*, потому что звук [б] твёрдый.

Передача букв «е», «и»

Буква «е». Как правило, русская буква «е» [‘е] в основах СИ передаётся украинской буквой «е» [э]: *Державін, Нева, Онегін, Безухов, Веселовський*. Употребление буквы «є» возможно лишь при мягком произношении предыдущего согласного:

а) в суффиксах **-ев-** или **-еев-**, если они стоят не после шипящих, [ц] или [р]: *Малеев, Корнеев, Соболев*, (но: *Лазарев, Писарев, Плещеев Аракчеев*);

б) если в родственных украинских словах выступает звук [і], передающий мягкость предыдущего звука: *Беликов* (от укр. *білий*); *Мешков* (от укр. *мішок*); *Меркулов* (от укр. *міркувати*) но: *Білик, Білоусенко*, а не *Белик, Белоусенко* как украинские по происхождения фамилии.

Буква «и». Чаще всего в основах собственных имён она передаётся украинской буквой «і»: *Нікітін, Ніколаєв, Сахалін, Тагіл, Мічурін*. Буква «и» [ы] появляется только тогда, когда произношение [і] в украинском контексте невозможно:

а) после шипящих и [ц]: *Щи[ы]пачов, Анци[ы]феров, Перечи[ы]н*;

б) в приставке **при-** и суффиксах **-ик-**, **-ич-**, **-иц-**, **-ищ-**: *При[ы]морськ; Ратни[ы]ков, Угли[ы]ч, Станкеви[ы]ч, Бронни[ы]ці, Ради[ы]щев* (в украинском языке приставка **прі-** – синоним русской **-про**, поэтому употребляется только в словах *прірва* (рус. *пропасть, прорва*), *прізвище* (рус. *фамилия*) и *прізвисько* (рус. *прозвище*);

в) если в родственных украинских словах выступает звук [ы]: *Миргородський* от *ми[ы]р*; *Пивоваров* от *пи[ы]во*; *Писарев* от *пи[ы]сати* (но: рус. *Калинин, Калинин* > укр. *Калінін, Калінкін*, а не *Кали[ы]нін, Кали[ы]нкін*,

т. к. в этих случаях связь с украинской *калиною* утрачена (в отличие от украинской фамилии *Кали[ы]ни[ы]ченко*);

г) в фамилиях на *-их*: рус. *Легких*, *Польских*, *Лихих* – укр. *Легки[ы]х*, *Польськи[ы]х*, *Лихи[ы]х*.

Особенности произношения

Твёрдость / мягкость. Шипящие [ж], [ч], [ш] и [р] в украинском языке в конце слова и слога произносятся твёрдо, а [з'], [ц'], [с'] в этих же позициях – мягко. Вот почему рус. *Керчь*, *Токарь*, *Писарь*, *Донецк*, *Майорск*, *Швец*, *Кролевец*, *Рябец*, *Бугаец* в украинском языке произносятся и фиксируются как *Керч*, *Токар*, *Писар*, но *Донецьк*, *Майорськ*, *Швець*, *Кролевець*, *Рябець*, *Бугаєць*. При этом имена и названия, типа *Фріц*, *Кац*, *Ліфшиц*, *Клаузевиц*, *Лаузиц* произносятся с твёрдым [ц] и фиксируются без мягкого знака как онимы неславянского происхождения.

Упрощение. Для украинского языка произношение более двух согласных и гласных нетипично, поэтому в СИ иностранного происхождения наблюдается «упрощение» согласных (в первом случае) и «протезирование» с добавлением «й» или «в» (во втором случае), часто сопровождаемое чередованиями: рус. *Солнцево*, *Запорожская Сечь*, *Прилукский район*, *Измаил*, *Олег Неижпапа*, *Киев*, *Иордан*, *Иосиф* – укр. *Сонцеве*, *Запорізька Січ*, *Прилуцький район*, *Ізмаїл*, *Олег Неїжпапа*, *Київ*, *Йордан*, *Йосип* (но *Іоланта*, *Іосиф*, поскольку они не связаны с православной культурой).

Удвоение. В украинском языке удвоение может происходить при удлинении произношения между гласными перед «я», «ю», «є», «і» на месте исторического звука [й]: рус. *Доброполье*, *Прилучье*, *Забайкалье*, *Задонье*, *Приамурье* – укр. *Добропілля*, *Прилуччя*, *Забайкалля*, *Придоння*, *Приамуррря*.

5.3. Лингвоправовые критерии освоенности онимной лексики

Фонетико-графическая адаптация собственного имени обеспечивает его неприкосновенность лишь на уровне формы, но не позволяет говорить об освоенности, если межъязыковые варианты СИ разрушают восприятие смысла онимного денотата.

Так, фамилия *Білоусенко*, зафиксированная в русском языке как *Белоусенко* сохраняет лексическое значение, но не позволяет идентифицировать украинское происхождения рода, о чём свидетельствует не только финаль *-ко*, но и корень *біл-*. Следовательно, для украинской фамилии *Білоусенко* правильным является русский эквивалент *Билоусенко*, а для русской фамилии *Беликов* – украинский вариант *Бєликов*).

Термины *графема*, *фонема*, *ударение*, *морфема*, характеризующие апеллятивную лексику, в проприономенологии следует дополнить поэтому лингвоправовыми понятиями *графоним*, *фононим*, *акцентоним* и *морфоним* – наименьшими межъязыковыми единицами проприальной лексики, с помощью которых на фонетико-графическом и структурно-морфологическом уровнях возможно точно фиксировать принадлежность номинации к конкретной национальной культуре и её социальной истории.

Например, с точки зрения языка передача русских названий *Углегорск* и *Святогорск* при помощи украинских форм *Вуглегірськ* и *Святогірськ* кажется нормой. Они в обоих случаях связаны с фонетическими чередованиями [o] – [i] в закрытом слоге или заменой суффикса *-ск* на *-ськ*. Однако в первом случае речь идёт о *городе*, где добывается *уголь* / *вугілля* (правильно: *Вуглегорськ*), а во втором появляется необходимость зафиксировать информацию о *Святых горах*, поэтому замена морфони́ма *-гор* на *-гір* становится обязательной (правильно: *Святогірськ*).

Произносительные варианты *gor-* / *gir-* не всегда можно переносить в письменную речь, если она связана с разной информацией о собственном имени. В то же время *фонемы* в морфемах *уголь* // *вугілля* и *ск-* // *-ськ* вполне оправданы (*Углегорск* = *Вуглегорськ*), поскольку они не влияют на восприятие информации в родственных языках (но фамилия *Углегорський* не может быть изменена в *Вуглегорський*, поскольку она не связана с углём).

Таким образом, возможность изменения формы имени в родственных и контактных проприальных культурах определяется смыслом их минимальных лингвоправовых единиц.

5.3.1. Прописная буква и кавычки в роли графонимов. Главное отличие апеллятивной от онимной лексики состоит в том, что если для имён нарицательных главным является передача лексического значения в любом из языков и в любой из форм речи (устной или письменной), то для официальных собственных имён обязательным является сохранение информации об объекте номинации в письменной речи с помощью графических символов. В устной речи нет и не может быть таких средств выражения, как кавычки, прописная буква, шрифт, варианты написания, внеязыковые символы, а значит, она не способна адекватно передавать письменные сигналы официального контекста. Вот почему графические «казусы» отражаются на судьбе собственного имени и его обладателей с более серьёзными правовыми последствиями, нежели в устной речи. Чаще всего они наблюдаются на уровне графики родственных языков (в данном случае, восточнославянских, которые используют общий кириллический алфавит), в которых одинаковые буквы не всегда точно передают смысл собственного имени: рус. *Арте[‘о]мов* ≠ укр. *Арте[э]мов* (правильно: *Артьо́мов*); рус. *Хь[хй]юстон* ≠ укр. *Хь[х’й]юстон* (нужно: *Х’[хй]юстон*).

В таких случаях уместно говорить не о буквах (графемах), а о *графонимах* (гр. *ἐξώ-* «вне» + *γράφω* «пишу» + *ὄνομα* «имя») – наименьших единицах проприальной лексики, с помощью которых на графическом уровне идентифицируется номинация по её принадлежности к конкретной национально-языковой культуре: *Александр* (русский), *Олександр* (украинец); рус. *Арте*['о]мова = укр. *Артьо*['о]мова (варианты русской фамилии), но укр. *Арте*[э]мко (фамилия украинки).

В русской ономастике роль графических символов необычайно высока. Правовая «судьба» собственника и его собственного имени кардинально решается здесь в письменной форме, поскольку на устную форму нельзя опираться по нескольким причинам.

Во-первых, она не имеет технических средств выделения собственных имён в потоке речи. Их можно услышать, но нельзя увидеть.

Во-вторых, её ситуативность и привязанность к конкретному месту и времени создают условия для преобразования множества формально-грамматических вариантов собственных имён (*Иван Петрович*, *Енакиево*, «*Всегда*», *Солёная*, «*Farsh*», «*Алло*», «*Світанок*») в ограниченное количество онимных денотатов (*бухгалтер*, *город*, *такси*, *река*, *тюнинг-ателье*, *магазин*, *кафе*), расширяющих, однако, поле для речевых коннотаций или внешних интерпретаций (референтных значений):

– *Акулина* – «простая, малообразованная женщина...», «некрасивая и бездуховная женщина...», «неопрятная женщина...», «карточная игра» (см.: Е.С. Отин [372, с. 37]);

– *Дмитрий* > *Димон*, *Дима*, *Митяй*, *Митя*;

– *Краматорск* > *Крамаха* (см.: Е.С. Отин [374, с. 99]), *Комаха*;

– *Докучаевск* > *Докуч* (см.: Е.С. Отин [374, с. 49]) и т. п.

Итак, устная речь не в состоянии обеспечить одинаковость восприятия имени собственного. Это может осуществить только официальная номинация в письменной форме:

- рус. *г. Днепропетровск* // укр. *Дніпропетровськ* (а не рус. *Днепр* или укр. *Дніпро*);
- рус. *Дмитрий* // укр. *Дмитрій* (а не *Дмитро*);
- рус. *пос. Еленовка* // *Єленівка* (а не рус. *Оленовка* или укр. *Оленівка*);
- рус. *Точёная* // укр. *Точона* (а не *Точена* или *Точёна*);
- *факультет экономики и менеджмента* (а не *Факультет «Экономика и менеджмент»*);
- *стадион «Донбасс-палас»* (а не *Донбасс Палас*);
- *министр связи* (а не *Министр связи*);
- *Министерство государственной безопасности* (а не *Министерство Государственной безопасности*);
- *Москва-река* (что? – сложное слово с приложением); но *«Москва – река»* (предложение, в котором слово *Москва* является подлежащим, а *река* сказуемым).

Кажущаяся безобидной игра с прописной, строчной и заглавной буквами, кавычками, упрощением и удвоением, синонимичным употреблением дефиса и тире, передачей на письме букв «е», «ё» или мягкого / твёрдого знаков и апострофа разрушает адекватность функционирования собственного имени в правовом поле.

Прописная буква

Проблема употребления прописной буквы в условиях рекламозависимости современного общества приобретает всё больший резонанс. Её роль как категории права обесценивается выделением значимости тех явлений, которые его не заслуживают («*Мы – Лучшая Финансовая Компания в Мире*», «*Ёлка от Городского Главы*» и т. п.). Этому потакает сформированное школьным образование представление о прописной букве как форме уважения (*Вы, Ваши*) и

расширенная трактовка её роли в письменном тексте, из-за чего в большинстве учебников сведения о прописной / заглавной буквах объединяются в одной теме.

Так, в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д.Э. Розенталя [76] к правилам употребления прописной буквы отнесены 28 параграфов («Собственные имена лиц», «Клички животных, наименований видов растений, сортов вин», «Имена действующих лиц в баснях, сказках, пьесах», «Имена прилагательные и наречия, образованные от индивидуальных названий», «Географические названия», «Астрономические названия», «Названия исторически эпох и событий, геологических периодов», «Названия, связанные с религией», «Названия организаций, учреждений, предприятий, иностранных фирм» и т. п.), среди которых оказались и сведения о прописной буквы в начале текста, после определённых знаков препинания, в сложносокращённых слова и аббревиатурах, в условных номинациях, типа «Мир», «Свобода», «Человек», не имеющие к ней никакого отношения. Перечисление СИ, сопровождающее анализ случаев их письменной фиксации, невозможно запомнить и сложно понять из-за непредсказуемого количества употреблений в них прописных букв и странной приписки, «кроме родовых понятий», которая на практике никак не действует:

- **яр** «Буйный», но *г. Часов Яр* (Донбасс);
- **вода** «Нарзан» – но *г. Жёлтые Воды* (Украина);
- *Дон-Жуан* (собственное имя), но *дон Карло* (слово «дон» в значении «господин») и *донжуаны* (в нарицательном значении);
- **партия** *Индийский национальный конгресс*, но *Партия регионов*;
- *гора Казбек*, но *Йошкар-Ола*, хотя *ола* – тоже *гора*;

Противоречивой в подобных контекстах выглядит в общем правильное суждение Д.Э. Розенталя о том, что «...нарицательные существительные в составных географических названиях пишутся с прописной буквы, если они употреблены не в прямом значении и называют объект условно, например: *Белая Церковь* (город), *Красная Поляна* (город), *Красная Горка* (город), *Чешский Лес*

(горный хребет), *Золотой Рог* (бухта), *Болванский Нос* (мыс)», но допускающее исключение: «Но: *Чистые пруды* (улица в Москве, на которой имеются пруды), *Кузнецкий мост* (улица в Москве, часть которой когда-то занимал мост через реку Неглинку), *Никитские ворота* (когда-то ворота в стене, окружавшей Москву), *Коровий брод*, *Каретный ряд* и другие подобные названия, отражающие прошлое Москвы» [76, с. 16].

На самом деле исключений не должно быть, если речь идёт о точности передачи правового статуса любого из разрядов собственных имён по его денотативной соотнесённости (читай: онимному денотату). Эта точность должна закрепляться в кириллическом письме употреблением прописной буквы (а не заглавной, как в большинстве европейских языков), которая акцентирует внимание собственника на юридическом лице или на освоенных человеком объектах, лишённых лексических значений слова и перешедших в сферу социально-правовых отношений:

– *Чистые пруды* (онимный денотат «пруды»), но *Чистые Пруды* (онимный денотат «улица»);

– *Никитские ворота* (онимный денотат «ворота»), но: *Никитские Ворота* (онимный денотат «площадь»);

– *Коровий брод* (онимный денотат «брод» на реке Яуза, через который в XVII–XVIII вв. вели коров на скотопрогонный двор), но: «*Коровий Брод*» (онимный денотат «улица» – совр. ул. 2-я Бауманская);

– *Каретный ряд* (онимный денотат «ряд», где в XVII в. располагались мастерские по изготовлению карет), но: *Каретный Ряд* (онимный денотат «улица»).

Итак, графика *строчных / прописных букв* – основной признак, по которому в русском языке различают НИ и СИ в зависимости от потенциального наличия / отсутствия в их структуре денотатов (абстрактных или онимных):

– *английский банк* (любой банк в Англии – денотат абстрактный), но *Банк Англии* (единственный в своём роде онимный денотат);

– *государственное предприятие* (денотат абстрактный), но *Донецкий металлургический завод* (онимный денотат);

– *Николай* – русский, *Микола* – украинец, *Никола* – серб, *Никос* – грек, *Николя* – француз;

– *Донецкий национальный университет* (прописная буква указывает на г. Донецк), но *Донецкая Народная Республика* (прописные буквы указывают на территорию, охватывающую весь Донбасс);

– *Белосарайская коса* (онимный денотат – «песчаная полоса суши, вдающаяся в Азовском море»), но *пансионат «Белосарайская Коса»* (онимный денотат – «место отдыха»);

– *бертолетова соль* (денотат – имя нарицательное, не связанное с собственником) – *станция «Соль»* (онимный денотат – станция, имеющая адресную приязку к собственнику);

– *настойка валерианы* (денотат не связан с собственником) – *капли Зеленина* (онимный денотат связан с фамилией учёного Зеленина);

– *глава городской администрации* (один из многих) – *Глава ДНР* (единственный в республике);

– *федеральный университет* (денотат абстрактный) – *метро «Университет»* (денотат онимный, обладающий указанием на г. Киев и только ассоциативно связанный с университетом);

– *профильное министерство* (министерство вообще) – *Министерство образования и науки* (имеющее адресную функцию).

Таким образом, решающим при употреблении строчной и прописной букв является апелляция к их правовой природе: НИ оперируют понятиями об однородных предметах и их лексическими значениями, а СИ – самими

предметами с онимным денотатом, лишённым лексического значения, но обладающим информацией о конкретных объектах номинации:

- чердак (*часть дома* под крышей) – «Чердак» (*ресторан* в г. Донецке);
- пика (колющее *оружие*) – Елена Пика (*фамилия*);
- булат (*марка* стали) – Булат Окуджава (*имя* поэта-песенника);
- *театр* военных действий (территория боёв) – *Театр* кукол (г. Донецк);
- *министр* связи, премьер-министр Индии (один из многих в мире) – *Премьер-министр* ДНР (имеющий адресно-указательную и выделительную функцию) и т. п.

Дихотомия «значение – понятие» и «денотат – информация» становится главным условием выбора строчной или прописной букв. Пишется *хулиган*, *молчалины*, *маниловы*, *варфоломеевская ночь*, *морская губа*, *национальный университет*, поскольку в этих словах денотат утрачен, а слова приобретают лексические значения «безобразник», «подхалим», «пустой мечтатель», «кровавая резня», «залив», «учебное заведение»), но фиксируется написание с прописной буквы:

- *Печорины*, *Рахметовы* (ассоциативная связь с конкретным денотатом очевидна);
- *Варфоломеевская ночь* (массовая резня гугенотов в день св. Варфоломея, Франция, 1572 г.);
- *Великая Губа* (город, Россия).

Прописную букву следует отличать от *заглавной* и *строчных* или *сплошных прописных букв*, которые указывают:

1. На границы отдельных предложений: «*Дар слова... Испокон веков его главное назначение в том, чтобы объединять людей* (Ю. Ореховецкий);
2. На условность рекламной номинации с использованием сплошных прописных букв на вывесках, обложках книг, бланках и т. п.: *ОБЩАЯ ХИМИЯ*, *ТЕАТР КИНО*, *УНИВЕРСИТЕТ*, *ПРОДУКТЫ*. В этом случае это не совсем СИ,

потому что формы, типа *Гастроном* (какой?), *Шахта* (где?), *Ресторан* (какой?, где?), *Отдел науки* (чего?), *Президент компании* (какой?), *Директор* (кто?, чего?) являются на самом деле именами нарицательными: в них акцентируется абстрактный денотат, а написание с прописной буквы оправдано лишь рекламной значимостью названий на вывесках и табличках на кабинетах.

Не совсем корректно относить к онимам и названия, типа *Продукты*, *Пиво*, *Электротехника*, которые имеют лексическое значение, характерное для многих объектов подобного рода. Прописная буква, как и раздельное написание слов («*Приват Банк*», «*Строй Центр*», «*Донбасс Палац*»), якобы соответствующее европейской традиции, не являются в русской ономастике атрибутом имени собственного. Но это и не символ особой «значимости» владельцев имён: правописание *Президент компании*, *Глава Городской администрации*, *Приват Банк*, *Заместитель Министра*, используемое в документах, является свидетельством некомпетентности их авторов.

В отличие от большинства западноевропейских культур прописная буква в русском языке является сигнальным знаком, указывающим на неприкосновенность языковых атрибутов собственника (имя, фамилия, отчество) и освоенной или присвоенной им действительности:

- что? – *Приватбанк*, а не *Приват Банк* (что? – банк, какой? – *Приват*);
- магазин какой? – «*Стройцентр*», а не «*Строй Центр*» (что? – Центр, какой? – *Строй*);
- гостиница какая? – «*Донбасс-палац*», а не «*Донбасс Палац*» (что? – Палац, какой? *Донбасс*).

Количество прописных букв в составных именовании, куда в обязательном порядке входит группа онимного денотата (*город*, *река*, *магазин*, *студент*, *университет* и т. п.), не ограничивается, как сказано в большинстве справочников, первым словом, а зависит от того, сколько слов в структуре именовании, теряя лексическое значение, переходят в разряд СИ,

- рассказ Ю. Олеши «Три толстяка» > кафе «Три Толстяка»;
- *львиное сердце* – Ричард Львиное Сердце;
- *Золотые ворота* (древние ворота в Киеве) – *Золотые Ворота* (станция метро в Киеве).

Нарицательные по своему происхождению слова *генерал*, *партия*, *клуб*, *капитан*, *главный* могут превращаться в СИ только в том случае, если они теряют лексическое значение и связываются уже с другим онимным денотатом:

- *генерал Антонов* – *улица Генерала Антонова* (не «генерал», а «улица»);
- *партия товара* – *Партия регионов* («партия» ассоциируется с конкретной политической организацией);
- *клуб* – *Клуб офицеров* (имеет указание на адрес);
- *капитан Ратников* – *улица Капитана Ратникова* (не «капитан», а «улица»);
- *управление промышленностью* – *Главное управление финансами* (одно, курирующее массу региональных управлений).

При этом абсолютно не оправданной в русской и, шире, восточнославянской ономастике является перенесение графики названий, уместных для вывески или бланка, в текст документа (например, «*ГИМНАЗИЯ № 92 ГОРОДА ДОНЕЦКА*», *Центр Донецкой Словесности*), в которых нивелируется роль собственных имён (правильно: *Гимназия № 92 города Донецка*, *Центр донецкой слоесности*).

Неприемлемым оказывается и нивелирование роли строчной, прописной и прописных букв в сложных именовании (например: *вуз* – *вузах* – *ВУЗ* – *ВУЗах*, *ДГТУ* – *ДонНТУ* – *ДОННТУ*), вариативно самых невероятных, требующих особых пояснений.

Современное русское написание *вуз* указывает на обычное слово, изменяющееся по падежам (*в вузах*, *из вуза* // укр. *у вузах*, *із вузу*), состоящее из корня и служащее основой для образования непереводаемых на украинский язык

слов (*вузовский учебник* // укр. *вузівський підручник*). В то же время украинское *ВНЗ* – историческая аббревиатура из *вищий навчальний заклад*, не изменяемая по падежам и не образующая новых слов («*внзівського підручника*» как, впрочем, и «*вишівського*» от политического неологизма «*виша*» не существует);

Аббревиатура *ДГТУ «Донской государственный технический университет»* (г. Ростов), не изменяется по падежам и не образует новых слов, но *ДонНТУ* – сложная аббреконструкция «*Донецкий национальный технический университет*» в г. Донецке, а не в Красноармейске, состоящая из двух структурных элементов:

1) *Дон-* – сокращённое собственное имя от *Донецк*, которое фиксируется прописной буквой;

2) *НТУ* – аббревиатура от «*национальный технический университет*», которая фиксируется прописными буквами.

Кавычки

Кавычки в ономастике переносят адресную функцию имени собственного в разряд метафорических коннотаций, обращая внимание на условность ассоциативной информации об объекте (не случайно в польском языке их называют *sudzysłów* «чужеслов»):

- киносериал «*Звёздные войны*»;
- детский сад «*Золушка*» (г. Донецк);
- Грузовые автоперевозки «*Ез Дун*» (Крым);
- гастроном «*BonAppetit*» (г. Донецк);
- закусочная «*Чи-и-и-з-бургер*» (г. Донецк);
- интернет-магазин «*VSEMSMART.ru*» (г. Донецк);
- КБ «*Южное*» (г. Днепропетровск);
- БМПП «*Терминатор*»;
- мороженое «*Лю-Блю*» и т. п.

Кавычки при этом не могут употребляться (но употребляются):

а) если название не обладает адресно-выделительной функцией, т. е. не является именем собственным: *кафедра теоретической механики, факультет техносферной безопасности* (а не кафедра «Теоретическая механика», кафедра «Теоретической механики», факультет «Техносферная безопасность»);

б) если имя собственное передает информацию о реальном объекте номинации: *Донецкий национальный университет* (а не Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»);

в) если один объект приобретает несколько псевдоонимных денотатов и наименований: *Государственное профессиональное образовательное учреждение «Докучаевский техникум» Государственной организации высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»* (рекомендуемый вариант: *Докучаевский техникум Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Тугана-Барановского*).

5.3.2. Экзографонимы в кириллическом письме. В проприономенологии экзотическая графика является одним из непереносимых условий передачи социального смысла наименований, если их межъязыковая природа требует использования дополнительных графических символов, не имеющих аналогов в родном языке.

В русско-украинском языковом пространстве они чаще всего связаны с употреблением букв «е» // «ё» > «э» // «е» // «йо» // «ьо»; «и» // «ы» > «йи» // «і», «и», «ї» и различного типа знаков.

Е // Ё // Э > ЙЕ // ЙО // ЬО > Я // ЙЯ

1. Буквы «е–ё» в практике употребления собственных имён являются наиболее проблемными, поскольку «е» может использоваться в разных

произносительных вариантах: *Дементьев* <Дементьѣев>, *Хрущев* <Хрущов>, *Цеков* <Цэков>, *Есперсен* <Эспэрсэн>), *Ельцин* <Йельцын>, *Ковалев* <Ковальов>), *Ейск* <Йейск >). В речи носителя языка написание не влияет на произношение, но как только требуется перенести его в документальную сферу, возникает масса вопросов: почему *Эзон*, но *Евклид*; *Журавлёв*, но *Мальорка*; *Йоханнесбург*, но *Ёлкин*; *Йемен*, но *Енакиев* и т. п.

Ответы на эти вопросы кроются в степени экзотичности кириллической графики.

Так, в русской письменной традиции в любом из вариантов употребляется «е» (*Дементьев*, *Хрущев*, *Цеков*, *Ельцин*, *Ковалев*), а факультативное использование экзографонима «ё» оправдано необходимостью разграничения разных объектов номинации (например, фамилий *Еришин* и *Ёришин*), что связано с историей её появления.

В древнерусском языке звук [о] мог быть только после твёрдых согласных. А когда они смягчились, возникла проблема письменной фиксации последующего гласного звука. Существовало, например, слово «бечевá», но позже появился вариант «бечѣ́вка», хотя на письме на это никто не отреагировал: все продолжали писать «бечевка», понимая при этом, как его следует произносить.

Буква «ё», таким образом, превратилась в экзографоним. Её появление в конце XVIII в. было связано с княгиней Екатериной Романовной Дашковой – президентом Российской академии наук, которая предложила заменить буквосочетание «йо» или «ьо» более компактной буквой «ё» с умлаутом по образцу немецкой «ö», фиксирующей мягкость согласного звука. Эта инициатива была поддержана Н.М. Карамзиным, хотя её употребление было необязательным, как необязательно оно до сих пор: любой русскоговорящий понимает и без точек, что *Ковалев* – это *Ковалёв*.

Нелепым поэтому выглядит требования юридических служб при смене паспорта предъявлять справки, что *Журавлев* является-таки *Журавлёвым* (факт,

имевший место в ДНР) – замена «ё» на «е» вполне возможна, если она не искажает смысл слова. Для разных фамилий (например, *Ергольский* – *Ёргольский*) употребление буквы «ё» обязательно, но для фамилий, типа *Журавлев*, *Ковалев* графика не имеет значения, поскольку под ударением в суффиксе *-ев* после мягкого [л'] звучит только [’о], а не [’е] или [йе]).

Легитимность графического «нонсенса» подтверждает официальное письмо от 1 октября 2012 г. № ИР 829/08 Министерства образования и науки Российской Федерации «О правописании букв «е–ё» в официальных документах», в котором чётко сказано: «Судебная практика по данному случаю исходит из того, что на основании Правил правописание букв «е–ё» приравнивается. Написание буквы «е» вместо «ё» и, наоборот, в фамилии, имени и отчестве не искажает данных владельца документов при условии, что данные, на основании которых можно идентифицировать лицо, в таких документах соответствуют. Кроме того, судебный прецедент при рассмотрении дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния разрешается в пользу заявителя (истца)» [59].

Совсем иначе обстоит дело с графикой в украинском языке, где предпочтительно фонетическое написание. Поскольку буквы «ё» в украинском алфавите нет, а буква «е» произносится как [э] (*Давиде[э]нко*, *Кравче[э]нко*), то в нём логичнее выглядит фиксация двух звуков при помощи «йо» (*Соловьов*, *Йоргольський*) или «є» (*Є[йе]вген*), а одного звука с использованием буквосочетания «ьо» (*Брильов*).

2. Буква «э» в русском алфавите появилась при заимствовании иностранных слов с соответствующим произношением. Если этот звук продолжать фиксировать русской буквой «е», то ирландский напиток «эль» превратится в «е[йе]ль», а «дуёт» следует воспроизводить как «дúе[йе]т». Для таких случаев и ввели «э-оборотное» – зеркальное отражение буквы «е» для «чужой» реальности,

в которой буква «э» фиксировала звучание одного звука в начале слова (*Элеонора, Эмма, Эзон*) и после гласного по произношению (*Ноэль, Габриэль, Бодуэн*).

Исключение при этом составляет:

а) слово *проект* [пр^эк^т], не имеющее русских аналогов и воспринимаемое как иностранное;

б) некоторые фамилии и имена из европейских языков, в которых оберегали первичную «иностранную» графику:

– дат. *Jens Otto Harry Jespersen* – рус. *Отто Харри Есперсен*;

– др.-греч. *Εὐκλείδης* – рус. *Евклид* (хотя возможен и вариант *Эвклид* под влиянием совосочетания *эвклидова геометрия*).

в) неосвоенные русским языком слова, в том случае если они обозначают «чужие» для русской культуры понятия: *мэр* (существует только как речевая форма), *пэр, сэр, мэтр, кэб, Улан-Удэ, Бодуэн де Куртенэ, Смокинэ София* и т. п.

При этом «за пределами» исключений продолжает употребляться «русская» буква «е» даже в иностранных по происхождению словах, если они вписываются в русскую языковую систему (между согласными и после согласного): *Белла, Барклай де Толли, Эрнест Хемингуэй, Элизабет* (как и *карате, come* и т. п.).

3. Буквосочетания «йе», «йо», «ьо», «йя» вместо букв «е», «ё», «я», которыми выделяются нерусские названия, слова и понятия:

а) пришедшие из германских или других экзотических языков, для которых «правильным» считается написание с «йе», «йо», «йя»: *Гейер, Йемен, Майорск, Йоркшир, Йошкар-Ола, Йоханнесбург Майя, Брайен, Мейерхольд* (но в русских именах и названиях употребляется только «родная» буква «е» или «я»: *Ейск, Екатеринбург, Маяки* и т. п.);

б) пришедшие из романских языков, для которых нормированным считается буквосочетание «ьо»: *Большой Каньон, Мальорка и кроманьонец, почтальон, медальон* (но для русских СИ употребление буквосочетания «ьо» недопустимо: *Потемкин // Потёмкин, Брилев // Брилёв* и т. п.).

Русская экзотичность, однако, не может быть перенесена в украинский язык в связи с наличием в его алфавите букв «е» [э], «є» [йе] и отсутствием буквы «ё», передаваемой буквосочетаниями «ьо» или «йо» в зависимости от мягкого или йотированного произношения.

Орфография опирается здесь на произносительную норму, невзирая на язык-источник: *Дементьев, Хрущов, Цеков, Ельцин, Ковальов, Езоп, Евклід, Журавльов, Мальорка, Йоганнесбург, Йолкін, Йемен, Єнакієве, Єргольський, Йоргольський, Елеонора, Емма, Ноель, Габріель, Бодуен де Куртене, Есперсен, Улан-Уде, Белла, Дерибас, Барклай де Толлі, Ернест Хемінгуей, Елізабет, мер, пер, сер, метр, кеб, Геєр, Майорськ, Йоркшир, Майя, Браєн, Меєрхольд, Великий Каньйон, кроманьйонець, медальйон и т. п.*

«И» // «Ы»

Основной мотив вариативности букв «и» // «ы» связан с историей их разграничения. Шипящие и [ц] в древнерусском языке были мягкими, поэтому, когда они отвердели, правописание продолжало фиксировать звук «и» в корнях слов, несмотря на изменение произношения на твёрдое: *жи[ы]л* и *Жи[ы]лин*, *тишии[ы]на* и *Ши[ы]тиков*, *ци[ы]фра* и *Ци[ы]млянск* и т. п.

К исключениям относятся слова *цыц*, *цыган*, *цыплёнок*, *цыпочки*, собственные имена с аналогичными корнями (*Цыганенко*, *Цыпин*) и слова на *-ций*, *-цын*, *-цы*: *Лисицын*, *Царицын*, *Троицын день*, *Голицыно*, *Клинцы*, *Люберцы*. При этом представляются неубедительными инструкции, позволяющие допускать варианты *Ципко*, *Вицин*, *Ельцин*, *Цицин* наряду с *Цыбин*, *Куницын*, *Курицын*, *Синицын*, *Скобельцын*, *Свицын*, *Солженицын*.

Русскую экзотичность нельзя при этом переносить в украинский язык в связи с наличием в нём «разграничительного» написания «і» ≠ «и», при котором буква «и» вполне логично передаёт русский звук [ы]: *Ципко*, *Віцин*, *Ельцин*, *Цицин*, *Цибін*, *Куніцин*, *Куріцин*, *Сініцин*, *Скобельцин*, *Свіцин*, *Солженіцин* и *щипці*.

И // «ЙИ» > «І» // «Ї»

В современном русском языке в отличие от древнерусского и украинского языков (*Пир'і[йі]н, Ананьї[йі]н*) отсутствует буква «ї», передающая два звука (*Пыр'ин, Ананьин*), хотя в произношении они есть: *Пыр'и[йи]н, Ананьи[йи]н*.

Таким образом, написание и произношение в русском языке не совпадают, хотя языковые носители не видят в этом проблем. Однако как только требуется зафиксировать «неродные» имена и названия, это подчёркивается наличием в их структуре экзографонимов: чешск. г. *Jihlava* – рус. *Йиглава*, кит. Цинь-*Йи* (район Гонконга), фестиваль *Йи* Пенг (Таиланд), тур. *Yiğit Uçan* (актёр *Йыгыт Учан*) – рус. *Йигит Учан* и т. п.

Итак, экзотичность русско-украинского контекста должна быть последовательной. Её суть заключается в том, что она опирается не на произношение, а на специфику графической системы языка-источника:

– фамилия *Їжакевич* не может трансформироваться в *Ижакевич* (правильной была бы русская форма *Йижакевич* от *їжак*, а не *ёж*), но по этой же причине русская фамилия *Ежов* не может превратиться в *Їжов* (правильно: *Єжов*);

– рус. и укр. *Одесса* (от греч. *одессос* «дорога, путь к морю») не может фиксироваться как *Одеса* (ошибочная норма в украинском языке);

– рус. и укр. *Крамм*, *Кронштадт* не поддаются на письме упрощению, поскольку это собственные имена немецкого происхождения;

– рус. *Таллинн* = укр. *Таллінн* (от эст. *talli* «зимний» + *linn* «город»);

– рус. и укр. *Л'Этуаль* (*Л'Етуаль*), *Д'Артаньян* от фр. *L'Etoile*, *D'Artagnan*, поскольку в языке-источнике апостроф отделяет приставку, указывая на женский род существительного или на аристократичность фамильного рода;

– рус. *Россия* ≠ укр. *Росія* (правильно: *Россія*, поскольку название происходит от др.-рус. *россы*).

5.3.3. Роль акцентонимов и фононимов в формировании норм. О вариативности собственных имён, преобразующих один тип имени в другой и акцентирующих проблему нормы, так или иначе заявляли известные ономатологи ещё во второй половине XX века.

По мнению Ю.А. Карпенко, топонимы, кроме исторических, «имеют, как правило, и существующие одновременно синхронические варианты...», подобные вариантам фонем, каждая из которых соотносится с её «основным видом» как с эталоном, который «...значительно отличается от вариантности нарицательных названий...» [214, с. 17].

В связи с этим, утверждает В.А. Никонов, одинаковое написание и происхождение вариантов собственных имён может нивелироваться разным ударением. Если в нарицательных именах ударение чаще всего определяется свойствами системы, принимающей эти слова, то в собственных именах их ударение чаще следует системе, их породившей. Нормы произношения складываются, таким образом, под непосредственным влиянием не только ударения, но и звуковой формы заимствованных собственных имён, для которой решающими становятся понятия «акцентоним» и «фононим».

Под **акцентонимом** следует понимать особенности ударения собственного имени, с помощью которых различаются:

а) имена собственные и нарицательные:

- укр. *ковáль* (рус. *кузнец*) – фамилия *Кóваль*;
- *сне́жный перевал* – *город Снежнóе* (ДНР);
- *пескí* – *пос. Пёски* (г. Донецк);

б) национально-канонические варианты:

- *Пётрович* (сербская фамилия) – *Петрóвич* (русское отчество);
- *Ива́нов* (болгарин) – *Иванóв* (русский);
- *Жи́льченков* (болгарин) – *Жильченкóв* (русский);

- *Богд́анович* (отчество) – *Богданóвич* (фамилия);
- *Степáн* (имя) – *Стéпан* (фамилия);
- *Алексéевич* (от Алексéй) – *Алéксиевич* (от Алéксий);
- *Марíна* (личное имя) – *Мáрина Елена* (фамилия);
- *Кондрáт* (личное имя) – *Кóндрат* (фамилия);

в) украинские фамилии на -ко: *Шва́чко, Сёмко, Ва́лко, Кра́сько* (языческие прозвища) > *Швачко́, Семко́, Валко́, Красько́* (современные двусложные фамилии, в которых ударение переносится с корня на окончание);

г) адъективные фамилии на -ко от от личных или нарицательных имён, в которых ударение переносится на суффикс: *Степáн, Бори́с, Пили́п, ды́ба, во́рон* > *Степанéнко, Борисéнко, Дыбéнко, Воронéнко, Пилипéнко*.

Под **фононимом** понимается звук и его буквенные трактовки в родственных алфавитах, с помощью которых передаётся правовой смысл названия и устанавливаются нормы передачи собственного имени в межкультурном пространстве.

[a] > [a] // [o]

Современные нормы передачи звука [a] в основах собственных имён настолько расшатаны и нестабильны, что сегодня трудно понять, какие из них правильны: если рус. *г. Александрия* = укр. *Олександрія* (Кировоградская обл., Украина), то почему тогда название города *Александрия* в Египте остаётся в украинском языке *Александрією*; почему фамилия *Александров* фиксируется одинаково и в русском, и в украинском языках, но имя *Александр* и название посёлка *Александровка* превращаются вдруг в *Олександра* и *Олександрівку*?

Если признавать легитимность фононимов, с помощью которых определяется принадлежность собственного имени к русской, украинской или какой-либо другой культуре, то станет ясным, что *Александрия* в Египте (др.-греч. *Ἀλεξάνδρεια* в честь Александра Македонского) и *Александрия* в Украине

(первично в 1784 г. *Александрійск* в честь великого князя *Александра*) должны фиксироваться одинаково.

В то же время вписанные в русскую проприальную культуру собственные имена *Александров, Александр, Александровка, Алексеевка* должны ими оставаться и в украинском языке (*Александров, Александр, Александрівка, Алексіївка*), но, соответственно, украинские имена и названия *Олександр, Олександренко, Олександрівка, Олексіївка* должны фиксироваться в русском языке как *Олександр, Олександренко, Александровка, Олексиевка* (хотя в произношении звук [о], конечно, изменится на [а]).

[б'], [в'], [м'], [п'] > [б'], [в'], [м'], [п'] // [б], [в], [м], [п]

Мягкие губные звуки [б'], [в'], [м'], [п'] не могут изменяться в украинском языке, если они превращаются в фононимы и должны передавать информацию о русских «собственниках»: рус. *Мясоедов, Вячеслав, Вялов, Бязов, Вязьма, Пятаков* – укр. *Мясоєдов, Вячеслав, Вялов, Пятаков, Бязов, Вязьма*.

И, напротив, твёрдое «раздельное» произношение определяет принадлежность объекта или субъекта именованного к украинской проприальной культуре: укр. *Пом'яловський, В'ячеслав* и т. п.

[ф] > [ф], [п]

Является неоправданной замена в украинском языке [ф] на [п], если речь идёт о фононимах, идентифицирующих принадлежность собственников к определённой национальной культуре: рус. *Филипп* > укр. *Філіпп*, рус. *Афанасий* > укр. *Афанасій*. В то же время украинские собственные имена *Опанас (Панас), Пилип, Пилипенко, Панасенко* должны и в русском языке фиксироваться как *Опанас (Панас), Пилип, Пилипенко, Панасенко* (но с разным произношением звуков [и] и [е]).

5.3.4. Роль морфонимов в формировании норм. *Морфонимы* – это наименьшие смысловые единицы в структуре проприонимов, с помощью которых в межъязыковом пространстве различаются объекты номинации по их принадлежности к определённой национальной истории и культуре. Фонемная составляющая языка-приёмника имеет в них значение только в том случае, если она не затрагивает смысл именуемого объекта в языке-источнике:

1. При передаче вторичных названий, образованных от русских имён, нужно приспосабливать суффиксы *-ов-, -ев-*, к новому языковому носителю:

– рус. фамилии *Ворошилов, Горлов* > укр. *Ворошиловський район, м. Горловка* (а не *Ворошилівський* и *Горлівка*);

– рус. фамилия *Енакиев* > укр. м. *Єнакієве* и *Єнакієвська рада* (а не *Єнакіїве* и *Єнакіївська рада*).

2. При передаче вторичных названий, образованных от русских имён и фамилий, нужно приспосабливать финали *-ей, -ай, -ой* к новым морфемам:

– рус. личное имя *Авдей* – укр. *Авдєй, Авдєївка*;

– рус. личное имя *Николай* > название города и фамилия *Николаев* > укр. фамилия *Ніколаєв*, но м. *Ніколаїв* (а не *Ніколаєв* и не *Миколаїв*);

– рус. фамилия *Бережной* > укр. *Бережної* (а не *Бережний*);

– укр. фамилия *Чепурний* > рус. *Чепурный* (а не *Чепурной*);

– рус. фамилия *Мякенький* > укр. *Мякенький* (а не *М'якенький*);

– рус. *Толстой, Крамской* > укр. *Толстой, Крамської* (в русской проприальной культуре под ударением в адъективных формах должно быть только *-ой*).

3. При межъязыковом варьировании корней *-поль-* // *-піль-* необходимо учитывать их происхождение:

– рус. *Севастополь, Мариуполь, Никополь, Константинополь* – объекты, связанные с греческим корнем *-полис-* «город» > укр. *Севастополь, Маріуполь, Нікополь, Константинополь*;

– рус. *Тернополь, Доброполье, Краснополье* (города, связанные со славянским словом «поле») > укр. *Тернопіль, Добропілля, Краснопілля*.

4. При межъязыковом варьировании корней *-гор-* // *-гір-* необходимо фиксировать их смысл в языке-источнике:

– рус. *Углегорск* «*город*, связанный с угольной промышленностью» > укр. *Вуглегорськ*;

– рус. *г. Дивногорск* в Красноярском крае от словосочетания «дивная *гора*») > *Дивногірськ* (чередование *гора* - *гір*).

5. При межъязыковом варьировании корней *-реч-* // *-річ-* необходимо определять их онимный смысл в языке-источнике:

– рус. ул. *Речная* – укр. вул. *Рєчна*, а не *Річна* (в украинском языке слово *річний* переводится как «годовой»);

– рус. пос. *Заречное* (Крым) – укр. *Зарєчне*, а не *Зарічне* и не *Зарічкове* и т. п.

6. При употреблении межъязыковых суффиксов *-ович-, -евич-, -овн-, -евн-* // *-ович, -йович-, -івн-, -ієвн-* нужно опираться на языковые особенности языка-источника и языка-приёмника:

– рус. *Юрий* > *Юрьевич, Юрьевна* (от [й'ур'й]) // укр. *Юрійович, Юрійєвна* (от [й'ур'ий]);

– укр. *Юрій* > *Юрійович, Юрійєвна* (от [й'ур'ий]) // рус. *Юрьевич, Юрьевна* (от [й'ур'й])

– рус. *Евгений* > *Евгеньевич, Евгеньевна* (от [й'ьвг'єн'й'в'ич]) // укр. *Євгенійович, Євгенійєвна* (от *Євгеній*);

– укр. *Євген* > *Євгенович, Євгенівна* (от [йєвгєн]) // рус. *Евгенович, Евгеновна* (от *Евген*)

– рус. *Игорь* > *Игоревич, Игоревна* // укр. *Ігорович, Ігорівна* (от *Ігор*);

– укр. *Ігор* > *Ігорович, Ігорівна* // рус. *Игоревич, Игоревна* (от *Игорь*);

– рус. *Николай* > *Николаевич, Николаевна* (от [н'ьк^лái]) // укр. *Ніколайович, Ніколаївна* (от *Ніколай*);

– укр. *Микола* > *Миколович, Миколівна* // рус. *Миколович, Миколовна* (от *Микола*);

– укр. *Миколай* > *Миколайович, Миколаївна* // рус. *Миколаевич, Миколаевна* (от *Миколай*).

Исключения относятся лишь к отчествам, типа *Лукич* (в украинском языке *Лукич* и *Лукович*), *Ильич* (в украинском языке *Ілліч* и *Ількович*), *Саввич* (в украинском языке *Савич* и *Савович*), *Кузьмич* (в украинском языке *Кузьмич* и *Кузьмович*).

5.4. Легитимация первичных или исторически сложившихся имён

Признание собственного имени в качестве важнейшего атрибута права, связанного с имущественными отношениями и активирующего в языке факты истории и культуры, предполагает разработку принципов сохранения первичных или исторически сложившихся имён.

В первом случае право первичности отражается на синтаксической структуре собственного имени, в частности, на особенностях склонения, а во втором – на основах именования, переименования и восстановления.

5.4.1. Особенности склонения первичных собственных имён.

Собственные имена функционируют в грамматико-правовой системе родного и неродного языков по моделям склонения языка-рецептора, но с учётом первичных форм языка-источника, куда по факту происхождения относятся прежде всего

денотаты (имена существительные) мужского рода. Этим объясняется наличие в учебной литературе огромного количества правил и исключений, которые мало чем отличаются от норм, применяемых для обычных слов. Их сложно запомнить, а тем более перенести в практику синтаксического оформления СИ в тексте (см.: [1; 25; 74; 76; 93; 95; 167; 170; 192; 203; 228; 254; 416]).

Логичнее и продуктивнее с точки зрения права сформулировать поэтому принципы их передачи, ориентированные на первичность происхождения тех или иных разрядов собственного имени:

1. Мужские субстантивные фамилии склоняются (*Ступак Иван – Ступаку Ивану, Медведь Валерий – Медведю Валерию*), а женские в силу их вторичности – нет: *Ступак Татьяна – Ступак Татьяне, Медведь Валерия – Медведь Валерии*. Эта особенность связана с тем, что родовая принадлежность передавалась по мужской линии, а значит, мужская фамилия должна была быть вписанной в грамматику официального документа. Это мотивировалось и правовой необходимостью: крестьянка, вышедшая замуж за графа, становилась графиней и приобретала, таким образом, родовой статус вместе с соответствующей фамилией, которая на полном основании передавалась детям.

Исключение составляли женские фамилии от слов первично женского рода: *Чернега Иван и Чернега Людмила > Чернеге Ивану и Чернеге Людмиле* (но: *Коваль Нина – Коваль Нине*) – укр. *Чернега Людмила – Чернезі Людмилі, Коваль Інна – Коваль Інні*.

Это особым образом подчёркивается в современном украинском языке, где мужские фамилии, за исключением тех, которые не вписываются в грамматическую систему (*Олег Чапні – Олегу Чапні; Олексій Толстих – Олексія Толстих; від Живаго, Дурново* и т. п.) изменяются в любой родовой парадигме: *Шевченко Тарас – Шевченка Тараса, Сорока Иван – Сороці Івану*.

Осознанные или неосознанные попытки «лишить» владельца фамилии возможности её изменения по падежам (*Красько Иван – Красько Івана*, вместо

Краська) не только отчуждают его от права первичного собственника, но и изменяют пол.

2. В составных именовании склоняются все части фамилии (*М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, И.С. Нечуя-Левицкого, А.В. Суворова-Рымникского*). Вот почему официальное наименование *Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Туган-Барановского* лишает титула князя *Тугана* (правильно: *имени Тугана-Барановского*, но: *из города Ивано-Франковска*, так как в этом случае речь идёт об имени и фамилии).

Формы *М.И.Туган-Барановского, Мусин-Пушкина, И.Нечуй-Левицкого* ошибочны не с точки зрения грамматики – они «уничтожают» право на существование одного из родов, как правило, более знатного (того, кому определено первое место в иерархии многокомпонентной структуры наименования).

3. Славянские фамилии на *-ць* по принципу первичности в украинском языке склоняются по древнему образцу мягкой группы (*Швець Іван – Швецю Івану, Паляниця Олег – Паляниці Олегу*, а неславянские (чужие, вторичные) – по модели твёрдой группы: *Кац – Каца, Лифшиц – Лифшица*).

4. Фамилии на *-ых* (*Черных*) как вторичные не склоняются, поскольку они стоят в родительном падеже (*из рода Черных*).

5. Названия городов в силу их первичности склоняются (*из города Мариуполя, Шахтёрска, Борисполя*), а названия портов, станций – нет: *из порта Мариуполь, со станции Никитовка, из аэропорта «Платов»*.

6. Фамилии и названия от притяжательных прилагательных, полученные методом трансонимизации, изменяются по разным типам склонения: рус. *был у Енакиева* (у родственника), но *был в Енакиево* (в городе); укр. *був у Енакієва* (у родственника), но *був у Єнакієвому; познакомився з Пушкіним* (с творчеством поэта), но *познакомився з Пушкіно* (с городом).

7. При образовании вторичных именований следует сохранять первичные по происхождению формы, но с учётом особенностей произношения или первичной графики: рус. *С.М. Будённый* – укр. *С.М. Будьонний, Будьоннівський район* (г. Донецк); рус. *Виталий, Витальевич, Витальевна*, а не *Виталиевич, Виталиевна*; но укр. *Віталій, Віталійович, Віталіївна*, а не *Вітальєвич, Вітальєвна, Вітальївна*; укр. *місто Часів Яр – Часовоярська міська рада*, а не *Часів-Ярівська рада* (иначе городской совет управляет двумя населёнными пунктами: *Часів* и *Ярів*).

8. Названия населённых пунктов (и географических названий), по праву первичности склоняются по моделям первого, второго или третьего склонений, кроме случаев, когда род или структура имени собственного не согласуется с номенклатурным термином «город», «река» и т. п.:

- *Киев*, м. р. – к городу *Киеву* (а не к городу *Киев*, слово «город» тоже м. р.);
- *Волга*, ж. р. – на реке *Волге* (слово «река» тоже ж. р.);
- *Одесса*, ж. р. – в городе *Одесса* (а не *Одессе*, т. к. слово «город» м. р.);
- *Иртыш*, м. р. – на реке *Иртыш* (т. к. слово «река» ж. р.);
- *Ровно* – к городу *Ровно* (название на -о);
- *Жёлтые Воды*, мн. ч. – в городе *Жёлтые Воды* (слово «город» – ед. ч.).

Вот почему названия железнодорожных станций, аэродромов, портов, принадлежащих населённому пункту, не изменяются по падежам:

- к станции *Донецк*;
- возле станции *Житомир*;
- от порта *Николаев* и т. п.

И вот почему непозволительно кафедрам, организациям, комитетам, имеющим лексические значения, присваивать статус единичного объекта, например, кафедра «Учёт и аудит» или кафедра «Экономика предприятия» (правильно: кафедра учёта и аудита, кафедра экономики предприятия и т. п.).

9. Окончаниям **-о** или **-е** в названиях, которые происходят от притяжательных прилагательных, придаётся национально-адресная идентификация. Русские населённые пункты (кроме названий станций, портов) обозначаются в украинском языке «маркером» **-о** и не изменяются по падежам (*из Иваново, Домодёдово, Внуково*), а украинские – окончанием **-е**, которое изменяется при склонении (*Дебальцеве, Ханжонкове, Мукачеве, Рівне – у Дебальцевому, Ханжонковому, Мукачевому, Рівному*).

10. В русской культуре звательный падеж (*Микуло Селяниновичу, Отче наш*) исчез при избыточной редукции безударных гласных на определённой стадии развития языка. Но в украинском языке, где произношение отличается полнотой и чёткостью, его употребление в официальном контексте не только необходимо, но и обязательно: звательный падеж (укр. «кличний відмінок») подчёркивает первичный «аристократизм» человека, к которому обращаются. В украинском языке он фиксируется окончаниями **-у (-ю)**, **-е** у существительных мужского рода второго склонения единственного числа (*Олегу – употребляется как официальное обращение // Олеже – ласкательная форма; Иване, Юрію*) и **-у, -е (-є)**, **-ю** у существительных мужского, женского рода первого и третьего склонения (*Миколо, Варваро, Маріє, Надіє, Лесю*). Языковой этикет требует в этих случаях особая конструкция:

– при обращении по имени и отчеству: *Шановний Євгене Степановичу! Шановна Ольго Петрівно!*;

– при обращении со словами *пан, пані*: *Шановний пане Андрію! Шановна пані Олено!* (только имя); *Шановний пане Пилипчук І.О.! Шановна пані Шевченко!* (только фамилия, можно с инициалами); *Шановний пане професоре! Шановний пане докторе! Шановний пане ректоре!* (по званию, степени или должности). И нельзя *пане ректоре Іванчук, пані Олена Степанівно, пане слюсарє* и т. п.

11. Склонение омонимичных форм личных имён и названий отличаются друг от друга и от модели нарицательной лексики:

– *любовь – любви*, но: *Любовь – Любви*;

– укр. *Рибалко* от имени прилагательного (р. п. *Рибалка*, д. п. *Рибалкові*, т. п. *Рибалком*) – рус. *Рыбалко* (неизм.);

– укр. *Рибалка* «рыбак» (р. п. *Рибалки*, д. п. *Рибалці*, т. п. *Рибалкою*) – рус. *Рыбалка* (р. п. *Рыбалки*, д. п. *Рыбалке*, т. п. *Рыбалкой*);

– укр. *Чупрі́на* «чуб» от имени существительного мужского рода (р. п. *Чупрі́ни*, д. п. *Чупрі́ні*, т. п. *Чупрі́ною*) – рус. *Чупрі́на* (р. п. *Чупрі́ны*, д. п. *Чупрі́не*, т. п. *Чупрі́ной*);

– укр. *Чупринá* от имени прилагательного женского рода (р.п. *Чупринóї*, д. п. *Чуприній*, т. п. *Чупринóю*) – рус. *Чупринá* (р. п., д. п., т. п. *Чупринóй*);

12. При передаче многокомпонентных эргонимов в украинском языке для избежания двойственного толкования возможно изменение их синтаксического оформления: рус. *Культурно-досуговый центр* > укр. *Центр культури і дозвілля*. Попытка «дословного» перевода (*Культурно-дозвільний центр* или *Культурно-дозвільлевий центр*) связывает значение топонима с разрешением («дозволом») или с искусственностью номинации.

Итак, вариативность при склонении и передаче собственных имён в родственных языках в большинстве случаев зависит не столько от особенностей произношения, сколько от адекватной передачи гражданско-правовых отношений, сосредоточенных в структурных элементах собственного имени. Вот почему орфографических правил следует придерживаться лишь в тех случаях, если они не противоречат мотивам фиксации их правового статуса.

5.4.2. Правомочность переименований и восстановлений следует рассматривать только с точки зрения правовой теории имени собственного, согласно которой его официальный статус неприкосновенен. Политико-идеологические и субъективные трактовки ценности того или иного проприонима

неприемлемы, если они разрушают культурно-историческую и социально-правовую основу онимосферы.

Закон о сохранении первичного или исторически словшегося имени может быть нарушен только в случае утери информации о самом собственнике и его проприально-информативном семантическом поле. Однако как и в случае с именной мемориализацией, так и случае переименований и восстановлений им должен предшествовать аналитический процесс, связанный с социальной экспертизой, опирающийся на моральные нормы и методики.

Так, многие предлагают запретить мемориализацию вообще либо ограничить её определённым сроком. Так, по закону «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы», принятым в 1997 году, присвоение имён, фамилий известных жителей Москвы, граждан РФ и иностранных граждан может производиться только для новых улиц и по истечении десяти лет со дня смерти указанных лиц [32]. Но заметим, что запретить мемориальную номинацию вообще невозможно, поскольку она была и есть формой сохранения памяти об исторических личностях (*Алексеево – Чистяково – Торез, Алчевск – Ворошиловск*), социальных пристрастиях (*Алчевск – Коммунарск*) или особенностях территорий (*Екатеринослав – Новороссийск – Днепрпетровск – Днепр, Юзовка – Сталино – Донецк*), многократно усиливая их воздействие на общество по сравнению с аналогичными мемориалами, памятниками и обелисками.

С этой точки зрения. субъективное установление срока для мемориализации объектов – факт условный:

Во-первых, напрашивается вопрос, почему срок ограничивается именно десятью годами, ведь переоценка ценностей может произойти и через 20 лет, и через столетия? Так произошло, например, с памятниками Петру I, Екатерине II, В.И. Ленину, И.В. Сталину, как и с Октябрьской революцией, Великой Отечественной войной, которую в Украине «упразднили».

Во-вторых, мемориализация – явление, не принадлежащее только социалистической эпохе, мотивирующей этот процесс коммунистическими убеждениями правящей партии в СССР (*Мариуполь – Жданов – Мариуполь*), но и других народов, государств и эпох:

- *Александрия* (Египет); *Димитровград* (Болгария);
- *Подгорица – Титоград – Подгорица* (Черногория, Югославия, Черногория);
- *Византий – Константинополь – ЦарьГрад – Стамбул – Istanbul* (Римская империя, Турция);
- *Ди-Си – Вашингтон* (США);
- *мыс Канаверал – мыс Кеннеди* (США);
- *квартал Третий Рим Муссолини – квартал EUR* (Италия) и т. п.

Гораздо продуктивней поэтому является внедрение в процесс мемориального именования социальной экспертизы, опирающейся на социальную естественность норм и методик:

1. Наименования, связанные с увековечиванием в названиях исторической памяти, должны приниматься и оцениваться соответствующими специалистами в области ономастики по предложению социальных институтов.

Так, например, в Республике Беларусь проблемами стандартизации онимов, долгое время обсуждаемыми в средствах массовой информации [261], «...занимаются топонимические комиссии, в состав которых входят академические учёные-ономатологи, преподаватели вузов, представители органов государственного управления. Координацию деятельности по формированию единого подхода к выявлению, нормализации, присвоению наименований географическим объектам и их переименованию, государственному учёту и использованию наименований географических объектов осуществляет Топонимическая комиссия при Совете Министров Республики Беларусь

(положение... утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 262 от 02.03.2011 г.» [229].

2. Восстановление названий – акт не менее ответственный, нежели процесс именования, которому должен предшествовать выбор предпочтительной формы, основанный прежде всего на праве первичной номинации (для *Коммунарска* – не *Ворошиловск*, а *Алчевск*; для Ленинграда – не *Петроград*, а *Петербург* и т. п.). Так, в цепочке исторических вариантов названий украинского города *Кировограда* (*крепость Святой Елисаветы* > *г. Елисаветград* – *Зиновьевск* – *Кирово* – *Кировоград*) в Украине выбор пал не на первичную форму *Елисаветград*, что было бы обоснованным, а на «украинский» вариант *Кропивницький*, который исказил правовую идентификацию города. Если информация о первичном собственнике утрачена и на авансцену истории всплывают события, привязанные к резонансно новым международным фактам, именно они должны учитываться в акте восстановления.

Такое восстановление могло произойти с ойконимом *Сталинград*, который утратил привязку к личности И.В. Сталина и стал ассоциироваться со *Сталинградской битвой*, имеющей международную значимость и информативность. В цепочке исторических вариантов *Царицын* – *Сталинград* – *Волгоград* предпочтительней выглядела бы тогда форма *Сталинград*, ибо *Царицынской* или *Волгоградской битвы* не было.

По этим же соображениям вряд целесообразно восстанавливать формы *Алексеево* для Тореза, *Катык* для Шахтерска, *Акмесджит* для Симферополя, *Кефе* для Феодосии, *Гезлев* для Евпатории или *Ахтияр* для Севастополя (но уместным было бы сохранение памяти о них в соответствующей эргонимии или микропонимии).

В этом же контексте можно рассматривать вопрос о фиксации названий *Вятка* (совр. *г. Киров*), *Кёнигсберг* (совр. *г. Калининград*) и *Тильзит* (совр. *г. Советск*), где Наполеоном и Александром I подписан мирный договор –

нормы в проприономенологии должны опираться на социальный контекст и право собственника на первичное или исторически сложившееся имя.

В то же время переименования как акт особой исторической ответственности должны рассматриваться как исключение и подтверждаться юридически обоснованным фактом забвения или общенародного неприятия соответствующих типов собственных имён;

3. Право собственника на собственное имя определяет методику пошаговой регистрации именований (сегодня она не всегда правомочна из-за незаконности идеологической замены одних названий другими):

1) утверждение проектов номинаций с опорой на рекомендации ономатологов, историков, культурологов, политологов и правоведов;

2) определение последовательности именной мемориализации личностей или событий с учётом их поэтапной значимости в исторической перспективе:

а) на первом этапе – мемориализация, связанная с названиями фондов, именных стипендий, кафедр, отделов;

б) на втором этапе – внешняя мемориализация улиц, проспектов, вузов, библиотек, предприятий, связанная с фактами жизни и деятельности номинанта;

в) на третьем этапе – историческая мемориализация, подтверждённая международной значимостью личности или события (увековечивание памяти в названиях городов, территорий, природных и сотворённых человеком объектов, имеющих мировой резонанс).

Выводы к пятой главе

Анализ случаев нарушения правовых подходов к утверждению норм современной ономастики позволяет сделать вывод о кризисе онимных традиций

на всём постсоветском пространстве. Правовая специфика норм в ономастике является проблемой исключительной актуальности. Не случайно ею занимается постоянно действующая Конференция ООН по стандартизации географических названий мира, начиная с 1967 г. Однако в отечественной ономастике её до сих пор сводят либо к описанию вариативности имён, возникающих в речи, либо к регистрации грамматических, орфографических и стилистических норм, характерных для обычной лексики и перенесённых в онимную реальность. Между тем разграничение культуры речи и культуры номинаций является обязательным условием адекватности норм в ономастике.

Если культура речи базируется на ситуативном выборе из массы вариантов наиболее уместных для достижения эффективного результата при общении, то культура официального именования должна ориентироваться на зафиксированную законом норму, которая декларирует не коммуникативную «уместность», а стремление к объективности восприятия правовой уникальности объекта.

Норма в ономастике – это система правовых принципов, позволяющих передавать соответствующими графическими символами специфику онимного денотата и информативных сем, возникающих в национальной культуре определённого языка. Она проявляется по-разному в реальных собственных именах и онимно-метафорических конструкциях.

Реальные именования должны опираться на выработанные в социальном сознании аксиомы, правила, процедуры и нормы:

1. Собственные имена – важнейший атрибут права, без которого невозможно представить себе юриспруденцию и адекватную фиксацию имущественных отношений, возникающих в гражданском обществе.

2. Отвергая лексические значения и авторские коннотации, официальные формы призваны выполнять социально-правовые функции:

а) адресную: *Михаил* – русский, *Михайло* – украинец, *Михеил* – грузин, *Мишель* – француз, *Михай* – румын, *Майкл* – англичанин; *Донецкий национальный университет* – в городе Донецке, а не в Виннице и т. п.

б) информативную: рус. *Никополь* > укр. *Нікополь* – город от греч. *полис*, но рус. *Чистополь* > укр. *Чистопіль* – село в Днепропетровской области от слав. *поле*; рус. *Столбовое* (село в Джанкойском районе, Крым) > укр. *Столбове* (от «столбовая дорога»), а не *Стовпове* – официальный перевод и т. п.

3. Возможные размеры формальных изменений в собственных именах необходимо соизмерять с наличием в номинациях адресно-выделительной и информативной функций: рус. *Михаил* > укр. *Михаїл* (а не *Михайло*); рус. *Юрий Николаев* > укр. *Юрій Ніколаєв* (а не *Ніколаїв*), но рус. *г. Николаев* > *м. Ніколаїв* (а не *Миколаїв*); рус. *Славянск* > укр. *Славянськ* (город в Краснодарском крае от «слава»), но рус. *Славянск* > укр. *Слов'янськ* (город в Донбассе от «славяне» // «слов'яни»); рус. *Ласточкино Гнездо* – укр. *Ласточкине Гніздо* (а не *Ластівчине гніздо*) и т. п.

Онимные метафоры, являясь продуктом авторского вымысла, связанного чаще всего с понятиями нейминга и брендинга, не должны быть приоритетными при фиксации названий предприятий государственной, муниципальной или коммунальной собственности. Однако на постсоветском пространстве эта норма пока игнорируется.

С одной стороны, нейминг рассматривается как часть стратегии компании, направленной на максимальную узнаваемость объекта маркетинга, а его привлекательность связывается с модой на иностранную вербальность или жаргонную «простоту»: «*МахГастрономический Паб*» (Ялта), *Табачный киоск «ТаВаССо»* (Керчь), *Автозапчасти «ЯпонаМать»* (Донецк) и т. п.

С другой стороны, самостоятельность собственника в принятии решений о номинациях ограничивается государственной регулятивной системой и необсуждаемой «нормой».

Эти два противоречивых направления в онимной политике приводят к «ошибочной» метафоричности названий объектов государственной, муниципальной или коммунальной собственности (например, *Федеральное государственное автономное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*) и фантазийным «ассоциациям» в именовании частных предприятий, которые становятся неузнаваемыми с точки зрения графики, стилистики, грамматики, орфографии и лексики: *салон «Зималетто»*, *парфюмерия «Дутый Фри»* (Донецк), *концертный зал «Zvesdny»* (Донецк); *ресторан «С.О.В.А. 36 «Еда, вино и всё равно»* (Симеиз) и т. п.

Исходя из этого, гражданско-правовым институтам предстоит решать проблему неадекватной передачи собственных имён с позиции социума:

а) использовать иностранную графику только в случае, если за ней кроются узнаваемые мировые бренды (*Samsung, Toshiba, Chanel*) с их возможной заменой на кириллическое письмо (*Самсунг, Тошиба, Шанель*), но без графогибридизации (*СамSung*);

б) определять возможные границы ситуативного перевода рекламных номинаций, исходя из правдивости / ложности стоящей за ними информации: рус. *Молоко* // англ. *Milk* (Краснодар), но рус. *МоЛоко* (Донецк) – переводу не подлежит; кр.-тат. *кафе «Дженет Кошеси»* // рус. *«Райский уголок»* (Симеиз).

в) учёным-ономатологам регулировать методику лингвоправовой экспертизы, направленной на устранение онимоформ, не укладывающихся в понятие культуры речи: *закусочная Ешьбургер* (Донецк), *кафе «Ешька»* (Артёмовск), *автоцентр «Япопахата»* (Донецк), *строительный магазин «ПолМира»* (Макеевка), *стадион «Донбасс Арена»* (Донецк).

г) правовым институтам совершенствовать механизмы утверждения тех или иных вариантов собственных имён с учётом их легитимности в юридической практике.

В ономастике это относится прежде всего к понятию перевода и «эквивалентной» замены форм в разных языках, которые должны расцениваться не иначе как переименования: *Набережные Челны* ≠ укр. *Набережні Човни*; русские имена *Владимир, Афанасий, Ефим, Ксения* ≠ укр. *Володимир, Опанас, Юхим, Оксана* и т. п. Условный перевод возможен только в том случае, если необходимо зафиксировать равноценность юридической информации об объектах номинации в разных языковых контекстах:

а) международных, требующих перевода компонентов на все языки:

– рус. *Северный Ледовитый океан* = укр. *Північний Льодовитий океан* = англ. *Arctic Ocean* (всемирно значимый объект);

– рус. *Южный автовокзал* = укр. *Південний автовокзал* = англ. *Southern bus station* (значимая информация о направлении движения автобусов);

– рус. ул. <имени> 8 Сентября = укр. вул. 8 Вересня = англ. *September 8th Street* (дата, связанная с Днём освобождения Донбасса).

б) межнациональных, позволяющих передавать одинаковость онимной информации в контактных языках при помощи избирательного перевода или языковых соответствий:

– рус. ул. *Горная* > укр. *Гірнична* в Донбассе (от укр. «*гірнична промисловість*»), но *Гірська* в Закарпатье (название связано с *Карпатскими горами*);

– река *Одер* (нем. *Oder*), но *Odra* в польск. и чешск. языках или *Wódra* (*Водра*) в верхнелужицком языке (вариативность обусловлена пространственностью водного объекта, протекающего по территории нескольких национально-языковых сообществ);

в) единично-национальных, связанных с конкретным владельцем, что делает перевод невозможным: рус. *Емельян* > укр. *Ємельян*, а не *Омельян*; укр. кафе «*Світанок*» > рус. «*Свитанок*», а не «*Рассвет*».

Двойственная природа собственного имени (языковая и правовая) предполагает разность подходов к межъязыковым трансформациям. Если вариативные формы собственных имён не разрушают информацию об объекте, они опираются на нормы, соответствующие нарицательным именам, и оперируют понятиями *звук, фонема, ударение, графема, морфема*. Если же такого соответствия нет, в научный оборот рекомендуется вводить специфические лингвоправовые понятия *графоним, акцентоним, фононим, морфоним*, например:

а) графоним: рус. и укр. *Одесса* от греч. *odessos* «путь, дорога к морю», а не официально зарегистрированное в украинском языке *Одеса*; рус. и укр. *Россия* (*Россія*) от *россы*, а не *Росія*; укр. *Їжакевич* – рус. *Йижакевич*, а не *Ижакевич*;

б) акцентоним: имя *Боріс*, но фамилия – *Бóрис*; болгарин *Ивáнов*, но русский *Иванóв*;

в) фононим: ул. *Речная* – укр. *Рєчна*, а не *Річна* (рус. «годовая»); *Калинкин* – укр. *Калінкін*, а не *Калинкін* (речь идёт о фамилии, а не о *калине*), но рус. *Калиновая балка* – укр. *Кали[ы]нова балка* (речь идёт о *калине*);

г) морфоним: рус. *Толстой, Крамской*, но *Чепурный* (а не *Чепурной*), поскольку в украинской проприальной культуре у прилагательных м. р. окончание только *-ий* (укр. *Чепурний* > рус. *Чепурный*), а в русской – только *-ой* (рус. *Толстой, Крамской* > укр. *Толстой, Крамськой*).

При этом все они должны сохранять право первичного или исторически сложившегося собственника на имя, предполагающего отмену эквивалентной вариативности (рус. *Елена* ≠ укр. *Олена*) и введение особых принципов склонения:

1. Мужские фамилии субстантивного происхождения склоняются по праву первичного собственника (*Трепак Иван* – *Трепаку Ивану*), а женские – нет в силу их вторичности (*Трепак Татьяна* – *Трепак Татьяне*, *Медведь Валерия* – *Медведь Валерии*). Это условие не относится к фамилиям, первично женского рода 1-го склонения на *-а*, которые изменяются по падежам в любом случае: *Сороке Николаю* и *Сороке Ольге*.

2. В двойных фамилиях склоняются обе части для подчёркивания равенства двух родов (*Голенищев-Кутузов – Голенищева-Кутузова, Нечуй-Левицкий – Нечуя-Левицкого, Туган-Барановский – Тугана-Барановского*).

3. Вторичные фамилии, типа *Черных, Белых*, не склоняются, поскольку они зафиксированы в родительном падеже (*из рода Черных, Белых*).

4. Названия городов в силу их первичности склоняются (*из города Мариуполя, Тореза, Борисполя*), а названия портов, станций – нет: *из порта Мариуполь, со станции Торез, из аэропорта Платов*.

5. Имена и названия, образованные от притяжательных прилагательных, склоняются по разным моделям: рус. *был у Енакиева* (у родственника), но *был в Енакиеве* (в городе) = укр. *був у Енакієва*, но *був у Єнакієвому*; *познакомился с Пушкиным* (творчеством поэта), но *познакомился с Пушкино* (с городом).

6. При образовании вторичных именований необходимо сохранять первичное имя: рус. *П.Н. Горлов – укр. м. Горловка*, а не *Горлівка*; рус. *Ф.Е. Єнакиев – укр. Єнакієвська*, а не *Єнакіївська рада*;

7. Переименования и восстановления – факт исключительной юридической и исторической ответственности, поэтому они должны опираться не на политическую конъюнктуру, а на общественный резонанс в регионе, стране или мировом сообществе – учитывать право первичного или исторически сложившегося «собственника». Так, в цепочке исторических вариантов современного названия *Кировоград* (*крепость Святой Елисаветы > г. Елисаветград – Зиновьевск – Кирово – Кировоград – Кропивницький*) при восстановлении «исторической справедливости» обоснованным был бы выбор формы *Елисаветград*, а не *Кропивницький*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гипотезы, сформулированные как прогнозные варианты развития процессов онимизации, подтвердились при решении поставленных задач.

В рамках первой гипотезы о том, что нормы в ономастике определяются уровнем соответствия официально утверждённых онимных форм их социальному восприятию и предназначению, обозначен особый статус собственного имени по отношению к апеллятивной лексике.

1. Собственное имя, используемое для выделения и идентификации конкретных предметов и явлений окружающей действительности, уникально и неповторимо, поэтому оно не может подвергаться переводу, переименованию или восстановлению, исходя из субъективно-идеологических соображений.

2. Объектами изучения ономастики являются:

а) любые разряды собственных имён (реальных, коннотирующих и вымышленных), обладающие функцией адресного выделения: *Мария* и *Маша*; *Санкт-Петербург* и *Питер*; *Органчик*, *Плюшкин* и т. п.;

б) проприонимы, в графике и семах которых содержится уникальная информация о юридических денотатах сотворённого (*г. Переяславль-Залесский*), осмысленного (*Млечный Путь*), освоенного (*гора Джомолунгма*) и присвоенного человеком мира (*кот Васька*).

3. Нормы функционирования онимной лексики устанавливаются особым разделом ономастики – **проприоменологией**, изучающей принципы выделения, именования и восстановления собственных имён на основе обычного права, сложившегося в конкретном социуме.

4. Культура официального именования вырабатывает оригинальные способы закрепления общепринятой информации об объекте номинации,

однозначно трактуемой в любой языковой системе и исключаящей эмоционально-коннотативную субъективность в их восприятии.

В рамках второй гипотезы о том, что уровни нормативности собственных имён устанавливаются, исходя из правового или ситуативно-речевого контекстов, описаны исторические условия и причины возникновения тех или иных разрядов онимной лексики на разных этапах развития цивилизации:

1. Доисторический этап не мог иметь собственных имён в современном их понимании, поскольку не обладал категорией собственности и опирался на типы номинативного сознания:

а) междоменно-линейного (протоонимного), в котором язык не имел принципиального значения и менялся при миграции и ассимиляции;

б) субстантивно-тотемного (предонимного), связанного с устноречевым выделением объектов при актуализации человека и природы в родоплеменных союзах;

в) диффузно-протоонимного (метафорического), характерного для языческой антропонимизации мира и закрепляющего формулы именования на основе традиции: этнонимизации (*сърби, хрватѣ, дулѣби, дреговичи, деревляне, поляне, мазовшане*); антропонимизации (*Рожаницы, Род, Сварожич, Упырь*) и обожествления природы (*Перун, Дажьбог, Волос* и т. п.).

2. Дохристианский этап оперировал вариативностью прозвищ, как для языческих божеств, так и для человека, и сословностью при имянаречении (для простолюдинов *Найдѣн, Ненаш, Безрод*, а для княжеской верхушки *Ратибор, Добромысл, Твердослав, Огневед, Мирослав, Вячеслав* и т. п.).

3. Исторический (письменный) этап сопровождался появлением монорелигии (в данном случае православия), единого для всех азбучного кода (в данном случае церковнославянского), формированием онимосферы и писаного права.

В рамках третьей гипотезы о том, что методика анализа коннотативно-поэтических форм отличается от методологии их исследования при правовом употреблении, разработана классификация имён собственных, учитывающая специфику имущественно-правовых отношений, возникающих на тех или иных этапах развития общества:

а) класс имён собственных (*интраноменов*), предполагающий соответствие онима денотату и наличие официальных норм без эмоционально-метафорической окраски: *Порфирий* (а не *Прошка*), *Красный Лиман* (а не *Лиман*);

б) класс внесобственных имён (*экстраноменов*) – неофициально функционирующих внешних интерпретаций, появляющихся в речи на основе коннотаций, художественного вымысла и «авторских норм»: *Дмитрий* > *Митяй* // *Дима* // *Дмитро* // *Димон*; *Шарилов*, *Мастер*, *Пацак* и т. п.;

в) класс не собственных имён – ситуативных номинаций и терминологических сочетаний, имеющих лексическое значение (*Гастроном*, *Автомойка*, *Магазин*, *Промтовары*; *кафедра теоретической механики*, *министр образования и науки*, *глава городской администрации*), «по ошибке» фиксируемых в качестве собственных: *Кафедра «Теоретическая механика»*, *Министр образования и науки*, *Глава городской администрации*;

г) класс ложных номинаций (*псевдономенов*), шифрующих или устраняющих юридические денотаты: *Центр детского и юношеского творчества Калининского района города Донецка* ≠ *Муниципальное детское образовательное учреждение дополнительного образования «Центр детского и юношеского творчества Калининского района города Донецка»*; *ректор университета С.В. Дрожжина* ≠ *руководитель образовательной организации С.В. Дрожжина*.

В рамках четвёртой гипотезы о том, что множественность методик передачи отдельных разрядов собственных имён в разных языках нивелируется универсальностью правовых принципов, проанализированы процессы зарождения

в семантике первичных номинаций информативно-правовых сем и сформулированы нормы их функционирования в зависимости от социальной значимости и историко-культурной ценности.

I. Непредсказуемое количество обычных слов, словосочетаний и предложений (в том числе вымышленных или пришедших из разных языков) может преобразовываться в оним при появлении в его структуре онимного денотата, адресно-правовая функция которого выделяется в письменной речи восточнославянских языков прописной буквой: *заводские ворота* (обобщённый денотат) > *Золотые ворота* (онимный денотат «памятник архитектуры», г. Киев) > *метро «Золотые Ворота»* (онимный денотат «станция»); *силовое министерство* (обобщённый денотат) > *Министерство связи* (денотат, обладающий адресной функцией).

II. Адекватность передачи имён собственных в разных проприальных культурах возможна при установлении норм правового регулирования, которые должны сочетать общетеоретический подход с индивидуализацией его применения в конкретных ситуациях:

а) универсальностью принципов проприоменологии, направленной на сохранение онимосферы и равноценность денотативного осмысления любого из разрядов собственных имён;

б) субъективностью устноречевых, коннотативных и идеологических вариантов, которые имеют право на отдельное изучение только до тех пор, пока не зафиксирован их правовой переход в реальное онимное пространство при трансонимизации;

в) отказом административных органов от вмешательства в естественный процесс онимообразования;

г) закреплением права человека на имя с юридической ответственностью лиц в случае его нарушения;

д) проведением гражданско-правовой экспертизы актов именования, определяющий уровень соответствия проектов онимизации культурно-историческим традициям и праву первичного или исторически сложившегося собственника на сохранение собственного имени;

е) созданием компетентных региональных комиссий, занимающихся проблемами онимной стандартизации по образцу Группы экспертов при ООН.

III. Методика работы с собственными именами должна опираться на последовательный характер лингвоправовых действий:

1. Идентификацию онимов, исходя из наличия в их структуре адресно-информативной функции: *президент компании – Президент России; кафедра органической химии – роман «Кафедра»; золотой браслет – Золотая Орда.*

2. Классификацию онимов по их отношению к реальности:

а) реальные: *Донецк, Иван, Металлургический комбинат «Азовсталь», станция метро «Университет»;*

б) ситуативно-условные: *Горбольница, Первый гастроном, Продукты, Мебель;*

в) ложные: *Заместитель Министра, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра «Иностранные языки и методика преподавания».*

3. Разделение всех номинаций по степени их онимизации:

– нарицательные имена (нулевая степень онимизации, предполагающая передачу словосочетаний строчными буквами): *российский город, английская булавка;*

– собственные имена (полная степень онимизации, фиксируемая при помощи прописной буквы): *Москва, Ефросинья;*

– гибридные имена (выборочная степень онимизации, объединяющая употребление прописной буквы со строчными): *Министерство экономического развития, Центральный республиканский банк;*

– имена-рекламы, связанные с прямой речью собственника: *Магазин «Бери тут!»* (г. Донецк);

– имена-интерпретации и имена-вымыслы, связанные с авторским правом на любую форму имени, если она вписывается в речевые нормы определённого языка: *Питер, Аннушка, Обломов, Глупово*.

4. Определение специфики онимной нормативности:

а) на основе права: *Санкт-Петербург, Владивосток, Анна, Андрей, Министерство образования*;

б) на основе речевых коннотаций: *Питер, Владик, Ганна // Аннушка // Ганзя; Андрий // Андрюха // Ондр; Минобраз // Минобр*;

в) на основе художественного вымысла: *Фуксия, Незнайка, Аэлита, Пивасик*.

5. Разделение денотативных и адресно-правовых элементов собственного имени, регулирующее употребление прописной / строчных букв: *Булонский лес* (онимный денотат «лес»), но *Чешский Лес* (онимный денотат «горный хребет»).

6. Установление внеязыковой информации об онимном денотате, например: если *Анна, Николай* – русские имена, то это мотивирует их фиксацию в украинском языке как *Анна, Ніколай*, а не *Ганна, Микола*.

7. Выделение элементов, влияющих на нормативность фиксации собственных имён в родственных языках:

а) *графонимов*: рус. *Одесса* > укр. *Одесса*, а не *Одеса* (от первичного греческого понятия *одессос* «путь к морю»);

б) *фононимов*: рус. *Заречное* > укр. *Зарєчне*, а не *Зарічне* (от первичного рус. *река*, а не *рік* «год»);

в) *акцентонимов*: рус. *Сла́вянск* > укр. *Сла́вянськ* (город в Краснодарском крае от «сла́ва»), но рус. *Славя́нск* > укр. *Слов'я́нськ* (город в Донбассе от «славя́не»);

г) морфонимов: рус. *Николаевич* > укр. *Ніколайович*, а не *Миколайович* (от первичного имени *Николай*, а не *Миколай* или *Микола*); рус. *Красное* укр. > *Красне*, а не *Червоне* (от рус. *красивый*, а не укр. *червоний* «красный»).

8. Фиксацию онимов, исходя из их социальной информативности:

– индивидуальной (перевод невозможен): рус. *Елена* – укр. *Єлена*, а не *Олена*: *строймагазин «Хата ламината»* (а не «Дом ламината»);

– межнациональной (перевод избирательный): рус. *Теплогорск* – укр. *Теплогорськ* от «город»; рус. *Магнитогорск* – укр. *Магнітогірськ* (от «гора Магнитная»);

– международной (перевод как средство передачи значимой для всех информации): рус. *Северные авиалинии* – укр. *Північні авіалінії*, рус. ул. <имени> *Советской Украины* – вул. <імені> *Радянської України* (но рус. ул. *Советская* – вул. *Советська*, а не *Радянська*).

9. Паспортизацию охраняемых законом именований, исключаящую идеологические акценты при переименованиях, но определяющую возможность их использования в актах исторической мемориализации.

Вывод. Авторская методика тестирования номинатемы-претендента, направленная на определение уровня соответствия наименования неписаному праву и языковым традициям, должна послужить основой для разработки инструкций и составления юридических словарей документальной передачи имён собственных.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авест. – авестинское

автореф. дис. ... докт. филол. наук – Автореферат диссертации на соискание научной степени доктора филологических наук

автореф. дис. ... канд. филол. наук – Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата филологических наук

АН – Академия наук

англ. – английское

араб. – арабское

астрах. – астраханское

БГПУ – Белорусский государственный педагогический университет

бел. – белорусский

библ. – библейское

библиогр. – библиография

букв. – буквально

бульв. – бульвар

бывш. – бывший

в. – век

ВАК – Высшая аттестационная комиссия

вв. – века

венг. – венгерский

верхнелуж. – верхнелужицкий

вид. – издавничество

Виленск. губ. – Виленская губерния

ВСИ – внесобственные имена

возм. – возможно

воронежск. – воронежское

вост.-сл. – восточнославянское

вступ. статья – вступительная статья

вт. пол. – вторая половина

ВтСИ – вторичные собственные имена

вул. – вулиця

ВУЦИК – Всеукраинский центральный исполнительный комитет

ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет

вып. – выпуск

г. – год, город

ГАДНР – Государственный архив Донецкой Народной Республики

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

гг. – годы

геогр. – географическое

герм. – германское

гл. ред. – главный редактор

гос. – государственное

гот. – готское

ГОУ ВПО – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

гр. – греческое

грам. – грамматическое

граф. – графоним

грузинск. – грузинское

ГСЭИ – Государственное социально-экономическое издательство

губ. – губерния

диал. – диалектное

ДИИ – Донецкий индустриальный институт

Дн. – Днепропетровск

ДНР – Донецкая Народная Республика

док. – документ

дон. – донское

ДонАУиГС – Донецкая академия управления и государственной службы

ДонГТУ – Донецкий государственный технический университет

ДонГУ – Донецкий государственный университет

ДонНТУ – Донецкий национальный технический университет

ДонНУ – Донецкий национальный университет

ДонНУЭТ – Донецкий национальный университет экономики и торговли

до н. э. – до нашей эры

доп. и испр. – дополненное и исправленное

д. п. – дательный падеж

ДПИ – Донецкий политехнический институт

др. – другое

др.-в.-нем. – древневерхненемецкое

др.-греч. – древнегреческое

д.-евр. – древнееврейское

др.-инд. – древнеиндийское

др.-исл. – древнеисландское

др.-рус. – древнерусское

др.-сканд. – древнескандинавское

ж. – женское

заг. ред. – загальна редакція

заим. – заимствованное

зап. – западное

знач. – значение

з. п. – звательный падеж

ивр. – иврит, ивритское

избр. труды – избранные труды

изд. – издательство, издание

илир. – илирийское

им. – имя, имена, имени

инд. – индийское

ин-т – институт

информ.-спр. изд. – информационно-справочное издание

исконнослав. – исконнославянское

ит. – итальянское

К. – Киев

калмыцк. – калмыцкое

Казанск. губ – Казанская губерния

кан. – канонизированное церковью

кон. – конец

КГУ – Київський державний (государственный) університет

кн. – книга

коммент. – комментарий

конф. – конференция

кр.-татар. – крымскотатарское

КФУ – Крымский федеральный университет

Л. – Ленинград

Лаврентьевск. – Лаврентьевский

лат. – латинское

ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт

летоп. – летопись

лив. – ливийское

лит. – литовское

ЛНР – Луганская Народная Республика

лтш. – латышское

М. – Москва

м. – місто

м. – мужское

МГУ – Московский государственный университет

межд. конф. – международная конференция

междувед. – междуведомственный

мест. н. – местное название

Минск. губ. – Минская губерния

мордовск. – мордовское

миф. – мифологическое

НАН Украины – Национальная академия наук Украины

напр. – например

народн. – народное

Наук. думка – Наукова думка

научн. – научное

научн.-практ. – научно-практическая

нач. – начало

нем. – немецкое

неп. – непальское

неслав. – неславянское

НИ – нарицательные имена, имена нарицательные

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НПЛ – Новгородская первая летопись

норв. – норвежское

о. – озеро

обл. – область

общ. ред. – общая редакция
 ОЛЯ – Отделение литературы и языка
 ООН – Организация Объединённых Наций
 оп. – опись
 осет. – осетинское
 отв. ред. – ответственный редактор
 отч. – отчество
 офиц. – официальное
 п-в – полуостров
 пер. – перевод
 первонач. – первоначально
 перв. пол. – первая половина
 перераб. и доп. – переработанное и дополненное
 переробл. і доп. – перероблено і доповнено
 перс. – персидское
 ПВЛ – Повесть временных лет
 пгт – посёлок городского типа
 пл. – площадь
 п. л. – печатный лист
 ПКРВ – Переписные книги Ростова-Великаго
 Пов. врем. лет – Повесть временных лет
 подгот. – подготовил
 полн. собр. соч. – полное собрание сочинений
 Полтавск. – Полтавский
 польск. – польское
 пос. – посёлок
 п. п. – предложный падеж
 пр. – правильно

праслав. – праславянское
 предисл. – предисловие
 Преобр. – Преображенский
 прилаг. – прилагательное
 примеч. – примечание
 проф. – профессор
 ПСИ – первичные собственные имена
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 р. – река, рік
 Рад. шк. – Радянська школа
 разг. – разговорное
 ред. – редакция, редкое
 редкол. –редколлегия
 реконстр. – реконструкция
 респ. – республиканский
 рец. – рецензия
 рим. – римское
 РКИ – русский язык как иностранный
 р. п. – родительный падеж
 род. – родовое
 рум. – румынское
 рус., русск. – русский
 рус. яз. – русский язык
 РФ – Российская Федерация
 РФВ – Русский филологический вестник
 с. – село, страница
 с.-анг. – среднеанглийское
 Самарк. – Самаркандский

сб. научн. тр. – сборник научных трудов
сев. – северный
сер. – середина
серболуж. – серболужицкое
сербохорв. – сербохорватское
СИ – имя собственное, собственное имя
сир. – сирийское
сканд. – скандинавское
слав. – славянское
см. – смотри
сmt – селище міського типу
СНК – Совет народных комиссаров
собств. – собственное
собр. соч. – собрание сочинений
совр. – современное
сост. – составитель
соч. – сочинения
СПб. – Санкт-Петербург
ср. – сравни
среднеиранск. – среднеиранское
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – статья
староангл. – староанглийское
стер. - стереотипное
ст.-сл. – старославянское
Сыкт. – Сыктывкарский
тат. – татарское
т. д. – так далее

ТГУ – Тольяттинский государственные университет

тиб. – тибетское

т. к. – так как

Т.п. – творительный падеж

т. п. – тому подобное

т. – том

тт. – тома

ТЦ – торговый центр

тюркск. - тюркское

у. – уезд

уменьш.– уменьшительное

УМКВО – Учебно-методическая комиссия по высшему образованию

укр. – украинское

укр. яз.– украинский язык

укр. экв. – украинский эквивалент

ул. – улица

уменьш. – уменьшительное

УПА – Украинская Повстанческая Армия

уральск. – уральский

УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

устар. – устаревшее

ф. – фонд

фин. – финское

фин.-угор.– финно-угорское

фон. – фононим

фр. – французское

Х. – Харьков

Харьк. – Харьковский

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

цслав. – церковнославянское

ч. – часть

чел. – человек

чешск. – чешское

шв., шведск. – шведское

эст. – эстонское

Яросл. губ. – Ярославская губерния

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Список источников

1. Агеенко, Ф.Л. Словарь собственных имён русского языка. Ударение. Произношение. Словоизменение : Более 38000 словарных единиц / Ф.Л. Агеенко. – М. : ООО «Изд-во «Мир и образование», 2010. – 880 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 598 с.
3. Берында, Памва. Лексикон словеноросский и имён толкование. – Киев : Типография Лавры, 1627. – 477 с.
4. Борьба за власть Советов в Донбассе. Сборник документов и материалов. – Сталино, 1958.
5. Вести-Куранты : 1600–1639 гг. / Издание подготовили Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; Под ред. С.И. Коткова; Институт русского языка АН СССР. – М. : Наука, 1972. – 348 с.
6. Вести-Куранты : 1642–1644 гг. / Издание подготовили Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; Под ред. С.И. Коткова; Институт русского языка АН СССР. – М. : Наука, 1976. – 400 с.
7. Вести-Куранты : 1645–1646, 1648 гг. / Издание подготовили Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов; Под ред. С.И. Коткова; Институт русского языка АН СССР. – М. : Наука, 1980. – 408 с.
8. Вести-Куранты : 1648–1650 гг. / Издание подготовили В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина; Под ред. С.И. Коткова; Институт русского языка АН СССР. – М. : Наука, 1983. – 396 с.
9. Вести-Куранты : 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. / Издание подготовил В.Г. Демьянов; Отв. ред. В.П. Вомперский; Рецензенты : д-р филол. наук В.В. Иванов, канд. филол. наук В.В. Калугин; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 1996. – 224 с.
10. Вести-Куранты : 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. : Русские тексты. Ч. 1 / Изд. подгот. В.Г. Демьяновым при участии И.А. Корниловой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати : Е.А. Подшивалова, С.М. Шамин. Под ред. А.М. Молдована и Ингрид Майер; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 856 с.

11. Вести-Куранты : 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. : Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 648 с.
12. Вести-Куранты : 1671–1672 гг. / Подгот. текстов, исследования, коммент., указатели И. Майер, С.М. Шамина, А.В. Кузнецовой, И.А. Корнилаевой и В.Б. Крысько при участии Е.В. Амановой; под ред. В.Б. Крысько и Ингрид Майер. – М. : Азбуковник, 2017. – 806 с.
13. ГАДНР Р-2. Оп. 1, д. 1245, л. 16. Список о переименовании населённых пунктов, 11/VII 1923 г.»
14. ГАДНР Р-2. Оп. 1, д. 1245, л. 17. Письмо Исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Авдеевской волости в Отдел управления Окрисполкома № 3021 от 11/VII 1923 г.
15. ГАДНР Р-1218. Оп. 1, д. 2, л. 147. Письмо № 4253 Мариупольского уездного Отдела управления Александрово-Невскому райисполкому от 16/VII – 1923 г.
16. ГАДНР Р-2. Оп. 1, д. 1245, л. 20. Письмо Андреевского (на Волчьей) волисполкома № 1929 от 31 мая 1923 г. в Отдел Управления Юзоокрисполкома.
17. ГАДНР Р-2. Оп. 1, д. 13, л. 36. Протокол № 58 Заседания Президиума Донецкого Губернского исполкома от 20 августа 1923 г.
18. ГАДНР Р-2. Оп. 1, д. 1245, л. 47. Выписка из протокола заседания Пленума Юзовского Окрисполкома, состоявшегося 8 марта 1924 г.
19. ГАДНР Р-279. Оп. 1, д. 1, л. 27. Протокол № 7 торжественного заседания Юзовского Городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с участием профсоюзных союзов, состоявшегося 9 марта 1924 г.
20. ГАДНР Р-2794. Оп. 1, д. 189, л. 16–167. Постановление Сталинского Облисполкома о переименовании населённых пунктов, в том числе и немецких от 2 июня 1945 г.
21. ГАДНР Р-2794. Оп. 2, д. 405, л. 342–343. Решение № 186 Сталинского облисполкома об объединении населённых пунктов, соединившихся застройкой от 30 мая 1958 г.
22. ГАДНР Р-2794. Оп. 2, д. 405, л. 337. Решение № 191 Сталинского облисполкома о переименовании отдельных населённых пунктов от 30 мая 1958 г.
23. ГАДНР Р-2794. Оп. 2, д. 794, л. 182. Указ Президиума Верховного Совета СССР о переименовании Сталинской области в Донецкую и г. Сталино в г. Донецк от 9 ноября 1961 г.
24. ГАДНР Р-2794. Оп. 2, д. 794, л. 186. Указ Президиума Верховного Совета СССР о переименовании Сталино-Заводского района г. Донецка в Ленинский от 14 ноября 1961 г.
25. Гиляревский, Р.С. Иноязычные имена и названия в русском тексте. Справочник. 3-е изд., испр. и доп. / Р.С. Гиляревский, В.А. Старостин. – М. : Высшая школа, 1985. – 303 с.

26. Гоголь, Н.В. Мёртвые души / Н.В. Гоголь. – М. : Художественная литература, 1964. – 399 с.
27. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4, ст. 1483. Принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г. № 230-ФЗ от 18 декабря 2006 г.
28. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г.–16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1957.
29. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М. : Политиздат, 1959. – 698 с.
30. Жаворонок, В.В. Велика чи мала літера? Словник-довідник / В.В. Жаворонок – К. : Наукова думка, 2004. – 203 с.
31. Железняк, И.М. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Железняк І.М. – К. : Наукова думка, 1985. – 252 с.
32. Закон города Москвы от 8 октября 1997 г. № 40 «О наименованиях территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы (с изменениями на 22 ноября 2017 года)».
33. Закон України «Про географічні назви» // Відомості Верховної Ради України, 2005 р., № 27, ст. 360; 2014 р., № 6–7.
34. Закон України «Про інформацію» // Відомості Верховної Ради України, 2011 р., № 32, ст. 313.
35. Закон України «Про присвоєння юридичним особам та об'єктам права власності імен (псевдонімів) фізичних осіб, ювілейних та святкових дат, назв і дат історичних подій» // Відомості Верховної Ради України, 2013 р., № 17, ст. 150.
36. Закон України «Про функціонування української мови як державної» // Відомості Верховної Ради України, 2019 р., № 21.
37. Закон України «Про телебачення і радіомовлення» // Відомості Верховної Ради України, 2006 р., № 18, ст. 150.
38. Зизаний Лаврентий. Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из словенского языка на просты русский диялект истолкованы. Вильно, 1596.
39. Зимин А.А. Правда русская / А.А. Зимин. – М. : Древлехранилище, 1999. Часть первая. Краткая Правда. Глава первая. Краткая Правда и русское летописание.
40. Зимин, А.А. Правда русская / А.А. Зимин. – М. : Древлехранилище, 1999. Часть первая. Краткая Правда. Глава вторая. Древнейшая Правда и её источники.
41. Зимин, А.А. Правда русская / А.А. Зимин. – М. : Древлехранилище, 1999. Часть вторая. Пространная Правда. Глава первая. Текстология и кодикология Пространной Правды.
42. Зимин, А.А. Правда русская / А.А. Зимин. – М. : Древлехранилище, 1999. Часть третья, Правда Русская в правовой традиции XII–XVII вв. Глава третья. Сокращённая Правда.

- 43.Ипатьевская летопись. – В кн.: Полное собрание русских летописей. Т 2. Изд. 2. СПб., 1908 /воспроизведение текста издания 1908 г. – М., 1962 /, сп. XV в., с. 5–938.
- 44.Историческая хрестоматия. Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей. Вып. VIII. / Составиль В. Покровскій. – М.: Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа – 1891. – 236 с.
- 45.Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 года. // Российская газета 21 января 2009 г., № 0 (4831).
- 46.Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996. – К.: Преса України, 1997. – 79 с.
- 47.Креч, Т.В. Словарь транслитерации русских и украинских имён / Т.В. Креч. – Харьков, 2001.
- 48.Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ словъ просто с предисловіем Д. Чл. О. Архимандрита Амфилохія – сер. XVI в. (автор неизвестен).
- 49.Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.: илл.
- 50.Лопатин, В.В. Как правильно? С большой буквы или с маленькой?: Орфографический словарь: Ок. 20 000 слов и словосочетаний / В.В. Лопатин, И.В. Нечаева, Л.К. Нельцова. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 400 с.
- 51.Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
- 52.Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / АН СССР, Институт истории; отв. ред. М.Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. – М.-Л., 1950. – 642 с.
- 53.Новий російсько-український словник-довідник: Близько 65000 слів / С.Я. Єрмоленко, В.І. Єрмоленко, К.В. Ленець, Л.О. Пустовіт. – К.: Довіра, 1996. – 797 с.
- 54.Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – XVI с. + 287 с.
- 55.Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитетом М-ва вн. дел 1897–1905.
- 56.Переписныя книги Ростова-Великаго второй половины XVII вѣка. // ПКРВ. Издание А.А. Титова. – С.-Петербургъ, 1887. – 120 с.
- 57.Пётр I. О порядке наследования и движимых и недвижимых имуществах // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. V, 1713–1719, № 2789. – С. 91–94.

58. Пётр I. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по стршинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. VI, 1720 – 1722, № 3890. – С. 486–493.
59. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации «О правописании букв «е» – «ё» от 1 октября 2012 г. № ИР 829/08.
60. Повесть временных лет // ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Л. : Наука, 1977. – 249 с.
61. Повесть временных лет // Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. – М. : Наука, 2007. – 670 с.
62. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI– начало XII века. М., 1978. – 494 с.
63. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская / Отв. ред. А.В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
64. Пospelов, Е.М. Имена городов : вчера и сегодня (1917–1992) : топонимический словарь / Е.М. Пospelов. – М. : Русские словари, 1993. – 250 с.
65. Пospelов, Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период / Е.М. Пospelов. – М. : Профиздат, 2000. – 224 с.
66. Постановление Верховной Рады Украины от 01.09.2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики»
67. Постановление Верховной Рады Украины №1351-VIII от 12 мая 2016 года «О переименовании отдельных населённых пунктов и районов на временно оккупированной территории Донецкой и Луганской областей».
68. Постановление Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета от 5 февраля 1924 года «О воспрещении переименований именем В.И.Ульянова-Ленина без предварительного разрешения президиума ЦИК СССР». // Вестник ЦИК, СНК и СТО Союза ССР, №2, ст. 31.
69. Постановление ВЦИК 28 декабря 1923 г. «О воспрещении переименования железнодорожных станций и населённых пунктов, имеющих почтово-телеграфные учреждения. // Вестник Правительства СССР 1923 г., № 12, ст. 328.
70. Потапов, В.В. Краткий лингвистический справочник : Языки и письменность. 2-е изд., перер. и доп. / В.В. Потапов. – М. : Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. – 272 с.
71. Правда Русская / Под общ. ред. акад. Б.Д. Грекова. – М.; Л. : Изд-во АН СССР. Т. III : Факсимильное воспроизведение текстов. 1963.

72. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. – М : Эксмо, 2009. – 480 с.
73. Проект положения об учреждении Академии наук и художеств (выдержки), 1724 г. – официальный сайт РАН.
74. Редько, Ю.К. Довідник українських прізвищ / Ю.К. Редько. – К. : Радянська школа, 1969. – 255 с.
75. Резолюция II Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире (Ялта, 8–12 июня 2018 г)», с. 4.
76. Розенталь, Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. Изд. 2-е испр. и доп. / Д.Э. Розенталь. – М. : «Книга», 1971. – 303 с.
77. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.
78. Розенталь, Д.Э. Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника) / Д.Э. Розенталь. – М. : Рус. яз., 1985. – 328 с.
79. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т.7. Документы крестьянской реформы. Отв. ред. О.И. Чистяков. – М. : Юридическая литература, 1989.
80. Руководство по национальной стандартизации географических названий / Группа экспертов Организации Объединённых Наций по географическим названиям. – Нью-Йорк : Организация Объединённых Наций. – 2007. – 172 с.
81. Русская Правда (Пространная редакция) / Подготовка текста, перевод и комментарии М.Б. Сverdлова. // Библиотека литературы Древней Руси. [Электронное издание] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Т. 4 : XII век.
82. Русский язык : энциклопедия / Т.А. Ганиева и др.; под общ. ред. Ю.Н. Караулова. – М. : Большая Российская энциклопедия. – 1997. – 703 с.
83. Русско-украинский словарь. Фамилии, имена, отчества, области, районы, города, посёлки городского типа, сёла / Сост. З.Г. Рыкова, Н.В. Щегольковская. – Харьков : РИП «Оригинал». – 1997. – 304 с.
84. Словарь личных имён. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 288 с.
85. Словарь терминов и понятий по обществознанию. Автор-составитель А.М. Лопухов. 7-е изд. переб. и доп. М. : Айрис ПРЕСС. – 2013. – 448 с.
86. Словник мікрогідронімів України : Волинь, Житомирщина, Запоріжжя, Київщина, Кіровоградщина, Полтавщина, Черкащина [Текст] : словарь / Ред. О.П. Карпенко, Уклад. І.М. Желєзняк, Уклад. О.П. Карпенко, Уклад. В.В. Лучик, Уклад. Т.І. Поляруш, Уклад. О.С. Стрижак, Уклад. В.П. Шульгач. – К. : Обереги, 2004. – 448 с.
87. Слово о полку Игореве : Сборник. / Вступ. статьи Д.С. Лихачёва и Л.А. Дмитриева; реконстр. древнерус. текста и перевод Д.С. Лихачёва; сост., подгот. текстов и примеч. Л.А. Дмитриева. – Л. : Советский писатель, 1990. – 400 с.

88. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с., илл.
89. Список дворян, внесённых в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г. – Ставрополь : Новая типография Хаймовича, 1912. – 103 с.
90. Справочник личных имён народов РСФСР. – М., 1989. – 4-е изд.
91. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка / И.И. Срезневский. Тт. 1–3. – Петербург, 1893–1912.
92. Табель о рангах. – М., 1722. – 14 с.
93. Трийняк, И.И. Словник українських імен / Трійняк І.І. – К. : Довіра, 2005. – 509 с.
94. Український орфографічний словник : близько 172 000 слів / уклали : В.В. Чумак, І.В. Шевченко, Л.Л. Шевченко, Г.М. Ярун; за ред. В.Г. Скляренка. – Вид. 7-е, переробл. і допов. – К. : Довіра, 2008. – 983 с. – (Словники України).
95. Український правопис / НАН України, Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні; Інститут української мови. – К. : Наук. думка, 2005. – 240 с.
96. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. В 4-х т. Изд. второе, стереотипное / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёв. 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987.
97. Янко, М.Т. Топонімічний словник-довідник Української РСР. У 3-х т. / М.Г. Янко. – К. : Наукова думка, 1978.
98. Яценко, Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. – Санкт-Петербург : Лань, 1999 – 524 с.
99. The Cambridge Encyclopedia of the English Language (by David Crystal). – Cambridge University Press, 1994 – 954с.

Список цитируемой и использованной литературы

100. Агеева, Р.И. Происхождение имён рек и озёр / Р.И. Агеева. – М., Наука, 1985. – 144 с.
101. Ажнюк, Б.Н. Українські власні назви (антропоніми і топоніми) в англійському написанні / Б.Н. Ажнюк. // Мовознавство. – 1993. – № 1, с. 3-15.
102. Аксаков, К.С. Опыт русской грамматики [Электронный ресурс] / К.С. Аксаков. – М. : В типографии Л.Степановой, 1861. – 295 с. – Режим доступа : <http://books.e-heritage.ru/book/10075773>
103. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
104. Аль-Ани, Н.М. Философия техники: очерки истории и теории : учебное пособие / Н.М. Аль-Ани. – СПб, 2004. – 184 с.

105. Аникина, Т.Е. К проблеме перевода имён собственных / Т.Е. Аникина. // Университетское переводоведение. Вып. 1. Материалы 1 Всероссийской научной конференции «Федоровские чтения». – 28 октября 1999 г. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. – С. 19–22.
106. Артемчук, Г.И. Дві державні мови в Україні – це відмова від національно-мовного відродження українців / Г.І. Артемчук, В.М. Василенко. // Актуальні проблеми перекладознавства та навчання перекладу в мовному вузі: Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції КНЛУ, 27–28 вересня 2006 року. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2006, 212 с. – с.12–18.
107. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений : оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988. – 341 с.
108. Афанасьев, А.Н. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Т. 1–3 / А.Н. Афанасьев. – М. : Тип. Грачёва и Комп, 1865–1869.
109. Афанасьев, А.П. Топонимические пласты и историко-культурные срезы. / А.П. Афанасьев. // Исторические названия и памятники культуры : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. научно-практ. конф. – М., 1989. – С. 10–11.
110. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 416 с.
111. Баранова, Л.А. Народные топонимы Симферополя (к вопросу лингвокраеведческой компетенции иностранных учащихся) / Л.А. Баранова, М.С. Фильцова. // Русский язык в поликультурном мире: X Межд. научн.-практ. конф. (8-11 июня 2016 г.) : сб. научн. статей. В 2-х тт.) отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 2. – 587 с. – С. 40–47.
112. Барсов, Н.П. Материалы для историко-географического словаря Древней Руси. Историко-географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.) / Н.П. Барсов. – Вильна: Тип. А. Сыркина, 1865. – VIII, 220 с.
113. Барсов, Н.П. Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи / исслед. Н.П. Барсова, э. о. проф. и библиотекаря Имп. Варшавскаго ун-та. – 2-е изд., испр. и доп. алф. указ. – Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1885.
114. Басик, С.Н. Общая топонимика : Учебное пособие для студентов географического факультета / С.Н. Басик. – Минск : БГУ, 2006. – 200 с.
115. Баскаков, Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н.А. Баскаков. – М. : Наука, 1979. – 279 с.
116. Белей, Л.Е. Вариантность антропонимов на разных уровнях украинского языка / Л.Е. Белей. // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ужгород, 1986. – 23 с.
117. Беленькая, В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка / В.Д. Беленькая. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1969. – 168 с. с карт.

118. Беленькая, В.Д. Очерки англоязычной топонимики. / В.Д. Беленькая. – М. : Высшая школа, 1977. – 226 с.
119. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) : Учеб. пособие / А.А. Белецкий. – К. : КГУ, 1972. – 209 с.
120. Белодед, А.И. О.О. Потебня і філософська традиція / О.І. Білодід, С.Б. Кримський. // Наукова спадщина О.О. Потебні і сучасна філологія. До 150-річчя з дня народження О.О. Потебні : Зб. наук. праць / Відп. ред. В.Ю. Франчук. – К. : Наук. думка, 1985. – С. 4–10.
121. Бельчиков, Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики. Электронный ресурс. / Ю.А. Бельчиков. // Язык: система и функционирование. М. : Наука, 1988. – С. 30–35. – <http://www.philology.ru/linguistics2/belchikov-88.htm>
122. Берг, С.Л. О чуждых русскому языку звуко сочетаниях и буквосочетаниях в географических названиях при их передаче по-русски / С.Л. Берг. // Орфография собственных имен. – М. : Наука, 1965. – С. 104–116.
123. Бердяев, Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. Бердяев. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 416 с.
124. Березин, Ф.М. Русское языкознание конца XIX – начала XX в. / Ф.М. Березин. / Отв. ред. Ф.П. Филин. – М. : Наука, 1976. – 366 с.
125. Березович, Е.Л. Русская ономастика на современном этапе : критические заметки / Е.Л. Березович. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 2001. – № 6. – С. 34–46.
126. Бернадская, Ю.С. Текст и реклама / Ю.С. Бернадская. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.
127. Биппер, Ж.Г. Преобразование и воспроизведение семантической структуры слова при заимствовании (на материале французских заимствований XX века в английском языке / Ж.Г. Биппер. // Автореф. дис. ... к. филол. н. – М., 1975. – 22 с.
128. Бичурин, И. Замечания на статью Г. Менцова «О состоянии первоначального обучения в Китае» / И. Бичурин. // Журнал Министерства народного просвещения, май, отд. VII, 1840. – С. 14–16.
129. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. / Пер. с англ. Е.С. Кубряовой и В.П. Мурат. Коммент. Е.С. Кубряковой. Под ред. и предисл. М.М. Гухман. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.
130. Болотов, В.И. А.А. Потебня и когнитивная лингвистика / В.И. Болотов. // Вопросы языкознания, 2008. – №2. – С. 2–96.
131. Бондалетов, В.Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена) / В.Д. Бондалетов. // Ономастика и норма : Сб. статей. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Л.П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1976. – С. 12–46.
132. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 312 с.

133. Боплан Гильом Левассер. Описание Украины / Гильом Леванссер де Боплан. – М., 2004. – 575 с.
134. Борисюк, И. Історія розвитку найдавніших українських назв професій / І. Борисюк. // Київська старовина. – 2000. – № 4. – С. 135–140.
135. Бражник, Л.М. Онимная лексика как предмет исследования русской лингвокультурологии / Л.М. Бражник. // Русский язык в поликультурном мире: X Межд. научн.-практ. конф. (8-11 июня 2016 г.): сб. научн. статей. В 2-х тт.) отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 1. – 518 с. – С. 431–437.
136. Бугаёва, И.В. Агиотопонимы : частный случай отражения ментальности в географических названиях. Электронный ресурс / И.В. Бугаева. 2006. – С. 119–129. – <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=124926>.
137. Будде, Е.Ф. Лекции по истории русского языка / Е.Ф. Будде. – 2-е изд. – Казань, 1913. – 364 с.
138. Булаховский, Л.А. Введение в языкознание. Ч. 2 / Л.А. Булаховский. – М. : Учпедгиз, 1953. – Ч. 2. – 171 с.
139. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 624 с.
140. Бутенко, Н.П. К вопросу о «семантике» собственных имен / Н.П. Бутенко. // Актуальные проблемы лексикологии : Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции/17-20 июня 1970 г. / Минск, 1970. – 79 с.
141. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. Пер. с фр., примеч. : П.С. Кузнецов; под общ.ред. и с предисл. : Р.О. Шор. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
142. Васильев, Н.В. Собственное имя в мире текста / Н.В. Васильев. / Отв. ред. д-р филол. наук Н.К. Рябцева; Рецензенты : д-р филол. наук С.Е. Никитина, д-р филол. наук А.В. Суперанская; Институт языкознания РАН. – Изд. 2-е, испр. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 – 224 с.
143. Введение в специальные исторические дисциплины. Учебное пособие / О.В. Дмитриева и др.; ред. В.В. Белугина. – М. : Изд-во МГУ, 1990 – 280 с.
144. Введенская, Л.А. Этимология : Учебное пособие / Л.А. Введенская, Н.П. Колесников. – СПб. : Питер, 2004. – 221 с.
145. Введенский, А. Допоміжні історичні дисципліни / А. Введенський, В. Дядиченко, В. Стрельський. – К. : Радянська школа, 1963. – 208 с.
146. Верещагин, О.А. Фрейм-аналитика: Опыт эпистемиологического исследования / О.А. Верещагин, Н.Е. Белова. // Учёные записки Орловского государственного университета. № 6 (69), 2015. – С. 302–306.
147. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 271 с.
148. Виноградов, В.В. О форме слова / В.В. Виноградов. // Изв. АН СССР. Отд. литер. и яз. – Т. 1, вып. 1, 1944. – С. 35–47.

149. Винокур, Г.О. Орфографическая теория Тредиаковского / Г.О. Винокур. // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С. 468–489.
150. Волкова, С.Н. Проблемы классификации периферийных онимов в художественном тексте (на материале романа О. Ермакова «Знак зверя») / С.Н. Волкова. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – Тольятти, 2010. – № 6. – с. 32–44.
151. Вологдин, А.А. Римское право. Учебник и практикум / А.А. Вологдин. – М. : Ustitia. – 2015. – 256 с.
152. Воробьёва, И.А. Системный подход в топонимике и история. / И.А. Воробьёва. // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1976. – Вып. 2. – С. 190–199.
153. Воропай, А. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис / Олекса Воропай. Т. 1, 2. / Відп. за вип. С.Г. Білокінь. – 2-е вид., репринтне. – К. : Мале видавниче підприємство «Оберіг», 1991. – т. 1 – 456 с., т. 2 – 448 с.
154. Востоков, А.Х. Прибавления к 1-й части Грамматики Словенской // А.Х. Востоков. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т VIII, вып.1. – СПб, 1859–1860. – С. 73–76.
155. Восточнославянская ономастика. Сб. статей / отв. ред. А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1972. – 367 с.
156. Восточнославянская ономастика : Исследования и материалы / отв. ред. А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1979. – 350 с.
157. Вспомогательные исторические дисциплины: Историография и теория. – К. : Наукова думка, 1988. – 280 с.
158. Газизова, Л.В. Трудности перевода имён собственных (на материале перевода романа Тони Моррисон «Песнь Соломона») / Л.В. Газизова. // Вестник Челябинского государственного университета. – Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 35 (173). – С.42–47.
159. Гайдук, В.А. Юз и Юзовка / В.А. Гайдук, В.Г. Ляшенко, В.И. Мозговой, И.П. Навка. / Под общей ред. В.А. Гайдуга. – Донецк : Фирма «Кардинал», 2000. – 320 с.
160. Галкина-Федорук, Е.М. Слово и понятие / Е.М. Галкина-Федорук. – М. : Учпедгиз, 1956. – 56 с.
161. Гальковский, Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н.М. Гальковский. // Т. 1. – Харьков : Епархиальная типография, 1916. – 420 с.
162. Ганцовская, Н.С. Антропонимикон говоров Костромского Приволжья (на материале очерков В.Я. Шишкова / Н.С. Ганцовская. // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома (9-10 сентября 2020 г. В 2 т. Т. 1 / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – С. 271–281.

163. Горбаневский, М.В. В мире имён и названий / М.В. Горбаневский. – М. : Знание. – 1987. – 208 с.
164. Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия : Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. – М. : Принт, 1996. – 247 с.
165. Горбаневский, М.В. «Сталинские трубачи притаились в кустах» : Кому нужны новые имена на российской карте / М.Горбаневский // Ономастика России. Имена собственные в нашей жизни. 02.06.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onomastika.ru/news/524> «Лента.ру».
166. Горобец, Н.А. Право на вибір імені дитини / Н.О. Горобець. // Університетські наукові записки. – 2011 – № 4 (40). – С. 74–79.
167. Горпинич, В.А. Українські власні назви в російській мові (правила перекладу, словотвору, словозміни, правопису) : Навчальний посібник. / В.О. Горпинич, Т.Р. Антонюк. – Дніпропетровськ : ДДУ, 1998. – 136 с.
168. Горский, А.А. Русь от славянского Расселения до Московского царства / А.А. Горский. – М., 2004. – 392 с.
169. Гошев, Иван. Рилски глаголически листовце / Иван Гошев. София, 1956. – 130 с.
170. Граудина, Л.К., Современная норма склонения топонимов (в сочетаниях с географическим термином) / Л.К. Граудина. // Ономастика и грамматика. – М. : Наука, 1981. – С.122–145.
171. Григорьев, В.В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов / В.В. Григорьев. // Географические известия. – СПб, 1850, вып. 2. – С. 175–201.
172. Гринин, Л.Е. Личность в истории : Эволюция взглядов / Л.Е. Гринин. // История и современность, № 2 (12), сентябрь 2010. – с. 3–44.
173. Грот, Я.К. Заметка о топографических названиях вообще / Я.К. Грот. // Журнал Министерства народного просвещения, ч. СXXXVI, ноябрь, отд. 2. – СПб, 1867. – С. 617–668.
174. Грот, Я.К. Заметка о названиях мест / Я.К. Грот. // Филологические разыскания Я. Грота, т.1, 2-е изд. – СПб, 1876. – С. 233–249.
175. Гудманян, А.Г. Автореф. Відтворення власних назв у перекладі. Дис. д-ра філол. наук : 10.02.16. Нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2000. – 40 с.
176. Гумилёв, Л.Н. Чёрная легенда : Друзья и недруги Великой степи / Л.Н. Гумилёв. / Предисл. В.Ю. Ермолаева. – М. : Экспрос, 1994. – 624 с.
177. Гурская, Ю.А. Имя собственное : этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Минск, БГПУ им. Максима Танка, 2009. – 38 с.
178. Гушин, В.В. Наследственное право России : учебное пособие / В.В. Гушин, А.А. Добровинская. – М. : КНОРУС, 2018. – 170 с.

179. Данилина, Е.Ф. Прозвища в современном русском языке / Е.Ф. Данилина. // Восточнославянская ономастика : Материалы и исследования. М., 1979. – С. 281–297.
180. Демьянов, К.В. Идеология, топонимика, политика памяти : о массовых переименованиях городов в СССР / К.В. Демьянов, В.Г. Рыженко. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017, № 4 (16). – С.153–160.
181. Деревяго, А.Н. Имя собственное в художественном тексте / А.Н. Деревяго. – Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 239 с.
182. Донецкий региолект : Монография. / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.П. Першина, И.А. Кудрейко и др.: под ред. В.И. Теркулова. – Донецк : Изд. ООО «НПП «Фолиант», 2018. – 265 с.
183. Донцов, Д. За яку революцію? / Дмитро Донцов. – Львів : 1990. – 153 с.
184. Донеччина. Перехрестя цивілізацій. Книга перша / Загальна редакція В.І. Мозговий. – Донецьк : «Діапрінт», 2007. – 160 с., іл.
185. Драч, Г.В. Культурология : Учебник для вузов. – СПб. : Питер, 2013. – 384 с.
186. Дубичинский, В.В. Украинская лексикография : история и современность / В.В. Дубичинский. // Славянская лексикография : междунар. кол. монография / ред. М.И. Чернышева. – Москва : Азбуковник, 2013. – С. 251–309.
187. Жданов, О.К. Метонимическое словообразование на основе имён собственных / О.К. Жданов. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1963. – 24 с.
188. Ермолович, Д.И. Методика межъязыковой передачи имён собственных / Д.И. Ермолович. – М. : ВПЦ, 2009. – 86 с.
189. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. – 400 с.
190. Ефименко, А.Я. История украинского народа / А.Я. Ефименко. – К. : Лыбидь, 1991. – 453 с.
191. Железняк, И.М. Рось і етнолінгвістичні процеси Середньо-Наддніпряньського Правобережжя / І.М. Железняк. – К. : Наукова думка, 1987. – 203 с.
192. Железняк, И.М. Про деякі лінгвістичні ознаки власних назв / І.М. Железняк. // Мовознавство. – 2001. – №1. – С. 15–18.
193. Зинин, С.И. Имена персонажей в художественной литературе и фольклоре. Библиография / С.И. Зинин, А.Г. Степанова. // Антропонимика. – М., 1970, с. 330–354.
194. Зинин, С.И. Введение в русскую антропонимию : Пособие для студентов-заочников / С.И. Зинин. – Ташкент : Изд-во Таш. ун-та, 1972. – 278 с.
195. Зубко, А. Українська ономастика: здобутки та проблеми / Андрій Зубко // Спеціальні історичні дисципліни : питання теорії та методики. – К. : Ін-т історії України НАН України, 2007. – С. 262–281.

196. Іванишин, В. Нація. Державність. Націоналізм. / Василь Іванишин. – Дрогобич : Видавнича фірма «Відродження», 1992. – 180 с.
197. Иванов, В.В. Категория времени в искусстве и культуре XX века / В.В. Иванов. // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. : Наука, 1974. – 300 с.
198. Имя нарицательное и собственное: Сб. статей / Отв. ред. д-р филол. наук А.В. Суперанская; Институт языкознания АН СССР. – М. : Наука, 1978. – 208 с.
199. Имя собственное в жизни и литературе: Материалы IX Международных Святогорских ономастических и IX Международных Михайловских литературно-ономастических чтений / Редколлегия : В.М. Калинин (отв. ред.) и др. Донецк, – 2015. – 358 с.
200. История государства и права СССР Ч. 1 / под ред. О.И. Чистякова и И.Д. Мартыновича. – М. : МГУ, 1985. – 540 с.
201. Истрин, В.А. История и развитие письма / В.А. Истрин. – М. : Наука, 1965. – 600 с.
202. Историческая ономастика. – М.: Наука, 1977. – 309 с.
203. Калакуцкая Л. П. Склонение фамилий и личных имён в русском литературном языке / Л. П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1984. – 211 с.
204. Калинин, В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. // Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
205. Калинин, В.М. Теоретичні основи поетичної ономастики / В.М. Калинин. Автореферат докт. дис. Специальность 10.02.02 «рос.мова», 10.02.15 «загальне мовознавство». – К. : КНУ, 2000. – 35 с.
206. Калинин, В.М. К вопросу об оппозициях в поэтонимосфере художественного произведения / В.М. Калинин. // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. Научно-методический сборник. – К 80-летию проф. О.Е. Ольшанского. – Ч. 1 / Отв. В.А. Глущенко. – Славянск : СГПИ, 2001. – С. 93– 97.
207. Калинин, В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии [Текст] / В. М. Калинин // Логос ономастики. – 2006. – № 1. – С. 81–89.
208. Калинин, В.М. Знакомьтесь : поэтонимология : 1 / В.М. Калинин. // Вестник Тамбовского ун-та. – 2016. Серия : Филологические науки и культурология. – Т. 2 – № 4 (8). – С. 18–27.
209. Калинин, В.М. Знакомьтесь : поэтонимология : 2 / В.М. Калинин. // Неофилология. – 2017. – Серия : Филологические науки и культурология. – Т. 3. – № 1(9) – С. 10–17.
210. Канакина, В.П. Русский язык. 1 класс. / В.П. Канакина, В.Г. Горецкий, М.Н. Деменьева и др. – М. : Просвещение, 2019. – 352 с.
211. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. / В шести томах. – Москва : Книжный сад, 1993.

212. Карасик, В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению / В.И. Карасик. // Социолингвистика вчера и сегодня. Сб. науч. трудов. Серия «Теория и история языкознания». Редкол. Трошина Н.Н. (отв. ред.) – М. : Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания. – 2008. С. 127–155.
213. Карасик, В.И. Прецедентные онимы в СМИ / В.И. Карасик, Г.Г. Сышкин. // Политическая лингвистика. – 2011, № 3. – С. 266–268. Карпенко, Ю.А. Проблема вариантов в топонимике / Ю.А. Карпенко. // Тезисы докл. и сообщ. Всесоюзной конф. по топонимике СССР (28.I.–2.II. 1965 г.). – Л., 1965. – С. 17–20.
214. Карпенко, Ю.А. О семантике собственных имён / Ю.А. Карпенко. // Актуальные проблемы лексикологии : Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (17-20 июня 1970 г.) – Минск : БГУ, 1970. – С. 89.
215. Карпенко, Ю.А. Теоретичні засади розмежування власних і загальних назв / Ю.О. Карпенко. // Мовознавство. – 1974, № 4. – С. 46–50.
216. Карпенко, Ю.А. О гидронимах Днепр, Днестр, Турунчак / Ю.А. Карпенко. // Русское языкознание : Респ. междувед. научн. сб. Вып. 4. – К. : Вища школа, 1982. – С. 11–14.
217. Карпенко, Ю.А. Названия звёздного неба / Ю.А. Карпенко. – М. : Наука, 1985. – 192 с.
218. Карпенко, Ю.А. Реєстр Війська Запорізького і проблеми постановня українських прізвищ / Ю.О. Карпенко. // Питання історичної ономастики України. – К. : Наукова думка, 1994. – С. 182–201.
219. Климов, Е.В. Монотеизм восточных славян / Е.В. Климов. // Вопросы истории. 2007. № 12. – С. 168–170.
220. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Ч. I // Сочинения : В 9-ти т. Т. I. – М. : Мысль, 1987.
221. Ковалёв, Г.Ф. Ономастические этюды : писатель и имя / Г.Ф. Ковалёв. // Монография. – Воронеж, 2001. – 275 с.
222. Коваль, А.П. Життя і пригоди імен / А.П. Коваль. – Київ : Вища школа, 1988. – 239 с.
223. Кодалле, Клаус-Михаэль (Йена, ФРГ) : Томас Гоббс : философия языка и политика / Перевёл с нем. Владимир Абашник. // Практична філософія та правовий порядок. Збірка наукових статей. – Харків : Центр освітніх ініціатив, 2000. – С. 19–25.
224. Комков, А.М. Проблемы стандартизации (нормализации) географических названий в национальном и международном аспектах / А.М. Комков. // Ономастика и норма: Сб. статей. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Л.П. Калауцкая. – М.: Наука, 1976. – С. 5–11.
225. Компан, Е.С. Ономастика як допоміжна історична дисципліна / О.С. Компан. // Історичні джерела та їх використання : Зб. ст. / Голова редкол. І.Б. Бутич. – К. : 1966. – Вип. 2. – С. 54–64.

226. Кондратьева, Т.Н. Собственные имена в русском эпосе / Т.Н. Кондратьева; Под ред. к. филол. н. Р.Х. Субаевой. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1967. – 248 с.
227. Кондратьева, Т.Н. Метаморфозы собственного имени : Опыт словаря / Т.Н. Кондратьева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1983. – 112 с.
228. Косоногова, О.В. Статус онимического термина в лингвистике : Монография / О.В. Косоногова. – Одесса : КУПРИЕНКО СВ, 2016. – 117 с.
229. Копылов, И.Л. Достижения и перспективы в области ономастической стандартизации / И.Л. Копылов. // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома (9-10 сентября 2020 г. В 2-х т.т. Т. 1 / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – С. 72–82.
230. Кремонский, Лиунтпранд. Антаподосис (Воздаяние) / Лиунтпранд Кремонский. // Антаподосис; книга об Оттоне; отчет о посольстве в Константинополь / Пер. И.В. Дьяконова. – М. : Изд-во «Русская панорама», 2006. – с. 185–218.
231. Корепанова, А.П. Словообразование гидронимов бассейна Нижней Десны / А.П. Корепанова. / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – К., 1969. – 22 с.
232. Косоногова, О.Е. Статус онимического термина в лингвистике: Монография / О.В. Косоногова. – Одесса : Куприенко СВ, 2016. – 117 с.
233. Куза, А.В. Малые города Древней Руси / А.В. Куза. – Москва : Наука, 1989. – 168 с.
234. Кузнецова, В.И. Фонетические основы передачи английских собственных имён на русском языке / В.И. Кузнецова. – Л. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. – 118 с.
235. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962 – 456 с.
236. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Люсьен Лэви-Брюль. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
237. Левковская, К.А. Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала. Изд. 2-е, стереотипное / К.А. Левковская. – М. : КомКнига, 2005. – 296 с.
238. Лейбниц, Г.В. Сочинения, в четырёх томах / Г.В. Лейбниц. // Серия : Философское наследие. – М. : Мысль, 1982–1989.
239. Леонтьев, А.А. О написании иностранных имён / А.А. Леонтьев. // Вопросы культуры речи, 1963, № 4. – С. 154–156.
240. Литвина, А.Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. : Династическая история сквозь призму антропонимики / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М. : «Индрик», 2006. – 904 с.

241. Личные имена в прошлом, настоящем, будущем : Проблемы антропонимики / Отв. ред. В.А. Никонов. Москва : Наука, 1970. – 341 с.
242. Локк, Дж. Педагогические сочинения: Пер. с англ. Под ред. И.Ф. Сладковского / Дж. Локк. – М. : Учпедгиз, 1939. – 318 с.
243. Ломоносов, М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года / М.В. Ломоносов. – СПб : Имп. Акад. Наук, 1766. – 140 с.
244. Лопатин, В.В. Словообразовательная структура названий населённых пунктов в современном русском языке / В.В. Лопатин. // Ономастика и грамматика. – М. : Наука, 1981. – С.30–40.
245. Лосев, А.Ф. Философия Имени. Предисловие // А.Ф. Лосев. Бытие – имя – космос. – М. : Мысль, 1993. – С. 614–626.
246. Лосев, А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А.Ф. Лосев. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 296 с.
247. Лукаш, Г.П. Семантична структура конотативних власних назв / Г.П. Лукаш. // Ономастичні науки. Науковий журнал. Гол. ред. Є.С. Отін. – № 1 (3). – Донецьк : ДонНУ. – 2009. – с. 53–58.
248. Лысенко, И.О. Экология человека : курс лекций / И.О. Лысенко, В.П. Толоконников, А.А. Коровин, Е.Б. Гридчина. – Ставрополь : Изд-во Ставропольский ГАУ «АГРУС». – 2013. – 120 с.
249. Лысяк-Рудницький, И. Історичні есе. В 2-х тт. Т.1 / . І. Лисяк Рудницький. / Пер. з англ. М. Бадік, У. Гавришків, А. Дешиця, Г. Киван, Е. Панкєєва. – К. : Основи, 1994. – 554 с.
250. Магазаник, Э.Б. Поэтика имён собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст. АКД. – Самарканд, 1967. – 24 с.
251. Магазаник, Э.Б. Ономапоэтика или «говорящие имена» в литературе / Э. Б. Магазаник. – Ташкент : Фан, 1978. – 146 с.
252. Магрицкая, И. Самоврядування по-луганськи, або Як місцеві можновладці змінили український правопис / І. Магрицька. – <http://www.dt.ua/3000/3050/61071/>.
253. Мадиева, Г.Б. Теория и практика ономастики. / Г.Б.Мадиева, В.И.Супрун. // Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Алматы : Казак университеті; Волгоград: Перемена, 2015. – 199 с.
254. Максимова, Л.К. Передача на русский язык иноязычных «генитивных» географических названий / Л.К. Максимова. // Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. - Рига, 1966. – С. 207–210.
255. Максимович, М. Откуда идёт русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским / М. Максимович. – Киев : Въ Университетской Типографіи, 1837. – 147 с.

256. Максимова, Л.К. О склонении некоторых групп собственных имён, оканчивающихся на -а / Л.К. Максимова // Ономастика. – М. : Наука, 1969. – С. 245–250.
257. Мамутов, В.К. Украинское Приморье и Донбасс: из прошлого в будущее / В.К. Мамутов. – Донецк : Донецкий областной краеведческий музей, 1995. – 85 с. с илл.
258. Марр, Н.Я. Избранные работы. В 5 томах / Н.Я. Марр. – Москва – Ленинград : ГАИМК, ГСЭИ. – 1933–1937.
259. Милль, Дж. Система логики символической и индуктивной [Текст] / Дж. Милль. – М. : Издание Г.А. Лемана, 1914. – 880 с.
260. Миньяр-Белоручева, А.П. Эволюция восприятия имени собственного в западноевропейской культуре / А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Плотникова. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. – 2008. – Т. 7, № 16 (116). – С. 37–42.
261. Михайлов, Владимир. Русский вопрос в Белоруссии / В. Михайлов. // Русская линия. 05.05.2004. – <http://www.rusk.ru/st.php?idar=1001934>.
262. Михайлов, В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в., их функции и словообразование : дис. ... канд. филол. наук / Михайлов Всеволод Николаевич. – Москва : МГПИ им. В. И. Ленина, 1955. – 591 с.
263. Михайлов, В.Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в русской речи: Учебное пособие / В.Н. Михайлов. – Симферополь : изд-во Симферопольского университета, 1981. – 28 с.
264. Мозговой, В. И. Освоение иноязычной топонимии в русском языке XVII века (на материале «Вестей-Курантов») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мозговой Владимир Иванович. – Одесса, 1981. – 260 с.
265. Мозговой, В.И. Лексическое и фонетическое освоение западноевропейских топонимов в начальную эпоху образования русской нации (на материале «Вестей-Курантов», XVII век) / В.И. Мозговой. // Русское языкознание. Республ. междудемент. научн. сб. – К. : Вища школа, 1982. – С. 108–114.
266. Мозговой, В.И. Этапы освоения страноведческой действительности иностранцами и методика презентации ономастических материалов / В.И. Мозговой. // Методика. Сб. статей. – Кабул : Министерство просвещения ДРА, 1984. – С. 25–31.
267. Мозговой, В.И. Взаємодія мов і процеси адаптації іншомовної топонімії / Мозговий В.І. // Мовознавство. Науково-теоретичний журнал відділення літератури, мови і мистецтвознавства АН УРСР. – К. : Вид-во «Наукова думка». – 1986, № 4. – С. 22–28.
268. Мозговой, В.И. Про походження назви *Угорщина* / В.І. Мозговий. // Українська мова і література в школі. Щомісячний науково-методичний журнал Міністерства освіти УРСР. – К. : Вид-во «Радянська школа». – 1986, № 10. – С. 65–66.

269. Мозговой, В.И. Опыт русского исторического словаря иноязычной топонимии / В.И. Мозговой. // Сб. научн. трудов «Формирование и развитие топонимики. – Свердловск : Уральский госуниверситет, 1987. – С. 78–91.
270. Мозговой, В.И. Семантика собственного имени в языке и речевой практике. Роль онимов в процессе познания страноведческой действительности / В.И. Мозговой. // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Вып. 3, ч. 1. Общие вопросы. Лексикология. Семантика частей речи и других номинативных классов. – Харьков : Харьк. ин-т механизации и электрификации сельского хозяйства, 1989. – С.150–152.
271. Мозговой, В.И. Походження географічних назв / В.І. Мозговий // Українська мова і література в школі. Щомісячний науково-методичний журнал Міністерства освіти УРСР. – К. : Вид-во «Радянська школа». – 1990, № 16. – С. 93.
272. Мозговой, В.И. Форма имени и характер номинации как средство хронологизации топонимов / В.И. Мозговой. // Номинация в ономастике. Сб. статей. / Под ред. М.П. Рут. – Свердловск : Уральский госуниверситет, 1991. – С.123–133.
273. Мозговой, В.И. Чи є значення у власних назв? / В.І. Мозговий. // Структура і функції ономастичних одниниць. Зб. наук. праць. / В.Д. Познанська (наук. ред.) та ін. – Донецьк : ДонДУ, 1992. – С.95–101.
274. Мозговой, В.И. Практическая ономастика как феномен языковой культуры / В.И. Мозговой. // Язык, стиль, культура. Сб. научн. трудов. / Сост. Н.А. Луценко (научн. ред.) и др. – Донецк : ДонГУ, 1992. – С. 53–59.
275. Мозговой, В.И. Там, где было Дикое поле...: очерки истории Донецкого края / В.И. Мозговой, В.Г. Ляшенко. / под общей ред. В.И. Мозгового. – Донецк : Кардинал, 2001. – 336 с.
276. Мозговой, В.И. Боги сонця і вогню у слов'янському Пантеоні / В.І. Мозговий. // Слово и Мысль. Вестник Донецкого отделения Петровской Академии Наук и Искусств (г. Санкт-Петербург, Россия; г. Донецк, Украина) : Сб. научн. тр. Гуманитарные науки. Вып. второй // Редколлегия : А.А. Минаев (гл. ред.) и др. – Донецк, 2001. – С. 109–114.
277. Мозговой, В.И. Донбасс с высоты свободного полёта / В.И.Мозговой. – Донецк : Кардинал, 2003. – 351 с.
278. Мозговой, В.И. Власні назви і мовна політика / В.І. Мозговий. // Загальні питання філології: зб. наук. пр. – Дніпропетровськ, 2004. – Т. 2. С.52–56.
279. Мозговой, В.И. Освоєння чи системна адаптація? До проблем передачі власних назв іншомовного походження / В.І. Мозговий. // Культура народів Причерномор'я. – 2006. – Т. 2, № 82. – С. 33–35.
280. Мозговой, В.И. Російсько-український словник труднощів перекладу в контексті сьогодення / В.І. Мозговий. // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. Методика викладання мов. Випуск 51. – Х. : Константа, 2007. – С. 30–33.

281. Мозговой, В.И. Проблемы формирования топонимичной нормы (на примере официальной передачи географических назв Крыма средствами украинского языка) / В.И. Мозговой. // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 110. – С. 46–49.
282. Мозговой, В.И. Донеччина. Перехрестя цивілізацій. Кн. 1. / В.И. Мозговой, М.Д. Калиущенко, О.В. Колесник та ін.; під заг. ред. В.И. Мозгового. – Донецьк: Донбас, 2007. – 160 с.
283. Мозговой, В.И. Донеччина. Новий вимір. Кн. 2 / В.И. Мозговой, М.Д. Калиущенко, О.В. Колесник та ін.; під заг. ред. В.И. Мозгового. – Донецьк : Донбас, 2007. – 256 с.
284. Мозговой, В.И. Макропроблеми двомовної мікротопонімії: з досвіду роботи над мікротопонімією Донецька / В.И. Мозговой. // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 142. – Т. 2. – С. 89–92.
285. Мозговой, В.И. Специфіка фонологічних і фонематичних субституцій у спільному українсько-російському онімному просторі / В.И. Мозговой. // Наукові записки / РВВ КДПУ ім. В. Винниченка. Філологічні науки. – Кіровоград. – 2009. – С. 185–190. – (Серія : Мовознавство; вип. 81 (4)).
286. Мозговой, В.И. Роль структурних особливостей власних назв в ідентифікації об'єктів номінації / В.И. Мозговой, Н.І. Мозгова // Наукові записки / РВВ КДПУ ім. В. Винниченка. Філологічні науки. – Кіровоград, 2009. – С. 190–193. – (Серія : Мовознавство; вип. 81 (4)).
287. Мозговой, В.И. Универсальность языка и вариативность русско-украинского языкового пространства / В.И. Мозговой. // Информационный Вестник Форума русистов Украины. Вып.12. – Симферополь: ЧП «Арти-ЮК», 2009. – с.29–37.
288. Мозговой, В.И. Проблемы функціонування власних назв у сучасному національно-культурному просторі / В.И. Мозговой. // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. Філологічні науки. – Луцьк, 2009. – С. 424–428. – (Серія : Мовознавство; вип. 6).
289. Мозговой, В.И. Соціальна динаміка формування норм при функціонуванні міжмовних варіантів пропріальної лексики / В.И. Мозговой. // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 168. – Т. 2. – С. 98–100.
290. Мозговой, В.И. Специфіка варіативності різномовної топонімії як показник рівня сформованості української нації (на матеріалі писемних пам'яток XVII–XVIII століть) / В.И. Мозговой, Л.М. Воробйова. // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 168. – Т. 2. – С.100–102.
291. Мозговой, В.И. Проблемы історичної пам'яті у пропріальній мовній культурі / В.И. Мозговой. // Звільнення України від німецько-фашистських загарбників: 65-років історич. пам'яті народу : мат. міжвуз. наук.-пр. семінару / ДонНУЕТ. – Донецьк, 2009. – С.163–168.
292. Мозговой, В.И. Ім'я як категорія права / В.И. Мозговой. // Проблемы экономического и социального развития в условиях мирового кризиса :

- матеріали науч.-практ. конф. / Донец. нац. техн. ун-т. – Донецк, 2009. – С. 223–228.
293. Мозговой, В.И. Переклад власних назв у світлі права / В.І. Мозговий. // Лінгвістичні та методичні проблеми навчання мови як іноземної : матеріали VIII Міжн. наук.-практ. конф. – Полтава, 2010. – С. 333–336.
294. Мозговой, В.И. Велика літера як спосіб фіксації правового статусу об'єктів номінації / В.І. Мозговий, Н.І. Мозгова. // Лінгвістичні та методичні проблеми навчання мови як іноземної : мат. VIII Міжн. наук.-практ. конф. – Полтава, 2010. – С. 336–340.
295. Мозговой, В.И. Социальная конфликтность взаимодействующих проприальных культур при абсолютизации однополярных ономастических норм / В.И. Мозговой. // Информационный вестник Форума русистов в Украине. – 2010. – Вып. 13. – С. 264–270.
296. Мозговой, В.И. Типологія власних назв у мові і мовленні : проблеми і перспективи / В.І. Мозговий. // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2010. – Т. 23 (62), № 2, ч. 1. – С. 133–138. – (Серия : Филология. Социальные коммуникации).
297. Мозговой, В.И. Способы фиксации правовых отношений собственности при склонении проприальной лексики / В.И. Мозговой. // IV Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. науч. работ. – Севастополь, 2010. – Т. 1. – С. 189–196.
298. Мозговой, В.И. Фононіми, морфоніми, графоніми, або методика передачі власних назв засобами спорідненої мови / В.І. Мозговий. // Функціональна лінгвістика : сб. науч. работ / Крым. респ. ин-т последиплом. педагог. образования. – Симферополь, 2010. – № 1, т. 2. – С. 102–104.
299. Мозговой, В.И. Утвердження ономастичних норм на основі права – шлях до цивілізованої держави / В.І. Мозговий. // Українська державність : історія і сучасність : матеріали міжвуз. наук.-теорет. семінару. – Донецьк, 2011. – С. 185.
300. Мозговой, В.И. Проблемы передачи правового статуса имени собственного в близкородственных языках / В.И. Мозговой. // Perspektywiczne opracowania sa nauka i technikami-2011 : Materiały VII międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji. – Przemyśl, 2011. – S. 112. – (Filologiczne nauki; v. 34).
301. Мозговой, В.И. Проблемные случаи официальной передачи русских личных имен на украинский язык. Словарные статьи на А и Б / В.И. Мозговой. // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2012. – С. 123–129. – (Серия : Филология. Социальные коммуникации; вып. 25).
302. Мозговой, В.И. Із досвіду роботи над словником офіційної передачі російських імен засобами української мови / В.І. Мозговий. // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. – 2012. – С. 156–162. – (Серія : Мовознавство; вип. 22).

303. Мозговой, В.И. О специфике работы над словарём официальной передачи личных имён в близкородственных языках / В.И. Мозговой. // VI Міжн. Севастопольські Кирило-Мефодіївські читання : зб. наук. праць. – Севастополь, 2012. – С. 418–426.
304. Мозговой, В.И. Специфіка формування української топонімної культури XVII-XVII ст. у складі інших топонімних систем / В.І. Мозговий, Л.М. Воробйова // Функціональна лінгвістика: сб. науч. тр. – Симферополь, 2012. – С. 45–48.
305. Мозговой, В.И. Правовые горизонты ономастики / В.И. Мозговой. // И слово Ваше отзовется / Гуманитарный центр «Азбука». – К., 2012. – С. 373–383.
306. Мозговой, В.И. Методика соціально-правової презентації власних назв російського походження у практичному курсі української мови / В.І. Мозговий. // Горизонты образования. Психология. Педагогика. – Севастополь, 2013. – № 3 (39). – С. 42–47.
307. Мозговой, В.И. Офіційна передача російських особових імен українською мовою (приклади словникових статей на букви Б–Д) / В.І. Мозговий. // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету ім. Лесі Українки. – Луцьк, 2013. – С. 161–165. – (Серія : Мовознавство; вип. 17).
308. Мозговой, В.И. Когда и как «переводить» имена собственные / В.И. Мозговой. // Вісник Донецького національного університету. – 2013. – С. 207–214. – (Серія Б : Гуманітарні науки; № 1–2, т. 1).
309. Мозговой, В.И. Метод соціально-правової ідентифікації при офіційній передачі власних назв / В.І. Мозговий. // Методологія та історіографія мовознавства : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. – Слов'янськ, 2013. – С. 193–197.
310. Мозговой В.И. Кризис языка и иллюзативные трансформации современной действительности // Язык и личность в поликультурном пространства: сборник статей [Текст]; под ред. О.С. Фисенко, Л.В. Адониной. – Москва : Рибэст, 2013. – 343 с. (Серия «Молодой филолог». Вып. 3) – С. 18–24.
311. Мозговой, В.И. Методика официальной передачи собственных имён в украинско-русской проприальной культуре / В.И. Мозговой. // Naukowa przestrzen Europy–2013 : Materiały XI międzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji. – Przemyśl, 2013. – S. 24–31. – (Filologiczne nauki; v. 25).
312. Мозговой, В.И. Официальная передача русских личных имён на украинский язык. Словарные статьи на В и Г / В.И. Мозговой. // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2013. – С. 489–494. – (Серия : Филология. Социальные коммуникации; вып. 26).
313. Мозговой, В.И. Зумовленість перекладу власних назв правовою значущістю об'єктів номінації / В.І. Мозговий. // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету ім. Лесі Українки. Філологічні науки – Луцьк, 2014. – С. 216–220. – (Серія : Мовознавство; № 4 (281)).

314. Мозговой, В.И. Функционально-семантические трансформации коннотативной онимной лексики в правовом поле и принципы её воспроизведения в документах / В.И. Мозговой. // Русская филология : Вестник Харьк. нац. педагог. ун-та им. Г.С. Сковороды. – 2014. – № 1–2 (51). – С. 29–34.
315. Мозговой, В.И. Имена собственные и правовая культура их фиксации в документах / В.И. Мозговой. // Научные парадигмы современного гуманитарного знания и содержание образования: сб. докл. Междунар. науч. конф., г. Петрозаводск, 28–31 мая 2014 г. – Петрозаводск, 2014. – С. 65–67.
316. Мозговой, В.И. Правовой статус имён собственных и языковая норма их передачи / В.И. Мозговой. // *Funkcje nazw własnych w kulturze i komunikacji*. – Poznań : Instytut Naukowo-Wydawniczy «Maiuscula», 2015. – С. 415–427.
317. Мозговой, В.И. Методические приёмы формирования правовой культуры при работе с именами собственными / В.И. Мозговой, Л.Г. Вергазова // *Funkcje nazw własnych w kulturze i komunikacji*. – Poznań : Instytut Naukowo-Wydawniczy «Maiuscula», 2015. – С. 427–439.
318. Мозговой, В.И. О переименованиях и восстановлениях собственных имён / В.И. Мозговой. // Функциональная лингвистика: VII Межд. научн. конгресс «Язык и мир»: Межд. конгресс. (Ялта, 5–8 октября): Сб. научн. работ докладов / Отв. ред. А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев; Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования. – Симферополь : ООО «Форма», 2015. – С. 242–244.
319. Мозговой, В.И. Имя собственное в языке, речи и гражданско-правовом сознании / В.И. Мозговой. // Первые Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина. Доклады. Октябрь, 2015. // Донецк, 2015. – Режим доступа: <http://azbuka.in.ua> (Донецкая ономастическая школа). Название с экрана.
320. Мозговой, В.И. Переименования топонимических объектов Донбасса: объективная необходимость или орудие экспансии? / В.И. Мозговой. // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Макеевка, 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://donnasa.ru/inform.php?lng=r&pid=2468&art=2469>. – С. 271–275. <http://elibrary.ru/item.asp?id=25935557>.
321. Мозговой, В.И. Тёмные пятна правовой ономастики / В.И. Мозговой. // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности : Материалы I Междунар. научн. конф. (Донецк, 16–18 мая 2016 г.). – Том 4. Филологические науки. Культура и искусство / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. – Ростов-на-Дону : Изд. Южн. федеральн. ун-та, 2016. – С. 173–176.
322. Мозговой, В.И. Теория и практика функционирования собственных имён в правовом контексте / В.И. Мозговой. // Русский язык в поликультурном мире :

- Х Межд. науч.-практ. конф. (8–11 июня 2016 г.) сб. науч. ст. В 2-х т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 2. С. 166–179.
323. Мозговой, В.И. Формирование культуры обращения с проприальной лексикой в родственных языках / В.И. Мозговой, Л.Г. Вергазова. // Русский язык в поликультурном мире : Х Межд. научно-практ. конф. (8–11 июня 2016 г.) сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т.2. С. 446–453.
324. Мозговой, В.И. Специфика лексических отношений в онимной лексике и методика её передачи в правовой ономастике / В.И. Мозговой, Л.Г. Вергазова. // Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. – Севастополь–Москва : Издательство «Перо», 2016. – С. 190–196.
325. Мозговой, В.И. О ложных синонимах и опасностях межъязыковой паронимии в правовой ономастике / В.И. Мозговой. // Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. научных работ. – Севастополь–Москва : Издательство «Перо», 2016. – С. 197–207.
326. Мозговой, В.И. Методика дезавуирования лжеименований в русской проприальной культуре / В.И. Мозговой, Л.Г. Вергазова. // Русский язык в поликультурном мире : I Международный симпозиум (8–12 июня 2017 г.); сб. науч. статей. В 2-х тт. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь : АРИАЛ, 2017. – Т. 1. – С. 313–318.
327. Мозговой, В.И. Имя собственное как объект культуры и культурно-историческая реальность / В.И. Мозговой. // Культура в фокусе научных парадигм [Текст]: / науч. ред. Кравченко О.А., Каика Н.Е. – Донецк : ДонНУ, 2017. – Вып.5. – С. 148–152.
328. Мозговой, В.И. Имена собственные и не собственные. Принципы выделения и классификации / В.И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научн. жур. – Т. 3, № 3. – Севастополь : СГУ, 2017.– С.44–51.
329. Мозговой, В.И. Причины и следствия ложной активации культурно-исторической реальности в правовой ономастике / В.И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – Т. 3, № 4 – Севастополь : СГУ, 2017.– С. 55–60.
330. Мозговой, В.И. Ономастика Донбасса / В.И. Мозговой. // Донецкий региолект : Монография. / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.П. Першина, И.А. Кудрейко и др.: под ред. В.И. Теркулова. – Донецк : Изд. ООО «НПП «Фолиант», 2018. – С. 64–88.
331. Мозговой, В.И. О судьбе ономастики в связи с процессами трансформации собственных имён в условные номинации / В.И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. – Севастополь, 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 59–64.
332. Мозговой, В.И. Формирование языковой и ономастической нормы в условиях природной вариативности национального языка / В.И. Мозговой. //

- Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал. – № 1. – Донецк : ДонНУ, 2018. – С. 15–20.
333. Мозговой, В.И. Уровни номинативности собственных имён в языковой реальности и речевом вымысле / В.И. Мозговой. // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.); сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – Т. 1. – С. 125–133.
334. Мозговой, В.И. Предмет и границы современной ономастики / В.И. Мозговой. // XII Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения (19 сентября 2018 г.) : Материалы конференции. // Отв. ред. В.М. Калинин, А.В. Петров. – Симферополь, 2018 – С. 14–17.
335. Мозговой, В.И. Графико-грамматическая структура собственных имён как маркер реальной и ложной номинации / В.И. Мозговой. // Фортунатовские чтения в Карелии : сборник докладов международной научной конференции (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск) : в 2 ч. Ч. 1. / науч. ред. Н.В. Патроева; предисл. Н.В. Патроевой и О.В. Никитина. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. – С. 110–113.
336. Мозговой, В.И. Главная проблема правовой ономастики / В.И. Мозговой. // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность : VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета) : сборник научных статей. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 189–197.
337. Мозговой, В.И. Роль и специфика графики в русской ономастике / В.И. Мозговой. // Донецкие чтения 2018 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 4 : Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2018. – С.45–48.
338. Мозговой, В.И. Посёлки Донецка как объект номинативной истории / В.И. Мозговой. // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал. – № 1. Донецк : ДонНУ, 2019. – С. 37–45.
339. Мозговой, В.И. Национальный язык и государственность в контексте Донбасса / В. И. Мозговой. // Новые горизонты русистики. Научный журнал. Выпуск 7. – Донецк : ДонНУ. – 2019. – С. 137–145.
340. Мозговой, В.И. Нейминг и норма / В.И. Мозговой. // Русский язык : исторические судьбы и современность : VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.) : Труды и материалы / под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной. – М. : Издательство МГУ, 2019. – С. 345–346.

341. Мозговой, В.И. Народное и «инородное» в проприальной культуре многоязычного Донбасса / В.И. Мозговой // Россия народная : россыпь языков, диалектов, культур : сб. материалов Всеросс. с межд. участием научн. конф., [23–25 апреля 2019 г., г. Волгоград] / [гл. ред.: Е.В. Брысина, В.И. Супрун; редкол.: Е.И. Алещенко и др.] Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, Волгогр. отд-ние. – Об-во рус. словесности. – Волгоград : Фортесс, 2019. – С. 377–382.
342. Мозговой, В.И. Генезис имени собственного / В.И. Мозговой. // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей III Межд. симпозиума (8–12 июня 2019 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том I. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 333–341.
343. Мозговой, В.И. Языковые антиномии имени собственного / В.И. Мозговой. // XIII Межд. Крымские Михайловские лит.-ономастические чт. (18 сентября 2019 г.) : Материалы конф. // Отв. ред. В.М. Калинин, А.В. Петров. – Симферополь, 2019. – С. 6–11.
344. Мозговой, В.И. О предмете проприонимологии / В.И. Мозговой. // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы VII Всероссийской научной конференции. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 28–31.
345. Мозговой, В.И. Проблемы классификации имён собственных / В.И. Мозговой. // Донецкие чтения 2019 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы IV Межд. научн. конф. (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Том 4 : Филологические науки. Культура и искусство. Ч. 2 / под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 74–77.
346. Мозговой, В.И. Проблемы лингворечевой и ономастической компетенции управленца / В.И. Мозговой. // Актуальные проблемы и перспективы развития менеджмента и маркетинга производственных и социальных систем : материалы III межд. науч.-практ. конф., 20 ноября 2019, г. Донецк / ГОУ ВПО «ДонАУиГС». – Донецк : ДонАУиГС, 2019. – С. 285–289.
347. Мозговой, В.И. Проблема исторической памяти в топонимии Донбасса / В.И. Мозговой. // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал – № 3. Донецк : ДонНУ, 2019. – С. 31–37.
348. Мозговой, В.И. Культура современных номинаций и проблемы права / В.И. Мозговой. // Русский язык в поликультурном мире : IV Международный симпозиум (8–12 июня 2020 г.); сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – Т. 1. – С. 237–244.
349. Мозговой, В.И. Проблема нормы в ономастике / В.И. Мозговой. // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома (9–10 сентября 2020 г. В 2 т. Т. 1 / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской

- гос. ун-т. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – С. 103–110.
350. Мокиенко, В.М. Семантика собственных имён в составе фразеологизмов / В.М. Мокиенко. // Семантика языковых единиц. – Л. : ЛГПИ, 1975. – С. 92–94.
351. Молчанов, Р.Ю. Ім'я як особисте немайнове благо / Р.Ю. Молчанов. // Юридична Україна. – 2008. - № 10 (70). – С. 58–63.
352. Мошин, В. А. Христианство в России до Св. Владимира / В.А. Мошин // Владимирский сборник. В память 950-летия крещения Руси. 988–1938. – Белград: Б. и., 1938. – С. 1–18.
353. Мурзаев, Э.М. География в названиях – 2-е изд., пераб. и доп. / Э.М. Мурзаев. – М. : Наука, 1982. – 176 с.
354. Муромцев, И.В. О семантических условиях перехода апеллятивов в имена собственные и имён собственных в апеллятивы / И.В. Муромцев. // Актуальные проблемы лексикологии : Тезисы докладов и сообщений всесоюзной научной конференции / 17-20 июня 1970 г. / Минск, 1970. – С. 146–147.
355. Мурясов, Р.З. Топонимы в словообразовательной системе современного немецкого языка / Р.З. Мурясов. // Вопросы языкознания. № 4. 1986. – С. 70–81.
356. Мухаметгареева, Н.М. Артионим во французском и русском искусствоведческих дискурсах: лингвокультурологический аспект перевода. / Н.М. Мухаметгареева Н.М. Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Дисс. на соискание учёной степени к. филол. н. Уфа, 2017. – 203 с.
357. Надеждин, Н.И. Опыт исторической географии русского мира / Н.И. Надеждин. // Библиотека для чтения, т. 22, ч. 2. – СПб., 1837.
358. Немировская, Т.В. Некоторые проблемы литературной ономастики / Т.В. Немировская. // Актуальные проблемы русской ономастики : сб. науч. тр.–К. : УМКВО. – 1988.– С. 112–122.
359. Нерознак, В. П. Названия древнерусских городов / В.П. Нерознак. – М. : Наука, 1983. – 208 с.
360. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 280 с.
361. Никонов, В.А. Личные имена у русских сегодня / В.А. Никонов. // Имя и общество. – М. : Наука, 1974. – С. 66–84.
362. Никонов, В.А. География фамилий / В.А. Никонов. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
363. Никонов, В.А. Ищем имя / В.А. Никонов. – М. : Советская Россия, 1988. – 128 с.
364. Нимчук, В.В. Проблеми українського правопису в ХХ ст. / В.В. Німчук. // Український правопис (проект найновішої редакції). – К., 1999. – 331 с.

365. Новые тенденции в русском языке начала XXI века : кол. мон. / под ред. Л.В. Рацибурской. – М. : Флинта, 2014. – 304 с.
366. Новицкий, И.Б. Римское право : учебник / И.Б. Новицкий. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 304 с.
367. Ономастика и норма. Сб. статей. – М. : Наука, 1976. – 256 с.
368. И., Огиенко. Нариси з історії української мови : система українського правопису. Популярний науковий курс з історичним освітленням / І. Огієнко. – Варшава, 1927. – 123 с.
369. Отин, Е.С. Ареалы славянских гидрографических терминов в топонимии Подонья / Е.С. Отин. // Проблемы восточнославянской топонимии. – М. : Наука, 1979. – С. 5–29.
370. Отин, Е.С. Развитие коннотонимии русского языка и её отражение в словаре коннотонимов / Е.С. Отин. // Этимология, 1984. / Отв. ред. О.Н. Трубачёв. – М. : Наука, 1986. – С. 186–191.
371. Отин, Е.С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм) / Е.С. Отин. // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации : [Сб. ст.]. – Донецк : ДонГУ, 1993. – С. 83–94.
372. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имён / Е.С. Отин. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
373. Отин, Е.С. Гидронимия Дона : монография в 2-х тт. / Е.С. Отин. – Донецк : Юго-Восток. – Т. 1 : Верхний и Средний Дон. – 2011. – 575 с.; Т. 2 : Нижний Дон. – 2012. – 792 с.
374. Отин, Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е.С. Отин. – Изд. 2-е, доп. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.
375. Отин, Е.С. Сборник упражнений к спецкурсу по ономастике / Е.С. Отин. – Изд. 2-е, доп. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 99 с.
376. Пайпс, Ричард. Россия при старом режиме / Ричард Пайпс. – М. : Экопрос, 1993. – 453 с.
377. Першина, К.В. Эргонимия Донбасса : названия угледобывающих предприятий / К.В. Першина. // Донецкий региолект : монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, Н.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова – Донецк : изд-во «ООО НПП «Фолиант», 2018. – С. 88–97.
378. Петров, А.В. Антропоморфные именованья различных артефактов / А.В. Петров. // XIII Межд. Крымские Михайловские лит.-ономастические чт. (18 сентября 2019 г.) : Материалы конф. // Отв. ред. В.М. Калинин, А.В. Петров. – Симферополь, 2019. – С. 24–32.
379. Петрухин, В.Я. Древняя Русь, IX в. – 1263 г. / В.Я. Петрухин – М. : АСТ, 2005. – 190 с.
380. Пирен, М. Національна ідея – стрижнева основа утвердження цінностей громадянського суспільства в Україні / Марія Пірен. // Формування

- громадянського суспільства в Україні: стан, проблеми, перспективи: Зб. наук.пр. Академії держ. упр. при Президентові України / Кол. авт.; За заг. ред. В. І. Лугового, В. М. Князева. – К. : Вид-во УАДУ, 2001. – С. 65–78.
381. Плешков, Е.С. Значение имени собственного как лингвистическая проблема / Е.С. Плешков. // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия : Лингвистика. 2017. Т. 14. № 3. – С. 71–75.
382. Познанская, В.Д. Антропонимия юго-восточной Украины : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В.Д. Познанская. – Харьков, 1983. – 20 с.
383. Пономаренко, И.Н. Современный эргоним : от слова к тексту / И.Н. Пономаренко. // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей III Межд. симпозиума (8-12 июня 2019 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том I. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 353–358.
384. Пономарив, А. Культура слова : Мовностилістичні поради. 3-тє вид., стереотип. : [навч. посібник] / О. Пономарів. – К. : Либідь, 2008. – 240 с.
385. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике : [в 4-х тт.] / А.А. Потебня. – М. : «Просвещение», 1958 – 1985.
386. Прокопий Кесарийский о славянах // Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. Сост. В. Лебедев и др. – М., 1940. – С. 7–8.
387. Радбиль, Т.Б. Анализ фантазийных наименований в лингвистической экспертизе товарных знаков / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов. // Русский язык в поликультурном мире : I Международный симпозиум (8–12 июня 2017 г.) ; сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е.Я.Титаренко. – Симферополь : АРИАЛ, 2019. – Т. 1. – С. 342–347.
388. Разумов, Р.В. Особенности системы эргонимов провинциального города 1980-х гг. / Р.В. Разумов. // In Nōminum Spatio (В пространстве имён) : Материалы II Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина (22 – 23 октября 2016 г.) // Редколлегия : В.М. Калинин (отв. ред.) и др. – Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2017. – С. 98–106.
389. Райнер, Линднер. Підприємці і місто в Україні, 1860–1914 рр. (Індустріалізація і соціальна комунікація на Півдні Російської імперії / За ред. О.М. Доніка / Лінднер Райнер. – Київ–Донецьк :ТОВ «ВПП «ПРОМІНЬ», 2008. – 496 с.
390. Рапов, О.М. Русская церковь в IX–первой трети XII в. Принятие христианства / О.М. Рапов. – Высшая школа, 1988. – 416 с.
391. Рассел, Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. Пер. с англ.; Общ. Ред., сост., вступ. Ст. А. Грязнова / Б. Рассел. – М. : ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 2000. – 464 с.
392. Реформатский, А.А. Практическая транскрипция иноязычных собственных имён / А.А. Реформатский. // Известия АН СССР, ОЛЯ, 1960, т. XIX, вып.6. – С. 529–534.
393. Реформатский, А.А. Топономастика как лингвистический факт / А.А. Реформатский. // Топономастика и транскрипция.– М., 1964. – С. 30–34.

394. Реформатский, А.А. Перевод или транскрипция? / А.А. Реформатский. // Восточнославянская ономастика – М., 1972. – 366 с.
395. Рудяков, А.Н. Георусистика и закономерности формирования национальных языков / А.Н. Рудяков. // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ. – Симферополь, 2010. – Т. 1. – С. 5–6.
396. Рудяков, А.Н. Русский язык для 6-го кл. общеобразов. учеб. завед. с обуч. на рус. яз. / А.Н. Рудяков, Т.Я. Фролова, М.Г. Маркина-Гурджи. – К. : Грамота, 2014 – 240 с.
397. Рут, М.Э. Антропонимы : размышления о семантике / М.Э. Рут. // Известия Уральского гос. ун-та. Серия : Гуманитарные науки. – 2001. – № 20, Вып. 4. – С. 176–182.
398. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Наука, 1989. – 790 с.
399. Рюриковичи и Романовы : князья, цари, императоры / сост. И.Ю. Левашова. – Донецк : ООО «Глория Трейд», 2012. – 384 с.
400. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов. – М. : Наука, 1982. – 328 с.
401. Селезнёва, Л.В. Имя собственное в языке (значение и функционирование) / Л.В. Селезнева. // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Томск : ТГУ, 1980. – Вып. 2. – С. 172–181.
402. Селищев, А.М. Из старой и новой топонимии / А.М. Селищев. // Избранные труды. – М. : Просвещение, 1968. – С. 45–96.
403. Селищев, А.М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ / А.М. Селищев. // Избранные труды. – М. : Просвещение, 1968. – С. 97–128.
404. Сергиевский, М.В. О передаче иностранных фамилий и имён в русском языке / М.В. Сергиевский. // Публичная библиотека им. В.И. Ленина – М., 1928., сб. 2. – С. 212–227.
405. Скуратовский, В. Народний агрокалендар / Василь Скуратівський. // Вітчизна. – 1990. – № 1–12.
406. Смирнов, О.К. Имена собственные в художественной литературе и специфика их перевода / О.К. Смирнов. // АКД, Специальность 10.02.19 – теория языкознания. – Одесса, 1991. – 27 с.
407. Смолицкая, Г.П. Гидронимия бассейна Оки : Список рек и озёр / Г.П. Смолицкая. / Под ред. О.Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1976. – 404 с.
408. Смолицкая, Г.П. Гидронимия бассейна Оки в её отношении к истории словарного состава русского языка : проблема реконструкции / Г.П. Смолицкая. / Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М. : 1981. – 35 с.
409. Смолицкая, Г.П. Топонимия Москвы / Г.П. Смолицкая, М.В. Горбаневский. / Отв. ред. д-р филол. наук В.В. Иванов; АН СССР. – М. : «Наука», 1982. – 176 с.

410. Соболева, Т.А. Товарные знаки / Т.А. Соболева, А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1986. – 176 с.
411. Соболевский, А.И. Заметки о собственных именах // Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Сб. ОРЯС, т. XXXVIII, № 3 – СПб., 1910. – С. 167–177.
412. Соловьёв, С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого / С.М. Соловьёв. // Собр. соч. в 18 кн. – М. : Мысль, 1995. – Кн. XVI. – 598 с.
413. Соловьёв, С.М. История России с древнейших времен. От царствования императора Петра Великого до царствования императрицы Екатерины I Алексеевны. Т. 17–18. / Отв. ред.: Иванов Н.А. // Собр. соч. в 18 кн. – М. : Голос; Колокол-Пресс, 1998. – Кн. IX. – 708 с.
414. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию. / Фердинанд де Соссюр. / Переводы с франц. под ред. А.А. Холодовича. – М. : «Прогресс». – 1977. – 695 с.
415. Специальные исторические дисциплины : Учеб. пособие / В.А. Замлинский, М.Ф. Дмитриенко, Т.А. Балабушевич и др. – К. : УМКВО, 1992. – 324 с.
416. Сталтмане, В.Э. О двояком морфологическом оформлении иноязычных хоронимов в русском языке / В.Э. Сталтмане. // Ономастика и норма. – М. : Наука, 1976. – С. 10–115.
417. Стернин, И.А. Слово и образ : монография / И.А. Стернин, И.Я. Розенфельд; 2-е изд. – М.-Берлин : Директ-Медиа, 2018. – 398 с.
418. Стефанчук, Р.О. Право на ім'я / Р.О. Стефанчук. // Університетські наукові записки. – 2005 – № 1–2 (13–14). – С. 83–95.
419. Столяров, А.А. Стоя и стоицизм / А.А. Столяров. – М. : Ками Групп, 1995. – 445 с.
420. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Россинской Е.Р., Галяшиной Е.И. – М. : Проспект, 2017. – 282 с.
421. Суперанская, А.В. Имена собственные в чужой языковой среде / А.В. Суперанская. // Топономастика и транскрипция. – М. : Наука, 1964. – С. 35–64.
422. Суперанская, А.В. Типы и структура географических названий / А.В. Суперанская. // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. – М.: Наука, 1964. – С. 59–118.
423. Суперанская, А.В. Написание заимствованных слов в современном русском языке / А.В. Суперанская. // Проблемы современного русского правописания. – М. : Наука, 1964. – С. 69–100.
424. Суперанская, А.В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных типов / А.В. Суперанская. // Орфография собственных имён. – М. : Наука, 1965. – С. 25–43.
425. Суперанская, А.В. Склонение собственных имён в современном русском языке // Орфография собственных имён. – М. : Наука, 1965. – С. 117–146.

426. Суперанская, А.В. Ударение в собственных именах в современном русском языке / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1966. – 310 с.
427. Суперанская, А.В. Переводимые и непереводаемые типы географических названий / А.В. Суперанская. // *Acta Universitatis Carolinae. Philologica* 1-3. *Slavia Pragensia* VIII. – Praha, 1966. – S. 163–170.
428. Суперанская, А.В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии / А.В. Суперанская // *Микротопонимия*. – М. : Изд-во Московского университета, 1967. – С. 31–39.
429. Суперанская, А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология / А.В. Суперанская. М. : Наука, 1969. – 207 с.
430. Суперанская, А.В. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении / А.В. Суперанская. // *Антропонимика*. – М. : Наука, 1970. – С. 180–188.
431. Суперанская, А.В. Языковой знак и имя собственное / А.В. Суперанская. // In: *Actes du 10-e congres international des linguistes*, т. 4. – Bucarest, 1970. – P. 1125–1133.
432. Суперанская, А.В. Імовірнісна ономастика. / О.В. Суперанська. // *Мовознавство*. – Київ, 1971. – № 4. – С. 35–40.
433. Суперанская, А.В. Ономастические универсалии / А.В. Суперанская. // *Восточнославянская ономастика. Сб. статей*. / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1972. – С. 348–356.
434. Суперанская, А.В. Теоретические проблемы ономастики : автореф. дис. доктора филол. наук / А.В. Суперанская, 1974. – 48 с.
435. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М. : Наука, 1973. – 368 с.
436. Суперанская, А.В. Лингвистический аспект ономастических исследований / А.В. Суперанская. // *Труды Самарк. ун-та*. 1976. – С. 5–12.
437. Суперанская, А.В. Имя и эпоха (к постановке проблемы) / А.В. Суперанская. // *Историческая ономастика*. – М. : Наука, 1977. – С. 7–26.
438. Суперанская, А.В. Теоретические основы практической транскрипции / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1978. – 284 с.
439. Суперанская, А.В. Апеллятив и онома / А.В. Суперанская. // *Имя нарицательное и собственное*. – М. : Наука, 1978. – С. 5–33.
440. Суперанская, А.В. Собственные имена в языке и в речи // *Onomastica Slavogermanica*. – Leipzig, 1979. T.V. – S. 123–129.
441. Суперанская, А.В. Ономастическая типология и стратиграфия / А.В. Суперанская. // *Ономастика. Типология. Стратиграфия*. – М. : Наука, 1988. – С. 3–7.
442. Суперанская, А.В. Имя – через века и страны / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1990. – 190 с.

443. Суперанская, А.В. Имя собственное как разряд специальной лексики / А.В. Суперанская. // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XV. Ономастика. Кн. I. Ч. I. Имя и культура. – М. : Наука, 1993. – С. 29–37.
444. Суперанская, А.В. Эволюция теории имени собственного в Европе / А.В. Суперанская. // Вопросы филологии. 2002. – № 3 (12). – С. 5–17.
445. Суперанская, А.В. Опасность близкородственного двуязычия [Электронный ресурс] / А.В. Суперанская. // Авторская публикация на сайте «Ономастика». – Москва, 2008.
446. Суперанская, А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Суслова. / отв. ред. Ф.П. Филин. – Изд. 2-е. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 176 с.
447. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 172 с.
448. Супрун, В.И. Имена собственные в обобщённом употреблении / В.И. Супрун. / Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома (9-10 сентября 2020 г. В 2 т. Т. 1 / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – С. 126–133.
449. Сухотин, А.М. О передаче иностранных географических названий / А.М. Сухотин. // Вопросы географии и картографии. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 136–146.
450. Сызранова, Г.Ю. Ономастика : учеб. пособие / Г.Ю. Сызранова. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. – 248 с.
451. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времён неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. В 6 тт. Книга первая. Часть первая / В.Н. Татищев. – М. : Императорский Московский университет, 1768.–262 с.
452. Ташицкий, В. Место ономастики среди других наук / В. Ташицкий. // Вопросы языкознания. – М. : 1961 : Изд-во АН СССР, № 2, с. 3–11.
453. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов; отв. ред. А.П. Непокупный. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
454. Теркулов, В.И. Региолект или национальный вариант : к постановке проблемы / В. И. Теркулов. // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2 (28). – С. 117–120.
455. Тихомиров, М.Н. Пособие для изучения Русской Правды / М.Н. Тихомиров. – М. : Изд. МГУ, 1953. –192 с.
456. Толочко, П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь / П.П. Толочко. – К. : Абрис, 1999. – 198 с.
457. Толстой, Н.И. Ещё раз о «семантике» имени собственного / Н.И. Толстой. // Актуальные проблемы лексикологии : Тезисы докладов и сообщений

- всесоюзной научной конференции / 17–20 июня 1970 г. / Минск, 1970. – С. 200–201.
458. Трубачёв, О.Н. Названия рек Правобережной Украины / О.Н. Трубачёв. – М. : Наука, 1968. – 347 с.
459. Трубачёв, О.Н.. Из работы над русским Фасмером. К вопросу теории и практики перевода / О.Н. Трубачёв. // Вопросы языкознания. 1978, № 6, с. 15–24.
460. Трубачёв, О.Н.. Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания / О.Н. Трубачёв. // Вопросы языкознания. 1994, № 6, с. 3–18.
461. Трубачёв, О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования / О.Н. Трубачёв. – М. : Наука, 2003. – 495 с.
462. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. / Сост. В.М. Живова; Общ. ред. В.М. Живова; Вступ. ст. Н.И. Толстого и Л.Н. Гумилёва. – М. : Прогресс, 1995. – 800 с. – (Филологи мира).
463. Унбегаун, Б. Русские фамилии / Б. Унбегаун. / Пер. с англ. Общ. ред. Б.А. Успенского. – М. : Прогресс, 1989. – 443 с.
464. Уракова, Ф.К. Личные имена существительные и аспекты их изучения в начальных классах адыгейской школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Майкоп, 2000. – 19 с.
465. Уракова, Ф.К. Имя собственное как языковая категория / Ф.К. Уракова, А.-А. Ирээдуй. // Концепт. – 2014. – Спецвыпуск № 16. ART 145705. – 0,4 п. л. – URL : <http://e-oncept.ru/2014/14705.htm>.–Гос. рег. Эл № ФС 77-49965.–ISSN 2304 – 120X.
466. Уфимцева, А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А.А. Уфимцева. // Языковая номинация (виды наименований). – М. : Наука, 1977. – С. 5–85.
467. Халиков, А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения / А.Х. Халиков. – Казань, 1992. – 130 с.
468. Федотова, К.С. Онимная лексика в языке писателя : поэтонимографический аспект (на материале творчества Н.С. Гумилёва) / К.С. Федотова. –Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, ФГБОУВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», 2018. – 25 с.
469. Филевич, И.П. Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки / И.П. Филевич; ред. И. Щёлков. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1894. – 42 с.
470. Филевич, И.П. Из истории Карпатской Руси : очерки галицко-русской жизни с 1772 г. (1848–1866) / И.П. Филевич. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1907.–2, 162 с.
471. Флейшер, Е.А. Основы прецедентности имени собственного. Специальность 10.02.01 – русский язык. Дисс. на соискание учёной степени к. филол. н. Санкт-Петербург, 2014. – 164 с.

472. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. – СПб. : Авалонъ, 2007. – 332 с.
473. Фонякова, О.И. К типологии значений имён собственных и нарицательных / О.И. Фонякова. // Семантика языковых единиц. – Л. : ЛГПИ, 1975. – С. 146–148.
474. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте. Учебное пособие. / О.И. Фонякова. – Л. : ЛГУ. – 1990. – 103 с.
475. Фортунатов, Ф.Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс // Фортунатов Ф.Ф. // Избр. труды: В 2-х тт. – М.: Учпедгиз, 1956.
476. Хабургаев, Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глотогенеза / Г.А. Хабургаев. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 231 с.
477. Царинный, А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям / А. Царинный. – Донецк : Библиотека Славянской партии, 2001. – 138 с.
478. Чейф, У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с. (Языковеды мира).
479. Чемякин, Е.А. Казачьи фамилии и всё... (этимология, гидротопонимика, краеведение / Е.А. Чемякин. – Волгоград, 2013. – 225 с.
480. Чернобров, А.А. Философские и логико-методологические основы теории номинации (на материале английских и русских собственных имён): автореф. дис. ... д. филол. н. / А.А. Чернобров. – М., 2002. – 38 с.
481. Чичагов, В.К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.) / В.К. Чичагов. – М. : Учпедгиз, 1959. – 130 с.
482. Членов, А.М. К вопросу об имени Святослава / А.М. Членов. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем : Проблемы антропонимики / Отв. ред. В.А. Никонов. – Москва : Наука, 1970. – С. 324–328.
483. Шаклеин, В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации [Электронный ресурс] / В.М. Шаклеин. // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – № 1. – С. 73–88.
484. Шаклеин, В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации [Текст] / В. М. Шаклеин. – М. : Флинта, 2012. – 301 с.
485. Шарашова, М.К. Наричательные образования от имён собственных. Автореф. дис. к. филол. н. / М.К. Шарашова. – М. : МГПИ, 1968, 13 с.
486. Шарашова, М.К. К вопросу о переходе собственных имён в нарицательные в русском языке / М.К. Шарашова. // Уч. записки МГПИИЯ им. М. Тореца, М, 1971, т. 58. – С. 191–197.
487. Шарашова, М.К. О значении собственных имён / М.К. Шарашова. // Семантика языковых единиц. Том. 1. М.: Физ-ра, образ., наука, 1996. – С. 118–122.

488. Шерешевская, Е.В. О значении имени собственного / Е.В. Шерешевская. // Вопросы лексической и фразеологической семантики : Межвуз. сб. научн. тр. – Ростов-на-Дону : Ростовский гос. пед. ин-т, 1979. – С. 14–20.
489. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия : прагматический и лингвокультурный аспекты: Автореф. дис. ... к. филол. н. / Н.В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.
490. Шпербер, В. К соотношению между лужицкими и немецкими топонимами в двуязычной Лужице (название урочищ). Пер. с нем. Р.В. Бенина / В. Шпербер. // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. Вып. 6. – С. 380–392.
491. Шубов, Я.И. Некоторые особенности русской орфографии и транскрипции иностранных личных имён / Я.И. Шубов. – М., 1965. – с. 21–24.
492. Шульдишова, А.А. Артионимия музыки в языке и художественном мире А.Блока / А.А. Федотова. // Записки з ономастики. – 2014. – Вип. 17. – С. 267–279.
493. Шухардт, Г. Вещи и слова / Г. Шухардт. // Избранные статьи по языкознанию. / Пер. с нем. – М., 1950. – с. 198–210.
494. Щапов, Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. / Я.Н. Щапов. – М. : Наука, 1989. – 233 с.
495. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
496. Щетинин, Л.М. Русские имена : Очерки по Донской антропонимии / Л.М. Щетинин. – Ростов н/Д : Изд-во ДГУ, 1975. – 256 с.
497. Щетинин, Л.М. О значении собственных имён / Л.М. Щетинин. // Вопросы изучения русского языка : докл. науч.-мет. конф. Сев.-Кавказ. зонального объединения кафедр русского языка. – Ростов на-Дону : 1976. – С. 39–40.
498. Щетинин, Л.М. История и имена / Л.М. Щетинин. – Ростов на-Дону : РВШ МВД РФ, 1996. – 76 с.
499. Щетинин, Л.М. Актуальные вопросы прикладной ономастики. Ростов н/Д., 1999. – 56 с.
500. Щетинин Л.М. Ономастическая типология и историческая нормализация речевых формул имени / Л.М. Щетинин // Личность, речь и юридическая практика. – Ростов н/Д, 2003. – Вып. 6. – С. 252–255.
501. Эмирова А.М. Регенеративная функция русского языка в новых геополитических условиях / А.М. Эмирова. // Информационный вестник Форума русистов Украины. Выпуск 14. Симферополь : ЧП «Арти-Юк», 2011. – С. 141–146.
502. Ягич, И.В. Глаголическое письмо / И.В. Ягич. // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3 : Графика у славян. Спб., 1911. С. 51–262 + 36 листов снимков.

503. Языковая номинация: виды наименований / Отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – 356 с.
504. Якушин, Б.В. Гипотезы о происхождении языка / Б.В. Якушин. – М. : Наука, 1985. – 136 с.
505. Янко-Триницкая, Н.А. О некоторых особенностях имён собственных / Н.А. Янко-Триницкая. // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина / Кафедра русского языка. Вып. 4. Москва, 1957. – С. 235–250.
506. Bell, R.T. Translation and Translating : Theory and Practice [Text] / R.T. Bell. – London; New York, 1991. – 298 p.
507. Gardiner, A.H. The theory of proper names [Text] / A.H. Gardiner. – London, 1910. – 76 с.
508. Mill, J. St. A System of Logic [Text] / J. Mill. – London : Parker, 1843. – P. 41.
509. Mills, S. Discourse [Text] / S. Mills. – London: Routledge, 2004. – 176 p.
510. Moszyński, Leszek. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der Slavischen Sprachwissenschaft / Leszek Moszyński. – Böhlau Verlag, Köln-Weimar-Wien, 1992. – 144 s.

Приложение 1

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ ПРОПРИНОМЕНОЛОГИИ

Акцентоним – способ отделения имён собственных от имён нарицательных и выделения разных разрядов собственных имён с помощью ударения, *ковáль* (профессия) – *Кóваль* (фамилия), *снежное облако* (туча) – *Снежнóе* (город); *Богдáнович* (отчество) – *Богданóвич* (фамилия), *Степáн* (личное имя) – *Стéпан* (фамилия).

Апеллятив (лат. *nomen appellativum* «имя нарицательное» из др.-греч. *προσηγορικόν* «прозвище») – любое слово не являющееся собственным именем. Апеллятивная лексика включает не только имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, но и глаголы, наречия, союзы, предлоги, частицы и междометия.

Апеллятивная лексика. Она шире понятия имени нарицательного и имени существительного, поэтому при переходе апеллятива в оним и наоборот меняется её лексико-грамматическая характеристика: парадигма склонения (*любовь* – *любви*, но *Любовь* – *Любови*, *мороз* – *морозу*, но *Мороз Диана* – *Мороз Диане*; числа (*городки*, мн. ч., но *пос. Рабочие Городки* (ед. ч.), частей речи (у имён с глагольной основой появляется склонение: фамилия *Полетай* – у *Полетая*, кличка собаки *Кусай* – *Кусаю*; при апеллятивации онимов возникают лексические значения: имена *Иван*, *Марья* – растение *иван-да-марья*; *пос. Гжель* – вид керамики *гжель*).

Биосфера (от греч. *bios*– «жизнь» + *sphaira*–«шар») – оболочка Земли, состав, строение и энергия которой определяются природными явлениями и живыми организмами.

Буква заглавная – графема, выделяющая начало предложения или прямую речь для зрительного восприятия частей текста. Используется также в ситуативных названиях, у которых нет адресной функции, но есть лексические значения (*Гастроном*, *Обувь*), и в номинациях, типа *Министр юстиции*, *Донецкий Национальный университет*, ложно воспринимаемых как имена собственные (правильно: *министр юстиции*, *Донецкий национальный университет*).

Буква прописная – вид графонима, используемого в восточнославянских языках для адресно-информативного отделения правовой части собственного имени (*В.И. Карасик*, «*Белый Лебедь*») от онимного денотата (*профессор*, *универмаг в Донецке*).

Буквы прописные – вид графем, используемых в качестве выделения аббревиатур (сокращений слов до уровня звуков или названий букв), не склоняющихся и не образующих новых слов: *ДГТУ* (*Донской государственный*

технический университет), ПТУ (профессионально-техническое училище). Но: вуз (высшее учебное заведение), потому что форма склоняется как обычное слово (в вузе) и используется в качестве корня для образования новых слов (факультет довузовской подготовки).

Графоним (гр. *ἐξώ*- «вне» + *γράφω* «пишу» + *ὄνομα* «имя») – наименьшая единица проприальной лексики, с помощью которой идентифицируется номинация по её принадлежности к конкретной национально-языковой культуре: *Александр* (русский), *Олександр* (украинец); рус. *Артемова* = укр. *Артьомова* (межъязыковые варианты русской фамилии), но укр. *Артемова* (фамилии украинки).

Денотат номинативный (от лат. *denotare* «отмечать, обозначать») – любой предмет или явление окружающей действительности, с которыми он соотносится, имя нарицательное: *облако* («тёмное»), *человек* («удивительный»), *учреждение* («воспитательное»), *заведение* («учебное, увеселительное»), *предприятие* («промышленное»), *процесс* («законодательный»), *гроза* («сильная»), *дерево* («цветущее»), *шкаф* («платьяной»), *время* («утреннее»).

Денотат онимный – реальный или вымышленный предмет (явление), обладающий внутренней способностью к адресной номинации и выделению из массы однотипных предметов (явлений): *планета Марс*, *бригадир Н.И. Петров*, *Донецкий металлургический завод*, *Торезский горный техникум*, *Торичеллиева пустота*, *Серёга*, *страна Утопия*, *Город жёлтого дьявола*, *помещик Собакевич*, *герой комедии «Недоросль» Митрофанушка*, *Шева*.

Денотат юридический – реальный предмет (явление), наделённый внутренней способностью к адресному выделению и передаче правового смысла, содержащегося в номинации; физическое или юридическое лицо, исключаящее коннотативную вариативность: *директор школы М.И. Криворучко*, *Донецкий завод штампов и прессформ*, *королевство Великобритания*, *футболист Андрей Шевченко*.

Естественное право (см.: **Право естественное**).

Заемствования облигативные (от лат. *obligātus* – «обязательный, непременный») – процесс, при котором язык-рецептор лишён права выбора и должен принимать онимную единицу в том виде, в каком она бытует в языке-источнике (*Люксембург*, *Неаполь*, *Джон*). Он не может отказаться от заимствованных названий до тех пор, пока они не исчезли в языке-ономизаторе (*Кёнигсберг*). Термин указывает на отличие этого процесса от заимствований вообще и на отличие от контактирующих пар собственных имён, соотносённых с одним денотатом (нем. *Deutschland* // рус. *Германия* // укр. *Німеччина*).

Заглавная буква (см.: **Буква заглавная**).

Иллюзативы онимные (от лат. *illusio*; *illudere* – «играть. обманывать») – ложные номинации, которые продуцируют неадекватные восприятия, в результате которых происходит замена реального онимного денотата на вымысел, превращающий имя собственное в онимную метафору: *Руководитель*

образовательной организации *И.К. Иванов* вместо **ректор** *И.К. Иванов*; Муниципальное образование «город Пермь» вместо **город Пермь, обучающийся** *Н.П. Корнилов* вместо **студент** *Н.П. Корнилов* и т. п.

Имя нарицательное – имя существительное, называющее предмет или явление, традиционно противопоставленное имени собственному.

Имя собственное в традиционной ономастике – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект.

Кавычки онимные (в польском языке *czdysłów* «чужеслов») – вид графонима, фиксирующего метафорические наименования и ассоциативную («ненастоящую») связь с информацией об онимном денотате: *киносериал «Звёздные войны» детский сад «Золушка»*.

Культура имяобразования – устоявшийся в конкретном языковом сообществе способ закрепления в писаном праве общепринятой информации о собственнике или объекте собственности (онимном денотате), однозначно переданной в разных языковых системах.

Культура речи – исторически сложившаяся по законам данного языка и устоявшаяся система норм и моделей речевого поведения, принятая конкретным обществом как ситуативно уместное и наиболее эффективное средство коммуникации.

Лингвистика юридическая – способ лингвоправового анализа юридической терминологии, проведения судебных речеведческих экспертиз и процедур нейминга.

Метафора онимная – продукт авторского вымысла, постоянно изменяющий свои формы и способы презентации под давлением новых собственников или изменения правового статуса объекта: *кафе «БарBOSS»*, *конфеты «Тру-ля-ля»*, *торговые точки «В шоколаде»*, *«В пиве»*, *пивбар «Доцент»*, *ТЦ «Фокстрот» – «Фокс»* (в последнем случае ребрендинг при появлении нового собственника).

Морфоним – межъязыковая единица проприальной лексики, с помощью которой на морфемном уровне происходит идентификация номинации по её принадлежности к конкретной национальной культуре: *Святогорск* – *Святогірськ*, но *Углегорск* – *Вуглегорськ* (укр. «чередование» *гор* – *gір* изменяет информацию: *гор* – «город», а *gір* – «гора»).

Национальный язык. В отличие от языка как средства общения – средство общности нации. Это тип общенационального мышления, проявление философии и психологии определённого народа, которые могут материализовываться в разных языковых системах (литературном языке, языках национальностей, диалектах, жаргонах, региолектах и т. п.) и даже любых проявлениях культуры (живописи, музыке, архитектуре, танцах и т. п.) как формах передачи национального мыслеобразующего процесса.

Нарицательное имя – имя существительное, называющее предмет или явление, традиционно противопоставленное имени собственному.

Ноосфера (от греч. *noos* – «разум») – высшая стадия развития биосферы, разумно управляемой человеком. Учение о ноосфере принадлежит В.И. Вернадскому, согласно которому она обязана своим происхождением цивилизованному обществу. Разумная деятельность является главным фактором его развития, а человек берёт на себя ответственность за сохранение жизни на Земле.

Норма в ономастике – выработанное человечеством представление о собственных именах как знаках, регулирующих культурно-исторические и социально-правовые отношения между людьми.

Норма в проприноменологии – это система правовых принципов, позволяющих адекватно передавать специфику юридического денотата и информативных сем языка-источника графическими средствами языка-рецептора.

Облигативные заимствования (см. **Заимствования облигативные**)

Онимная метафора (см. **Метафора онимная**).

Онимный референт (см. **Референт онимный**)

Ономастика (от др-греч. *ὀνομαστική* «искусство давать имена») – наука о способах и формах номинативного выделения и сохранения предметов и явлений осмысленного человеком мира.

Онимные иллюзативы (см. **Иллюзативы онимные**).

Онимосфера – система именований, составляющих выделенные человеком предметы осмысленной, сотворённой и присвоенной им действительности как явления национальной культуры, истории и права.

Поэтоним (от греч. *ποιητική* «поэтическое искусство, поэтика» и *ὄνομα* «имя») – любое собственное имя, употреблённое в литературном произведении.

Правовой примитивизм (см. **Примитивизм правовой**).

Право естественное (от лат. *ius naturale*) – совокупность неотчуждаемых прав, законов и норм, регулирующих взаимоотношения между людьми и заложенных в самой природе человеческого бытия (право на жизнь, безопасность, семью, собственность, достоинство, охрану материнства, детства и старости, право на собственное имя и т. д.).

Право обычное – нормы неписаного права (см.: *право неписаное*), сложившиеся на основе обычаев, но не получившие признания от государственной власти.

Право неписаное (от лат. *ius non scriptum*) – нормы, складывающиеся в практике социально-бытовых отношений между людьми.

Право писаное (от лат. *ius scriptum*) – закон и другие нормы, исходящие от органов власти и зафиксированные ими в определённой редакции.

Предмет проприноменологии – процессы именования, переименования, восстановления и передачи различного типа имён в разных проприальных культурах на основе устоявшихся в конкретном языковом сообществе принципов

права, закрепляющего имущественную и культурно-историческую ценность имени собственного в документах.

Примитивизм правовой – правовое действие, утверждающее, что право на него даровано номинатору по воле государства, воплощённой в законе, и что никакого права вне закона быть не может.

Прописная буква – (см. **Буква прописная**).

Прописные буквы (см. **Буквы прописные**).

Проприономенология (от лат. *proprietas*, *atis*, *f* «право собственности» + *помен* «имя» + греч. λόγος «слово; мысль, смысл, понятие») – раздел ономастики, изучающий происхождение собственных имён как активаторов культурно-исторической реальности, способы именования и правовые принципы их передачи в разных языковых системах.

Проприоним – исторически сложившаяся и документально оформленная единица онимной лексики, адекватно передающая адресную информацию о собственнике и конкретных объектах сотворённого, осмысленного, освоенного и присвоенного человеком мира в любом языковом контексте.

Референт онимный – ситуативные представления и интерпретации о называемом предмете, складывающиеся у конкретного субъекта речевой деятельности под влиянием индивидуальных коннотаций.

Речеведение судебное – синтетическая наука о речевой деятельности как основы судебно-экспертного анализа устных и письменных произведений речи (почерковедческой, автороведческой, лингвистической, фоноскопической).

Судебное речеведение (см. **Речеведение судебное**).

Фононим – межъязыковая единица проприальной лексики, с помощью которой на фонемном уровне происходит идентификация номинации по её принадлежности к конкретной национально-онимной культуре (рус. *Заречное* – укр. *Зарєчне*, а не *Зарічне* (от первичного рус. *река*, а не *рік* «год»)).

Юридическая лингвистика (см. **Лингвистика юридическая**).

Приложение 2

СЛОВАРЬ РУССКО-УКРАИНСКОЙ ПЕРЕДАЧИ ЛИЧНЫХ ИМЁН

«Словарь русско-украинской передачи личных имён» (далее «Словарь») предназначен для специалистов паспортных, кадровых, нотариальных, юридических, государственных служб и самых широких слоёв населения, заинтересованных в юридически мотивированных способах передачи проприальной культуры в русско-украинском языковом пространстве. Специфика Словаря состоит в том, что в нём отображены те варианты, в которых наиболее часто встречаются ошибки, нарушающие гражданские и конституционные права человека на собственное имя.

В данном фрагменте Словаря представлены словарные статьи на буквы «а», «б», «в», «г» и «д», демонстрирующие наиболее показательные изменения в языковой структуре личных имён, отражающихся на их национально-правовой специфике.

Сокращения и термины, принятые в Словаре, не выходят за рамки общепринятых и объясняются в соответствующих приложениях к диссертации.

А

Абакѹм и **Аввакѹм**, *м., кан., ред.*; из *ст.-слав. м.* им. Аввакѹмъ «знаток священного писания» от *гр.* Abbaoum и *д.-евр.* Šābbāqqūq «объятия Бога», *отч.* **Абакѹмович** и **Аввакѹмович** – **Абакѹм** и **Аввакѹм** (граф. -вв- идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -ма, *д.п.* -му или -ові, *з.п.* -ме, *отч.* **Абакѹмович** и **Аввакѹмович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Абакѹмівна** и **Аввакѹмівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Абакѹм** и **Авакѹм** **Абак`ум** (граф. в идентифицирует укр. носителя им.).

Абдаѹкл, *м., кан., устар, ред., отч.* **Абдаѹклович**, **Абдаѹкловна** – **Абдаѹкл** (фон. [йі] идентифицирует *слав.* носителя им.), **Абда`ікл** (фон. [і] идентифицирует *неслав.* носителя им.), *р.п.* -ла, *д.п.* -лу или -ові, *з.п.* -ле, *отч.* **Абдаѹклович** и **Абдаѹклович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Абдаѹклівна** и **Абдаѹклівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Авдѹей, *м., кан., ред.*; из *д.-евр. м.* им. Abd-Jesu «служитель Иисуса», *отч.* **Авдѹевич**, **Авдѹевна** – **Авдѹей** (фон. [а] и [е] идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -дея, *д.п.* -ею или -еві, *з.п.* -дею, *отч.* **Авдѹейович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Авдѹевна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Овдѹйович** (фон. [о] и [і] идентифицируют укр. носителя им.), *р.п.* -дія, *д.п.* -ію или -ієві, *з.п.* -дію, *отч.* **Овдѹйович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Овдѹївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Авдо́тья и **Евдокі́я**, *ж.*, *кан.*; из *гр. ж.* им. Eudokia «ласковая, послушная» – **Авдо́тья** и **Євдокі́я**, *р.п.* -тьї и -кїї, *д.п.* и *п.п.* -тьї и -кїї, *з.п.* -тьє и -кїє; *разг.* **Явдо́ха**, *р.п.* -хи, *д.п.* и *п.п.* -сі, *з.п.* -хо.

Авели́на, *ж.* *заим.*, *ред.*; из *м. им.* **А́вель** (*см.*) – **Авели́на**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

А́вель и **А́бель**, *м.*, *кан.*, *ред.*; от *д.-евр. библ.* hebel «ветерок», *отч.* **А́велевич**, **А́велевна** – **А́вель** и **А́бель**, *р.п.* -ля, *д.п.* -лю или -єві, *з.п.* -лю, *отч.* **А́вельович** и **А́бельович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **А́велівна** и **А́белівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Аве́ркий, *м.*, *кан.*, *ред.*; «смелый» от *лат.* āverto «вынуждаю к бегству», *отч.* **Аве́ркиевич**, **Аве́ркиевна** – **еАве́ркій** (*фон.* [а] идентифицирует *рус.* носителя им.), *р.п.* -кія, *д.п.* -кію или -єві, *з.п.* -кію, *отч.* **Аве́ркійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Аве́ркіївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Ове́ркій** (*фон.* [о] идентифицирует *укр.* носителя им.), *разг.* **Ове́рко**.

Аверья́н, *м.*, *кан.*, *ред.*; из *им.* **Аве́ркий** (*см.*), *отч.* **Аверья́нович**, **Аверья́новна** – **Авер'ян** (*апостроф* фиксирует твёрдое произношение, а *фон.* [а] идентифицирует *рус.* носителя им.), *р.п.* -на, *д.п.* -ну или -ові, *з.п.* -не, *отч.* **Авер'янович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Авер'янівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Овер'ян** (*фон.* [о] идентифицирует *укр.* носителя им.), *р.п.* -на, *д.п.* -ну или -ові, *з.п.* -не, *отч.* **Овер'янович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Овер'янівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Авксэ́нтий, *м.* *кан.*, *ред.*; из *гр. м. им.* Auxentios от auxanō «расту, увеличиваюсь», *отч.* **Авксэ́нтьевич**, **Авксэ́нтьевна** – **Авксэ́нтий** (*фон.* [а] идентифицирует *рус.* носителя им.), *р.п.* -тія, *д.п.* -тію или -єві, *з.п.* -тію, *отч.* **Авксэ́нтійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Авксэ́нтїївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Овксэ́нтий**, (*фон.* [о] идентифицирует *укр.* носителя им.), *разг.* **Оксэ́нтий** и **Оксэ́нт**.

Ага́фа, **Ага́фия** и **Ага́фья**, *ж.*, *кан.*; от *гр.* agathē «хорошая» – **Ага́фа**, **Ага́фія** и **Ага́ф'я** (*апостроф* фиксирует твёрдое произношение), *р.п.* -фі, -фії и -ф'ї, *д.п.* и *п.п.* -фі, -фії і -ф'ї, *з.п.* -фе, -фіє и -ф'є; *разг.* **Га́пка**.

Агафо́н и **Гапо́н**, *м.*, *кан.*, *ред.*; «благочестивый» от *гр.* agathon «благо, добро», *отч.* **Агафо́нович** и **Гапо́нович**, **Агафо́новна** и **Гапо́новна** – **Агафо́н** и **Гапо́н**, *р.п.* -на, *д.п.* -ну или -ові, *з.п.* -не, *отч.* **Агафо́нович** и **Гапо́нович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Агафо́нівна** и **Гапо́нівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Агапо́н**.

Агге́й, *м.*, *кан.*, *ред.*; из *д.-евр. им.* Haggaј «праздничный, торжественный», *отч.* **Агге́евич**, **Агге́евна** – **Агге́й** (*фон.* [а], [є] и *граф.* -гг- идентифицирует *рус.* носителя им.), *р.п.* -ггея, *д.п.* -єю и -єві, *з.п.* -ггею, *отч.* **Агге́йович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Агге́ївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Огі́й** и **Оге́й** (*фон.* [о], [і], [є] и *граф.* -г- идентифицируют *укр.* носителя им.), *р.п.* -гія и -гея), *д.п.* -гію и -єві, *з.п.* -гію и -гею, *отч.* **Огі́йович** и **Оге́йович**), *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Огі́ївна** и **Оге́ївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Аглайда, *ж.*, *кан.*, *ред.*; от *гр.* *aglaë* «блестящая, пышная» – **Аглайда** (*фон.* [йі] идентифицируют *слав.* носителя им.), *р.п.* -ди, *д.п.* и *п.п.* -ді, *з.п.* -до (*форма Аглайда* идентифицирует *неслав.* носителя им.).

Агнесса, *ж.*, *кан.*; от *гр.* *agnē* «чистая, непорочная» – **Агнесса** (*граф.* -сс- идентифицирует *рус.* носителя им.), *р.п.* -сси, *д.п.* и *п.п.* -ссі, *з.п.* -ссо; *укр. экв.* **Агнєса** (*граф.* -с- идентифицирует *укр.* носителя им.), *р.п.* -си, *д.п.* и *п.п.* -сі, *з.п.* -со.

Агнётта из *ж.* **Агнесса** (*см.*) – **Агнётта** (*граф.* -тт- идентифицирует *рус.* носителя им.), *р.п.* -тти, *д.п.* и *п.п.* -тті, *з.п.* -тто; *укр. экв.* **Агнєта** (*граф.* -т- идентифицирует *укр.* носителя им.), *р.п.* -ти, *д.п.* и *п.п.* -ті, *з.п.* -то.

Аграфэна и **Агриппіна**, *ж.*, *кан.*, *ред.*; из *м. им.* **Агриппа** (*см.*) – **Аграфэна** и **Агриппіна** (*фон.* [ф] и *граф.* -пп- идентифицирует *рус.* носителя им.), *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Агрипіна** и **Горпіна** (*граф.* -п- идентифицирует *укр.* носителя им.), *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Агриппа, *м.*, *кан.*, *устар.*, *ред.*; из *м. рим. род.* им. *Agrippa* от *лат.* *agrippa* «степенный, неуклюжий», *отч.* **Агриппович**, **Агрипповна** – **Агриппа** (*граф.* -пп- идентифицирует *рус.* носителя им.), *р.п.* -ппи, *д.п.* -ппі или -ові, *з.п.* -ппо, *отч.* **Агриппович**, **Агриппівна**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Агріпа**, **Агріпович**, **Агріпівна** (*граф.* -п- идентифицирует *укр.* носителя им.).

Аделаида, *ж.*, *заим.*; из *фр. ж.* им. *Adèlaide* и *д.в.н.* *Adelheidis* от *adal* «благородная» и *heit* «социальный слой, группа» – **Аделаида** (*фон.* [йі] идентифицирует *слав.* носителя им.), *р.п.* -ди, *д.п.* и *п.п.* -ді, *з.п.* -до; *форма Аделаида* идентифицирует *неслав.* носителя им.).

Адриан и **Андріан**, *м.*, *кан.*, *ред.*; из *м. лат. им.* *Adrianus* «из Андрии» от *илир.* *ardia* «бегущая вода», *отч.* **Адрианович**, **Адриановна** и **Андріанович**, **Андріановна** – **Адріян** и **Андріян** (*фон.* [йа] идентифицирует *слав.* носителя им.), *р.п.* -на, *д.п.* -ну или -ові, *з.п.* -не, *отч.* **Адріянович** и **Андріянович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Адріянівна** и **Андріянівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *формы Адріан* и **Андріан** идентифицируют *неслав.* носителей им.).

Азар, *м.*, *кан.*, *устар.*, *ред.*; из *д.-евр. м.* им. *‘Azarjā* «Ягве (Бог) помог», *отч.* **Азарович**, **Азаровна** – **Азар**, *р.п.* -ра, *д.п.* -ру или -ові, *з.п.* -ре, *отч.* **Азарович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Азарівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Азарий, *м.*, *кан.*, *устар.*, *ред.*; *м. им.* **Аз`ар** (*см.*), *отч.* **Азари́евич**, **Азари́евна** – **Азари́й**, *р.п.* -рія, *д.п.* -рію или -єві, *з.п.* -рію, *отч.* **Азари́йович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Азари́ївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Айда, *ж.*, *заим.*, *ред.*; из названия одноимённой оперы Д. Верди от *гр. миф. им.* *Aidēs* «ад, могила, смерть» – **Айда** (*фон.* [йі] идентифицирует *слав.* носителя им.), *р.п.* -ди, *д.п.* и *п.п.* -ді, *з.п.* -до; *укр. форма Айда* идентифицирует *неслав.* носителя им.).

Акиліна и **Акуліна**, *ж.*, *кан.*, *устар.*, *ред.*; из *м. рим. им.* *Āquilina* от *лат.* *āquila* «орел» – **Акиліна** и **Акуліна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Киліна** и **Куліна**, **Якиліна**, *р.в.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Акі́м, м. кан., ред. и **Иакі́м**, **Иоакі́м**, устар.; из д.-евр. м. им. Jāhōjāqīm «Ягве (Бог) создал», *отч.* **Акі́мович**, **Акі́мовна** – **Акі́м** и **Іакі́м**, **Іоакі́м**, *р.п.* -іма, *д.п.* -іму или -ові *з.п.* -іме, *отч.* **Акі́мович** и **Іакі́мович**, **Іоакі́мович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Акі́мівна** и **Іакі́мівна**, **Іоакі́мівна**, *р.п.* -ни, *д.в.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Які́м**, *р.п.* -іма, *д.п.* -му или -ові *з.п.* -іме, *отч.* **Які́мович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Які́мівна**, *р.п.* -ни, *д.в.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Аксі́нья, **Ксе́нія**, ж., кан.; от гр. хеніа «гостеприимство» или хепе «иностранка» – **Аксі́нья**, **Ксе́нія**, *р.п.* -ньї и -нїї, *д.п.* и *п.п.* -ньї и -нїї, *з.п.* -ньє и -ніє; *укр. экв.* **Аксе́нія**, *р.п.* -нїї, *д.п.* и *п.п.* -нїї, *з.п.* -ніє.

Алевті́н, м., кан., устар., ред.; из ж. им. **Алевті́на** (см.), *отч.* **Алевті́нович**, **Алевті́новна** – **Алевті́н**, *р.п.* -на, *д.п.* -ну или -ові, *з.п.* -не, *отч.* **Алевті́нович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Алевті́нівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Алевті́на, ж. кан., ред; от гр. aleiphō «натирающая благовониями (оливковым маслом)» – **Алевті́на**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Алекса́ндр, м., кан.; из гр. м. им. Alexandros от alexō «защищаю» и anēr (*р.п.* andros) «мужчина», *отч.* **Алекса́ндрович**, **Алекса́ндровна** – **Алекса́ндр** (фон. [a] идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -ра, *д.п.* -ру или -ові, *з.п.* -ре, *отч.* **Алекса́ндрович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Алекса́ндрівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Олекса́ндр** (фон. [o] идентифицирует укр. носителя им.).

Алекса́ндра, ж., кан.; от м. им. **Алекса́ндр** (см.) – **Алекса́ндра** (фон. [a] идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -ри, *д.п.* и *п.п.* -рі, *з.п.* -ро; *укр. экв.* **Олекса́ндра** (фон. [o] идентифицирует укр. носителя им.).

Алексе́й, м., кан.; из гр. м. им. Alexias от alexō «защищаю, помогаю», *отч.* **Алексе́евич**, **Алексе́евна** – **Алексе́й** (фон. [a] и [ε] идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -сія, *д.п.* -сію или -єві, *з.п.* -сію, *отч.* **Алексе́йович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Алексе́ївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Олексе́й** и (фон. [o] и [i] идентифицируют укр. носителя им.), *разг.* **Оле́кса**.

Алексе́я, ж., кан., устар., ред.; из м. им. **Алексе́й** (см.) – **Алексе́я** (фон. [a] и [ε] идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -сеї, *д.п.* и *п.п.* -сеї, *з.п.* -сеє; *укр. экв.* **Оле́кса** (фон. [o] и [i] идентифицируют укр. носителя им.), *р.п.* -сії, *д.п.* и *п.п.* -сії, *з.п.* -сіє.

Але́ксий, м., кан.; из м. им. **Алексе́й** (см.), *отч.* **Але́ксиевич**, **Але́ксиевна** – **Але́ксій** (фон. [a] идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -сія, *д.п.* -сію или -єві, *з.п.* -сію, *отч.* **Але́ксійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Але́ксіївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Оле́ксій** (фон. [o] идентифицирует укр. носителя им.).

Алі́са, ж., заим.; «из благородных» от ст.-анг. им. Adelicia и д.в.н. Adelheidis от adal «благородная» и heit «социальный слой, группа» – **Алі́са**, *р.п.* -си, *д.п.* и *п.п.* -сі, *з.п.* -со.

А́лла, ж., гот., кан. – **А́лла**, (граф. лл свидетельствует об иностранном происхождении им.), *р.п.* -лли, *д.в.* и *п.п.* -ллі, *з.п.* -лло.

Андре́й, м., кан.; из м. гр. им. Andreas от andreios «мужественный», *отч.* **Андре́евич**, **Андре́евна** – **Андре́й** (фон. [ε] идентифицирует рус. носителя им.),

р.п. -ія, *д.п.* -рею или -ові, *з.п.* -рею, *отч.* **Андрейович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Андрейвна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; **укр. экв. Андрій** (фон. [i] идентифицирует укр. носителя им.).

Аникей и **Аникий**, *м.*, *кан.*, *ред.*; «Иван, побеждающий благодатью» из *гр. м.* им. Iōannikios и nikē «победа» от *д.-евр. м.* им. Iehōhānāt «Иван» («божья милость»), *отч.* **Аникеевич**, **Аникеевна** и **Аникиевич**, **Аникиевна** – **Аникей** (фон. [a], [i] и [ε] идентифицируют рус. носителя им.) и **Аникий**, *р.п.* -кея и -кія, *д.п.* -кію или -єві, *з.п.* -кію, *отч.* **Аникейович**, **Аникейвна** и **Аникийович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, и **Аникийвна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; **укр. экв. Онікій**, (фон. [o], [и] идентифицируют укр. носителя им.).

Анисий, *м.*, *кан.*, *ред.*; от *гр.* onēsis «полезность, благополучие», *отч.* **Анисиевич**, **Анисиевна** – **Анисий** (фон. [a], [i] идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -сія, *д.п.* -сію или -єві, *з.п.* -сію, *отч.* **Анисийович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Анисийвна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; **укр. экв. Онісій** (фон. [o], [и] идентифицируют укр. носителя им.).

Анисим, *м.*, *кан.*, *ред.*; из *гр. м.* им. Onēsimos от onēsimos «полезный», *отч.* **Анисимович**, **Анисимовна** – **Анисим** (фон. [a] и [i] идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -ма, *д.п.* -му или -ові, *з.п.* -ме, *отч.* **Анисимович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Анисимівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; **укр. экв. Онісим** и **Онисько** (фон. [o] и [и] идентифицируют укр. носителя им.), *р.п.* -ма и -ка, *д.п.* -му или -ові и -ку или -ові, *з.п.* -ме и -ку, *отч.* **Онисимович** и **Ониськович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Онисимівна** и **Ониськівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Анисия и **Анисья**, *ж.*, *кан.*, *ред.*; из *м.* им. **Анисий** (*см.*) – **Анисия** и **Анисья** (фон. [a] и [i] идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -сії и -сьї, *д.п.* и *п.п.* -сії и -сьї, *з.п.* -сіє и -сьє; **укр. экв. Онісія** (фон. [o] и [и] идентифицируют укр. носителя им.), *разг.* **Ониська**, *д.п.* и *п.п.* -сьці, *з.п.* -сько.

Анна, *ж.*, *кан.*; «ласковая, милосердная» из *д.-евр. ж.* им. Channa от chanan «Бог милостивый, ласковый» – **Анна** (фон. [a] идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -нни, *д.п.* и *п.п.* -нні, *з.п.* -нно; **укр. экв. Ганна** (фон. [га] идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -нни, *д.п.* и *п.п.* -нні, *з.п.* -нно.

Антип, *м.*, *кан.*, *устар.*, *ред.*; «упёртый» из *гр. м.* им. Antipas от anti «против» и pas «всякий, весь», *отч.* **Антипович**, **Антиповна** – **Антип**, *р.п.* -па, *д.п.* -пу или -ові, *з.п.* -пе, *отч.* **Антипович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Антипівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Анфиса, *ж.*, *кан.*, *ред.*; из *гр.* anhusa «цветущая» от anthēo «цвету» – **Анфиса**, *р.п.* -си, *д.п.* и *п.п.* -сі, *з.п.* -со.

Аполлон, *м.*, *кан.*, *ред.*; из *гр.* мужского имени бога солнца и муз Apollon от *гр.* apollymi «душить, губить», *отч.* **Аполлонович**, **Аполлоновна** – **Аполлон** (граф. -лл- свидетельствуют о гр. происхождении имени), *р.п.* -на, *д.п.* -ну или -ові, *з.п.* -не, *отч.* **Аполлонович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Аполлонівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Аре́фа и **Аре́фий**, *м., кан., ред.*; из *гр. м.* им. Aretē от *гр.* aretē «добродетель» или *араб.* charaḥa «обрабатывать землю, пахать», *отч.* **Аре́фович**, **Аре́фовна** и **Аре́фиевич**, **Аре́фьевна** – **Аре́фа** и **Аре́фій** (фон. [а] идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -фа и -фія, *д.п.* -фу или -ові и -фію или -єві, *з.п.* -фе и -фію, *отч.* **Аре́фович** и **Аре́фійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Аре́фівна** и **Аре́фіївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Оре́фа** и **Оре́фій** (фон. [о] идентифицирует укр. носителя им.).

Арі́на, *ж., кан.*; из *ж.* им. **Ирі́на** от *гр.* Eirēnē «мирная» – **Арі́на** (фон. [а], [і] идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Орі́на** (фон. [о], [и] идентифицируют укр. носителя им.), *разг.* **Орі́ся**.

Арте́м и **Арте́мий**, *м., кан.*; от *гр.* artemōs «бодрый, здоровый», *отч.* **Арте́мович**, **Арте́мовна** и **Арте́мьевич** и **Арте́мьевна** – **Арте́ом** и **Арте́мій** (фон. [’о] идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -ма и -мія, *д.п.* -му или -ові и -мію или -єві, *з.п.* -ме и -мію, *отч.* **Арте́омович** и **Арте́мійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Арте́омівна** и **Арте́міївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Арте́м** (фон. [е] идентифицирует укр. носителя им.).

Афанáсий, *м., кан., ред.*; из *гр. м.* им. Athanasios от athanasia «бессмертие», *отч.* **Афанáсьевич**, **Афанáсьевна** – **Афанáсій** (граф. *ф* идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -сія, *д.п.* -сію или -єві, *з.п.* -сію, *отч.* **Афанáсійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Афанáсіївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Панáс** и **Опанáс**, *р.п.* -са, *з.п.* -се, *отч.* **Панáсович** и **Опанáсович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Панáсівна** и **Опанáсівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Б

Белла, *ж., заим.*; от *лат.* bella «красивая, милая, чудесная» – **Белла** (граф. *л* указывают на заим. характер им.), *р.п.* -лли, *д.п.* и *п.п.* -ллі, *з.п.* -лло.

Борі́с, *м., кан.*; из *м.* им. **Борисла́в** (*см.*), *отч.* **Борі́сович**, **Борі́совна** – **Борі́с**, *р.п.* -са, *д.п.* -су или -ові, *з.п.* -се, *отч.* **Борі́сович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Борі́сівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Борисла́в, *м., слав.*; «добивающийся славы» от «бороться» и «слава», *отч.* **Борисла́вович**, **Борисла́вовна** – **Борисла́в**, *р.п.* -ва, *д.п.* -ву или -ові, *з.п.* -ве, *отч.* **Борисла́вович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Борисла́вівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Борисла́ва, *ж., слав.*; из *м.* им. **Борисла́в**, *р.п.* -ви, *д.п.* и *п.п.* -ві, *з.п.* -во.

Бронисла́в, *м., слав.*; от *польск.* bronіc «охранять, беречь» и *слав.* slaw «слава», *отч.* **Бронисла́вович**, **Бронисла́вовна** – **Бронисла́в**, *р.п.* -ва, *д.п.* -ву или -ові, *з.п.* -ве, *отч.* **Бронисла́вович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Бронисла́вівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Бронисла́ва, *ж., слав.*; из *м.* им. **Бронисла́в** (*см.*) – **Бронисла́ва**, *р.п.* -ви, *д.п.* и *п.п.* -ві, *к.в.* -во.

Будимі́р, *м., слав.*; от *др.-рус.* «будить» и «мир», *отч.* **Будимі́рович**, **Будимі́ровна** – **Будимі́р**, *р.п.* -ра, *д.п.* -ру или -ові, *з.п.* -ре, *отч.* **Будимі́рович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Будимі́рівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

В

Ваві́ла, *м*, *кан.*, *ред.*; от сир. *Bab-ili* «ворота божка, идола» – **Ваві́ла** (окончание *-a* (морф.) идентифицирует рус. собственника им., а изменение произношения [и] на [ы] не влияет на его слав. идентификацию), *р.п.* -ли, *д.п.* -лі или -ові, *з.п.* -ле, *отч.* **Ваві́лович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Ваві́лівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Ваві́ло** (морф. *-о* идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -ли, *д.п.* -лі или -ові, *з.п.* -ле, *отч.* **Ваві́лович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Ваві́лівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Васі́лій, *м*, *кан.*; «царственный» от греч. им. *Basileius* «царский» (пол. *Bazyli*, рум. *Vasilie*, венг. *Lászlo*) – **Васі́лій** (морф. *-ій* идентифицирует рус. носителя им., а изменение произношения [и] на [ы] не влияет на его слав. идентификацию), *р.п.* -лія, *д.п.* -лію или -єві, *з.п.* -лію, *отч.* **Васі́лійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Васі́лійвна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Васі́ль**, *р.п.* -ля, *д.п.* -лю или -єві, *з.п.* -лю, *отч.* **Васі́льович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Васі́лівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Ві́ктор, *м*, *кан.*; от лат. *victor* «победитель» – **Ві́ктор**, *р.п.* -ра, *д.п.* -ру или -ові, *з.п.* -ре, *отч.* **Ві́кторович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Ві́кторівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Вє́ра, *ж*, *кан.*; от д-рус. *вѣра* как калька из гр. *pistis* «вера» – **Вє́ра** (фон. [е] идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -ри, *д.п.* и *п.п.* -рі, *з.п.* -ро; *укр. экв.* **Ві́ра** (фон. [і] идентифицирует укр. носителя им.).

Владі́мир, *м*, *кан.*, *слав*; от д-рус. им. *Володимѣръ* из пр.-слав. **Voldimerъ*, где **voldъ* «власть» и *-merъ* «великий» – **Владі́мир** (морф. *влад-* идентифицирует рус. носителя им., а изменение произношения [и] на [ы] не влияет на его слав. идентификацию), *р.п.* -ра, *д.п.* -ру или -ові, *з.п.* -ре, *отч.* **Владі́мирович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Владі́мирівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Володі́мир** (морф. *волод-* идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -ра, *д.п.* -ру или -ові, *з.п.* -ре, *отч.* **Володі́мирович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Володі́мирівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Владимі́ра, *ж*, *кан.*; от **Владі́мир** (см.) – **Владимі́ра** (морф. *влад-* идентифицирует рус. собственника им., а изменение произношения [и] на [ы] не влияет на его слав. идентификацию), *р.п.* -ри, *д.п.* и *п.п.* -рі, *з.п.* -ро; *укр. экв.* **Володимі́ра** (морф. *волод-* идентифицирует укр. носителя им.).

Владисла́в, *м*, *кан.*, *слав*; от ст.-слав. *владѣти* и *слава* – **Владисла́в** (морф. *влад-* идентифицирует рус. носителя им., а изменение произношения [и] на [ы] не влияет на его слав. идентификацию), *р.п.* -ва, *д.п.* -ву или -ові, *з.п.* -ве, *отч.* **Владисла́вович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Владисла́вівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Володисла́в** (морф. *волод-* идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -ва, *д.п.* -ву или -ові, *з.п.* -ве, *отч.* **Володисла́вович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Володисла́вівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Владисла́ва, *ж.*, *кан.*; от **Владисла́в** (*см.*) – **Владисла́ва** (морф. *влад-* идентифицирует рус. носителя им., а изменение произношения [и] на [ы] не влияет на его слав. идентификацию), *р.п.* -ви, *д.п.* и *п.п.* -ві, *з.п.* -во; *укр. экв.* **Володисла́ва** (морф. *волод-* идентифицирует укр. носителя им.).

Все́волод, *м*, *кан.*, *слав*; от д-рус. *вѣсь* и *володѣти* «владеть» – **Все́волод** (изменение произношения [е] на [э] не влияет на слав. идентификацию им.), *р.п.* -да, *д.п.* -ду или -ові, *з.п.* -де, *отч.* **Все́володович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Все́володівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Вячесла́в, *м*, *кан.*; от слав. *вяще* «больше» и *слава* – **Вячесла́в** (фон. [вя] идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -ва, *д.п.* -ву или -ові, *з.п.* -ве, *отч.* **Вячесла́вович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Вячесла́вівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **В'ячесла́в** (фон. [вйа] идентифицируют укр. носителя им.), *р.п.* -ва, *д.п.* -ву или -ові, *з.п.* -ве, *отч.* **В'ячесла́вович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **В'ячесла́вівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Вячесла́ва, *ж.*, *кан.*; от **Вячесла́в** (*см.*) – **Вячесла́ва** (фон. [вя] идентифицируют рус. носителя им.), *р.п.* -ви, *д.п.* -ві, *з.п.* -во; *укр. экв.* **В'ячесла́ва** (фон. [вйа] идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -ви, *д.п.* -ві, *з.п.* -во.

Г

Гаври́л и **Гаври́л**, *м*, *кан.*, *ред.*; от д.-евр. им. *Gabāri'el* «моё могущество, Бог»; польск. *Gabriel*, венг. *Gabor, Gabriel* – **Гаври́л** (фон. [йи] идентифицирует слав. носителя кан. им.) и **Гаври́л** (изменение произношения [и] на [ы] не влияет на слав. идентификацию им.), *р.п.* -ла, *д.п.* -лі, *з.п.* -ле, *отч.* **Гаври́лович** и **Гаври́лович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Гаври́лівна** и **Гавр'илівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Гаври́ло** (морф. *-о* идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -ла, *д.п.* -лові, *з.п.* -ло, *отч.* **Гаври́лович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Гаври́лівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Гали́на, *ж.*, *кан.*; «спокойная, тихая, кроткая» от греч. *galene* «тишина, спокойствие, безветрие на море» – **Гали́на** (изменение произношения [и] на [ы] не влияет на слав. идентификацию носителя им.), *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Генна́дий, *м.*, *кан.*; от греч. *gennadas* «благородный, родовитый» – **Генна́дій** (граф. *-нн-* указывает на греч. происхождение им. или слав. с корнями *ген-* «род» и *-надежда*), *р.п.* -дія, *д.п.* -дію или -єві, *з.п.* -дію, *отч.* **Генна́дійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Генна́дійвна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Генна́дия, *ж.*, *кан.*; от **Генна́дий** (*см.*) – **Генна́дия**, *р.п.* -ії, *д.п.* -ії, *з.п.* -іє.

Генри́етта, *ж.*, *зап.*; от фр. им. *Henriette* из нем. *Heinrich* «могущественный правитель, собственник» – **Генри́етта** (граф. *-тт-* указывает на фр. происхождение им., а изменение произношения [е] на [э] и фон. [йе] не влияет на его слав. идентификацию), *р.п.* -тти, *д.п.* -тті, *з.п.* -тто.

Геóргий *м., кан.*; от греч. им. *Georgios* «земледелец, хлебороб» из *geo* «земля» и *ergon* «работа» (рум. *Gheorghie*, венг. *Gyorgy*) – **Геóргій** (изменение произношения [е] на [э] не влияет на слав. идентификацию им.), *р.п.* -гія, *д.п.* -гію или -єві, *з.п.* -гію, *отч.* **Геóргійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Геóргіївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Ге́ра, *ж., ред.*; от греч. им. *Hera* «царица богов, покровительница браков» – **Ге́ра** (изменение произношения [е] на [э] идентифицирует слав. носителя им.), *р.п.* -ри, *д.п.* -рі, *з.п.* -ро.

Герáсим, *м., кан., ред.*; от греч. им. *Gerasimus* «степенный, уважаемый» – **Герáсим** (морф. -герас- идентифицирует рус. носителя им., а изменение произношения [е] и [и] на [э] и [ы] не влияет на его слав. идентификацию), *р.п.* -ма, *д.п.* -му или -ові, *з.п.* -ме, *отч.* **Герáсимович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Герáсимівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Гарáсим** (морф. -гарас- идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -ма, *д.п.* -му или -ові, *з.п.* -ме, *отч.* **Гарáсимович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Гарáсимівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Гервáсий, *м., кан., ред.*; от лат. им. *Gervasius* из д.-герм. *Gervas* «владеющий мечом» – **Гервáсий** (изменение произношения [е] на [э] не влияет на слав. идентификацию носителя им.), *р.п.* -сія, *д.п.* -сію или -єві, *з.п.* -сію, *отч.* **Гервáсийович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Гервáсіївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Глафі́ра, *ж., кан., ред.*; от греч. *glaphyra* «красивая, грациозная, стройная» – **Глафі́ра**, *р.п.* -ри, *д.п.* и *п.п.* -рі, *з.п.* -ро.

Гле́б, *м., кан.*; «потомок Бога» от д.-рус. им. *ГълѢбъ* из сканд. *Gudleifr* (*gud* «Бог» и *leifr* «потомок»), нем. *Gottlieb* – **Гле́б** (фон. [е] идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -ба, *д.п.* -бу или -ові, *з.п.* -бе, *отч.* **Гле́бович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Гле́бівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Глі́б** (фон. [и] идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -ба, *д.п.* -бу или -ові, *з.п.* -бе, *отч.* **Глі́бович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Глі́бівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Горде́й, *м., кан., ред.*; от греч. им. фригийских царей *Gordios* – **Горде́й** (морф. -ей идентифицирует рус. носителя им.), *р.п.* -дея, *д.п.* -дею или -єві, *з.п.* -дею, *отч.* **Горде́йович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Горде́ївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Горді́й** (морф. -ій идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -дія, *д.п.* -дію или -єві, *з.п.* -дію, *отч.* **Горді́йович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Горді́ївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Григо́р, *м., кан.*; «бдительный, наблюдательный, бодрый» от греч. им. *Gregorios* из *gregoreo* «не сплю, наблюдаю»; польск. *Grzegorz*, рум. *Grigore* – **Григо́р** (изменение произношения [и] на [ы] не влияет на слав. идентификацию носителя им.), *р.п.* -ра, *д.п.* -ру или -ові, *з.п.* -ре, *отч.* **Григо́рович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Григо́рівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Григо́рий, *м., кан.*; «бдительный, наблюдательный, бодрый» от греч. им. *Gregorios* из *gregoreo* «не сплю, наблюдаю»; польск. *Grzegorz*, рум. *Grigore* – **Григо́рій** (изменение произношения [и] на [ы] не влияет на слав. идентификацию

носителя им.), *р.п.* -рія, *д.п.* -рію или -єві, *з.п.* -рію, *отч.* **Григорійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Григоріївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Григорія, *ж.*, *кан.*; от **Григорій** (*см.*) – **Григорія** (изменение произношения [и] на [ы] не влияет на слав. идентификацию носителя им.), *р.п.* -ії, *д.п.* -ії, *з.п.* -іє.

Гурій, *м.*, *кан.*, *ред.*; от др.-евр. *gur* «львёнок» – **Гурій**, *р.п.* -рія, *д.п.* -рію или -єві, *з.п.* -рію, *отч.* **Гурійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Гуріївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Гурія, *ж.*, *кан.*, *ред.*; от **Гурій** (*см.*) – **Гурія**, *р.п.* -ії, *д.п.* -ії, *з.п.* -іє.

Д

Давід, *м.*, *кан.*, *ред.*; от д.-евр. им. *Dā῿iḏ* «любимый» – **Давід** (укр. звук [и] идентифицирует слав. носителя им.), *р.п.* -да, *д.п.* -ду или -ові, *з.п.* -де, *отч.* **Давідович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Давідівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Даніла, *ж.*, *ред.*; от **Даниїл** (*см.*) – **Даніїла** (изменение произношения [и] на [йі] идентифицирует слав. носителя им. в укр. проприальной культуре), *р.п.* -ри, *д.п.* -рі, *з.п.* -ро.

Даниїл, **Даніла** и **Даніл**, *м.*, *кан.*, *ред.*; от д.-евр. им. *Dān 'tēl* «мой судья – Бог, божий суд» – **Даниїл** (фон. [йі] идентифицирует слав. носителя кан. им.), **Даніла** и **Даніл** (изменение произношения [і] на [и] подчеркивает слав. идентификацию им. в укр. проприальной культуре), *р.п.* -ла, *д.п.* -лі и -ові, *з.п.* -ле, *отч.* **Даниїлович** и **Данілович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Даниїлівна** и **Данілівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Даніло** (морф. -о идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -ла, *д.п.* -ові, *з.п.* -ло, *отч.* **Данілович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Данілівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Дарій, *м.*, *кан.*, *ред.*; «богатый, хозяйственный» от им. перс. царя – **Дарій**, *р.п.* -рія, *д.п.* -рію или -єві, *з.п.* -рію, *отч.* **Дарійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Даріївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Дарья, *ж.*, *кан.*; от **Дарий** (*см.*) – **Дар'я** (апостроф передает твёрдое произношение звука [р]), *р.п.* -р'ї, *д.п.* -р'ї, *з.п.* -р'є; *укр. экв.* **Даріна** и разг. **Одарка**, *р.п.* -ни и -ки, *д.п.* -ні и -ці, *з.п.* -но и -ко.

Демід, *м.*, *кан.*, *ред.*; от греч. им. *Diomedes* из *dios* (от «Зевс») «божественный, славный, великий» и *medo* «забочусь, опекаю» – **Демід** (изменение произношения [є] на [е] и [і] на [и] подчеркивает слав. идентификацию им. в укр. проприальной культуре), *р.п.* -да, *д.п.* -ду или -ові, *з.п.* -де, *отч.* **Демідович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Демідівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Дем'ян, *м.*, *кан.*, *ред.*; от греч. им. *Damianos* из *Damis* (имя д.-рим. богини плодородия Дамии) – **Дем'ян** (апостроф передает твёрдое произношение звука [м]), *р.п.* -на, *д.п.* -ну или -ові, *з.п.* -не, *отч.* **Дем'янович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Дем'янівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Дені́с, *м., кан., ред.*; от греч. им. *Dionysios* из *Dionysos* «Бог вина и виноделия в греч. мифологии» – **Дені́с** (изменение произношения [є] на [е] и [і] на [и] подчеркивает слав. идентификацию им. в укр. проприальной культуре), *р.п.* -са, *д.п.* -су или -ові, *з.п.* -се, *отч.* **Дені́сович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Дені́сівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.

Ди́ана, *ж., зап.*; от лат. *Diāna* из *Divana, diva* «богоподобная, божественная, прекрасная» – **Ди́ана** (укр. «іа» идентифицирует неслав. происхождение им.), *р.п.* -ни, *д.п.* -ны, *з.п.* -но.

Дмі́трий, *м., кан.*; «земледелец» от греч. притяжательного прилаг. *Dēmētrios* «принадлежащий Деметре – богине плодородия и земледелия» – **Дмі́трій** (изменение произношения [і] на [и] подчёркивает слав. идентификацию, а морф. -і́й идентифицирует рус. носителя им. в укр. проприальной культуре), *р.п.* -рія, *д.п.* -рію или -єві, *з.п.* -рію, *отч.* **Дмі́трійович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Дмі́тріївна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но; *укр. экв.* **Дмитро́** (морф. -о идентифицирует укр. носителя им.), *р.п.* -ра, *д.п.* -ру или -ові, *з.п.* -ре, *отч.* **Дмі́трович**, *р.п.* -ча, *з.п.* -чу, **Дмі́трівна**, *р.п.* -ни, *д.п.* и *п.п.* -ні, *з.п.* -но.